

ВЕСТНИК Сибирского юридического института МВД России

№ 3 (64)
2026

ISSN 2542-1735

16+

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования «СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ПИ N ФС77-68860 от 28 февраля 2017 г.).

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Включен в систему РИНЦ (договор N 207-05/2017).

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов, точность цитат несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка без письменного разрешения редакции преследуются по закону.

Подписан в печать 23.09.2026
Вышел в свет 30.09.2026
Формат Р 60х84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Souvenir.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 37,5.
Тираж 100 экз.
Заказ 318.
Цена свободная.

Адрес редакции и издательства:

Редакционно-издательское отделение.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.
Отпечатано: группа полиграфической и оперативной печати
редакционно-издательского отделения.
Сибирский юридический институт МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.

VESTNIK
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia

№ 3 (64)
2026

ISSN 2542-1735

16+

Scientific and practical journal

The journal is issued four times a year

Founder and publisher

Federal State State Educational Institution of Higher Education

«SIBERIAN LAW INSTITUTE» MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

OF THE RUSSIAN FEDERATION»

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor) (Registration Certificate PI N FS77-68860 from February 28, 2017).

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific journals for publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Ph.D. (Doctor and Candidate of Sciences) on the following groups of specialties:

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences),

5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences),

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences).

Journal indexing: RINTS contract N 207-05/2017.

Authors are responsible for the contents of an article, the reliability of using facts and quotations. The opinion of the editors may differ from the authors' opinions.

The reproduction of the materials, complete or partial reprinting without the editors' permit will be prosecuted under the law.

Signed to the press on 23.09.2026
It was released on 30.09.2026
P 60x84 1/8 format. Offset paper.
Souvenir headset.
Offset printing. Table of baking sheets 37,5.
The circulation is 100 copies.
Order 318.
The price is free.

The address of the editorial office and publishing house:

Editorial and publishing department
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
660131, Krasnoyarsk, Rokossovsky str., 20.
Printed by: the group of printing and operational printing
of the editorial and publishing department
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
6 Kutuzova str., Krasnoyarsk, 660050.

Редакционный совет:

председатель – Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);
заместитель председателя – Цуканов Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России по научной работе (г. Красноярск);
ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна (Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск);

члены редакционного совета:

Авакян Сурен Адибекович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва) (по согласованию);

Адилов Айбек Насырович, доктор юридических наук, профессор (г. Бишкек) (по согласованию);

Анохин Юрий Васильевич, доктор юридических наук, профессор (г. Барнаул) (по согласованию);

Безруков Андрей Викторович, доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Бертовский Лев Владимирович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва) (по согласованию);

Гармаев Юрий Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия, почетный работник сферы образования Российской Федерации (г. Улан-Удэ) (по согласованию);

Грязнова Татьяна Евгеньевна, доктор юридических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Омск) (по согласованию);

Дизер Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор (г. Белгород) (по согласованию);

Железняк Николай Семенович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (г. Краснодар) (по согласованию);

Кондрашев Андрей Александрович, доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Кожевина Марина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Омской области, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Омск) (по согласованию);

Лубенков Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Могилев, Республика Беларусь) (по согласованию);

Макарчук Иван Юрьевич, кандидат юридических наук, эксперт Российской академии образования (г. Красноярск);

Масленникова Лариса Николаевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва) (по согласованию);

Самсонов Валерий Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Белгород) (по согласованию);

Сейтжанов Олжас Темиржанович, кандидат юридических наук, доцент (г. Караганда, Республика Казахстан) (по согласованию);

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, профессор (г. Красноярск);

Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор (г. Новокузнецк) (по согласованию).

Editorial council:

Chairman – Kim Dmitry Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

Deputy Chairman – Tsukanov Nikolay Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary – Leontieva Yulia Vadimovna (Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk);

editorial council members:

Avakian Suren Adibekovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow) (by agreement);

Adilov Aibek Nasyrovich, Doctor of Law, Professor (Bishkek) (by agreement);

Anokhin Yuri Vasilyevich, Doctor of Law, Professor (Barnaul) (by agreement);

Bezrukov Andrey Viktorovich, Doctor of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Bertovsky Lev Vladimirovich, Doctor of Law, Professor (Moscow) (by agreement);

Garmaev Yuri Petrovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Buryatia, Honorary Worker of Education of the Russian Federation (Ulan-Ude) (by agreement);

Gryaznova Tatyana Evgenievna, Doctor of Law, Associate Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Omsk) (by agreement);

Dizer Oleg Alexandrovich, Doctor of Law, Professor (Belgorod) (by agreement);

Zheleznyak Nikolay Semenovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Krasnodar) (by agreement);

Kondrashev Andrey Alexandrovich, Doctor of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Kozhevina Marina Anatolyevna, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Omsk region, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Omsk) (by agreement);

Lubnikov Alexander Vladimirovich, Candidate of Law, Associate Professor (Mogilev, Republic of Belarus) (by agreement);

Makarchuk Ivan Yuryevich, Candidate of Law, expert of the Russian Academy of Education (Krasnoyarsk);

Maslennikova Larisa Nikolaevna, Doctor of Law, Professor (Moscow) (by agreement);

Samsonov Valery Nikolaevich, Doctor of Law, Professor (Belgorod) (by agreement);

Seitzhanov Olzhas Temirzhanovich, Candidate of Law, Associate Professor (Karaganda, Republic of Kazakhstan) (by agreement);

Teplyashin Pavel Vladimirovich, Doctor of Law, Professor (Krasnoyarsk);

Alexander Viktorovich Shesler, Doctor of Law, Professor (Novokuznetsk) (by agreement).

Содержание

Теория и практика правоохранительной деятельности

Романков А.Н., Попов Н.А. О недостатках законодательной дефиниции преступления, предусмотренного статьей 173.3 УК РФ.....	9
Токманцев Д.В. Преступления против личности: теоретико-правовой анализ признаков составов и особенности квалификации (статья третья)	17
Шашин Д.Г. Следственный судья – необходимый компонент механизма обеспечения законности оперативно-розыскной деятельности (часть вторая: организационный и деятельностный элементы модели института)	27
Тамбовцев А.И., Павличенко Н.В. Классификация оперативно-розыскных мероприятий исходя из формы их проведения	38
Железняк Н.С. Проблемы правоприменительной практики взаимодействия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, суда и прокуратуры в области борьбы с преступностью.....	48
Супрун С.В. Правосудие в уголовном досудебном производстве и проблемы его реализации при санкционировании оперативно-розыскных мероприятий	56
Вишнякова Н.В., Николаев К.Д., Миронова Г.Н. Квалификация деятельности участников юридического лица, совмещающего легальную предпринимательскую или иную экономическую деятельность с преступной деятельностью в целях получения финансовой и иной материальной выгоды	62
Бертовский Л.В., Егоров Н.Н. Криминалистическая характеристика убийств, совершенных с применением ядов: теоретические и прикладные аспекты.....	69
Харина Е.А. Типичные способы краж, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.....	77
Абрамова Л.Л., Морозова Н.В. Цифровая трансформация механизма проведения следственных действий в международном формате.....	83
Прыткова Е.В. К вопросу о применении ст. 189.1 УПК РФ в отношении подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве.....	93
Яхонтова Я.С. Воспрепятствование индивидуальному предупреждению насильственных преступлений против личности: эмпирический анализ и законодательные предложения.....	102
Регин А.В., Махлаев А.М. Анализ типичных ошибок, допускаемых в исследовательской части заключения дактилоскопической экспертизы.....	109
Овчинко О.А. Добровольная сдача оружия как мера противодействия его незаконному обороту (уголовно-правовые и криминологические аспекты).....	117

Противодействие наркоугрозе: проблемы, пути решения

Тепляшин П.В. Уголовно-правовой запрет пропаганды наркотических средств: предпосылки криминализации и проблемы квалификации.....	124
Морозов А.В. О некоторых вопросах усиления контроля за оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ в России	134
Будникова А.Б. Об отдельных вопросах привлечения иностранных граждан к административной ответственности за потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача	141
Васюков В.Ф., Агафонов А.С. Отдельные проблемы противодействия наркоторговле, совершаемой организованными преступными формированиями	148
Колбасин В.В. Профилактика вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов	158

Взгляд. Размышления. Точка зрения

Щуров А.В., Луговик В.Ф., Парфенов А.В. О концепции модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности» Содружества Независимых Государств	165
Центров Е.Е. О противодействии расследованию	175
Россинский С.Б. Показания свидетеля и показания потерпевшего как средства доказывания обстоятельств уголовного дела: от дифференциации к интеграции	184
Головастова Ю.А. Уголовно-исполнительное право в современных условиях).....	191
Денисенко В.В. Баланс эффективности миграционного контроля и защиты прав личности в условиях цифровизации государственных функций.....	198
Бахта А.С., Лыга А.П., Бабуринов В.В. История законодательства и перспективы развития уголовно-процессуального залога	205
Комарова Н.С., Шумилова Т.Н. Характеристика этапов судебного правоприменения в уголовном досудебном производстве	211
Савченко А.Н. Предпосылки перевода досудебного уголовного производства в электронный формат	219
Петров С.А. Искусственный интеллект в раскрытии и расследовании преступлений: перспективы развития и проблемные аспекты его использования.....	225
Плошкина Я.М. Институт примирения сторон как проявление социально-интегративной функции уголовного-процессуального права.....	232
Турин Ф.А. Совершенствование правового регулирования и механизмов обеспечения безопасности данных в государственных информационных системах	242
Чернова Е.Г. Особенности правового статуса преподавателя образовательной организации МВД России (на примере возлагаемых обязанностей)	250
Басиров А.Э., Илджиев А.А. Военное имущество как объект уголовно-правовой охраны: понятийно-терминологический анализ.....	259
Галимов О.Х., Хавабу Э.М. Осуществление оперативно-розыскной деятельности в особых условиях: специфика и реалии	267

Дискуссионная трибуна соискателей ученых степеней и званий

Гуралев А.В. Становление и развитие уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот наркотиков в государствах Центральной Америки.....	274
Лебин В.В. Судебный контроль в порядке статьи 125 УПК РФ как гарантия прав лиц с неопределенным процессуальным статусом: проблемы доступности и эффективности.....	282
Симончук Е.Р. Теоретико-правовая основа и правовая природа probation в Российской Федерации: соотношение понятий «исправление», «ресоциализация» и «коррекция социального поведения».....	291

Contents

Theory and Practice of Law Enforcement Activity

<i>Romankov A.N., Popov N.A.</i> On the shortcomings of the legislative definition of the crime provided for by Article 173.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.....	9
<i>Tokmantsev D.V.</i> Crimes against a person: theoretical and legal analysis of elements of crimes and specifics of their qualification (Article 3)	17
<i>Shashin D.G.</i> The investigating judge as a necessary component of the mechanism for ensuring the legality of operational investigative activities (part two: organizational and operational elements of the institution's model)	27
<i>Tamboutsev A.I., Pavlichenko N.V.</i> Classification of operational search activities based on the form of their conducting	38
<i>Zheleznyak N.S.</i> Problems of law enforcement practice of interaction between bodies carrying out operational search activities, the court and the prosecutor's office in the field of combating crime.....	48
<i>Suprun S.V.</i> Justice in criminal pre-trial proceedings and the problems of its implementation in case of authorizing operational search activities	56
<i>Vishnyakova N.V., Nikolayev K.D., Mironova G.N.</i> Qualification of the activities of participants in a legal entity that combines legal business or other economic activities with criminal activities for the purpose for obtaining financial and other material benefits	62
<i>Bertovsky L.V., Egorov N.N.</i> Forensic characteristics of murders committed with the use of poisons: theoretical and applied aspects.....	69
<i>Kharina E.A.</i> Typical ways of committing thefts using information and telecommunication technologies.....	77
<i>Abramova L.L., Morozova N.V.</i> Digital transformation of the investigative mechanism in the international format.....	83
<i>Prytkova E.V.</i> To the issue of application of Article 189.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to a suspect (accused) who has entered into a pre-trial cooperation agreement.....	93
<i>Yakhontova Ya.S.</i> Obstructing individual prevention of violent crimes against the person: an empirical analysis and legislative proposals.....	102
<i>Repin A.V., Makhlaev A.M.</i> Analysis of typical errors made in the research part of a dactylographic examination report.....	109
<i>Ovchinko O.A.</i> Voluntary surrender of arms as a countermeasure to their illicit trafficking (criminal law and criminological aspects).....	117

Counteraction to Drug Treat: Problems and Ways of their Solution

<i>Teplyashin P.V.</i> The Criminal law prohibition of narcotic drug propaganda: preconditions for criminalization and qualification problems.....	124
<i>Morozov A.V.</i> On certain issues of strengthening control over the circulation of precursors of narcotic drugs and psychotropic substances in Russia	134
<i>Budnikova A.B.</i> On certain issues related to bringing foreign citizens to the administrative liability for using narcotic drugs and psychotropic substances without a doctor's prescription.....	141
<i>Vasyukov V.F., Agafonov A.S.</i> Some issues of combating drug trafficking committed by organized criminal groups	148
<i>Kolbasin V.V.</i> Prevention of involvement of minors in illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues.....	158

Views. Reflections

<i>Shchurov A.V., Lugovik V.F., Parfenov A.V.</i> On the concept of the model law «On Operational Search Activities» of the Commonwealth of Independent States	165
<i>Tsentrov E.E.</i> On countering the investigation	175
<i>Rossinskiy S.B.</i> Witness testimony and victim testimony as means of proving the circumstances of criminal case: from differentiation to integration	184
<i>Golovastova Yu.A.</i> Criminal executive law in modern conditions.....	191
<i>Denisenko V.V.</i> The balance between the effectiveness of migration control and the protection of individual rights in the context of digitalization of state functions.....	198
<i>Bakhta A.S., Lyga A.P., Baburin V.V.</i> History of legislation and prospects for the development of criminal procedure bail	205
<i>Komarova N.S., Shumilova T.N.</i> Characteristics of stages of judicial enforcement in criminal pre-trial proceedings	211
<i>Savchenko A.N.</i> Prerequisites for transferring pre-trial criminal proceedings to an electronic format	219
<i>Petrov S.A.</i> Artificial intelligence in solving and investigating crimes: development prospects and problematic aspects of its application.....	225
<i>Ploshkina Ya.M.</i> The Institution of Reconciliation of Parties as a Manifestation of the Socially Integrative Function of Criminal Procedure Law.....	232
<i>Turin F.A.</i> Improvement of legal regulation and mechanisms for ensuring data security in state information systems	242
<i>Chernova E.G.</i> Features of the legal status of a lecturer at an educational organization of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (on the example of the duties assigned)	250
<i>Basirov A.E., Ildizhev A.A.</i> Military property as an object of criminal law protection: conceptual and terminological analysis.....	259
<i>Galimov O.H., Khavabu E.M.</i> Conducting operational-search activity in special conditions: specific character and realities	267

Discussion Forum for Competitors for Academic Degrees and Academic Ranks

<i>Guralyov A.V.</i> Formation and development of criminal legislation on liability for illicit drug trafficking in the states of Central America.....	274
<i>Lebin V.V.</i> Judicial review under article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as a guarantee of the rights of persons with an undefined procedural status: problems of accessibility and effectiveness.....	282
<i>Simonchuk E.R.</i> Theoretical law basis and legal nature of probation in the Russian Federation: correlation of the concepts of «correction», «resocialization» and «correction of social behavior».....	291

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.7

Андрей Николаевич РОМАНКОВ,
доцент кафедры публичного и уголовного права
Сургутского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
romankovandrei@yandex.ru

Николай Александрович ПОПОВ,
доцент кафедры публичного и уголовного права
Сургутского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
to_nicksan@mail.ru

О НЕДОСТАТКАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕФИНИЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 173.3 УК РФ

ON THE SHORTCOMINGS OF THE LEGISLATIVE DEFINITION OF THE CRIME PROVIDED FOR BY ARTICLE 173.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье обращается внимание на несогласованность законодательной дефиниции преступления, предусмотренного ст. 173.3 УК РФ, с налоговым законодательством и положениями общей теории соучастия. Отмечены необходимость корректировки предмета данного преступления, неудачность определения объективной стороны как деятельности и конструирования состава как материального, отсутствие экономического обоснования величины криминообразующего дохода и ее системная несогласованность с размерами, указанными в смежных составах.

The article draws attention to the inconsistency of the legislative definition of the crime provided for by Article 173.3 of the Criminal Code of the Russian Federation with the tax legislation and the provisions of the general theory of complicity. The article notes the need to adjust the subject of this crime, the failure to define the objective side as an activity and the construction of the offense as a material offense, the lack of an economic justification for the amount of criminal income, and its systemic inconsistency with the amounts specified in related offenses.

Ключевые слова: «бумажный НДС», сбыт заведомо подложных счетов-фактур, организация деятельности, извлечение дохода в крупном размере.

Keywords: «paper VAT» (fictitious VAT), sale of knowingly forged invoices, organization of activities, generation of large-scale income.

Федеральным законом от 23 ноября 2024 г. N 406-ФЗ¹ Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен новой нормой об ответственности за «организацию деятельности по представлению в налоговые органы Российской Федерации и (или) сбыту заведомо подложных счетов-фактур и (или) налоговых деклараций (расчетов) от имени юридических лиц, образованных через подставных лиц, либо с использованием персональных данных, полученных незаконным путем, если эти деяния сопряжены с извлечением дохода в крупном размере» (ст. 173.3). Ее появлению предшествовало обсуждение двух законопроектов², призванных решить проблему «бумажного» налога на добавленную стоимость (далее – НДС), суть которой веско и ясно была отражена в пояснительной записке к законопроекту. Так, его авторы отметили, что преступники приобретают учредительные документы организаций, зарегистрированных на подставных лиц, изготавливающих подложные счета-фактуры, с помощью которых подтверждается право на налоговые вычеты недобросовестных налогоплательщиков. Затем такие документы (а также налоговые декларации или расчеты) передаются заказчику либо по его поручению предоставляются в налоговую инспекцию. При этом незаконное вознаграждение составляет 2-3% от суммы необоснованно полученных налоговых вычетов. По сведениям Федеральной налоговой службы России, в 2021 г. таким образом преступниками были оформлены незаконные налоговые вычеты на сумму порядка 1 трлн рублей³. Более подробно преступный механизм раскрыт в научных публикациях [9, с. 45- 47; 10, с. 51].

В дополнение к этому актуальность криминализации площадок «бумажного НДС» при обсуждении обосновывалась сложностями в привлечении организаторов площадок как соучастников уклонения от уплаты налогов, в частности невозможностью установить их умышленное совместное с иными лицами участие в совершении конкретного преступного уклонения.

Практика применения рассматриваемой нормы только начинает формироваться. Достаточно сказать, что на сегодняшний день в справочно-поисковых системах «КонсультантПлюс» и «Гарант» еще нет примеров судебных дел по ст. 173.3 УК РФ. Однако даже ограниченный в силу указанного обстоятельства анализ этой законодательной новеллы с позиций уголовного и налогового законодательства показывает, что, несмотря на продолжительную (более двух лет) дискуссию по законопроектам, итоговая редакция ст. 173.3 УК РФ выглядит не вполне удачной.

1. Предмет посягательства составляют подложные счета-фактуры и (или) налоговые декларации (расчеты) от имени юридических лиц. При этом нелегитимный характер документов очевиден для виновных (заведомость). Счетам-фактурам посвящена ст. 169 Налогового кодекса Российской Федерации, налоговым декларациям и расчетам – общие нормы ст. 80 НК РФ и специальные положения части II НК РФ.

Как уже отмечалось, норма призвана решить проблему «бумажного НДС». Однако в силу прямого указания абз. 2 п. 1 ст. 172 НК РФ для получения вычетов сумм НДС недостаточно представить только счета-фактуры и налоговые декларации (расчеты), нужны

1 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 281 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 23.11.2024 N 406-ФЗ. Здесь и далее нормативные правовые акты, их проекты, материалы судебной практики, письма Министерства финансов и Федеральной налоговой службы России приводятся в редакциях, находящихся в СПС «КонсультантПлюс», по состоянию на 12.02.2026.

2 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : проект Федерального закона N 263208-8 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 21.12.2022); О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : проект Федерального закона N 89802-8 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 18.03.2022).

3 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : проект Федерального закона N 263208-8.

первичные учетные документы, не поименованные в ст. 173.3 УК РФ.

Более того, при выявлении признаков фиктивного документооборота налоговые органы нередко отказывают налогоплательщику не только в вычетах НДС, но и в признании расходов, уменьшающих налоговую базу по налогу на прибыль организаций¹. О подделке первичных учетных документов при функционировании площадок по продаже «бумажного НДС» упоминал В.В. Лошкарев [9, с. 45]. Закон содержит общие требования, касающиеся документального подтверждения таких расходов (абзац четвертый п. 1 ст. 252 НК РФ). По мнению Министерства финансов России, расходы могут быть учтены если они оформлены любыми документами, свидетельствующими о совершении хозяйственных операций при условии обоснованности таких расходов².

Возможны ситуации, когда налогоплательщик не применяет вычет НДС, но неправомерно уменьшает расходы по налогу на прибыль организаций либо расходы при упрощенной системе налогообложения (далее – УСН), которые в силу п. 2 ст. 346.16 НК РФ должны соответствовать требованиям п. 1 ст. 252 НК РФ об обоснованности и документальной подтвержденности.

На наш взгляд, общественная опасность описанных в ст. 173.3 УК РФ действий в отношении счетов-фактур и (или) налоговых деклараций (расчетов) сопоставима с аналогичными действиями в отношении подложных первичных учетных документов, необходимых как для получения вычета НДС, так и для уменьшения налоговой базы по налогу на прибыль организаций и УСН.

Кроме того, вместо счета-фактуры и первичного документа можно оформить универсальный передаточный документ (далее – УПД). УПД в зависимости от статуса заменяет одновременно счет-фактуру и первич-

ный учетный документ или заменяет только первичный документ, дает право на вычет по НДС и подтверждает обоснованность расходов при расчете налога на прибыль организаций³. Более того, с 1 января 2026 г. УПД полностью заменил форматы документа о передаче товаров при торговых операциях в электронной форме и документа о передаче результатов работ (услуг) в электронной форме⁴. Несмотря на широкое распространение УПД на практике, он не попал в сферу действия ст. 173.3 УК РФ.

Для получения незаконных вычетов по НДС используются подложные документы не только от юридических лиц, но и от индивидуальных предпринимателей. Однако в ст. 173.3 УК РФ речь идет о таких документах только от имени юридических лиц. Заметим, что предусмотренное рассматриваемой нормой условие об образовании юридических лиц через подставных лиц вполне применимо к регистрации индивидуальных предпринимателей, при этом в ст. 173.1 УК РФ предусмотрена одинаковая ответственность за незаконное образование (создание, регистрацию) как юридических лиц, так и индивидуальных предпринимателей.

Можно предположить, что в настоящее время при отсутствии прямого указания в законе квалификация предусмотренных рассматриваемой нормой действий с непоименованными в ней документами должна осуществляться по общей норме (ст. 327 УК РФ). Однако поскольку такие документы не относятся к числу официальных (ч. 1 ст. 327 УК РФ), к ответственности возможно привлекать виновных лишь по ч. 5 ст. 327 УК РФ за использование подложных документов, но не за сбыт, поскольку последний в ч. 5 ст. 327 УК РФ не предусмотрен. Обозначенные проблемы квалификации по ст. 327 УК РФ действий организаторов торговли поддельными счетами-фактурами до появления

1 К примеру, см. п. 5 и п. 6 Обзора практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 13.12.2023.

2 Письмо Министерства финансов России от 19.01.2024 N 03-03-06/1/3797.

3 Письма Федеральной налоговой службы России от 05.06.2017 N ЕД-4-15/10623 и от 21.10.2013 N ММВ-20-3/96@.

4 Приказ Федеральной налоговой службы России от 20.01.2025 N ЕД-7-26/28@.

ст. 173.3 УК РФ отмечались А.С. Рубцовой [11], Г.А. Есаковым [2, с. 41].

Кроме того, представляется, что применение ст. 327 УК РФ ведет к искусственному разделению субъектов, совершивших преступные посягательства (лиц, организовавших представление подложных счетов-фактур и налоговых деклараций (расчетов), и лиц, организовавших предоставление подложных транспортных накладных, товарно-транспортных накладных, УПД и т.д.), и объектов преступлений. Заметим, что отдельные авторы относят специальную по отношению к ст. 327 УК РФ норму об ответственности за незаконный оборот поддельных акцизных и специальных марок, средств идентификации или знаков соответствия (ст. 327.1 УК РФ) к преступлениям, посягающим на финансовые отношения по формированию бюджетных доходов [13, с. 8]. Рассуждая аналогичным образом, рассматриваемое преступление следует относить к двухобъектным: нарушается порядок управления (в сфере деятельности налоговых органов), однако в первую очередь – экономическая деятельность. Причем экономическая деятельность в равной степени страдает как при совершении описанных в ст. 173.3 УК РФ действий в отношении счетов-фактур и налоговых деклараций (расчетов), так и при аналогичных действиях с УПД, первичными учетными документами, и независимо от того, исходят ли документы от юридических лиц или индивидуальных предпринимателей.

Полагаем, что вышеизложенное свидетельствует о несогласованности налоговых и уголовно-правовых норм и пробеле в законодательстве. Предлагаем расширить предмет рассматриваемого преступления, к примеру, следующим образом (дополнения выделены курсивом): «заведомо подложных счетов-фактур и (или) *универсальных передаточных документов, первичных учетных документов, налоговых деклараций (расчетов)* от имени юридических лиц или *индивидуальных предпринимателей, образованных (зарегистрированных)* через подставных лиц, либо с использованием персональных данных, полученных незаконным путем».

В настоящее время вести речь только о «бумажном НДС» становится не совсем уместно из-за снижения удельного веса счетов-фактур и иных документов в машинописной форме в общем документообороте между хозяйствующими субъектами и перехода все большего количества организаций и индивидуальных предпринимателей на счета-фактуры и иные первичные учетные документы в электронной форме (по товарам, подлежащим прослеживаемости, биржевым товарам). Декларацию по НДС сдают в электронном виде, на бумаге ее разрешено сдавать только налоговым агентам-неплательщикам НДС (ст. 174 НК РФ). Передача иных деклараций и расчетов субъектами крупного бизнеса также осуществляется только в электронной форме по телекоммуникационным каналам связи. Полагаем, что действие ст. 173.3 УК РФ распространяется как на бумажные, так и на электронные документы. Насколько успешными в противодействии криминальному электронному документообороту окажутся формулировки ст. 173.3 УК РФ, в настоящее время говорить сложно. Однако необходимость вышеупомянутых корректировок, расширяющих предмет рассматриваемой нормы, назрела уже сегодня.

2. В законопроектах была заложена идея об ответственности за изготовление с целью сбыта, сбыт и представление налоговым органам соответствующих подложных документов. В.В. Лошкарев считал, что новая норма могла быть схожа со статьями о содержании притонов для занятия проституцией, наркопритонов [9, с. 47]. Но в результате преступным деянием стала только «организация деятельности» по предоставлению и (или) сбыту. Буквально такая формулировка встречается еще в восьми нормах уголовного закона, большинство из которых введены относительно недавно: ч. 1 ст. 110.2, ч. 1 ст. 172.2, ч. 1 ст. 205.5, ч. 1 ст. 274.4, ч. 1 ст. 274.5, ч. 1 ст. 282.2, ч. 3 ст. 284.1, ч. 2 ст. 330.3 УК РФ.

Единство и определенность в понимании того, что означает «организация деятельности», в настоящее время отсутствует. К примеру, при комментировании ст. 110.2 УК РФ авторы замечают: «Деятельность – это активная

форма преобразования действительности, направленная на решение какой-либо задачи. Организация деятельности означает не что иное, как упорядочение, структурирование этой деятельности» [6, с. 272]. Однако столь обобщенного описания понятий явно недостаточно для раскрытия специфики конкретного преступления и применения нормы. В другом месте этого же издания авторы отмечают в качестве недостатка ст. 172.2 УК РФ, что объективная сторона деяния описана не как само привлечение средств, а как организация деятельности по такому привлечению [6, с. 65]. Спорность использования этой формулировки в ст. 172.2 УК РФ отмечал и А.Ю. Сердюк [12, с. 33]. На неопределенность понятия «организация деятельности» указывал заявитель при оспаривании конституционности положений ст. 110.2 УК РФ, но Конституционный Суд РФ с ним не согласился¹. Верховный Суд РФ в отношении ст. 205.5 УК РФ разъяснил, что организация деятельности состоит «в действиях организационного характера, направленных на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации»². Полагаем, что в таком разъяснении присутствует тавтология, понятия по существу не раскрываются.

Использование термина «организация» предполагает, что ответственности по ст. 173.3 УК РФ подлежат непосредственно организаторы, а не исполнители или пособники. Схожей позиции придерживается К.В. Васильченко относительно аналогичной формулировки в ч. 3 ст. 284.1 УК РФ, рассматривая указанную статью в качестве «классического примера применения в Особенной части УК РФ теории соучастия особого рода» [1, с. 28]. Полагаем, что для цели «отсечения» рядовых исполнителей применение слова «организация» вполне оправданно. Однако, неоднозначное понятие деятельности в диспозиции нормы является излишним. Исследователи указывали на недостаточную проработанность и неопределенность катего-

рии деятельности в психологии и философии [3, с. 3]. При понимании деятельности как совокупности действий, операций, поступков, направленных к единой цели [4, с. 20; 7, с. 8], «предоставление и (или) сбыт» в рассматриваемой статье сами по себе уже есть деятельность.

Вместе с тем площадка «бумажного НДС» создается не для единичных случаев. По мнению А.С. Рубцовой, организация деятельности в ст. 173.3 УК РФ должна рассматриваться как разновидность предпринимательской деятельности со всеми признаками, придаваемыми ей гражданским законодательством [11, с. 41]. Но такое толкование ст. 173.3 УК РФ представляется неочевидным. Вместо присущей предпринимательству цели систематического получения прибыли она предусматривает фактическое получение дохода в крупном размере. Вербализация анализируемого преступления как деятельности не исключает разового получения такого дохода.

С учетом изложенного полагаем, что следовало более четко сформулировать деяние, к примеру, по аналогии со ст. 232 УК РФ: «организация систематического предоставления ... и (или) сбыта...».

3. Рассматриваемое деяние должно быть сопряжено с извлечением дохода в крупном размере.

Следует согласиться с мнением А.С. Рубцовой, что законодатель предполагает извлечение такого дохода от собственно продажи подложных документов [11, с. 41]. При этом крупный размер включает в себя суммарное вознаграждение от всех покупателей без учета понесенных расходов.

Все приведенные ранее составы преступлений, устанавливающие ответственность за организацию деятельности, за исключением рассматриваемого и сформулированного в ст. 172.2 УК РФ, сконструированы как формальные ввиду особой опасности самих описанных деяний. В диспозиции ч. 1 ст. 173.3 УК РФ содержатся признаки материального

1 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Есиповой Полины Дмитриевны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 110.2 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 N 1104-О.

2 О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 N 1 (ред. от 03.11.2016), п. 22.7.

состава в части обязательности извлечения крупного дохода. Считаем такую законодательную формулировку неудачной.

В материалах к ранее указанным законопроектам размер дохода экономически не был обоснован. Законодатель установил его в примечании к ст. 170.2 УК РФ в сумме, превышающей 3,5 млн руб., для группы преступлений главы 22 УК РФ, не связанных с анализируемой нормой. Если же анализировать его величину в системной связи с нормами УК РФ, применяемыми при получении незаконных вычетов НДС и уклонении от его уплаты, ориентируясь на приведенную в процитированной пояснительной записке к законопроекту «ставку» организатора подобной деятельности 2-3% от суммы возможного налогового вычета, то для достижения криминообразующего размера дохода (3,5 млн руб.) завышение налоговых вычетов по НДС либо занижение его у уплаты должно составить 116,6-175 млн руб. Это существенно больше крупного размера как при мошенничестве с получением вычета НДС из бюджета (0,25 млн руб.), так и при уклонении от уплаты налогов с организации (18,75 млн руб.). Аналогичное замечание – в отношении особо крупного размера (13,5 млн руб.), предусмотренного п. «б» ч. 2 указанной статьи.

Кроме того, фактическое неполучение виновными дохода в крупном размере за организацию представления заведомо подложных счетов-фактур не будет рассматриваться как оконченное преступление и подлежит квалификации как покушение на преступление, существенно образом снижая эффективность предпринятых законодателем шагов.

Полагаем, что следует сформулировать основной состав как формальный, а в качестве квалифицирующего признака установить экономически обоснованный и системно

взаимосвязанный с иными нормами УК РФ, применяемыми при получении незаконных вычетов НДС и уклонении от его уплаты, крупный размер извлекаемого дохода.

4. Поскольку речь в статье идет об организации деятельности, то и субъектом преступления выступает именно организатор. С точки зрения видов соучастников (ст. 33 УК РФ) исполнитель и организатор в ст. 173.3 УК РФ, образно говоря, как бы объединены в одном субъекте.

Но тогда возникают вопросы о квалификации действий лица, которое не организовывало деятельность, а непосредственно сбывало указанные в ст. 173.3 УК РФ подложные документы либо подделывало их. Можно ли его рассматривать в качестве пособника «организации деятельности»? Пожалуй, нет, здесь нет содействия «организации деятельности» способами, перечисленными в ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Входит ли такой субъект в состав группы лиц по предварительному сговору или организованной группы (п. «а» ч. 2 ст. 173.3 УК РФ)? Применительно к группе лиц по предварительному сговору мы сталкиваемся с давно известной общей проблемой, которую ясно описал П.С. Яни: «Что помешало в ч. 2 ст. 35 УК упомянуть исполнителей, непонятно. Но строгое толкование текста введенных норм требует вменять группу по предварительному сговору и единственному исполнителю, действующему при наличии соучастников, и самим этим соучастникам» [14, с. 35]. По мнению Б.В. Яценко, содержание группы лиц по предварительному сговору образуют деяния всех соучастников, а не только соисполнителей [15, с. 36]. Однако исходя из разделяемого нами более распространенного в доктрине [8, с. 405; 5, с. 135] и судебной практике¹ подхода группа лиц по предварительному сговору предполагает

1 О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 N 48 (ред. от 11.06.2020), п. 9.1. См. также: О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29, п. 8; О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 N 14, п. 26; О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 N 56, п. 14; О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 N 11, п. 47.

непосредственное участие каждого лица в выполнении всех или части действий, образующих объективную сторону преступления. При таком подходе в указанную группу применительно к п. «а» ч. 2 ст. 173.3 УК РФ входят только организаторы деятельности.

В организованной группе (ч. 3 ст. 35 УК РФ) ее участники могут не принимать непосредственного участия в выполнении объективной стороны преступления. То есть указанные лица, наряду с организаторами, могут входить в состав организованной группы.

В итоге изготовители подложных документов и «сбытчики» не несут ответственности по ч. 1 ст. 173.3 УК РФ в качестве исполнителей или пособников, но привлекаются по п. «а» ч. 2 ст. 173.3 УК РФ в составе организованной группы. Такое законодательное решение вызывает вопросы. Заметим, что в иных вышеперечисленных статьях, предусматривающих ответственность за «организацию деятельности», рассматриваемый квалифицирующий признак не предусмотрен.

Кроме того, формулировки анализируемой статьи не дают четкого ответа на вопрос об ответственности покупателей «бумажного НДС» с целью уклонения от его уплаты. Полагаем, что привлечь их к ответственности по ст. 173.3 УК РФ нельзя. Само приобретение указанных в ст. 173.3 УК РФ подложных документов теоретически можно рассматривать как приготовление к уклонению от уплаты налогов или мошенничеству (в зависимости от направленности умысла на занижение суммы НДС к уплате либо на причинение прямого ущерба бюджету в результате применения вычета НДС). Но эти преступления, за исключе-

нием отдельных особо квалифицированных видов мошенничества, не относятся к категории тяжких или особо тяжких, что исключает уголовную ответственность за приготовление (ч. 2 ст. 30 УК РФ). В итоге покупатели «бумажного НДС» будут нести ответственность после фактического использования приобретенных подложных документов для уменьшения налоговой базы и (или) суммы подлежащего уплате налога. Оправдан ли подобный подход к ответственности «клиентов» площадок «бумажного НДС», которые нередко выступают заказчиками и порождают спрос на преступную деятельность, описанную в ст. 173.3 УК РФ? Полагаем, что в отдельной части рассматриваемой статьи целесообразно установить ответственность за приобретение заведомо подложных документов.

Изложенное позволяет констатировать несогласованность рассматриваемой дефиниции с налоговым законодательством и положениями общей теории соучастия, необходимость корректировки предмета данного преступления, неудачность определения объективной стороны как деятельности и конструирования состава как материального, отсутствие экономического обоснования величины криминообразующего дохода и ее системную несогласованность с размерами, указанными в смежных составах. Не претендуя на полное раскрытие всех проблемных вопросов, полагаем, что изложенного достаточно для иллюстрации актуальности совершенствования анализируемой нормы и дальнейшего обсуждения предложений, изложенных в настоящей статье.

Библиографический список

1. Васильченко, К.В. Содержание субъективных признаков осуществления нежелательной деятельности при соучастии (ст. 284.1 УК РФ) / К.В. Васильченко // Российский следователь. – 2025. – N 1. – С. 28-31.
2. Есаков, Г.А. Налоговые преступления: тонкая настройка ответственности в 2022 году на перспективу / Г.А. Есаков // Закон. – 2022. – N 11. – С. 38-47.
3. Каган, М.С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа) / М.С. Каган. – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.

4. Ковалев, М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве / М.И. Ковалев. – Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1987. – 203 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный). Т. 1: Общая часть / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017. – 316 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный). Т. 2: Особенная часть. Разделы VII - VIII / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017. – 371 с.
7. Кудрявцев, В.Н. Правовое поведение: норма и патология / В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1982. – 287 с.
8. Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении / Г.Н. Борзенков, В.С. Комиссаров, Н.Е. Крылова и др.; под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало-М, 2002. – 611 с.
9. Лошкарев, В.В. От незаконного обналичивания к «бумажному НДС» / В.В. Лошкарев // Законность. – 2021. – N 1. – С. 45-47.
10. Попова, О.С. Налоговое преступление: правонарушение или злоупотребление? / О.С. Попова, Д.И. Ряховский // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – N 7. – С. 46-64.
11. Рубцова, А.С. Неочевидные уголовно-правовые риски при уклонении от уплаты налогов / А.С. Рубцова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. – N 7. – С. 35-43.
12. Сердюк, А.Ю. Некоторые вопросы уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества / А.Ю. Сердюк // Российская юстиция. – 2023. – N 3. – С. 32-36.
13. Уголовно-правовая охрана финансово-бюджетной сферы : научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов, Н.А. Голованова, Е.В. Горенская и др.; отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. – М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2021. – 284 с.
14. Яни, П.С. Неопределенность уголовного закона порождает неразрешимые проблемы правоприменения / П.С. Яни // Законность. – 2020. – N 6. – С. 32-37.
15. Яцеленко, Б.В. Институт соучастия в преступлении: некоторые вопросы доктринальной и судебной интерпретации / Б.В. Яцеленко // Российский следователь. – 2024. – N 1. – С. 35-38.

УДК 343.3/.7

Денис Валерьевич ТОКМАНЦЕВ,

профессор кафедры уголовного права
и криминологии
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент

den_tok@mail.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРИЗНАКОВ СОСТАВОВ И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ (СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ)

CRIMES AGAINST A PERSON: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF ELEMENTS OF CRIMES AND SPECIFICS OF THEIR QUALIFICATION (ARTICLE 3)

В статье проводится юридический анализ признаков составов отдельных видов преступлений против личности: убийство, причинение смерти по неосторожности, побои, угроза убийством, похищение человека, незаконное лишение свободы, изнасилование, развратные действия, а также вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или антиобщественных действий. Рассмотрены особенности их квалификации, выявлены ключевые проблемы толкования и практического применения уголовного закона по делам о данных преступлениях.

The article considers a legal analysis of the elements of certain types of crimes against a person: homicide, negligent homicide, battery, threat of homicide, kidnapping, unlawful confinement, rape, indecent assault, and the involvement of minors in the commission of crimes or antisocial acts. The features of qualification as well as key issues of interpretation and practical application of criminal law in cases involving mentioned above crimes are considered in the article.

Ключевые слова: убийство, причинение смерти по неосторожности, побои, угроза убийством, похищение человека, незаконное лишение свободы, изнасилование, развратные действия, вовлечение несовершеннолетних, совершение преступлений, совершение антиобщественных действий.

Keywords: homicide, negligent homicide, battery, threat of homicide, kidnapping, unlawful confinement, rape, indecent assault, involvement of minors, commission of crimes, commission of antisocial acts.

Преступления против личности занимают особое место в системе уголовно-правовых деликтов, что обусловлено их высокой общественной опасностью, распространенностью и особой значимостью объекта, которому они причиняют вред, – жизнь, здоровье и свобода человека. Эти посягательства нарушают также основы со-

циального порядка, подрывая устойчивость общественных связей и нравственные ценности в сфере половых отношений и нормального развития несовершеннолетних. Все это предопределяет важность механизма уголовно-правовой защиты личности и значимость эффективности его работы. Центральное место в этом механизме занимают юридиче-

ские запреты в виде конструкций составов преступлений против личности и практика их применения. Данная статья продолжает тему, начатую предыдущими статьями¹.

9. Признаки состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ).

Объект преступления: нормальное физическое, психическое и нравственное развитие и воспитание несовершеннолетней личности².

Потерпевший: лицо, которому на момент вовлечения не исполнилось 18-ти лет (несовершеннолетнее лицо).

Если 17-летнему подростку в день празднования совершеннолетия предложили участвовать в краже, а само преступление он совершил уже после того, как ему юридически исполнилось 18 лет, он все равно считается потерпевшим по ст. 150 УК РФ, так как вовлечение началось, когда он был несовершеннолетним.

В теории уголовного права существует дискуссия относительно нижней возрастной границы потерпевшего. Одни авторы, опираясь на положения ст. 87 УК РФ, полагают, что формально лицо, не достигшее 14-летнего возраста, не может быть потерпевшим в соответствии со ст. 150 УК РФ [2, с. 19; 11, с. 47].

При таком подходе вовлечение в совершение преступлений лица, не достигшего 14-летнего возраста, не будет влечь уголовной ответственности, что поставит под сомнение справедливость уголовного закона. Не следует опираться на правовую норму, содержащуюся в ч. 1 ст. 87 УК РФ, и потому, что последняя устанавливает возрастные границы несовершеннолетнего как лица,

совершившего преступление, а не как потерпевшего [8]. В этой связи представляется правильной позиция тех авторов, которые относят к числу возможных потерпевших и лиц, не достигших 14-летнего возраста [14]³. По такому же пути идет и практика.

Верховный Суд РФ признал обоснованной квалификацию по ст. 150 УК РФ действий И., который, зная о 13-летнем возрасте Б., вовлек его в совершение преступлений – сначала в кражу чужого имущества, а затем в убийство с целью скрыть эту кражу⁴.

Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. N 514-ФЗ правовая неопределенность относительно нижней возрастной границы потерпевшего устранена. Теперь п. «в» ч. 3 ст. 150 УК РФ предусматривает ответственность за вовлечение в совершение преступления лица, не достигшего 14-летнего возраста.

И все же вовлечение в совершение преступления не всякого малолетнего лица образует состав рассматриваемого преступления (ст. 150 УК РФ), т.к. если в силу малолетнего возраста ребенок не способен осознавать, что действия, в совершение которых он вовлекается, являются общественно опасными, то вред объекту уголовно-правовой охраны не причиняется. В литературе справедливо подчеркивается, что применительно к составу данного преступления возраст потерпевшего нельзя считать исключительно количественным признаком, поскольку он характеризует объект посягательства [5].

Состав преступления является формальным.

Объективная сторона преступления: действие – вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления.

1 См.: Токманцев Д.В. Преступления против личности: теоретико-правовой анализ признаков составов и особенности квалификации (статья первая) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2026. N 1. С. 47-56; Токманцев Д.В. Преступления против личности: теоретико-правовой анализ признаков составов и особенности квалификации (статья вторая) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2026. N 2. С. 20-30.

2 Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2023 N 26-П, определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26.08.2021 N 77-3596/2021. Здесь и далее, если не указано иное, материалы судебной практики и нормативные правовые акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

3 На это прямо обращалось внимание и в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 03.12.1976 N 16 «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» (утратило силу).

4 Кассационное определение Верховного Суда РФ от 21.07.2004 N 4-004-92.

Вовлечение не может иметь форму бездействия.

Следуя разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления – действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление (п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности несовершеннолетних», далее – ППВС N 1).

Несколько иное понятие дает Президиум Верховного Суда РФ. Он характеризует вовлечение как активные действия, выражающиеся в психическом или физическом воздействии на несовершеннолетнего для побуждения его к совершению преступления¹.

В каком качестве несовершеннолетний вовлекается в совершение преступления – исполнителя? Распространяется ли действие ст. 150 УК РФ на ситуации, когда его привлекают не как исполнителя, а как соучастника – например, пособника? На наш взгляд, для квалификации по этой статье не важно, как исполнитель или иной соучастник преступления вовлекается несовершеннолетний. Тем не менее в юридической литературе можно встретить более узкое толкование: некоторые авторы считают, что вовлечение применительно к ст. 150 УК РФ – возбуждение желания выступить только исполнителем преступления [напр.: 7].

Способы вовлечения в совершение преступления (ч.1 ст. 150 УК РФ):

обещания (например, взрослый говорит: «Если ты поможешь мне украсть машину, я дам тебе половину денег от ее продажи»);

обман (виновный вводит несовершеннолетнего в заблуждение относительно последствий или характера действий, например, утверждает: «Это не преступление, никто не узнает, и тебе ничего не будет»);

угрозы ненасильственного характера (угрозы направлены на запугивание, но не связаны с физическим насилием, например

виновный говорит: «Если ты не поможешь мне обокрасть склад, я сломаю твой велосипед»);

иные способы не связанные с применением насилия или угрозой его применения (например, предложение совершить преступление, разжигание чувства зависти или мести, когда взрослый говорит: «Все твои друзья воруют и становятся крутыми, а ты что, слабак?» или «Этот парень унизил тебя, давай отомстим ему, украв его телефон»);

применение насилия или угроза его применения (п. «а» ч. 3 ст. 150 УК РФ), в том числе криминальный гипноз [9].

Указанные способы вовлечения (за исключением физического насилия) могут быть как контактными, так и бесконтактными (реализованы с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет (п. «б» ч. 2 ст. 150 УК РФ)).

Таким образом, вовлечение в зависимости от способа возбуждения желания может иметь две формы: физического или психического принуждения либо ненасильственного воздействия [6].

Некоторые из приведенных способов вовлечения заслуживают отдельного внимания. Например, вызывает дискуссию такой способ вовлечения, как пассивный обман (умолчание о том, что деяние, в совершение которого вовлекается несовершеннолетний, является преступным). По мнению одних специалистов, такой способ вовлечения охватывается ст. 150 УК РФ [3]. Схожая позиция встречается и в судебной практике, но поддерживается не всеми судами.

Так, ФИО передал несовершеннолетним поддельные деньги, не сообщив о том, что они фальшивые, после чего подростки в тот же день использовали их для оплаты игрушек и сувениров. Суд первой инстанции расценил действия ФИО как вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления путем обмана и квалифицировал их по ст. 150 УК РФ. Однако суд кассационной инстанции пришел к иному выводу, указав, что действия ФИО не подпадают под понятие вовлечения несовершеннолетних в преступную деятель-

1 Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23.05.2012 N 88-П12.

ность посредством обмана¹. С решением суда кассационной инстанции следует согласиться, т.к. в таком случае объекту уголовно-правовой вред не причиняется.

Нет в судебной практике и единого подхода к квалификации простого предложения несовершеннолетнему совершить преступление, даже несмотря на то, что, следуя разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, такое предложение следует рассматривать как вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (п. 42 ППВС N 1).

Ш. предложил несовершеннолетней Н. принять участие в грабеже. Н. ответила согласием и в составе группы лиц совершила насильственный грабёж. Судом первой инстанции действия Ш. были квалифицированы по ч. 4 ст. 150 УК РФ. Кассационный суд исключил из обвинения Ш. ст. 150 УК РФ, указав, что само по себе предложение несовершеннолетней совершить ограбление недостаточно для вывода о наличии в его действиях состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ².

Подобный поход прослеживается и в решениях высшей судебной инстанции³.

К. предложил несовершеннолетним совместно совершить кражу из квартиры Б., и те согласились. Первоначально действия К. были квалифицированы по ст. 150 УК РФ. Однако Верховный Суд РФ отменил приговор, аргументировав это тем, что предложение К. несовершеннолетним совершить кражу совместно свидетельствует лишь о его намерении совершить преступление группой лиц по предварительному сговору; совместное с несовершеннолетними участие взрослого лица в совершении преступления не образует состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ⁴.

Преступление является оконченным с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению,

покушения на преступление (п. 42 ППВС N 1). То есть вовлечение в совершение преступления считается оконченным преступлением, как только несовершеннолетний начал действовать под влиянием взрослого, даже если ему (подростку) не удалось достигнуть преступного результата. Например, если несовершеннолетний под влиянием взрослого взял нож и пошел в школу, чтобы покататься с обидчиками, но был задержан охраной школы, преступление взрослого (ст. 150 УК РФ) считается уже оконченным.

Для привлечения взрослого лица к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления не имеет значения, принимал ли взрослый непосредственное участие в данном преступлении вместе с несовершеннолетним или же оно было совершено последним самостоятельно. Равным образом не требуется устанавливать, обладал ли взрослый полной осведомленностью об обстоятельствах совершения преступления несовершеннолетним⁵.

Субъект преступления специальный: физическое вменяемое лицо, достигшее 18-летнего возраста.

Субъективная сторона данного преступления характеризуется виной в форме прямого умысла – виновный осознает, что вовлекает лицо, которому не исполнилось 18 лет, в совершение деяния, запрещенного уголовным законом⁶. Умысел виновного направлен на возбуждение у такого лица намерения совершить преступление.

10. Признаки состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ).

Объект преступления: нормальное физическое, психическое и нравственное развитие и воспитание несовершеннолетней личности.

Потерпевший: лицо, которому на момент вовлечения не исполнилось 18 лет, в том числе малолетнее лицо.

1 Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 22.06.2023 N 77-2350/2023.

2 Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 03.08.2022 N 77-3870/2022.

3 Определение Верховного Суда РФ от 14.05.2013 N 53-Д13-8.

4 Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.04.2015 N 72-АП/15-13.

5 Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2023 N 26-П.

6 Приговор Верховного суда Удмуртской Республики от 02.10.2015 N 2-9/2015.

Состав преступления формальный.

Объективная сторона преступления: действия, направленные на возбуждение у лица, которому не исполнилось 18 лет, желания совершить антиобщественные действия (п. 42 ППВС N 1).

Вовлечение не может иметь форму бездействия.

Виды антиобщественных действий, в совершение которых вовлекается несовершеннолетний, перечислены в ст. 151 УК РФ. Их перечень является исчерпывающим. Поэтому вовлечение несовершеннолетнего в иные антиобщественные действия (азартные игры¹, паразитический образ жизни и т.п.) не является преступлением.

Первый вид: систематическое употребление (распитие) алкогольной или иной спиртосодержащей продукции.

Понятия алкогольная и спиртосодержащая продукция соотносятся как частное и общее.

Алкогольной продукцией признается пищевая продукция, в которых доля этилового спирта превышает половину процента от общего объема готового продукта. В эту категорию входят разнообразные напитки с высоким содержанием спирта, такие как водка, коньяк, бренди или виноградная водка, а также вина различной крепости, включая игристые (шампанское). Кроме того, к алкогольной продукции относятся напитки на основе винограда или плодов, пиво и его производные, а также традиционные напитки вроде сидра, пуаре и медовухи².

Однако из данной категории исключены некоторые пищевые продукты, перечень которых установлен нормативным актом

Правительства РФ. Речь идет, например, о напитках, произведенных путем брожения, квасах и других изделиях, где содержание спирта варьируется от 0,5 до 1,2%³.

Спиртосодержащая продукция – продукция, в которых доля этилового спирта превышает половину процента от общего объема готового продукта. Это может быть как пищевая (алкогольная продукция), так и непищевая продукция (парфюмерная вода, антисептик для поверхностей, технический спирт и т.п.), а также спиртосодержащие лекарственные препараты (настойка валерианы или пустырника и т.п.) и медицинские изделия (спиртовые салфетки, растворы для инъекционной подготовки и т.п.).

Второй вид: систематическое употребление одурманивающих веществ.

Одурманивающие вещества представляют собой химические соединения или их комбинации, которые при употреблении способны изменять психическое состояние человека, вызывая эффекты, схожие с опьянением или наркотическим воздействием. Их отличительной чертой является способность влиять на центральную нервную систему, что может сопровождаться временной эйфорией и (или) помутнением (потерей) сознания.

Правовое закрепление статуса таких веществ осуществляется через нормативные документы. Один из ключевых документов, регулирующих данную сферу, – постановление Правительства Российской Федерации от 24 июля 2021 г. N 1259. В нем обозначены четыре вещества, отнесенные к категории одурманивающих:

1 В юридической литературе предлагается криминализировать вовлечение несовершеннолетних в азартные игры. См.: [1].

2 О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции : Федеральный закон от 22.11.1995 N 171-ФЗ.

3 Об утверждении перечня пищевой продукции в соответствии с Общероссийским классификатором продукции по видам экономической деятельности, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5 процента объема готовой продукции, не относящейся к алкогольной продукции, а также перечня пищевой продукции в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5 процента объема готовой продукции, не относящейся к алкогольной продукции : распоряжение Правительства РФ от 29.12.2020 N 3650-р.

закись азота (известная также как оксид азота (I) или динитрогена оксид) – газ, применяемый в медицине как анестетик, но получивший распространение в рекреационных целях из-за эйфорического эффекта;

ксенон – инертный газ, используемый в анестезиологии, обладающий выраженным психоактивным действием при вдыхании;

комбинация дифенгидрамина с этиловым спиртом – смесь антигистаминного препарата (димедрола) и алкоголя, усиливающая седативный эффект независимо от пропорций;

комбинация доксиламина с этиловым спиртом – сочетание снотворного средства с алкоголем, вызывающее угнетение нервной системы в любых концентрациях.

Еще один перечень (список) одурманивающих веществ сформирован решениями Постоянного комитета по контролю наркотиков¹. Он более обширен и включает вещества, исторически связанные с немедицинским злоупотреблением (например, хлороформ, толуол). Всего он включает 12 позиций, из которых четыре совпадают с указанным выше правительственным списком.

В научных трудах по юриспруденции к категории одурманивающих веществ нередко причисляют объекты повседневного хозяйственного и бытового использования, включая фосфорорганические соединения, растворители, пестициды и токсичные субстанции, такие как ацетон, карбофос или уайт-спирит, не включенные в официальные списки одурманивающих веществ. Их применение способно спровоцировать состояние, близкое к одурманиванию².

Полагаем, что указанные Перечень и Список одурманивающих веществ имеют для правоприменителя исключительно рамочный характер. Эти документы не препятствуют признанию одурманивающими иных субстанций, не упомянутых в них, включая

предметы бытового назначения или медикаменты, при условии, что они обладают способностью воздействовать на человеческий организм аналогично веществам, указанным в данных перечнях. Таким образом, медицинская характеристика выступает неотъемлемым критерием для отнесения вещества к одурманивающим, тогда как правовой аспект остается дополнительным и необязательным. Подобная интерпретация согласуется с подходами, выработанными высшими судебными органами³.

Склонение несовершеннолетнего к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов квалифицируется по п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ.

Вовлечение в указанные антиобщественные действия является преступлением при условии, что виновный вовлекает несовершеннолетнего не в разовое, а именно в систематическое употребление (распитие) указанных продукции или веществ.

Признак систематичности употребления (распития) указанной продукции (веществ) характеризуется количественным и качественным (временным) критериями. Первый означает, что несовершеннолетний вовлекается не в разовое, а в многократное (повторяющееся несколько раз) употребление (распитие) – более двух раз (три или более раз). По крайней мере так систематичность определяется в примечании к ст. 232 УК РФ.

Второй (временной) критерий определяет промежуток времени между отдельными фактами употребления (распития). В уголовном законе этот критерий не отражен. В юридической литературе он определяется как не продолжительный (трижды в месяц⁴; раз в неделю, каждый месяц⁵; на протяжении не более года [13]).

Вовлечение в однократное или двукратное употребление (например, единичный слу-

1 Список одурманивающих веществ : утв. Постоянным комитетом по контролю наркотиков (протоколы от 09.10.1996 N 51/7-96, от 22.04.1998 N 2/64-98, от 14.04.1999 N 2/71-99, от 13.04.2005 N 2/98-2005).

2 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. М., 2013.

3 Определение Верховного Суда РФ от 21.01.2014 N 72-АПУ13-63.

4 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2017. Т. 2.

5 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015. Т. 1.

чай распития пива с несовершеннолетним, доведения его до состояния одурманивания) является административным правонарушением, предусмотренным ст. 6.10 КоАП РФ.

Заметим, что формально признак систематичности относится к антиобщественным действиям несовершеннолетнего, а не к действиям виновного по волочению несовершеннолетнего. В ином случае в ч. 1 ст. 151 УК РФ было бы указано «систематическое вовлечение», как это сделано в ст. 232 УК РФ – «систематическое предоставление». Иной точки зрения придерживается Ю.Е. Пудовочкин [10, с. 122].

Третий вид: занятие бродяжничеством – образ жизни, при котором подростки или дети не имеют постоянного места жительства, не проживают с родителями или законными опекунами и ведут скитальческий образ жизни.

Четвертый вид: занятие попрошайничеством – деятельность, при которой подростки просят милостыню у прохожих чтобы получить деньги, еду или другие материальные блага.

В литературе существует дискуссия относительно того относится ли признак систематичности к бродяжничеству и попрошайничеству. Одни специалисты утверждают, уголовная ответственность предусмотрена только за вовлечение несовершеннолетнего в систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством [4]. Другие не считают систематичность обязательным признаком этих антиобщественных действий [13].

С точки зрения грамматики в приведенной конструкции признак «систематическое» относится только к действию «употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ». Это обусловлено структурой предложения и расположением прилагательного «систематическое», которое непосредственно предшествует и согласуется с существительным «употребление (распитие)».

Полная фраза «вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в за-

нятие бродяжничеством или попрошайничеством» делится на две части, объединенные союзом «в»: «В систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ» – здесь «систематическое» характеризует употребление (распитие). «В занятие бродяжничеством или попрошайничеством» – эта часть не содержит указания на систематичность, так как признак «систематическое» к ней грамматически не привязан.

Таким образом, в данном контексте систематичность относится исключительно к употреблению (распитию), а не к занятию бродяжничеством или попрошайничеством. Если бы законодатель намеревался распространить «систематическое» на все перечисленные действия, конструкция выглядела бы иначе, например: «в систематическое употребление... и занятие бродяжничеством или попрошайничеством».

Способы воздействия на несовершеннолетнего могут быть как явными (угрозы, обещания), так и скрытыми (манипуляции через эмоции). Главное – чтобы действия взрослого вызвали у подростка желание совершить антиобщественный поступок.

Примеры способов: обещания («если будешь пить со мной каждые выходные, я куплю тебе новый телефон» и т.п.), обман («алкоголь совсем не вреден, это просто способ расслабиться, врачи врут» и т.п.), угрозы («если не пойдешь просить деньги на улице, я расскажу всем, какой ты трус» и т.п.), предложение («давай попробуем нюхать клей, это весело» и т.п.), разжигание зависти или мести («смотри, как круто живут бомжи – никакой школы, делай, что хочешь» и т.п.).

Преступление является оконченным с момента совершения несовершеннолетним хотя бы одного из указанных антиобщественных действий (п. 42 ППВС N 1).

Субъект преступления специальный: физическое вменяемое лицо, достигшее 18-летнего возраста.

Субъективная сторона преступления: вина в виде прямого умысла.

Действие ст. 151 УК РФ не распространяется на случаи вовлечения несовершенно-

нолетнего в занятие бродяжничеством, если это деяние совершено родителем вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств, вызванных утратой источника средств существования или отсутствием места жительства (примечание к ст. 151 УК РФ).

Примечание к ст. 151 УК РФ – это своего рода «спасательный круг» для родителей, оказавшихся в тяжелых жизненных обстоятельствах. В таких случаях в действиях родителей отсутствует общественная опасность в классическом смысле – родитель действует не из умысла «развратить» ребенка, а под давлением внешних факторов, которые он не в силах контролировать. Наказывать родителей, которые сами стали жертвами социальных или экономических бедствий, было бы несправедливо. Однако это исключение распространяется только на родителей – опекуны, родственники или иные лица под него не подпадают.

Что такое «тяжелые жизненные обстоятельства»? Законодатель дает два конкретных примера: утрата источника средств существования (например, потеря работы или дохода) и отсутствие места жительства (бездомность).

Представим ситуацию: мать-одиночка работала на заводе и содержала двоих детей, один из которых – 14-летний сын. Завод закрывается, женщина теряет работу, пособий не хватает, и семья оказывается на грани выживания. Чтобы добыть еду, она вместе с сыном начинает скитаться по городу, ночуя в заброшенных зданиях и собирая бутылки для сдачи. Формально это подпадает под признаки бродяжничества – отсутствие постоянного жилья, скитания. Но она действует не с целью вовлечь сына в антиобщественный образ жизни, а из-за невозможности обеспечить ему нормальные условия после утраты дохода. Здесь мы видим объективное обстоятельство – потерю работы – и вынужденное поведение.

Пример случая с отсутствием места жительства: отец жил в съемной квартире с

16-летней дочерью. Владелец жилья неожиданно выселяет их, денег на новое жилье нет, родственников, готовых помочь, тоже. Отец и дочь начинают жить на улице, ночуя на вокзалах или в подвалах. Отец не учит дочь «бродяжничать» как образу жизни, не побуждает ее к этому сознательно, а просто не имеет иного выхода.

Анализ уголовно-правовых норм о преступлениях против личности¹, позволил обобщить их характеристики и выделить особенности, значимые как для дальнейшего теоретического осмысления, так и для практического применения уголовного законодательства.

1. Человеческая жизнь обретает статус объекта уголовно-правовой защиты с началом родов, что исключает квалификацию как убийства действий, направленных на лишение жизни плода в утробе до этого момента. Преступление, связанное с умышленным лишением жизни, может быть реализовано через психическое (информационное) воздействие на жертву. При косвенном умысле оценка деяния, направленного на убийство, определяется исходя из фактически наступивших последствий. Если виновный ошибочно принимает женщину за беременную, содеянное следует квалифицировать как простое убийство.

2. Причинение смерти по неосторожности – непредвиденный итог нарушения мер предосторожности, а убийство характеризуется сознательным стремлением оборвать жизнь.

3. Состав побоев (ст. 116 УК РФ) по законодательной конструкции является материальным. Итогом таких действий признается нанесение физической боли или поверхностных повреждений, не влекущих вреда здоровью.

4. Определяющим свойством угрозы убийством или тяжким вредом здоровью является ее реальность, воспринимаемая потерпевшим как явная и достоверная (субъективный

1 См.: Токманцев Д.В. Преступления против личности: теоретико-правовой анализ признаков составов и особенности квалификации (статья первая) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2026. N 1. С. 47-56; Токманцев Д.В. Преступления против личности: теоретико-правовой анализ признаков составов и особенности квалификации (статья вторая) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2026. N 2. С. 20-30.

аспект) в зависимости от обстановки, личности угрожающего и их взаимоотношений (объективный аспект). Отличительной чертой состава выступает отсутствие у виновного намерения воплотить угрозу в жизнь, что отличает его от покушения на преступления, предусмотренные ст. 105 и 111 УК РФ.

5. Отсутствие в уголовном законодательстве определения похищения человека требует обращения к разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ. Завершение похищения в юридическом смысле зависит от способа его осуществления. Закон не исключает родителей из числа возможных субъектов этого деяния. Умысел виновного при похищении направлен на удержание лица в ином месте, поэтому перемещение жертвы с целью последующего убийства охватывается ст. 105 УК РФ и не рассматривается как похищение.

6. Кратковременное незаконное ограничение свободы может свидетельствовать о малозначительности деяния. При многоэтапном незаконном лишении свободы, когда виновный начал совершать действия направленные на лишение свободы (входящие в объективную сторону), но по не зависящим от него причинам ему не удалось полностью ограничить свободу потерпевшего, содеянное следует квалифицировать как покушение на совершение данного преступления. Незаконное лишение свободы может быть связано с перемещением человека в пространстве, при условии, что перемещение не было направлено на удержание человека в другом месте.

7. Сон как естественное и физиологически обусловленное состояние не подпадает под категорию беспомощности в том смысле, который ему придается в уголовном законе, включая ст. 131 и 132 УК РФ. Различие между изнасилованием (ст. 131 УК РФ) и насильственными действиями сексуального

характера (ст. 132 УК РФ) определяется спецификой сексуальных актов. Данное различие обуславливает расхождения в круге потерпевших и исполнителей преступления.

8. Объективная сторона развратных действий исключает лишь половое сношение, мужеложство и лесбиянство, допуская квалификацию иных форм сексуального проникновения без насилия как развратных действий. Деяния, включая интеллектуальные («бесконтактные») формы развратных действий, совершенные в отношении лица младше 12 лет, подпадают под п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, учитывая возрастную беспомощность ребенка (примечание к ст. 131 УК РФ).

9. Закон устанавливает ответственность за вовлечение несовершеннолетних, включая лиц младше 14 лет, в совершение преступлений. Возраст потерпевшего определяет объект посягательства. Вовлечение не влечет ответственности по ст. 150 УК РФ, если ребенок в силу малолетства не осознает общественной опасности своих действий. Пассивный обман о преступном характере деяния исключает применение данной статьи. Предложение несовершеннолетнему совершить противоправное действие расценивается как вовлечение.

10. По смыслу ст. 151 УК РФ систематичность характеризует не действия виновного, а поведение потерпевшего – многократное (более двух раз) употребление спиртосодержащей продукции или одурманивающих веществ. Этот признак не применяется к бродяжничеству или попрошайничеству. Психоактивное воздействие на организм (медицинский критерий) является обязательным свойством одурманивающих веществ, тогда как их включение в официальные перечни (правовой критерий) следует считать факультативным.

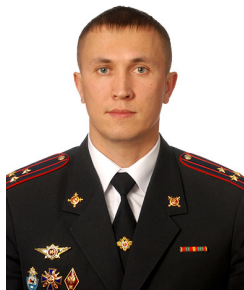

Библиографический список

1. Алишина, Д.К. Необходимость криминализации вовлечения несовершеннолетних в азартные игры / Д.К. Алишина, А.А. Чугунов // Современное право. – 2024. – N 8. – С. 73-77.
2. Коровин, Е.П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий : учебное пособие / Е.П. Коровин. – Ставрополь, 2013.
3. Мингалимова, М.Ф. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений / М.Ф. Мингалимова, Ш.Ф. Багаутдинов // Российская юстиция. – 2023. – N 5. – С. 57- 65.
4. Мусеилов, А.Г. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий: особенности правового регулирования и квалификации / А.Г. Мусеилов, А.В. Борбат // Российский следователь. – 2022. – N 7. – С. 56-60.
5. Ображиев, К.В. Неопределенный (неконкретизированный) умысел: проблемы теории и практики / К.В. Ображиев // Уголовное право. – 2023. – N 7. – С. 25-42.
6. Палий, В.В. Склонение, вербовка, вовлечение как средства конструирования состава преступления / В.В. Палий // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – N 12. – С. 114-122.
7. Пилипенко, И.И. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления / И.И. Пилипенко // Законность. – 2019. – N 11. – С. 53-54.
8. Попов, Д.В. К вопросу о возрастных критериях потерпевшего применительно к ст. 150 УК РФ / Д.В. Попов // Российский следователь. – 2023. – N 9. – С. 39-41.
9. Попов, Д.В. О психическом насилии как признаке объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. ст. 150, 151 УК РФ / Д.В. Попов // Российский судья. – 2016. – N 12. – С. 36-41.
10. Пудовочкин, Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву / Ю.Е. Пудовочкин. – СПб., 2002.
11. Симиненко, А. Несовершеннолетний – кто ты? / А. Симиненко, И. Кузнецова // Законность. – 2008. – N 11. – С. 47-48.
12. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф.Р. Сундукова, М.В. Талан. – М., 2012.
13. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015.
14. Харламова, А.А. Особенности квалификации преступлений, предусмотренных ст. 150, 151 УК РФ, по признаку «потерпевший» / А.А. Харламова, Е.В. Богатова Е.В. // Уголовное право. – 2016. – N 3. – С. 94-98.

УДК 343.1

Даниил Георгиевич ШАШИН,
докторант Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
shashin06@mail.ru

**СЛЕДСТВЕННЫЙ СУДЬЯ – НЕОБХОДИМЫЙ КОМПОНЕНТ МЕХАНИЗМА
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ЭЛЕМЕНТЫ
МОДЕЛИ ИНСТИТУТА)**

**THE INVESTIGATING JUDGE AS A NECESSARY COMPONENT OF THE MECHANISM
FOR ENSURING THE LEGALITY OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES
(PART TWO: ORGANIZATIONAL AND OPERATIONAL ELEMENTS
OF THE INSTITUTION'S MODEL)**

В данной части работы с использованием метода моделирования исследуется возможность введения в правовую систему Российской Федерации института следственного судьи с наделением последнего функциями судебного контроля процессуальных и следственных действий, рассмотрения жалоб на действия органов расследования в области уголовного процесса, а также санкционирования оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, ограничивающих конституционные права граждан, проводимых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и рассмотрение жалоб на их действия. Изучению подвергнуты организационный и деятельностный элементы модели. Автор приводит аргументы необходимости введения изучаемого института в правовую систему страны.

In this part of the study, the possibility of introducing the institution of an investigative judge into the legal system of the Russian Federation is studied using the method of modeling. The investigative judge will be vested with the functions of judicial oversight of procedural and investigative actions, consideration of complaints on the actions of investigative bodies in the field of criminal procedure, as well as the authorization of operational and investigative activities and other actions that restrict the constitutional rights of citizens carried out by the bodies conducting operational and investigative activities, and the consideration of complaints on their actions. The organizational and operational elements of the model are studied. The author provides arguments for the necessity to introduce the institution under the study into the country's legal system.

Ключевые слова: законность, судебный контроль, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, следственный судья, судебный следователь.

Keywords: legality, judicial oversight, operational search activities, operational search measures, investigative judge, judicial investigator.

В предыдущей части работы¹ нами были исследованы терминологический и функциональный элементы модели введения института следственного судьи в правовую систему Российской Федерации. В данной части работы рассмотрим организационный и деятельностный элементы.

Организационный элемент. Функции следственного судьи определяют организационный элемент модели одноименного института, т.е. место следственного судьи в системе судебной власти или вне ее, территориальное местонахождение следственных судей, их оптимальное количество для выполнения функций с учетом административного территориального деления в районе, регионе и др.

Следует согласиться с авторами, утверждающими, что из положений Конституции РФ следует: «во-первых, институт следственных судей был заложен на конституционном уровне еще в 1993 г., так как судья, осуществляющий судебный контроль над предварительным расследованием, есть никто иной как следственный судья. Во-вторых, Конституция РФ определяет рамки судебного контроля, ограничивая их лишь двумя указанными ситуациями (формами судебного контроля. – Д.Ш.), направленными на защиту прав, свобод и законных интересов личности...» [5].

Одни авторы организационно видят существование следственных судей вне судебной системы, одновременно предлагая и иные названия данного института [20, с. 226-228]. Так, В.И. Безрядин считает, что «такие судьи должны быть «за штатом» ныне существующего судейского корпуса; быть параллельной структурой и именоваться «судьей-контролером» [1, с. 26]. Другие авторы, несмотря на возможное нахождение в судебной системе, полагают их отделение от ординарных судей [9]. А.С. Сбо-

ев относится к сторонникам модели специализированной судебной системы в виде аппарата следственных судей [16, с. 18].

Предлагаются варианты по ограничению категорий уголовных дел, в которых следственные судьи будут принимать участие (тяжкие, особо тяжкие и экономические)², а также по их количественному ограничению на субъект Российской Федерации – по 4 на регион. Некоторые авторы предлагают вводить должности следственных судей и на районном уровне³. Взвешенно об этом говорит разработчик одной из концепций института следственных судей А.В. Смирнов: «Некоторые утверждают, что этого недостаточно, и надо предусмотреть следственных судей и на уровне районной судебной юрисдикции. Я не отвергаю идеи такого расширения их компетенции, но боюсь, что сразу такую задачу не решить, и надо действовать поэтапно, накапливая полезный опыт»⁴. Другие исследователи предлагают межрайонный и межсубъектный вариант функционирования следственных судей и отмечают, что, для того чтобы цели этого института были достигнуты, необходимо соблюдение ряда условий. Во-первых, следует организационно отделить следственных судей от судей, рассматривающих уголовные дела по существу. Во-вторых, необходимо вывести следственных судей из штата районных, межрайонных, городских судов, а также ввести должности председателей следственных судов. В-третьих, целесообразно образование межрайонных (межсубъектных) следственных судов на территории нескольких районов и территории нескольких субъектов Российской Федерации, поскольку есть малосоставные суды (1-2 или 3-4 судьи). При этом не обязательно вводить новые штатные единицы судей. Достаточно использовать имеющиеся штатные единицы.

1 Шашин Д.Г. Следственный судья – необходимый компонент механизма обеспечения законности оперативно-розыскной деятельности (часть первая: терминологический и функциональный элементы модели института) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2026. N 2(63). С. 52-59.

2 Рагулин А.В. Институт следственных судей – путь к состязательности в уголовном процессе : интервью с советником Конституционного Суда Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором Александром Витальевичем Смирновым // Евразийская адвокатура. 2015. N 1. С. 8.

3 Золотухин Б. Следствие под контролем // Новая адвокатская газета. <https://www.advgazeta.ru/arhivnye-zapisi/sledstvie-pod-kontrolem/?ysclid=mlnmnjz912605527351> (дата обращения: 14.02.2026).

4 Рагулин А.В. Указ. соч. С. 8.

Кроме того, это необходимо для того, чтобы межрайонный (межсубъектный) следственный суд не совпадал по территориальной юрисдикции с межрайонными следственными отделами. Считаем, что в данном случае также применим опыт создания апелляционных и кассационных судов Российской Федерации общей юрисдикции. В-четвертых, необходимо предусмотреть апелляционное и кассационное рассмотрение дел с учетом введенных в действие апелляционных и кассационных судов общих юрисдикций. Данный порядок согласуется с указанным выше предложением о создании межсубъектных следственных судов и также направлен на обеспечение независимости судебных органов. В-пятых, для установления полномочий и прав следственного судьи необходимо ввести полномочия следственного судьи по судебному контролю в ст. 29.1 УПК РФ, одновременно исключив их из ст. 29 УПК РФ [21].

Мы не во всем разделяем позицию авторов по данному вопросу. Согласимся с тем, что следственные судьи не должны в дальнейшем осуществлять рассмотрение дела по существу, по которому они выполняли функцию судебной проверки (судебного контроля). Выведение следственных судей из штата районных, межрайонных, городских судов, введение должности председателей следственных судов и образование межрайонных (межсубъектных) следственных судов на территории нескольких районов и территории нескольких субъектов Российской Федерации представляется необоснованным и малоаргументированным. Мы полагаем, что в случае введения следственных судей по принципу обслуживания ими территории, которая не будет совпадать с территориальной юрисдикцией следственных органов, не приведет к каким-либо положительным результатам. Это повлечет изменение подходов к санкционированию следственных действий и изменение УПК РФ, правовых позиций высших судов. В настоящее время согласно ч. 2. ст. 165 УПК РФ вопрос о производстве следственного действия подлежит рассмотрению по месту производства предварительного расследования или производства следствен-

ного действия. Как представляется, создание межсубъектных апелляционных и кассационных судов повлечет значительные финансовые затраты и образование органов, которые не будут загружены работой на 100% ввиду малого количества жалоб на решения судов о разрешении следственных действий и ОРМ и жалоб на действия органов, их инициировавших. Кроме того, как УПК РФ, так и Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – закон об ОРД) не предусматривают возможности обжалования (ст. 165 УПК РФ, ст. 9 закона об ОРД). Следует поддержать мысль о закреплении полномочий следственного судьи в ст. 29.1 УПК РФ, исключив их из ст. 29 УПК РФ.

Противоположная позиция изложена А.А. Давлетовым и Н.В. Азаренком, которые считают, что институт следственных судей в России существует и реализуется ординарными судьями в полном объеме. Авторы приводят следующие обоснования своей позиции: 1) в настоящее время судебная власть осуществляется не только в форме правосудия (разрешение уголовного дела по существу), но и в форме судебного контроля деятельности органов предварительного расследования; 2) отечественный уголовный процесс исторически сформировался в рамках континентальной правовой системы с четким размежеванием досудебного и судебного этапов движения дела; в состязательной форме осуществляется судебное производство, в котором равноправные стороны обвинения и защиты ведут правовой спор перед арбитром – судом, в досудебном производстве главенствует следователь, а уголовно-процессуальная деятельность имеет не состязательный, а розыскной характер; 3) в современном российском уголовном процессе с момента принятия Конституции РФ и по настоящее время сформировался институт следственных судей, ими являются судьи, осуществляющие судебный контроль; следственный судья может оставаться в нынешнем статусе, а может получить в УПК РФ закрепление в качестве отдельного участника уголовного процесса, но в любом случае круг полномочий такого судьи не должен

расширяться, так как это, во-первых, выходит за пределы конституционных положений, во-вторых, приведет к стеснению процессуального потенциала органов предварительного расследования, в-третьих, неизбежно повлечет вторжение следственного судьи в сферу исключительной компетенции суда, разрешающего в дальнейшем уголовное дело по существу; 4) в досудебном производстве участвуют четыре должностных лица: следователь, руководитель следственного органа, прокурор и следственный судья; каждый из них выполняет отведенную ему юридическую роль, не препятствуя, а способствуя решению задач предварительного расследования, назначение следственного судьи – защищать права и свободы личности в досудебном производстве, а не обеспечивать реализацию в нем принципа состязательности; 5) следователь самостоятельно определяет ход расследования и по своему усмотрению принимает решения о движении уголовного дела, руководствуясь публичным интересом, законом и своим внутренним убеждением, следственный судья не вправе вмешиваться в существо уголовного дела, основу которого составляет процесс доказывания, и не может обязывать следователя производить те или иные следственные действия в интересах защиты; 6) параллельное адвокатское расследование в действующей модели российского уголовного процесса невозможно; адвокат в досудебном производстве призван оказывать личности квалифицированную юридическую помощь (ст. 48 Конституции РФ), а не противостоять следователю в качестве равноправной с ним стороны процессуального состязания; 7) баланс публичного и частного интересов является главным критерием формирования современного российского уголовно-процессуального законодательства; в настоящее время судебный контроль и, соответственно, следственные судьи в достаточной мере обеспечивают защиту прав и свобод личности, тогда как деятельность органов предварительного следствия и дознания по раскрытию и расследованию преступлений нуждается в совершенствовании [5, с. 26].

Н.Н. Ковтун полагает, что следственный судья должен быть отстранен от дальнейшего участия в отправлении правосудия в судах любой из инстанций. Встанет вопрос о преюдициальной силе решений следственного судьи при разрешении того же уголовного дела по существу» [6, с. 339-340].

Идею о введении следственных судей на уровне субъектов Российской Федерации отвергает судья К.А. Борисов, который отметил, что в случае возложения на судей судов субъектов Федерации дополнительных обязанностей по осуществлению судебного контроля по преступлениям, совершенным на территории всего субъекта, их нагрузка неминуемо увеличится минимум в 1,5 раза. Сегодня в Санкт-Петербургском городском суде работает около 60 судей специализирующихся на рассмотрении уголовных дел, и нагрузка на судью в 2014 г. составила около 460 дел в год: более 8000 уголовных дел рассмотрены в первой, апелляционной, кассационной и надзорных инстанциях; рассмотрены более 20000 материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении ОРМ. Правоохранительные органы по многим вопросам, возникающим при расследовании преступлений, вынуждены будут обращаться в областные, краевые и республиканские суды, расположенные на удаленном расстоянии от места производства расследования. Это повлечет ограничение территориальной доступности к правосудию, потребует значительных временных и финансовых затрат [2, с. 42-43]. Аргументы убедительны.

Необходимо согласиться Ю.П. Синельниковым в том, что «если эти полномочия будут реализовывать судьи облсуда, то с предварительным следствием в России будет покончено, ибо весь свой рабочий день следователи будут пребывать в поездках в областной центр и обратно. Следственным органам предлагается заняться дополнительным бумажотворчеством. Получение согласия потребует от них представления в суд значительного комплекта документов, а также временных затрат на принятие решения судом (провер-

ка предполагается в форме состязательных судебных слушаний). Следователь должен будет откопировать и подготовить необходимый материал, известить стороны о предстоящем процессе, организовать конвой, явку переводчиков, адвокатов, привезти материал в суд, дожидаться судебного заседания, участвовать в нем, а если заседание будет отложено – вновь все организовать и приехать в суд. Не спасет имеющееся предложение о том, чтобы порядок расследования с участием следственных судей применять по делам особо тяжких, тяжких и ряда преступлений средней тяжести, ведь число ежегодно регистрируемых таких преступлений достигает 350 тысяч. Создание структуры следственных судей заметно утяжелит уголовный процесс и станет весьма дорогим удовольствием для бюджета [17, с. 56].

Убедительной представляется позиция Л.В. Головки: «В рамках тех же судов уровня субъекта Федерации над следственными судьями находятся еще и следственные палаты, предусматривающие в апелляционном порядке проверять решения следственных судей, что делает фактически безграничными возможности «блокирования» расследования со стороны участников процесса. Для этого, например, защите достаточно представлять в неограниченном количестве заведомо абсурдные доказательства, после чего механически обжаловать решения об отказе в их приобщении в следственную палату»¹.

На возможность возникновения кадровых проблем указывает судья О.А. Мядзелец, которая считает, что в силу гораздо меньшей престижности фигуры следственного судьи корпус федеральных судей судов общей юрисдикции не станет кузницей кадров для так называемого судебно-следственного ведомства [10, с. 39-41].

Некоторые авторы предлагают институт следственных судей ввести на уровне районного суда [14, с. 107].

О.Х. Галимов и М.А. Галимова предлагают следующую организацию деятельности следственных судей. Следственный судья мо-

жет назначаться из числа судей председателем суда на установленный срок (1-3 года). При необходимости он может быть переназначен. Количество следственных судей, необходимых для обеспечения эффективного судебного контроля, также определяет председатель суда. В случае малосоставности районных судов может иметь место межрайонное объединение. В свою очередь, «контролирующим органом, проверяющим законность и обоснованность решений, принятых следственным судьей, может являться вышестоящий суд» [3, с. 88-89]. Здесь мы согласны с позицией о целесообразности введения института следственных судей как отдельной составляющей судебной системы в качестве эксперимента в отдельных субъектах Российской Федерации, с тем чтобы в ходе практической деятельности апробировать теоретические выкладки, исследовать эффективность вводимого института, его практическую ценность.

Аналогичную позицию занимает А.В. Гришин и приводит следующие доводы. Автономно выделенный из структуры судов районного звена организационно независимый от диктата вышестоящих судебных инстанций изначально наделенный необходимыми процессуальными средствами для независимой и всесторонней проверки действий и решений следственных органов и прокурора институт специализированных следственных судей может и должен стать необходимым звеном в системе сдержек и противовесов в механизме правового регулирования, выступая, с одной стороны, противовесом для незаконных или необоснованных притязаний публичных органов уголовного преследования, с другой стороны, ограждая суд, призванный к разрешению дела по существу, от предрешающей оценки действий, решений и результатов деятельности обвинительной власти [4, с. 127]. А.А. Поддубняк и И.М. Авдеев также предлагают ввести институт следственных судей, начиная с районных судов, а срок полномочий установить не менее 3 лет с последующей ротацией [13, с. 232].

1 Головка Л.В. Институт следственных судей: американизация путем манипуляции. URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20150320/273362096.html (дата обращения: 22.08.2025).

И.С. Федотов полагает, что введение следственных судей будет поддержано в судах районного (городского) уровней, поскольку в настоящее время судья, рассматривающий уголовные дела по существу в ходе «дежурной» недели, когда к нему поступают от следователей и дознавателей материалы по ходатайствам на производство следственных действий, на избрание заключения под стражу, домашнего ареста или продления сроков по данным мерам пресечения, фактически лишен возможности проведения судебных заседаний для рассмотрения по существу уголовных дел, находящихся у него в производстве [19, с. 95].

Заслуживает поддержки мысль, что следственные судьи в суде первой инстанции могут избираться собранием судей из состава судей этого суда. Так, И.Г. Савицкая отмечает, что в части организационных моментов внедрения института следственных судей существуют и материальные проблемы. При проведении реформы такого масштаба необходимо учитывать экономическую обстановку в стране. Учреждение института следственных судей потребует финансовых вложений [15, с. 317]. В этой связи полагается разумным предложение о создании института следственных судей сначала в нескольких субъектах Российской Федерации, в целях апробации¹.

Заслуживает внимания вывод И.Е. Миловой, рассмотревшей более подробно процессуальное положение следственного судьи во Франции – родоначальнице данного института: «Если провести аналогию с действующим российским законодательством, то следственный судья во Франции во многом схож по полномочиям с мировыми судьями» [8, с. 200].

При рассмотрении данного вопроса нельзя не обратиться к историческому опыту России. Так, в 1991 г. была принята Концепция судебной реформы РСФСР² (далее – Концепция 1991 г.), которая, кроме прочего, определила общие направления по созданию

специализированных судов, коим может или, скорее, должен стать институт следственных судей. Концепцией 1991 г. предусматривалось создание специализированных судов, предварительно – специализированных судебных коллегий в федеральных и республиканских общих судах. Примерами реализации положений Концепции 1991 г. могут стать создание административной юстиции в нашей стране путем принятия в 2015 г. КАС РФ или арбитражных судов.

В структуре судебной системы, показанной в Концепции 1991 г., мировой суд (единолично – судья) наделяется такими полномочиями, как рассмотрение материалов об административных правонарушениях, рассмотрение дел об уголовных проступках, дел частного обвинения, рассмотрение вопросов, связанных с исполнением приговора, рассмотрение малозначительных гражданских дел, судебный контроль за следствием (вне зависимости от подследственности уголовного дела и уровня следственного подразделения, производящего по нему расследование). В зависимости от судебного состава федеральный районный суд представлен в Концепции 1991 г. в виде одного профессионального судьи, одного профессионального судьи и коллегии присяжных заседателей в составе 12 человек, трех профессиональных судей. Последний из представленных судебных составов федерального районного суда может являться второй инстанцией для мировых судов (рассмотрение жалоб и протестов на решения и приговоры мировых судей в апелляционном порядке).

При такой организации деятельности мировой юстиции по рассмотрению материалов органов, осуществляющих ОРД (органов предварительного расследования), ограничивающих права личности, а также жалоб на решения и действия указанных органов, вполне разрешаются многие вопросы судебной проверки (судебного контроля). Это и организация следственных судов в мировой

1 Справка по результатам обобщения информации судов субъектов Российской Федерации об использовании ювенальных технологий судами общей юрисдикции // Вопросы ювенальной юстиции. 2010. N 4. URL: <http://www.juvenjust.org/txt/index.php/t1520.html> (дата обращения: 19.08.2025).

2 О Концепции судебной реформы РСФСР : постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 N 1801-1 // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. N 44. Ст. 1435.

юстиции, наличие второй инстанции в лице трех профессиональных судей федерального районного суда. Для организации следственных судей по данному сценарию не потребует больших затрат из бюджета, так как все кадровые вопросы, размещение и оснащение могут быть решены за счет имеющихся ресурсов при условии соблюдения действующего порядка санкционирования следственных действий (ст. 165 УПК РФ) и оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) (ст. 9 закона об ОРД) по месту их проведения или нахождения органа-инициатора.

Таким образом, на сегодняшний день в России предлагаются несколько моделей организации деятельности следственных судей:

в структуре судебной системы, начиная с уровня субъектов Федерации (концепция СПЧ);

как отдельный институт судебной власти, не входящий ни в систему судов общей юрисдикции, ни в структуру иных правоохранительных органов (доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права России);

в системе судов общей юрисдикции, начиная с уровня районных судов (функциональная специализация судей);

как специализация мировых судей (Концепция судебной реформы в РСФСР 1991 г.) [12, с.128-130].

Нам импонирует модель введения института следственных судей, изложенная в Концепции 1991 г., где таковой выступает именно мировая юстиция. При таком варианте введения исследуемого института разрешаются многие проблемные вопросы: распределение следственных судей по территории административно-территориального образования (района), наличие вышестоящей инстанции в пределах этого же района, несвязанность следственного судьи с рассмотрением в дальнейшем уголовного дела, основанием для возбуждения которого станут санкционируемые им ОРМ (в том числе и потому, что вообще дела данными судьями рассматриваться не будут), а следовательно, решения указанного суда преюдициального значения для последующей (в данном случае – отложенной) судеб-

ной проверки в рамках рассмотрения уголовного дела по существу для федерального суда и вышестоящего не будут иметь. При наличии к тому оснований суд, рассматривающий дело по существу, сможет отменить судебное решение мирового суда, выступающего в качестве следственного суда, и исключить доказательства, основанные на результатах ОРМ или следственных действиях, санкционированных им.

Представляется, что результаты эксперимента по внедрению должностей следственных судей в отдельные регионы способны выявить положительные и отрицательные стороны функционирования этого института на практике, помогут эффективно реализовать полученный субъектами Российской Федерации опыт, учесть недостатки, а также определят дальнейшую судьбу и целесообразность введения института следственных судей на всей территории страны.

Привлекательным нам представляется подход, при котором функции судебной проверки (судебного контроля) и правосудия могут и должны быть отделены друг от друга. Вместе с тем должен быть решен вопрос и об обжаловании решений следственного судьи, что непременно является отражением признаков правового государства. Предложения по данному вопросу различные.

В.И. Руднев, например, полагает, что «не исключено, что развитие этого института повлечет создание апелляционной инстанции по рассмотрению жалоб и представлений на решения, вынесенные следственным судьей» [14, с. 107]. «Это значит, что такое обжалование должно осуществляться в вышестоящем органе этого же судебном-следственного ведомства. Данный вид обжалования ... должен иметь форму коллегиального рассмотрения жалобы, что не нарушит авторитета следственного судьи, принявшего решение единолично, и послужит повышению качества самого обжалования. Таким органом могла бы стать коллегия следственных судей, или следственная коллегия» [7, с. 117].

По мысли Н.А. Юркевича, «назвать этот орган можно было бы, к примеру, «апелляционный следственный суд», а судьи этого суда

могли бы занимать должности «следственного судьи». Сосредоточив различные направления судебного контроля в одном органе, отделенном от судов, отправляющих правосудие, с одной стороны, мы получим орган, который не будет отвлекаться на решение иных вопросов, что сделает его деятельность эффективной, с другой – повысим гарантии осуществления правосудия, ибо исключим ситуации, когда один и тот же судья сначала положительно решает вопросы, связанные с производством следственных действий на предварительном следствии, потом – о продлении срока содержания обвиняемого под стражей на предварительном слушании, а затем рассматривает дело в отношении этого же обвиняемого по существу [22, с. 259-261].

Не разделяет подход судья О.А. Мядзелец и отмечает, что «с данным предложением вряд ли можно согласиться. Подобная судебная структура может оказаться излишним, паразитирующим звеном в судебной системе. В профессиональном плане весьма сомнительно, чтобы члены следственной коллегии, будучи оторванными, изолированными от осуществления функции рассмотрения и разрешения уголовных дел по существу, не искушенными в тонкостях процесса доказывания по уголовным делам, хорошо ориентировались в вопросах законности и обоснованности принимаемых органами уголовного преследования решений в досудебном производстве. Можно с уверенностью прогнозировать, что в силу гораздо меньшей престижности фигуры следственного судьи корпус федеральных судей судов общей юрисдикции не станет кузницей кадров для так называемого судебно-следственного ведомства. Есть опасения и в том, что данное ведомство, будучи затратным для государственной казны, может оказаться мало загруженным¹, а применительно к двух-, трехсоставным судам вообще подобная идея объективно трудно реализуема». На взгляд автора, идея введения в российский уголов-

ный процесс и судебную систему фигуры следственного судьи имеет больше минусов, чем плюсов, и она должна быть проработана более тщательно и апробирована в качестве правового эксперимента в нескольких судах, по аналогии с поэтапным внедрением в России международных стандартов отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (ювенальной юстиции) [10, с. 40-41].

Таким образом, специалисты предлагают следующие варианты введения института следственных судей и анализа его эффективности в Российской Федерации:

- внедрение данного института первоначально в нескольких регионах, с последующим распространением на всю страну (по аналогии с судом присяжных [18, с. 9];

- введение четырех следственных судей в каждом регионе (модель А.В. Смирнова). Очевидный недостаток – в субъектах Российской Федерации различная численность населения и разный уровень преступности, поэтому одинаковое количество следственных судей в регионах явно недостаточно обосновано;

- введение института следственных судей на уровне судов районного уровня до выявления доказанной эффективности [11, с. 37].

Мы считаем, что эксперимент по введению института следственных судей должен быть осуществлен территориально на районном (окружном) уровне и на примере функционирования мировой юстиции.

Деятельностный элемент или роль следственного судьи на этапах судебной проверки материалов ОРД (оперативная, текущая, последующая, отложенная).

В рассмотрении вопросов модели деятельности следственных судей в Российской Федерации немаловажным является и вопрос о значении решений следственного судьи, принятых им на досудебных стадиях уголовного процесса, в том числе и в рамках ОРД, для рассмотрения в последующем уголовного

¹ Ежегодно в порядке ст. 125 УПК РФ судьями всех районных (городских) судов России рассматриваются 55-60 тыс. жалоб, т.е. на одного судью приходится примерно 3-4 такие жалобы (по данным О.А. Мядзелец на 2008 г.). По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, статистика жалоб следующая: за 2020 г. – 107472 жалоб, за первое полугодие 2025 г. – 58666 обращений (URL:<http://www.cdep.ru> (дата обращения: 15.02.2026)), что говорит о динамике роста обжалования действий и решений органов предварительного расследования и органов, осуществляющих ОРД.

дела по существу. Иначе говоря, как будет организована деятельность следственного судьи при проведении судебной проверки на предмет законности материалов о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права личности, и будут ли иметь преюдициальное значение для суда, отправляющего правосудие, решения следственного судьи?

Обоснованной представляется позиция А.В. Гришина о том, что не совсем верным видится положение о «презумпции приоритета доказательств, полученных «следственным судьей» и автоматически приобретших статус судебных доказательств перед другими, что вполне может стать коррупционным фактором, создающим возможность совершения коррупционных действий и (или) решений следственным судьей» [4]. Полагаем, преюдициального значения такие решения иметь не должны. Продемонстрируем модель рассмотрения материалов о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права личности, специализированным судьей – мировым, через призму этапов судебной проверки и значение решений такого судьи для суда, рассматривающего впоследствии уголовное дело по существу (осуществляющего правосудие).

Судебная проверка материалов ОРД может проводиться в рамках следующих этапов (стадий): предварительная (материалы представляются для проверки законности и санкционирования судом до проведения ОРМ); текущая (материалы представляются для проверки и принятия решения судом о законности проведения ОРМ до истечения 48 часов с момента начала проведения после его уведомления об этом); последующая (материалы представляются в суд для проверки законности проведения ОРМ по истечении 48 часов с момента начала проведения, когда оперативное подразделение прекратило проведение ОРМ); отложенная (результаты ОРМ, ограничивающие конституционные права личности, имеющиеся в уголовном деле и положенные в основу обвинения, проверяются судом, осуществляющим правосудие, при рассмотрении уголовного дела по существу).

При поступлении материалов о проведении ОРМ специализированному судье в

статусе мирового (предварительная судебная проверка) последний проверяет обоснованность, мотивированность и соответствие закону представленных материалов, при необходимости запрашивает дополнительные материалы, обосновывающие ходатайство, и по результатам принимает решение о проведении искомого ОРМ или об отказе в этом. В случае если оперативное подразделение не согласно, оно вправе обратиться в вышестоящий суд. В данном случае – федеральный районный суд, являющийся одновременно апелляционной инстанцией для мирового судьи. При несогласии с решением апелляционной инстанции на районном уровне у оперативного подразделения остается возможность обратиться в суд субъекта Российской Федерации и далее в суд высшей инстанции. При текущей и последующей судебных проверках, процедура рассмотрения материалов ОРД в целом аналогична предварительной проверке.

Наибольший интерес представляет отложенная судебная проверка, так как материалы ОРД уже находятся в уголовном деле, поступившем в суд с обвинительным заключением, и задача суда, рассматривающего дело по существу, – оценить доказательства с точки зрения законности их получения. Здесь, согласно правилам подсудности, уголовное дело должно быть рассмотрено судом не ниже федерального районного суда, так как по делам, подсудным мировому судье, ОРМ, ограничивающие права личности, не проводятся ввиду их небольшой тяжести. Кроме того, специализированные следственные судьи уровня мировых, как представляется, вообще не будут рассматривать уголовные дела. Среди всего объема доказательств в данном случае присутствуют и результаты ОРМ, санкционированные мировым судьей. Суд при заявленном ходатайстве стороны или по собственной инициативе может исключить доказательства, основанные на результатах ОРМ, санкционированных ранее следственным судьей, в случае усмотрения в них нарушения закона. Преюдициального значения для данного суда решение следственного судьи иметь не будут. И если был нарушен порядок санкционирова-

ния таких ОРМ, то решение мирового судьи в порядке отложенной судебной проверки материалов ОРД судом, отправляющим правосудие, может быть отменено.

Таким образом, считаем, что введение института следственных судей на уровне ми-

ровой юстиции вполне соответствует предъявляемым для этого требованиям по порядку рассмотрения как материалов ОРД, ограничивающих конституционные права граждан, так и жалоб на действия органов, осуществляющих ОРД.

Библиографический список

1. Безрядин, В.И. К вопросу об институте следственного судьи или судебного следователя / В. И. Безрядин // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития : материалы всероссийской научно-практической конференции. – СПб., 2017. – С. 23-26.
2. Борисов, К.А. Введение института следственных судей и реформирование суда присяжных: критические замечания / К.А. Борисов // Платон. – 2015. – N 2. – С. 42-43.
3. Галимов, О.Х. Институт следственных судей в Российской Федерации требует комплексного подхода / О.Х. Галимов, М.А. Галимова // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2016. – N 4 (25). – С. 83-90.
4. Гришин, А.В. Актуальные вопросы целесообразности введения, определения компетенции и порядка формирования института следственных судей в Российской Федерации // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : материалы всероссийской научно-практической конференции. – Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015. – С. 121-134.
5. Давлетов, А.А. Следственный судья в современной модели уголовного процесса / А.А. Давлетов, Н.В. Азаренок // Российский судья. – 2020. – N 6. – С. 19-26.
6. Ковтун, Н.Н. «Следственный судья» или «судебный следователь»: судебная реформа требует определенности в терминах / Н.Н. Ковтун // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвузовский сборник научных трудов международной научно-практической конференции / под ред. В.А. Лазаревой. Вып. 5. – Самара, 2010. – С. 335-341.
7. Макаркин А. И. Состязательность на предварительном следствии = Contentiousness at the stage of preliminary investigation / А. И. Макаркин ; науч. ред. В.В. Вандышев. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 263 с.
8. Милова, И.Е. Следственный судья: возрождение института / И.Е. Милова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2016. – Т. 1. – N 2. – С. 196-202.
9. Момотов, В.В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание / В.В. Момотов // Журнал российского права. – 2018. – N 10. – С. 134-146.
10. Мяззелец, О.А. Следственный судья в уголовном процессе России: за и против / О.А. Мяззелец // Российская юстиция. – 2008. – N 6. – С. 39-41.
11. Олейник, Д.А. К вопросу о следственных судьях в Российской Федерации / Д.А. Олейник // Общество. Закон. Правосудие. – 2020. – N 2. – С. 33-37.
12. Петрякова, А.В. Институт следственных судей: размышления в ожидании концепции Верховного Суда / А.В. Петрякова, О.А. Степанов // Управление, экономика и общество – 2020: проблемы и пути развития : сборник статей международной научно-практической конференции. – Челябинск, 2020. – С. 128-130.
13. Поддубняк, А.А. Возрождение института следственных судей в РФ / А.А. Поддубняк, И.М. Авдеев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – N 3. – Т.6. – С. 227-233.

14. Руднев, В.И. О необходимости введения в УПК РФ должности следственного судьи / В.И. Руднев // Вестник Нижегородской правовой академии. – 2015. – N 5(5). – С.105-107.
15. Савицкая, И.Г. Процессуальные и организационные проблемы становления института следственных судей (судебных следователей) в России: история и современность / И.Г. Савицкая // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сборник материалов международной конференции к 60-летию д.ю.н., проф., заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка. – Орел: ОрЮИ МВД России, 2016. – С. 314-318.
16. Сбоев, А.С. Механизм судебного контроля в досудебном производстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.С. Сбоев. – Челябинск, 2004. – 21 с.
17. Синельщиков, Ю.П. Пути модернизации российского уголовного процесса: создание института следственных судей либо расширение полномочий прокурора / Ю.П. Синельщиков // Законность. – 2018. – N 5. – С.54-58.
18. Тришева, А.А. Институт следственных судей – необходимое условие состязательного судопроизводства / А.А. Тришева // Законность. – 2009. – N 7. – С. 2-9.
19. Федотов, И.С. Судебный контроль в досудебном производстве по уголовным делам / И.С. Федотов // Уголовное право. – 2016. – N 5. – С. 94-100.
20. Чаплыгина, В.Н. Следственный судья в уголовном процессе России: TO BE OR NOT TO BE / В.Н. Чаплыгина // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2015. – N 15-1. – С. 226-228.
21. Шарифуллин, Р.А. Проблемы и перспективы создания института следственного судьи в уголовном процессе России / Р.А. Шарифуллин, Р.С. Бурганов, Р.Г. Бикмиев // Мировой судья. – 2020. – N 5. – С. 16-21.
22. Юркевич, Н.А. К вопросу о субъекте осуществления судебного контроля / Н.А. Юркевич // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – N 1(57). – Т. 2. – С. 259-261.

УДК 343.1

Андрей Иванович ТАМБОВЦЕВ,
доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности в ОВД
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент
bestcopat@mail.ru

Николай Владимирович ПАВЛИЧЕНКО,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказания
Российской Федерации (г. Москва),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
pavlichenko.pro@mail.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ИСХОДЯ ИЗ ФОРМЫ ИХ ПРОВЕДЕНИЯ

CLASSIFICATION OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES BASED ON THE FORM OF THEIR CONDUCTING

Проанализировав с этимологической точки зрения термины «негласность» и «гласность» и спроецировав свои выводы на оперативно-розыскные мероприятия, проводимые в соответствующей форме, авторы осуществили классификацию оперативно-розыскных мероприятий исходя из формы их проведения: гласные оперативно-розыскные мероприятия – проводимые без принятия субъектами (исполнителями) специальных мер по сокрытию самого факта проведения; негласные оперативно-розыскные мероприятия – проводимые с обязательным принятием субъектами (исполнителями) специальных мер по сокрытию прежде всего самого факта проведения; легендированные оперативно-розыскные мероприятия – проводимые под видом гласных действий неоперативного характера, основой которых является разработанная легенда и соответствующие ей линии поведения субъектов (исполнителей), оперативные гардеробы, документы прикрытия, специальные технические средства, аксессуары и пр.; смешанные оперативно-розыскные мероприятия – проводимые в зависимости от оснований, условий и иных обстоятельств в юридически и тактически обусловленном формате – полностью или частично (по кругу лиц или времени) негласном, негласном с последующим рассекречиванием и передачей результатов в процесс, негласном с последующим переходом в гласный при достижении результатов.

Having analyzed the terms «secrecy» and «publicity» from etymological point of view and projected their conclusions onto operational search activities conducted in an appropriate form, the authors classified operational search activities based on the form of their conduct: public operational search activities – conducted without taking special measures by the subjects (performers) to conceal the fact itself; undercover operational search activities – conducted while taking mandatory special measures to conceal, first of all, the very fact of conducting; operational search activities under an alias – conducted under the guise of public actions of a non-operational nature, underpinned by a developed cover story and the corresponding lines of behavior of subjects (performers), cover (disguising) wardrobes, cover documents, special technical means, accessories, etc.; mixed operational-search activities - conducted depending on the grounds, conditions and other circumstances in a legally and tactically determined format - fully or partially covert (depending on the circle of persons or time); covert, followed by the subsequent declassification and transfer of the results to the process; covert, followed by the subsequent transition to public upon achievement of results.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, классификация, гласность, негласность, открытость, форма проведения

Keywords: operational search activities, operational search measures, classification, publicity, secrecy, openness, form of conducting.

Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – закон об ОРД) в ст. 1 четко обозначил формы реализации оперативно-розыскной деятельности: «Оперативно-розыскная деятельность – вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно». В связи с тем, что в этой же статье зафиксировано, что оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) реализуется посредством оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), можно сделать вывод, что сами оперативно-розыскные мероприятия, проводимые в рамках оперативно-розыскных целей, также могут быть реализованы исключительно в двух формах: гласной и негласной. Подобное деление с формальной точки зрения упрощает понимание оперативно-розыскной деятельности в целом и оперативно-розыскных мероприятий в частности, но, к сожалению, не раскрывает весь спектр оперативно-тактических ситуаций, которые возникают в практике борьбы с преступностью.

Глубокий анализ специальной литературы, посвященной проблемам оперативно-розыскной деятельности, показал, что абсолютно все без исключения исследователи оперативно-розыскных мероприятий среди прочих классификаций предлагали и классификацию в зависимости от формы их проведения, разделяя все ОРМ на гласные и негласные, а также на проводимые в смешанном гласно-негласном формате [2, с. 23-24; 9, с. 89; 13, с. 285-288;], что всецело соответствует многовековой оперативно-розыскной практике.

Будучи принципиально солидарны с указанной позицией, мы тем не менее имеем некоторые сомнения в том, какие именно ОРМ и в каких ситуациях следует считать гласными или негласными и как с этих позиций должны оцениваться так называемые «легендированные» или «зашифрованные» оперативно-розыскные мероприятия, предполагающие частичную (в отношении цели ОРМ, субъекта проведения, а также по времени действия или кругу лиц) негласность. При этом неосведомленность лица (группы лиц) или некоего социума об ОРМ может достигаться как сокрытием самого факта (проведения его в тайне от всех), так и правомерным введением лиц в заблуждение об истинности происходящих событий, что, с одной стороны, указывает на гласность события (ОРМ), с другой – на неосведомленность окружающих о его действительной сути, цели, направленности.

Для понимания этого вопроса считаем важным определиться с категориями «гласность» и «негласность», используемыми для описания формы проведения оперативно-розыскной деятельности. Интересно, что в различных сочетаниях эти два термина в оперативно-розыском законе используются более 20 раз, что говорит об их фундаментальном значении.

С этимологической точки зрения «гласность» означает «доступность общественному обсуждению, контролю, публичность»¹, «открытость тех или иных общественно значимых процедур и процессов»², «открытость, доступность информации для общественно-го ознакомления, обсуждения, для контроля

1 Толковый словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=10390> (дата обращения: 18.08.2025).

2 Большой юридический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/law> (дата обращения: 18.08.2025).

деятельности учреждений, организаций и должностных лиц»¹. Иными словами, применительно к оперативно-розыскной деятельности термин «гласность» означает открытость оперативно-розыскной информации и ее производных для общественного ознакомления. Термин «негласность» за счет использования приставки «не-» несет отрицательное значение и в противопоставлении термину «гласность» не допускает распространение оперативно-розыскной информации за пределы лиц, ею обладающих на законных основаниях. Законность наличия самой негласности и скрытости информации, образуемой в оперативно-розыскной деятельности, как «статическое состояние системы, скрываемой от определенных лиц» [подр.: 10, с. 112] подтверждено в определении Конституционного Суда РФ, где говорится, что оперативно-розыскная деятельность объективно невозможна без значительной степени секретности².

Таким образом, «гласность» и «негласность» представляют две крайние, абсолютные и не пересекающиеся плоскости, находящиеся на противоположных сторонах. Проще говоря, информация либо гласная, либо негласная. Вместе с тем в пространстве между этими плоскостями могут находиться промежуточные варианты (мы это попробуем доказать), включающие в себя относительно гласные и относительно негласные оперативно-розыскные мероприятия, а также их оптимальное сочетание, позволяющее решать оперативно-розыскные задачи. И это не голословное утверждение. Как нам говорит принцип сочетания гласных и негласных методов и средств (ст. 3 закона об ОРД «Принципы оперативно-розыскной деятельности»), оптимальное достижение оперативно-розыскных целей возможно только при эффективном и сбалансированном использовании гласных и негласных возможностей оперативно-розыскной деятельности в целом и оперативно-розыскных мероприятий в частности.

С учетом изложенного, общепризнанные в оперативно-розыскной науке, практике и педагогике академические (т.е. преподаваемые в ведомственных учебных заведениях воззрения, имеющие статус безусловного учебного постулата) варианты ОРМ «опрос» – «гласный без зашифровки цели или принадлежности к ОРО»; «гласный с зашифровкой цели»; «негласный без зашифровки цели или принадлежности к ОРО»; «негласный с зашифровкой цели или принадлежности к ОРО» прямо указывают на наличие полностью гласных форм «опроса» и условно гласных – допускающих сокрытие не факта его проведения, но определенных обстоятельств. Аналогичное деление допускается и по отношению к ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», называемому в профессиональной среде «оперативный осмотр» [1, с. 253-254; 3, с. 77-84]. Это, в свою очередь, делает полемичной попытку отнесения указанных оперативно-розыскных мероприятий категорично к классу «проводимых гласно» по форме проведения.

В то же время мы вполне допускаем гипотетические возможности осуществления ОРМ не только в нами указанных, но и в иных формах, обусловленных потребностями и условиями оперативной практики (табл.)

Казалось бы, гласность проведения любого ОРМ предполагает его абсолютно «открытый» для всех окружающих характер и необязательность сохранения субъектом (исполнителем) в тайне от кого бы то ни было прежде всего самого факта проведения ОРМ, а также обстоятельств его проведения – цели, ведомственной принадлежности субъекта и пр., на что справедливо указывают ряд авторов [5; 6]. В иных случаях гласность такого оперативно-розыскного мероприятия сомнительна, ибо определенные обстоятельства все-таки должны быть скрыты, что указывает если не на полную, то на частичную его негласность.

1 Большой энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/> (дата обращения: 18.08.2025).

2 По делу о проверке конституционности отдельных положений федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой : определение Конституционного Суда РФ от 14.07.1998 N 86-О // Российская газета. 1998. 11 авг.

ОРМ	Гласно	Гласно с зашиф- рой цели / принад- лежности к ОРО	Негласно	Негласно с зашиф- ровкой цели / принадлежности к ОРО	Легендированно	Смешанно
Опрос	+	+	+	+	+	
Наведение справок	+	+	+	+	+	
Сбор образцов для сравнительного исследования	+	+	+	+	+	
Проверочная закупка			+			+
Исследование предметов и документов	+	+	+		+	
Наблюдение	+		+		+	
Отождествление личности	+	+	+	+	+	
Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств	+	+	+	+	+	
Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений			+			
Прослушивание телефонных переговоров			+			
Снятие информации с технических каналов связи			+			
Оперативное внедрение			+		+	
Контролируемая поставка			+			+
Оперативный эксперимент			+			+
Получение компьютерной информации			+			

При этом полагаем необходимым акцентировать внимание на том, что гласность проведения ОРМ (как и гласность оперативно-розыскной деятельности и уголовного судопроизводства вообще) не означает обязанности субъектов ОРД инициативно уведомлять общество о самом факте подготовки и проведения ОРМ (о чем мы ранее уже писали) [подр.: 12, с. 130-136] и его обстоятельствах по аналогии со ст. 63 «Порядок ликвидации юридического лица» Гражданского кодекса Российской Федерации. Подобное делало бы бессмысленным не только конкретное оперативно-розыскное мероприятие, но и ОРД в целом, практически сводя на «нет» и аннигилируя ее наступательный и разведывательный характер, признанный Конституционным Судом РФ.

В свете сказанного представляется обоснованным считать гласными те оперативно-розыскные мероприятия, подготовка и проведение которых не требует ни от субъектов (исполнителей), ни от иных участников

скрывать какие-либо факты и обстоятельства. Хотя несомненно, что и в таких случаях гласность все равно будет условной, ибо некоторые организационно-тактические аспекты в любом случае не будут раскрываться исполнителями в интересах и ОРД и уголовного судопроизводства.

Рассуждая от обратного, негласными следует считать мероприятия, подготовка и проведение которых предполагает сохранение в тайне от заинтересованных лиц и/или социума вообще прежде всего самого факта ОРМ, а также некоторых или даже всех без исключения его обстоятельств. Но тут возникают сразу несколько вопросов, затрагивающих оба вышеизложенных тезиса.

Во-первых, самый простой анализ организационно-тактических и функционально-технических составляющих оперативно-розыскных мероприятий свидетельствует, что некоторые ОРМ могут функционально проводиться исключительно в негласном формате. Такими мероприятиями являются

комплексные или электронные виды ОРМ «наблюдение», «прослушивание телефонных переговоров», «снятие информации с технических каналов связи», «оперативное внедрение», «получение компьютерной информации». Однако некоторые особенности перечисленных ОРМ позволяют усомниться в их исключительно негласном характере.

Так, ОРМ «оперативное внедрение» априори проводится только в негласном формате¹ и не предполагает «трансформацию» в гласное мероприятие, ибо оно само непосредственно не дает результаты в виде информации, хотя безусловно способствует этому.

Мероприятия же, проведенные внедренным лицом, уже могут носить «смешанный» характер, но как их оценивать с позиции негласности? Полагаем, что их следует считать самостоятельными и оценивать с позиций и критериев, свойственных именно им, а не оперативному внедрению, в том числе и с позиции возможной последующей процессуализации (предания гласности в уголовном судопроизводстве) полученных результатов. Что же касается проведения иных оперативно-розыскных мероприятий внедренным лицом, то считаем это возможным исключительно в негласном или легендированном формате, так как гласная форма очевидно приведет к расшифровке внедренного лица (если только это специально не планировалось на данном этапе), обесценит само оперативное внедрение и практически уничтожит его потенциальные разведывательные перспективы.

Комплексные и/или электронные виды наблюдения, прослушивания телефонных переговоров, снятия информации с технических каналов связи также проводятся исключительно негласно, однако следственная и судебная практика последних 10-15 лет показывает, что их результаты все активнее и успешнее используются в суде в качестве доказательств. То есть результаты указанных

ОРМ, проведенных негласно, рассекречиваются и передаются в процесс в соответствии с процедурами, предусмотренными приказом МВД России². В данном случае сам факт проведения указанных ОРМ (хоть и без раскрытия его организационно-тактических и технических аспектов) и полученные результаты становятся достоянием гласности. Можно ли в таком случае считать само ОРМ негласным? С одной стороны, оно было проведено негласно, и это неоспоримо. Без предания гласности его результатов оно таким бы (негласным) и осталось. Но, с другой стороны, уполномоченным руководителем оперативного подразделения принято обоснованное решение о возможности предания гласности отдельных аспектов (некоторых обстоятельств – время, место, объекты, условия и пр. и результатов) проведенных ОРМ для решения задач уголовного судопроизводства и, что очень важно, без какого-либо ущерба для оперативного подразделения и непосредственных исполнителей. Убеждены, что возможность гласного использования в уголовном процессе полученных результатов оперативно-розыскных мероприятий, проведенных негласно, не делает данные мероприятия гласными или даже смешанными, если факт их проведения не раскрывался в процессе проведения.

В то же время в соответствии с ч. 6 ст. 8 закона об ОРД «Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий» «в случае возникновения угрозы жизни, здоровью, собственности отдельных лиц по их заявлению или с их согласия в письменной форме разрешается прослушивание переговоров, ведущихся с их телефонов...». Очевидно, что в данном случае негласность такого ОРМ является относительной, ибо о факте прослушивания уже известно кому-то (заявителю и, возможно, его близким) помимо исполнителей. Возникает дилемма: к какому виду (груп-

1 На наш взгляд, оперативно-розыскное мероприятие «оперативное внедрение» имеет двойственную природу. С одной стороны, оно предполагает исключительно негласный характер проведения. Но с другой – оно осуществляется легендированно. Более подробные рассуждения об этом изложены нами далее.

2 Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России, МО России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27.09.2013 N 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. N 26, ст.3207.

пе / классу) отнести данное мероприятие? Функционально оно осуществляется негласно и к тому же особыми (негласными) субъектами. Но организационно и документально оно инициировано заявителем (который очевидно осведомлен о предстоящем факте), а при непосредственном осуществлении еще и третьи лица (родственники или близкие заявителя) могут быть проинструктированы о желательном речевом поведении, что также автоматически делает их информированными о происходящем. То есть данное изначально негласное ОРМ становится отчасти гласным. Как оценивать его в этом случае – частично/условно негласным или частично/условно гласным; негласным по кругу лиц? Интересные рассуждения об этом наших коллег с делением таких ОРМ на «абсолютно негласные» и «относительно негласные» представлены ниже. Полагаем, что выбор наименования группы (класса) ОРМ тут субъективен и полностью зависит от исследователя!

Во-вторых, очевидно, что «полностью гласное» мероприятие ситуативно может быть проведено так, что без всяких специальных целенаправленных действий со стороны субъекта проведения (исполнителя), о факте и обстоятельствах его проведения будет никому не известно. Такими оперативно-розыскными мероприятиями могут быть гласный «опрос» очевидца преступления, ситуативно (случайно) проведенный вне поля зрения кого бы то ни было, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, проведенное открыто, но оставшееся неизвестным для подозреваемого, наведение справок, осуществленное оперативным сотрудником из собственного кабинета, о чем также неизвестно никому, исследование предметов и документов», которое объективно проводится в экспертном учреждении «за закрытыми дверями», но формально – абсолютно гласно. Делает ли это обстоятельство негласным подобное гласное мероприятие? Полагаем, что не делает!

Как было сказано выше, гласность ОРМ не означает обязательность обеспечения его публичного (демонстративного) характера,

в связи с чем случайно «возникшая» неосведомленность общества о факте проведения данного оперативно-розыскного мероприятия, не делает его негласным, хотя формально оно таким является. Ранее о данной проблематике писал Д.Б. Панюшин [11, с. 3221-3225], который, ссылаясь на работы С.Я. Малышева и Н.Н. Киселева, указывал на прагматичность такого критерия разделения ОРМ на гласные и негласные, как «принятие или непринятие сотрудником оперативного подразделения мер негласности (мер недопущения осознания заинтересованным лицом факта осуществления в отношении него оперативно-розыскной деятельности)». Полагаем, что предложенный нашими коллегами вышеупомянутый критерий наиболее оптимально и точно отражает принципиальную разницу между гласными и негласными мероприятиями.

В-третьих, делает ли сокрытие (а вернее – зашифровка) части реальной информации о некоторых обстоятельствах оперативно-розыскного мероприятия, например его цели, ведомственной принадлежности исполнителя, негласным само мероприятие? Ведь факт его проведения не скрывается. Однако скрываются иные обстоятельства, которые, будучи гласными, не позволили бы решить стоящие перед оперативным подразделением задачи вообще или наиболее рационально (рентабельно). То есть в этом случае такие мероприятия также нельзя категорично отнести ни к гласным, ни к негласным. Полагаем, что подобные мероприятия являются мероприятиями смешанного типа. При этом если мероприятие изначально является негласным (т.е. от общества скрывается сам факт его проведения), то зашифровка при этом цели или ведомственной принадлежности исполнителя не делает его «дважды негласным». Это будет являться лишь его тактической разновидностью!

В-четвертых, признавая сложность обеспечения неограниченной по времени и кругу лиц негласности при проведении ОРМ и осуществлении ОРД как таковой, следует признать целесообразность и рациональность обеспечения негласности в отношении

не всего социума, а конкретных лиц (например, проверяемых и разрабатываемых) и на ограниченное время, достаточное для реализации полученной информации, решения тактических и стратегических задач ОРД и судопроизводства. То есть в данном случае обеспечение негласности будет не абсолютным, а относительным, т.е. ограниченным – по кругу лиц или по времени, что также дает основание считать подобные ОРМ мероприятиями «смешанного» типа.

В свете изложенного, интересными и справедливыми представляются воззрения профессора В.Г. Боброва и цитирующего их авторского коллектива учебника «Теория оперативно-розыскной деятельности»: «Негласное проведение ОРМ предполагает их осуществление в тайне от других лиц, в первую очередь проверяемых, разрабатываемых, обвиняемых, их связей и т.д. Негласность таких ОРМ условна. Она может быть абсолютной и относительной. При абсолютной негласности о проведении ОРМ осведомлены только оперативники, их осуществляющие, а также лица, действующие по их поручению и непосредственно выполняющие эти мероприятия (конфиденты, сотрудники подразделений специальных технических мероприятий, оперативно-поисковых подразделений). При относительной негласности ОРМ об их проведении не знают только граждане, в отношении которых они осуществляются, а их результаты, полученные в тайне от заинтересованных лиц, в дальнейшем могут быть преданы гласности» [13, с. 286].

К сожалению, достижение абсолютной негласности практически невозможно (за исключением самых простых оперативно-розыскных мероприятий, например опрос, отождествление личности, наблюдение). Осведомленными о проведении негласного мероприятия могут быть (1) оперативные сотрудники, работающие совместно с инициатором оперативно-розыскного мероприятия, (2) лица, действующие по их поручению и непосредственно выполняющие эти мероприятия (конфиденты, сотрудники подразделений специальных технических мероприятий, оперативно-поисковых подразде-

лений), (3) «понятые» – лица, привлекаемые для фиксации «факта, содержания, хода и результатов совершения в его присутствии оперативно-розыскных мероприятий, их элементов или действий» [8], (4) лица, санкционирующие оперативно-розыскные мероприятия: руководитель органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, при санкционировании проверочной закупки, контролируемой поставки оперативного эксперимента, оперативного внедрения (ч. 8 ст. 8 закона об ОРД); судья при санкционировании оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан (ч. 2 ст. 8 закона об ОРД). Кроме того, в эту категорию входят в отдельных случаях (5) делопроизводители, (6) технические сотрудники и т.д. Количество осведомленных лиц о проведении отдельных негласных мероприятий может достигать 10-15 человек, а в отдельных случаях и более.

В-пятых, отдельного рассмотрения заслуживают так называемые легендированные (или в интерпретации некоторых авторов – «зашифрованные») оперативно-розыскные мероприятия. Несмотря на длительное исследование многочисленными учеными разнообразных теоретических и практических аспектов легендированных ОРМ [4, с. 147-158; 7, с. 261-262; 14, с. 39-43], в научном сообществе до сих пор нет единства в оценках сущности и наименований таких мероприятий.

Так, авторский коллектив учебника «Теория оперативно-розыскной деятельности» констатирует: «В ОРД существует такая разновидность ОРМ, как зашифрованные, т.е. мероприятия, при проведении которых скрывается их истинная цель и (или) ведомственная принадлежность субъектов» [13, с. 178], о чем мы писали выше, рассуждая о гласных и негласных видах ОРМ с зашифровкой или без зашифровки цели/ведомственной принадлежности. Особенности зашифровки цели или ведомственной принадлежности в таких случаях являются специально сформулированные вопросы, косвенно или опосредованно относящиеся к истинной цели ОРМ, но позволяющие по ответам получить искомую информацию.

В то же время этим же авторским коллективом утверждается, что «особой разновидностью гласно-негласных ОРМ можно считать так называемые зашифрованные ОРМ, истинная цель которых от заинтересованных лиц скрывается под видом гласных действий иного, отвлекающего характера и содержания» [13, с. 282]. То есть здесь в основе зашифровки уже лежит некая легенда и соответствующие ей линии поведения, экипировка, документы прикрытия и пр., на что авторы учебника также справедливо указывают. Именно поэтому мы предлагаем подобные мероприятия именовать «легендированными», а не «зашифрованными», ибо зашифровка цели и/или ведомственной принадлежности возможны и при совершенно гласном ОРМ, проводимом без какой-либо разработанной и материально обеспеченной легенды.

Факт проведения легендированного ОРМ, безусловно, является гласным событием, но событием иной (не оперативно-розыскной и зачастую даже не правоохранной) природы. Его истинное содержание, конечно же, тщательно скрывается исполнителями посредством использования уместной, обоснованной и «материализованной» для конкретной ситуации и объекта интереса оперативных подразделений легенды, соответствующих ей же документов прикрытия, оперативных гардеробов и аксессуаров и пр. В связи с этим представляется возможным с некоторой долей условности быть уверенным в том, что реальный смысл происходящего (проводимого ОРМ) никому из окружающих и особенно тем, в отношении кого оно проводится, не понятен. И факт проведения ОРМ, как некое событие в пространстве и времени, никем не отождествляется именно как оперативно-розыскное мероприятие, а ассоциируется с какими-то иными событиями или действиями – причинным визитом работника социальных или жилищно-коммунальных служб, случайными встречами, знакомствами, общественными мероприятиями или природными явлениями и пр. То есть, несмотря на «внешнюю очевидность», факт проведения ОРМ по-прежнему остается негласным. В то же время указанная особенность позволяет

выделить такие мероприятия в отдельную группу – «легендированные ОРМ» и относить к ним отдельные комплексные варианты ОРМ «наблюдение», легендированный вариант ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», «оперативное внедрение».

В-шестых, как упоминали наши уважаемые предшественники, некоторые оперативно-розыскные мероприятия начинаются негласно, но затем переходят в гласные формы. Такими ОРМ за редким исключением являются проверочная закупка, контролируемая поставка, оперативный эксперимент. Их отличительной особенностью является негласное проведение до фактического решения поставленной задачи оперативно-розыскного мероприятия (получения искомого результата – выявление и документирование факта преступления, установление причастных лиц и пр.) и последующее гласное «результативное» завершение ОРМ, связанное, как правило, с задержанием преступников с поличным (за совершение карманной кражи, грабежа, нападения и пр., получение или дачу взятки, вымогательство и пр.), созданием доказательственной базы в виде выявленных очевидцев (потенциальных свидетелей) и вещественных доказательств, установлением поводов и оснований для возбуждения уголовного дела и пр. Обоснованно полагаем, что ввиду указанной особенности, а именно заранее предполагаемого (планируемого) «перехода» указанных ОРМ из негласного в гласный формат, их следует считать мероприятиями «смешанного» типа.

Полагаем, что у читателя может возникнуть вопрос: а не являются ли все оперативно-розыскные мероприятия, результаты которых используются в уголовном процессе, оперативно-розыскными мероприятиями «смешанного типа», так как при использовании результатов негласных оперативно-розыскных мероприятий в уголовном процессе происходит «подобная» трансформация оперативно-розыскных мероприятий из негласных в гласные. Наш ответ категоричный – нет. У оперативно-розыскных мероприятий «смешанного типа» «переход» из негласного в гласный формат планируется заранее

как часть тактического замысла его проведения. Результаты же иных ОРМ, проведенных негласно, как нами было указано ранее, становятся гласными на основании рассекречивания в соответствии с процедурами, предусмотренными Инструкцией о порядке предоставления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд.

Кроме того, по нашему мнению, не являются мероприятиями «смешанного типа» такие оперативно-розыскные мероприятия, которые проводятся в рамках оперативно-розыскных процедур, но в связи с тактической необходимостью (изменением оперативной ситуации) требуют проведения гласных действий. Например, при проведении оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение» за местом возможного появления преступника сотрудник оперативно-розыскного органа, осуществляющий данное мероприятие, проводит его задержание. В этом случае задержание происходит в рамках процедур административного или уголовно-правового законодательства и не является логичным продолжением оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение» или его структурным элементом.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, считаем возможным по формам проведения оперативно-розыскных мероприятий классифицировать их на следующие группы (классы):

– гласные оперативно-розыскные мероприятия – проводимые без принятия субъек-

тами (исполнителями) специальных мер по сокрытию самого факта проведения. В то же время при гласных мероприятиях сокрытию (или зашифровке) могут подвергаться цель самого ОРМ или ведомственная принадлежность субъекта (исполнителя);

– негласные оперативно-розыскные мероприятия – проводимые с обязательным принятием субъектами (исполнителями) специальных мер по сокрытию прежде всего самого факта проведения. В то же время при негласных мероприятиях, как и при гласных, сокрытию (или зашифровке) могут подвергаться цель самого ОРМ или ведомственная принадлежность субъекта (исполнителя);

– легендированные оперативно-розыскные мероприятия – проводимые под видом гласных действий неоперативного характера, основой которых является разработанная легенда и соответствующие ей линии поведения субъектов (исполнителей), оперативные гардеробы, документы прикрытия, специальные технические средства, аксессуары и пр.;

– смешанные оперативно-розыскные мероприятия – проводимые в зависимости от оснований, условий и иных обстоятельств в юридически и тактически обусловленном формате – полностью или частично (по кругу лиц или времени) негласным; негласным с последующим рассекречиванием и передачей результатов в процесс; негласным с последующим переходом в гласный при достижении результатов.

Библиографический список

1. Алферов, В.Ю. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / В.Ю. Алферов, А.И. Гришин, Н.И. Ильин ; под общ. ред. В.В. Степанова. – 3-е изд., испр. и доп. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016.
2. Бобров, В.Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий : лекция / В.Г. Бобров. – М.: Академия управления МВД России, 2003.
3. Гоннов, Р.В. Понятие, содержание и назначение оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» /

Р.В. Гоннов, И.П. Напханенко, А.А. Брюхнов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2025. – N 2 (108).

4. Кольцов, Д.В. Негласные оперативно-розыскные мероприятия как форма реализации специальных методов расследования в российском законодательстве / Д.В. Кольцов // Труды Академии управления МВД России. – 2022. – N 4 (64).

5. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и европейского Суда по правам человека / вступ. ст. В.Д. Зорькина. – М.: Норма, 2006.

6. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. В.С. Овчинского. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022.

7. Кузнецов, Е.В. Критерии разграничения гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий / Е.В. Кузнецов, В.А. Самсонов // Евразийский юридический журнал. – 2018. – N 7(122).

8. Луговик, В.Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации : авторский проект / В.Ф. Луговик. – Омск: Омская академия МВД России, 2014.

9. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / под ред. А.Е. Чечёткина. – 3-е изд., доп. и перераб. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2007.

10. Павличенко, Н.В. Предпосылки формирования частной теории негласности раскрытия и расследования преступлений / Н.В. Павличенко // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. – N 2.

11. Панюшин, Д.Б. Признак выделения гласной и негласной формы оперативно-розыскных мероприятий / Д.Б. Панюшин // Концепт. – 2014. – Т. 20.

12. Тамбовцев, А.И. Ограничение гласности в уголовно-процессуальном законодательстве / А.И. Тамбовцев, Н.В. Павличенко // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – N 2 (45).

13. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник. / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006.

14. Шкабин, Г.С. Понятие и уголовно-правовые признаки оперативного внедрения / Г.С. Шкабин // Оперативник (сыщик). – 2017. – N 1 (50).

УДК 343.1

Николай Семенович ЖЕЛЕЗНЯК,
профессор кафедры оперативно-розыскной
деятельности органов внутренних дел
Краснодарского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
zhns 21@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
СУДА И ПРОКУРАТУРЫ В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

**PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF INTERACTION BETWEEN
BODIES CARRYING OUT OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES, THE COURT
AND THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE FIELD OF COMBATING CRIME**

В статье проводится комплексный анализ взаимодействия российских правоохранительных органов в противодействии преступности. Автор, опираясь на многолетний опыт практической и научной работы и проведенное исследование, оценивает современное состояние такого взаимодействия в ряде регионов страны. На основе критического осмысления отечественной практики констатируется необходимость концептуального пересмотра подходов к описываемой работе.

The article provides a comprehensive analysis of the interaction of Russian law enforcement agencies in combating crime. The author, relying on many years of experience in practical and scientific work and the study conducted, assesses the current state of such interaction in a number of regions of the country. Based on a critical understanding of domestic practice, the need for a conceptual revision of approaches to the described work is stated.

Ключевые слова: органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, суд, прокуратура, взаимодействие, правоприменительная практика, проблемы.

Keywords: bodies carrying out operational search activities, operational search measures, court, prosecutor's office, interaction, law enforcement practice, problems.

Рассуждая о борьбе с преступностью, следует сделать вывод о том, что любые законные силы, средства и методы, используемые в этом направлении социальной деятельности, могут считаться не столько полезными, сколько необходимыми.

Данное исследование будет посвящено только первому из перечисленных инструментов, т.е. силам, на постоянной основе осуществляющим рассматриваемое противодействие. При этом мы сосредоточимся на

наиболее значимых сегодня, на наш взгляд, проблемах взаимодействия в этой области государственных органов, участвующих в стабилизации криминальной ситуации в нашей стране, – суда, прокуратуры и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД).

Эффективное противодействие преступности в современной России невозможно без согласованного функционирования этих трех взаимосвязанных элементов. Такое вза-

имодействие имеет не только организационный, но прежде всего правовой характер. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) определяет ОРД как самостоятельный вид государственной деятельности и одновременно закрепляет систему гарантий законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ); при этом лицо, считающее, что его права нарушены действиями оперативных сотрудников, вправе обжаловать их в вышестоящий орган, осуществляющий ОРД, прокурору или в суд.

Основной антикриминальной задачей, сформулированной в ст. 2 ФЗ об ОРД, выступает «выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших». Значит, чем эффективнее мы будем решать поставленную государством задачу, тем меньше преступлений будет совершаться в Российской Федерации.

Содержательно взаимодействие органов ОРД, суда и прокуратуры нельзя сводить к простой передаче информации от одного субъекта к другому. Речь идет о распределении компетенции в едином механизме противодействия преступности. Оперативные подразделения выявляют, предупреждают, пресекают и раскрывают преступления, устанавливают лиц, их подготавливающих или совершивших. Суд обеспечивает контроль¹ там, где ОРМ затрагивают конституционные права, и в рамках уголовного судопроизводства разрешает споры о законности действий органов, осуществляющих ОРД. Прокуратура, действуя от имени государства, надзирает за точным исполнением законов в данной сфере и тем самым связывает интересы борьбы с преступностью с требованием соблюдения при этом законности. Именно поэтому взаимодействие здесь должно пониматься как сочетание функциональной самостоятельности и юридической взаимозависимости указанных органов.

Особая роль в этой системе принадлежит суду. ФЗ об ОРД прямо предусматривает,

что ОРМ, ограничивающие право на тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений, а также право на неприкосновенность жилища, допускаются на основании судебного решения. Следовательно, суд в данном случае выступает гарантом допустимых пределов оперативного вмешательства в сферу частной жизни. В научной литературе эта мысль последовательно проводится рядом авторов.

Так, Е.Л. Никитин и И.В. Литвинова, анализируя роль суда в сфере ОРД, обращают внимание на его значение для обеспечения законности при ограничении конституционных прав и на проблемы участия прокурора в оценке таких мер [4]. И.А. Одношевин рассматривает судебный контроль как самостоятельную гарантию конституционных прав граждан, вовлеченных в сферу ОРД, подчеркивая, что его смысл состоит не в формальном санкционировании ОРМ, а в реальной проверке достаточности оснований и соблюдения условий их проведения [5].

Не менее значима и роль прокуратуры. Прокурорский надзор распространяется на законность проведения ОРМ (ст. 21 ФЗ об ОРД), а Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ о прокуратуре) закрепляет полномочие прокуроров проверять исполнение законов органами, осуществляющими ОРД (ч. 2 ст. 1). В этом смысле О.А. Кожевников подчеркивает, что круг участников ОРД включает не только органы, осуществляющие ОРД, но и суд, прокурора; автор делает вывод о необходимости более четкого нормативного закрепления полномочий прокурора в этой сфере [3]. А.Е. Чечётин (с которым в этой части мы не согласны), анализируя судебную и конституционную практику, приходит к выводу, что эффективность прокурорского надзора должна усиливаться не постфактум, а еще на стадии подготовки наиболее чувствительных ОРМ; в частности, он предлагает переориентировать надзор на предварительное согласование таких мероприятий, как оперативный эксперимент и проверочная закупка наркотиков [6].

Здесь, на наш взгляд, возникает один из ключевых узлов взаимодействия. Орган,

1 Об иных видах контроля ОРД см.: [8].

осуществляющий ОРД, заинтересован в быстром получении и реализации информации о преступлении; прокурор – в проверке законности способов ее добывания и документирования; суд – в оценке того, насколько представленные материалы отвечают стандартам допустимости, относимости и достоверности. Если хотя бы одно звено действует формально, общая система дает сбой. На это указывают и научные публикации. Так, И.А. Одношевин обращает внимание на пределы прокурорского надзора и объективную связь ОРД с уголовным процессом; О.А. Кожевников – на проблему недостаточной определенности полномочий прокурора; А.Е. Чечётин – на необходимость повышения превентивного потенциала надзора. В совокупности эти позиции показывают: противодействие преступности эффективно, когда контроль профессионален, своевременен и встроен в оперативную работу без подмены ее существа.

Отсюда можно сформулировать несколько практических выводов. Во-первых, необходимо повышать стандарт судебной проверки материалов, представляемых для санкционирования ОРМ, затрагивающих конституционные права личности. Во-вторых, прокурорский надзор должен быть ориентирован не только на выявление уже допущенных нарушений, но и на предупреждение незаконных практик, прежде всего провокации преступления и фальсификации результатов ОРД. В-третьих, и это особенно важно, необходима постоянная обратная связь: судебные решения, выявляющие нарушения при проведении ОРМ, должны становиться предметом прокурорского реагирования и организационных выводов внутри оперативных подразделений.

Таким образом, взаимодействие органов, осуществляющих ОРД, суда и прокуратуры в противодействии преступности представляет собой системообразующий элемент всей правоохранительной деятельности. Органы, осуществляющие ОРД, обеспечивают получение первичной криминалистически значимой информации и оперативное реагирование на нее; суд гарантирует соблюдение преде-

лов вмешательства в сферу конституционных прав личности и оценивает законность использования результатов ОРД; прокуратура обеспечивает надзорное сопровождение всей этой деятельности. Чем точнее распределены их полномочия, тем более результативной и одновременно правомерной становится борьба с преступностью. И наоборот, разрыв между оперативной целесообразностью и требованиями законности неизбежно ослабляет доверие к государству и снижает эффективность уголовной юстиции в целом.

Для подтверждения сделанных выводов рассмотрим описываемое взаимодействие поэтапно.

С точки зрения традиционной последовательности действий в борьбу с преступностью вступают сначала оперативные подразделения, выявляющие, предотвращающие, пресекающие, раскрывающие преступления, а также устанавливающие причастных к ним лиц, затем – следственные структурные образования, формирующие доказательственную базу, на первом и втором этапах – прокуратура как орган, надзирающий за соблюдением законности и прав личности, и, наконец, – завершающий эту цепочку государственный орган, осуществляющий правосудие. С целью успешного решения поставленных перед ними задач они должны взаимодействовать, т.е. осуществлять на основе действующего законодательства совместную согласованную по цели, месту и времени деятельность.

Поскольку суд, как правило, реализует свои основные функции на более позднем этапе противодействия преступности, мы вначале остановимся на взаимодействии органов, осуществляющих ОРД, и прокуратуры. Напомним, что первые непосредственно осуществляют борьбу с преступностью, вторые – надзирают за соблюдением при этом закона и прав личности. Симбиоз этих структурных образований должен приводить к повышению эффективности и законности действий в области ОРД. Но так ли это на самом деле?

В 2023-2025 гг. нами были проинтервьюированы руководители и сотрудники антинаркотических оперативных подразделений органов внутренних дел (далее – ОВД) более

двадцати регионов страны, которые представили реальное положение дел на фронте взаимодействия описываемых структур при проведении трех ОРМ: проверочной закупки (далее – ПЗ), оперативного эксперимента (далее – ОЭ) и обследования помещений, зданий сооружений, участков местности и транспортных средств (далее – ОП) применительно к жилищу, а также при ведении дел оперативного учета (далее – ДОУ). Мы сохраняем стиль изложения опрашиваемыми некоторых проблем.

1. В республиках Дагестан, Тыва, Вологодской, Сахалинской Тверской, Ульяновской областях, Саратове, Тюмени, ОРМ ПЗ в целом рассматривается как провокация преступления.

2. В Республике Дагестан в органах прокуратуры наблюдается «двоевластие»: одни прокуроры рассматривают ПЗ как провокацию преступления, иные хотят, чтобы при передаче наркотических средств сразу осуществлялось задержание сбытчика (что является вмешательством в тактику ОРД и не позволяет осуществлять разработку преступной группы в целом).

3. В Великом Новгороде, Екатеринбурге, Кемерово, Мурманске, Новокузнецке, Твери повторное проведение ПЗ в отношении одного лица расценивается прокуратурой как провокация.

4. Во Владимире прокуратура требует при проведении ПЗ сразу задерживать сбытчика, полагая в противном случае укрытие преступления (тем самым не позволяя в дальнейшем осуществлять разработку его и его связей).

5. В Краснодарской краевой прокуратуре существует требование использовать при проведении ОЭ не муляжи, а реальные наркотики. Аналогичное требование имеет место и в Волгограде, где прокуратура предлагает при проведении ОЭ не использовать муляжи, а изготавливать тайники из изъятых наркотиков, но если сотрудники допускают утрату – в их действиях усматривается халатность.

6. Прокуратура Московской области при проверке ДОУ выносит представление об их неправомерном заведении, если основанием

для этого явились сообщения конфиденентов.

7. В Забайкальском крае, Краснодаре, Новосибирске прокуроры выносят представления за невыполнение пунктов плана по ДОУ с указанием недостатков по тактике осуществления ОРД, рекомендуя провести конкретные мероприятия с указанием их точных сроков.

8. В Мордовии прокуратурой выносятся акты прокурорского реагирования, в которых в качестве нарушений закона указываются волокита по ДОУ, неполный комплекс проводимых по ним ОРМ.

9. Во Владимире сотрудниками прокуратуры при проверке дел оперативного учета рекомендуются тактические приемы проведения ОРМ.

10. В Санкт-Петербурге прокуратура по результатам проведения плановых проверок выносит предписания о необходимости проведения ОРМ, не указанных в плане.

11. В Ульяновской области при проверках ДОУ прокуратура указывает на «недостаточность проведенного комплекса ОРМ», «неисполнение намеченного плана ОРМ», «нарушение Наставления», слабую наступательность и т.п., а также выносит требования с указанием на недостатки в сфере тактики осуществления ОРД.

12. В Республике Саха (Якутия) прокуратура надзирает за осуществлением ведомственного контроля ОРД.

13. В Архангельске прокуратура запрещает обследование в жилище, ссылаясь на рекомендации Верховного Суда РФ о том, что обследование подменяет обыск.

Для удобства структурируем перечисленные (с точки зрения прокуратуры) проблемы по группам:

- возможность провокации или укрытия преступления при проведении ПЗ (п. 1-4);
- неправомерность использования муляжей наркотиков при проведении ОРМ (п. 5);
- отсутствие наступательности и плановости в оперативной работе (п. 6-12);
- наличие запрета на проведение обследования жилища, подменяющего обыск (п. 13).

Первая из перечисленных проблем связана с ныне не являющимися правовой основой

для оперативной работы решениями Европейского Суда по правам человека¹, которые автор настоящей работы в свое время проанализировал с позиции как соблюдения норм права, так и эффективной организации ОРД [подр.: 1]. Следует отметить, что российская правовая система не является идеальной, в связи с чем подавляющее большинство возникающих правоприменительных проблем решается посредством их толкования высшими судами Российской Федерации.

В данном случае правоприменителю следует руководствоваться правовой позицией Конституционного Суда РФ², согласно которой «разрешение предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» задач ... предполагает активную форму поведения субъектов оперативно-розыскной деятельности. При этом действия лиц, непосредственно участвующих в оперативно-розыском мероприятии, должны быть сообразными условиям и обстановке, в которых оно проводится, а также поведению лица, в отношении которого имеются основания для его целевого проведения». Процитированное разъяснение означает, что проведение ПЗ выступает вполне легитимным средством борьбы с преступностью.

Что касается запрета на повторное проведение ПЗ в отношении одного и того же лица, то в Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г., отмечается следующее: «Судам следует учитывать, что проведение повторного оперативно-розыскного мероприятия, также очередной проверочной закупки у одного и того же лица, должно быть обосновано и мотивировано, в том числе новыми основаниями и целями, и с обязательным вынесением нового мотивированного постановления, утверж-

денного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Целями повторного ОРМ, также и проверочной закупки, могут являться пресечение и раскрытие организованной преступной деятельности и установление всех ее соучастников, выявление преступных связей участников незаконного оборота наркотических средств, установление каналов поступления наркотиков, выявление производства при наличии оперативно значимой информации по данным фактам. Кроме того, это могут быть случаи, когда в результате проведенного ОРМ не были достигнуты цели мероприятия (например, сбытик наркотического средства догадался о проводимом мероприятии)».

Таким образом, обоснованное проведение мероприятия, в том числе повторной ПЗ в отношении одного и того же лица, является абсолютно правомерным действием и не может расцениваться органами прокуратуры как провокация преступления.

Вторая из отмеченных нами проблем связана с позицией части представителей органов прокуратуры о неправомерности использования муляжей наркотиков при проведении ОРМ. И здесь мерилом легитимности этих действий выступает решение Конституционного Суда РФ, согласно которому «полное или частичное изъятие наркотических средств из оборота с заменой их на муляж в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий прямо предусмотрено международными договорами РФ (статья 11 Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года). По смыслу правовых позиций Конституционного Суда РФ, исходя из существа оперативно-розыскной деятельности, ее целей и задач, в том числе выявления и установления лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления, проведение в надлежащем порядке оперативного эксперимента, опирающегося

1 Раманаускас (Ramanauskas) против Литвы : постановление ЕСПЧ от 05.02.2008 (жалоба N 74420/01), п. 27), Веселов и другие (Veselov and Others) против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 02.20.2012 (жалобы N 23200/10, 24009/07 и 556/10), п. 92).

2 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бажова Константина Олеговича на нарушение его конституционных прав статьями 4 - 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 N 801-О.

на обоснованные предположения о наличии признаков противоправного деяния и относительно его субъектов, с использованием муляжа наркотического средства, не свидетельствует о противоправности такого оперативно-розыскного мероприятия (определения от 24.04.2018 N 918-О, от 29.05.2018 N 1398-О, от 27.02.2020 N 319-О и др.)»¹.

Третья проблема обусловлена повсеместными противоправными попытками уполномоченных прокуроров, превышающих имеющийся у них функционал, оценивать уровень организации и тактики ОРД и давать соответствующие рекомендации органам, осуществляющим оперативно-розыскное противодействие преступности.

Обоснование нашей позиции связано с нормативным регулированием надзорной деятельности. Во-первых, согласно ч. 2 ст. 21 ФЗ о прокуратуре «при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы. Проверка исполнения законов проводится на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором, в случае, если эти сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения указанной проверки». Данное предписание позволяет сделать два вывода: первый – прокуратура осуществляет надзор исключительно за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на ее территории; второй – органы прокуратуры при осуществлении надзора не подменяют

иные государственные органы».

Во-вторых, в одном из решений Конституционного Суда РФ отмечается, что ФЗ о прокуратуре, связывая цели деятельности органов прокуратуры с защитой прав и свобод человека и гражданина (п. 2 ст. 1), исходит из того, что превышение органами прокуратуры своих полномочий либо использование их вопреки законной цели и охраняемым правам и интересам граждан, организаций, государства и общества несовместимо с вытекающими из принципов правового государства условиями допустимых ограничений прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 1, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ)².

В-третьих, в этом же постановлении Конституционного Суда РФ отмечается: «Проведение прокурорской проверки призвано устранить неопределенность в отношении имеющихся у органов прокуратуры конкретных сведений, указывающих на наличие в деятельности ... организации признаков нарушений законов».

И, наконец, в-четвертых, точку в оценке правомерности вмешательства органов прокуратуры в организацию и тактику ОРД ставит еще один действующий документ, в котором отмечается следующее: «Организация и тактика оперативно-розыскной деятельности, ее средства и методы не являются предметом прокурорского надзора»³.

Таким образом, законность решений, принимаемых органами, осуществляющими ОРД, является предметом прокурорского надзора исключительно при проверке соблюдения

1 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пронина Александра Павловича на нарушение его конституционных прав статьями 2 и 3 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» во взаимосвязи со статьей 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2025 N 25-О.

2 По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «Агора», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр «Мемориал»», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной : постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 N 2-П.

3 О порядке представления органами внутренних дел оперативно-служебных документов с целью осуществления прокурорами надзора за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : совместное указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29.09.2008 N 215/69, 1/7918.

в этой части положений законодательного акта при наличии в органах прокуратуры информации о нарушении закона, требующем принятия мер прокурором, с соблюдением запрета на ознакомление со сведениями, имеющими отношение к организации и тактике ОРД, ее средствам и методам, лицам, обладающим (обладавшим) конфиденциальным статусом.

Четвертая проблема, упоминаемая интервьюерами, звучит как наличие запрета на проведение гласного обследования жилища, подменяющего собою обыск.

Здесь позицию органов прокуратуры следует дополнить видением этой проблемы отдельными судами.

1. Так, в Новосибирске, Краснодаре, Екатеринбурге, Магаданской, Новгородской, Свердловской области суды не санкционируют гласное обследование жилища, оценивая это как проведение обыска до возбуждения уголовного дела.

2. В Новокузнецке отказывают в санкционировании рассматриваемого мероприятия якобы из-за отсутствия у федеральных судей соответствующей формы допуска к сведениям, составляющим государственную тайну.

3. В Республике Дагестан и Забайкальском крае только часть судебных органов удовлетворяет ходатайства о проведении обследования жилища, другая часть – нет.

Таким образом, в ряде регионов России существует проблема разного подхода к проведению гласного обследования жилища. В связи с этим возникают два вопроса: почему она возникла и как должна решаться?

Ответ на первый вопрос может дать ознакомление с кассационным определением Верховного Суда РФ от 9 января 2013 г. N 45-012-77, в котором гласное обследование жилого помещения, проведенное на основании судебного решения, было признано незаконным, поскольку согласия на проникновение в жилище от его владельцев получено не было. В нем отмечалось, что «по смыслу положений ФЗ об ОРД оперативно-розыскное обследование осуществляется негласно и

не может быть направлено на обнаружение и изъятие доказательств по уголовному делу. Гласная же форма обследования фактически превратила его в обыск в жилых помещениях до возбуждения уголовного дела, проведенный с нарушением требований, установленных ст. 182 УПК РФ» [7].

В другом решении этого же суда отмечается: «Осмотр (уголовно-процессуальный) жилища без согласия проживающих в нем лиц имеет аналог в виде оперативно-розыскного мероприятия под названием «обследование помещений» (пункт 8 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). Это мероприятие может проводиться как при наличии уголовного дела, так и до его возбуждения тоже только на основании судебного решения, только по мотивированному постановлению руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, и только при наличии информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, а также о лицах, причастных к такому преступлению»¹.

Опять же Верховный Суд РФ уже в 2019 г. высказал позицию, противоречащую его точке зрения о том, что гласное обследование жилища равнозначно обыску: «Нельзя признать нарушением ст. 89 УПК РФ, ст. 7, 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» ссылку адвоката М. на то, что жилища обследовались до возбуждения уголовного дела, поскольку по смыслу указанных норм возбуждение уголовного дела не является обязательным условием для осуществления оперативно-розыскной деятельности»².

Таким образом, ответом на второй вопрос служит вывод о том, что сложившаяся практика ряда судебных органов, отказывающих в санкционировании проведения гласного обследования жилища, представляется неприемлемой, поскольку противоречит позиции Верховного Суда РФ [подр.: 2, с. 76-80].

1 Позицию Верховного Суда РФ см.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. N 1. С. 31, 32.

2 Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 08.10.2019 N 201-АПУ19-45.

Что касается информации об отсутствии у федеральных судей формы допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, то она не соответствует действительности, поскольку последние допускаются до таких сведений без проведения проверочных мероприятий посредством заполнения специальной карточки¹.

В завершение анализа проблем взаимодействия органов, осуществляющих ОРД, суда и прокуратуры в сфере борьбы с преступностью следует отметить, что все они связаны с недостатками в сложившейся пра-

воприменительной практике, основанной преимущественно на дефектах существующей правовой системы и отсутствии восполнения должностными лицами необходимых в этой области знаний.

Изменение сложившейся ситуации должно благотворно сказаться на достижении целей ОРД по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

1 Об утверждении правил допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне : постановление Правительства РФ от 07.02.2024 N 132, п. 38.

Библиографический список

1. Железняк, Н.С. О побуждении к совершению противоправных действий в процессе проверочной закупки наркотиков / Н.С. Железняк, Ю.В. Леонтьева // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – N 1 (34). – С. 28-35.
2. Железняк, Н.С. Оперативно-розыскное обследование жилища: правовые и правоприменительные проблемы и перспективы : монография / Н.С. Железняк. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021.
3. Кожевников, О.А. Полномочия прокурора в надзоре за законностью оперативно-розыскной деятельности / О.А. Кожевников // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – N 3. – С. 58-63.
4. Никитин, Е.Л. Судебный контроль в сфере оперативно-розыскной деятельности: за и против / Е.Л. Никитин, И.В. Литвинова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – N 3(104). – С. 240-244.
5. Одношвин, И.А. Основания осуществления оперативно-розыскных мероприятий — гарантия конституционных прав граждан, вовлеченных в сферу оперативно-розыскной деятельности / И.А. Одношвин // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – N 5. – С. 152-158.
6. Чечётин, А.Е. О совершенствовании прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью / А.Е. Чечётин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – N 3(79). – С. 134-139.
7. Чечётин, А.Е. О толковании права на гласное проведение оперативно-розыскных мероприятий / А.Е. Чечётин // Правовые и организационно-тактические аспекты совершенствования оперативно-розыскной деятельности (памяти профессора Д.В. Ривмана) : материалы региональной научно-практической конференции. 28 ноября 2014 г. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2014. – С. 3-9.
8. Шашин, Д.Г. Отдельные виды государственного контроля оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / Д.Г. Шашин. – Омск: Омская академия МВД России, 2026.

УДК 343.1

Сергей Владимирович СУПРУН,
доцент кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
s.suprun65@mail.ru

**ПРАВОСУДИЕ В УГОЛОВНОМ ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ
ПРИ САНКЦИОНИРОВАНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ**

**JUSTICE IN CRIMINAL PRE-TRIAL PROCEEDINGS
AND THE PROBLEMS OF ITS IMPLEMENTATION
IN CASE OF AUTHORIZING OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES**

Статья посвящена дискуссии о понятии, сущности и содержании правосудия в уголовном судопроизводстве при рассмотрении судом ходатайств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, об ограничении прав и свобод человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). На основе ч. 1 ст. 4 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. N 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» автором раскрывается сущность правосудия, выражающаяся в наличии правового спора между участниками уголовного судопроизводства, разрешение которого допускается судом в форме судебного заседания (ч. 50 ст. 5 УПК РФ). Санкционирование ОРМ осуществляется судом в уголовном досудебном производстве вне судебного заседания, без участия лиц, в отношении которых планируется проведение ОРМ. Данная судебная деятельность не содержит правового спора и не является правосудием.

The article is devoted to the discussion of the concept, essence, and content of justice in criminal proceedings when a court considers applications from bodies carrying out operational search activities to restrict the rights and freedoms of an individual and citizen during operational search measures. Based on Part 1, Article 4 of the Federal Constitutional Law dated 07.02.2011 N 1 FCL «On Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation», the author reveals the essence of justice, which lies in the existence of a legal dispute between the participants in criminal proceedings. Such a dispute may be resolved by the court in the form of a court hearing (Part 50, Article 5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). The authorization of operational search measures is carried out by the court during the pre trial stage of criminal proceedings outside of a court hearing and without the participation of the persons in respect of whom the operational search measures are planned. This judicial activity does not involve a legal dispute and therefore does not constitute justice.

Ключевые слова: суд, правосудие, уголовное судопроизводство, уголовное досудебное производство, органы, осуществляющие ОРД, санкционирование ОРМ.

Keywords: court, justice, criminal proceedings, criminal pre-trial proceedings, bodies conducting operational-search activities, authorization of operational search measures.

О понятии, сущности и содержании уголовного правосудия [4; 5], осуществляемого в сфере оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) [7; 8], в юридической науке идет научная дискуссия.

Согласно ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) органы (должностные лица), осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, при проведении оперативно-розыскных мероприятий должны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции [3].

Оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ), связанные с ограничением конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, на неприкосновенность жилища (ч. 1 ст. 9 ФЗ Об ОРД), проводятся оперативными подразделениями [2] на основании судебного решения, принятого судом по ходатайству органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (далее – органы, осуществляющие ОРД), в уголовном судопроизводстве¹.

В соответствии с абз. 2 ч. 3 постановления Конституционного Суда РФ от 9 июля 2011 г. N 12-П, решения органов судебной власти об ограничении конституционных прав граждан «относятся к сфере правосудия»².

Порядок принятия судом решения по ходатайству органа, осуществляющего ОРД, о проведении ОРМ, ограничивающего конституционные права граждан, в ст. 9 ФЗ об ОРД законодателем не урегулирован. Такие ходатайства органа, осуществляющего ОРД, рассматриваются «судьей единолично, без проведения судебного заседания», путем ис-

следования поступивших от него письменных документов. Судья вправе истребовать от органа, осуществляющего ОРД, иные материалы об основаниях проведения ОРМ либо пригласить представителя органа, осуществляющего ОРД, для пояснения содержания направленных им в суд документов. Возвращение материалов органу, осуществляющему ОРД, для устранения выявленных недостатков, законом не предусмотрено [7, с. 11].

На судебную процедуру, в которой органом, осуществляющим ОРД, испрашивается судебное решение о проведении ОРМ, связанных с ограничением конституционных прав граждан, «не распространяются в полной мере правила, действующие в судебном разбирательстве по уголовному делу», в данных правоотношениях нет сторон, «что характерно для уголовного процесса». В этой процедуре «не может быть открытости, гласности и состязательности сторон». Проверяемое органом, осуществляющим ОРД, лицо не является участником этой судебной процедуры и ничего не должно знать о ее проведении (определения Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. N 86-О, от 24 ноября 2005 г. N 448-О, от 8 февраля 2007 г. N 1-О и N 128-О-П и др.)³.

На вопрос доктора юридических наук, профессора Вячеслава Владимировича Николюка: «Соответствует ли критериям правосудия судебная деятельность по санкционированию ОРМ?» от судей им были получены ответы⁴ [7, с. 13], которые условно можно разделить на две противоположные по отношению друг к другу группы.

Первая группа ответов судей на указанный выше вопрос содержит мнение большинства (49 судей), или 86% от числа опрошенных. В ответах судей этой группы четко выделяется позиция о том, что санкционирование ОРМ относится к сфере правосудия.

1 По делу о проверке конституционности положений пункта 7 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и части первой статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в связи с жалобой гражданина И.В. Аносова : постановление Конституционного Суда РФ от 09.06.2011 N 12-П, абз. 6, 7 ч. 6.2.

2 Там же, абз. 2 ч. 3.

3 Постановление Конституционного Суда РФ от 09.06.2011 N 12-П, абз. 1 ч. 6.

4 Всего В.В. Николюком были проинтервьюированы 19 и проанкетировано 38 судей, представляющих 11 регионов (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Красноярский край, Пермский край, Иркутская, Кемеровская, Курганская, Московская, Омская, Новосибирская, Тверская области) [7].

В обоснование этой позиции судьями были приведены следующие аргументы:

- решения судов, принимаемые в рамках судебного контроля, относятся к сфере правосудия;

- лицо, полагающее, что действия органов, осуществляющих ОРД, привели к нарушению его прав и свобод, вправе обжаловать эти действия в вышестоящий орган, осуществляющий ОРД, прокурору или в соответствующий кассационный суд;

- при санкционировании ОРМ судебное заседание не проводится, судья может истребовать от органа, осуществляющего ОРД, дополнительные материалы, необходимые для вынесения обоснованного и мотивированного решения по поступившему от него постановлению;

- рассмотрение материалов в соответствии со ст. 9 ФЗ об ОРД происходит в закрытом режиме от начала до конца [7, с. 13, 14] вне судебного заседания.

Вторая группа ответов судей представляет позицию меньшинства (14% судей). Судьи этой группы в ответах на поставленный вопрос заняли противоположную позицию. Они высказали мнение о том, что деятельность суда по санкционированию ОРМ не относится к сфере правосудия и в обоснование своей позиции привели следующие аргументы: «процедура принятия судом решений в порядке ст. 9 ФЗ Закона об ОРД должным образом в законе не урегулирована, осуществляется в произвольном порядке, напоминающем административное санкционирование: судебное заседание не проводится, а разбирательство по постановлению органа ОРД по сути отсутствует, ход рассмотрения материалов не фиксируется» [7, с. 14].

Большинство опрошенных В.В. Николюком судей воспринимают санкционирование ОРМ как деятельность суда по осуществлению правосудия. Их правосознание о понятии, сущности и содержании правосудия в сфере ОРД соответствует смысловым решениям Конституционного Суда РФ [6], относящего решения органов судебной власти об ограничении конституционных прав граждан

в разных видах судопроизводства к сфере правосудия¹.

Мнение большинства судей о понятии, сущности и содержании правосудия, на наш взгляд, представляется спорным, даже если оно соответствует решениям Конституционного Суда РФ [10]. Думается, что этот судебный взгляд большинства на понятие и сущность правосудия в уголовном судопроизводстве нуждается в дополнительной аргументации или в более глубоком осмыслении норм действующего уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, раскрывающего содержание понятия правосудия и порядок разрешения (санкционирования) ходатайств органов, осуществляющих ОРД, о проведении ОРМ.

Нормативной основой понятия правосудия является ч. 1 ст. 4 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. N 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации». Согласно данной норме суды «осуществляют правосудие, разрешая споры и рассматривая дела, отнесенные к их компетенции, посредством гражданского, административного и уголовного судопроизводства». В этой норме федерального конституционного закона сущность правосудия раскрывается законодателем через разрешение судом споров и рассмотрения дел по существу. Если в судебном заседании есть спорящие стороны, то есть и правосудие. При этом выбор судопроизводства – гражданского, административного или уголовного зависит от характера правового спора и компетенции суда общей юрисдикции, уполномоченного его разрешить по существу в судебном заседании.

В уголовном судопроизводстве (ч. 56 ст. 5 УПК РФ) деятельность суда по разрешению правового спора судом общей юрисдикции (ч. 48 ст. 5 УПК РФ) в судебном заседании (ч. 50 ст. 5 УПК РФ), согласно ч. 1 ст. 4 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», является правосудием. Вне судебного заседания правосудие судом общей юрисдикции в уголовном судопроизводстве не осуществляется.

1 Постановление Конституционного Суда РФ от 09.06.2011 N 12-П, абз. 2 ч. 3.

В уголовном досудебном производстве правосудие осуществляется в судебном заседании судьей (ч. 54 ст. 5 УПК РФ) при рассмотрении жалоб и ходатайств, если между участниками уголовного судопроизводства возникает правовой спор. Жалобами и ходатайствами, основанными на материалах уголовного дела, определяются предмет и пределы правового спора, подлежащего разрешению судьей.

При отсутствии правового спора между участниками уголовного судопроизводства правосудие судьей не осуществляется. К этому виду судебной деятельности относится деятельность судьи по рассмотрению и разрешению (санкционированию) ходатайств органов предварительного расследования о производстве следственных действий, перечисленных в ч. 2 ст. 29 УПК РФ, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина, содержащиеся в главе 2 Конституции РФ.

Деятельность судьи по санкционированию следственных действий – обыск или выемка в жилище, выемка предметов или документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, выемка предметов или документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и т.д. (ч. 2 ст. 29 УПК РФ), – по своей сути является деятельностью административно-процессуальной, осуществляемой в форме судебного контроля. Эта деятельность суда не основана на принципе состязательности сторон и предназначении судьи в судебном заседании – разрешение правового спора по существу. Данная судебная деятельность осуществляется судьей единолично без участия лиц, права и свободы которых подлежат ограничению органом предварительного расследования при производстве следственных действий, поэтому эта судебная деятельность правосудием не является [1; 11].

До принятия в 1993 г. Конституции РФ санкционирование производства следственных действий, ограничивающих права и свободы человека и гражданина, осуществлял

прокурор. Его деятельность по санкционированию следственных действий была административно-процессуальной по существу и осуществлялась в форме прокурорского надзора. Санкционирование осуществлялось прокурором единолично без участия сторон. Стороны в санкционировании производства следственных действий участия не принимали, их участие не предусматривалось законом.

Административно-процессуальной деятельностью по существу является и деятельность судьи по рассмотрению материалов органов предварительного расследования в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ, о законности производства следственных действий, если следственные действия были проведены в случаях, не терпящих отлагательства, исключающих возможность получения судебного решения.

Часть 5 ст. 165 УПК РФ предоставляет судье право осуществить процессуальную проверку законности производства следственных действий осмотр жилища, обыск и выемка в жилище, личный обыск, выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи по представленным органом предварительного расследования материалам единолично без участников следственных действий.

Вместе с этим, часть 5 ст. 165 УПК РФ не запрещает участникам следственных действий довести свою позицию до суда относительно законности ограничения их конституционных прав и свобод при производстве следственных действий, проводимых без судебного решения. Для обеспечения этого права следователь, дознаватель в силу требований ч. 1 ст. 11 УПК РФ обязаны «разъяснить заинтересованным лицам их права, в том числе право заявить ходатайство об участии в судебном заседании»¹.

Заявление участника следственного действия об участии в судебном заседании в соответствии с ч. 4 ст. 166 УПК РФ заносится в протокол следственного действия. Лицу, заявившему такое ходатайство при производстве следственного действия, следователем,

1 По жалобам граждан Арбузовой Елены Николаевны, Баланчуковой Александры Васильевны и других на нарушение их конституционных прав частями третьей и пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2008 N 1076-О-П, абз. 4 ч. 2.

дознавателем указывается «суд, в котором будет проводиться судебное заседание»¹.

Часть 5 ст. 165 УПК РФ судье не предоставляет право отказать лицу в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании и не освобождает его от обязанности направить этому лицу «копию судебного решения»². Судебное заседание в этом случае проводится с участием прокурора, следователя, дознавателя и лица, заявившего ходатайство. Участие самих граждан в судебном заседании УПК РФ прямо не предусмотрено. В этой связи участники следственного действия не извещаются судом о дате, времени и месте проведения судебного заседания, их неявка в судебное заседание не препятствует рассмотрению судьей материалов о законности производства следственного действия³. При отсутствии правового спора в судебном заседании о законности производства следственного действия, деятельность судьи не перерастает в правосудие.

Не является правосудием и деятельность судьи по рассмотрению и разрешению ходатайств о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции (ч. 1 ст. 5 ФЗ Об ОРД). Эта судебная деятельность осуществляется судьей по ходатайству органов, осуществляющих ОРД, в уголовном досудебном производстве. В этой деятельности нет правового спора, проверяе-

мое органом, осуществляющим ОРД, лицо не вызывается в суд для участия в рассмотрении ходатайства органа, осуществляющего ОРД, о проведении ОРМ. Ходатайство о проведении ОРМ рассматривается судьей единолично вне судебного заседания⁴. Деятельность судьи вне судебного заседания в уголовном досудебном производстве правосудием не является.

Результаты ОРД, полученные органом, осуществляющим ОРД, на основании поручения следователя, дознавателя [подр.: 9] или по собственной инициативе при проведении ОРМ и представленные органу предварительного расследования для использования в доказывании в досудебном производстве, могут быть обжалованы участниками предварительного расследования в суд. Рассмотрение и разрешение судом в судебном заседании жалобы о законности проведения ОРМ, порядка представления⁵ и использования результатов ОРД (ст. 89 УПК РФ)⁶ в доказывании в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 4 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» является правосудием.

Завершая исследование санкционирования ОРМ в уголовном досудебном производстве, сформулируем следующие выводы:

– о понятии, сущности и содержании правосудия в уголовном судопроизводстве ведется научная дискуссия;

– в уголовном досудебном производстве правосудие осуществляется судом в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 4 Федерально-

1 По жалобам граждан Арбузовой Елены Николаевны, Баланчуковой Александры Васильевны и других на нарушение их конституционных прав частями третьей и пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2008 N 1076-О-П, абз. 4 ч. 2.

2 Там же, абз. 1 ч. 2.3.

3 Там же, абз. 4 ч. 2.

4 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Майнагашева Алексея Георгиевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 8, 13, 15 и 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2025 N 69-О, абз. 2 ч. 2.

5 Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России N 776, Минобороны России N 703, ФСБ России N 509, ФСО России N 507, ФТС России N 1820, СВР России N 42, ФСИН России N 535, ФСКН России N 398, СК России N 68 от 27.09.2013.

6 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Билалова Рената Наильевича на нарушение его конституционных прав статьями 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», статьями 13, 14, 15, 75 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и отдельными положениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» : определение Конституционного Суда РФ от 21.11.2022 N 2980-О, ч. 2.2.

го конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» посредством разрешения жалоб и ходатайств в судебном заседании, если между участниками процесса возникает правовой спор;

– разрешение правового спора в уголовном досудебном производстве является сущностью правосудия. Его содержание, предмет и пределы определяются участниками уголовного процесса в жалобах и ходатайствах;

– формой осуществления правосудия в уголовном досудебном производстве является судебное заседание (ч. 50 ст. 5 УПК РФ). Вне судебного заседания правосудие судом не осуществляется;

– санкционирование ОРМ осуществляется судом в уголовном досудебном производстве

по правилам ст. 9 ФЗ об ОРД на основании ходатайства органа, осуществляющего ОРД;

– ходатайство органа, осуществляющего ОРД, рассматривается и разрешается судом вне судебного заседания без участия лиц, в отношении которых планируется проведение ОРМ;

– разрешение (санкционирование) судом ходатайств органов, осуществляющих ОРД, о проведении ОРМ имеет административно-правовую природу, не содержит правового спора и не является правосудием;

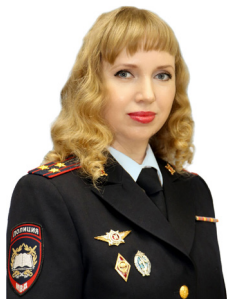
– правосудие в сфере ОРД осуществляется судом в уголовном досудебном и судебном производстве при рассмотрении и разрешении судом жалоб о законности проведения ОРМ и использования результатов ОРД (ст. 89 УПК РФ) в доказывании по уголовным делам.

Библиографический список

1. Адильшаев, Э.А. Судебное санкционирование как форма реализации правосудия в уголовном судопроизводстве России : монография / Э.А. Адильшаев, И.В. Жеребятьев, А.А. Шамардин. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. – 277 с.
2. Гусев, В.А. Права оперативных подразделений полиции: законодательство и практика : монография / В.А. Гусев. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И. 2014. – 127 с.
3. Гусев, В.А. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории и практики : препринт. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2011. – 106 с.
4. Дорошков, В.В. Взгляды ученых на современное российское правосудие / В.В. Дорошков // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2024. – N 1. – С. 46-52.
5. Дорошков, В.В. Научная дискуссия по поводу понятия и содержания «уголовного правосудия» / В.В. Дорошков // Мировой судья. – 2023. – N 5. – С. 2-10.
6. Зорькин, В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл : монография / В.Д. Зорькин. – СПб.: Конституционный Суд РФ, 2021. – 154 с.
7. Николук, В.В. О судебном санкционировании оперативно-розыскных мероприятий / В.В. Николук // Российская юстиция. – 2024. – N 4. – С. 10-18.
8. Николук, В.В. Уголовное правосудие в сфере оперативно-розыскной деятельности / В.В. Николук // Мировой судья. – 2023. – N 10. – С. 15-21.
9. Супрун, С.В. Законность поручения ОРМ и представления результатов ОРД – проблема определения надлежащего субъекта исполнения поручения следователя, дознавателя в системе органов внутренних дел / С.В. Супрун // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2026. – N 1. – С. 73-78.
10. Чечётин, А.Е. Оперативно-розыскная деятельность в решениях Конституционного Суда Российской Федерации : научно-практическое пособие / А.Е. Чечётин, И.Д. Шатохин, А.А. Шмидт. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. – 136 с.
11. Шигуров, А.В. Соотношение контрольной деятельности суда по санкционированию следственных действий в порядке ст. 165 УПК РФ с правосудием по уголовным делам / А.В. Шигуров // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2023. – N 3. – С. 50-62.

УДК 343.3/.7

**Наталья Валерьевна
ВИШНЯКОВА,**

доцент кафедры уголовного права
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
vishniakova77@mail.ru

**Константин Дмитриевич
НИКОЛАЕВ,**

заместитель начальника кафедры
уголовного права
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
mgn2007@mail.ru

**Галина Николаевна
МИРОНОВА,**

доцент кафедры уголовного права
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
mgn2007@mail.ru

**КВАЛИФИКАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТНИКОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА,
СОВМЕЩАЮЩЕГО ЛЕГАЛЬНУЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ИЛИ ИНУЮ
ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ
В ЦЕЛЯХ ПОЛУЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ И ИНОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ ВЫГОДЫ**

**QUALIFICATION OF THE ACTIVITIES OF PARTICIPANTS IN A LEGAL ENTITY THAT
COMBINES LEGAL BUSINESS OR OTHER ECONOMIC ACTIVITIES WITH CRIMINAL
ACTIVITIES FOR THE PURPOSE FOR OBTAINING FINANCIAL
AND OTHER MATERIAL BENEFITS**

В статье проводится исследование теоретических аспектов и практики квалификации действий участников преступного сообщества (ст. 210 УК РФ), осуществляющего предпринимательскую или иную экономическую деятельность от имени организации, зарегистрированной в качестве юридического лица. Особое внимание при этом уделяется проблеме отграничения преступного сообщества от легального субъекта экономической (предпринимательской) деятельности в свете примечания 1 к ст. 210 УК РФ. Анализ судебной практики и критическая оценка позиций ученых по данной проблеме позволили сделать вывод о том, что указанное примечание не является рабочим инструментом для ее решения, а также сформулировать критерии отграничения легальной предпринимательской деятельности юридического лица от преступной деятельности его участников, объединившихся в преступное сообщество.

The article examines the theoretical aspects and practical issues related to the qualification of actions committed by members of a criminal community (Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation) engaged in entrepreneurial or other economic activities on behalf of an organization registered as a legal entity. Particular attention is paid to the problem of distinguishing a criminal community from a legal entity engaged in economic (business) activities in light of Note 1 to Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation. An analysis of judicial practice and a critical assessment of scholars' position on this issue have led to the conclusion that this Note is not an effective tool for solving the problem. The authors also formulate criteria for distinguishing the legal business activities of a legal entity from criminal activities of its members who have united into a criminal community.

Ключевые слова: преступное сообщество, юридическое лицо, экономические преступления, квалификация преступлений, освобождение от уголовной ответственности.

Keywords: criminal community, legal entity, economic crimes, qualification of crimes, exemption from criminal liability.

Одним из сложных вопросов квалификации являются случаи совершения преступными сообществами не только «общуголовных» преступлений, но и преступлений в сфере экономической деятельности. Нередко преступные доходы легализуются путем осуществления внешне законной предпринимательской деятельности юридических лиц.

По данным официальной статистики¹, количество преступлений, совершаемых лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность и участвующими в предпринимательской деятельности, растет. Это можно рассмотреть на примере таких наиболее распространенных преступлений против собственности, как мошенничества. Согласно форме N 11 «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления»², в 2020 г. по ст. 159-159.6 УК РФ осуждены 1111 лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность и участвующих в предпринимательской деятельности, в 2021 г. – 1266 человек, в 2022 г. – 1380 человек, в 2023 г. – 1424 человек, в 2024 г. – 1491 человек.

Статистические данные свидетельствуют также и о росте количества мошенничеств, совершаемых организованными группами и преступными сообществами. Так, в 2020 г. за мошенничество, совершенное организованной группой, преступным сообществом, осуждены 621 человек, что составило 4,5% от всех совершенных мошенничеств (ст. 159 УК РФ), в 2021 г. – 553 человека (3,6%), в 2022 г. – 838 человек (4,9%), в 2023 г. –

1013 человек (5,3%), в 2024 г. – 1744 человек (8,7%)³.

Несмотря на отсутствие официальных данных о числе лиц, одновременно осуществляющих предпринимательскую деятельность и совершающих преступления экономической направленности в составе организованных групп и преступных сообществ, сопоставление вышеуказанных данных позволяет утверждать об актуальности исследования деятельности участников юридического лица, совмещающего легальную предпринимательскую или иную экономическую деятельность с преступной в целях получения финансовой и иной материальной выгоды, в части, касающейся ее уголовно-правовой оценки.

В практике встречаются ситуации, когда несколько физических лиц, выполняющих управленческие функции в легальной коммерческой или иной организации (руководитель, его заместитель, бухгалтер, представитель юридического отдела и т.п.), объединяются для совершения одного или нескольких тяжких и особо тяжких преступлений (например, мошенничества в крупном или особо крупном размере), то есть наряду с законной деятельностью осуществляют деятельность преступную.

Можно ли в таких случаях усмотреть признаки преступного сообщества и, соответственно, вменить ст. 210 УК РФ? Как отличить преступное сообщество от легального субъекта экономической (предпринимательской) деятельности? Данные вопросы достаточно длительное время выступают предме-

1 Здесь и далее данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения 12.01.2026).

2 Утверждена приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.04.2017 N 65В.

3 Форма N 11.2 «Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»: утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.04.2017 N 65.

том научной дискуссии [1; 2; 5], приобрели особую актуальность в связи с появлением в 2020 г. примечания 1 к ст. 210 УК РФ, которое гласит: «Учредители, участники, руководители, члены органов управления и работники организации, зарегистрированной в качестве юридического лица, и (или) руководители, работники ее структурного подразделения не подлежат уголовной ответственности по настоящей статье только в силу организационно-штатной структуры организации и (или) ее структурного подразделения и совершения какого-либо преступления в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, за исключением случая, когда эти организация и (или) ее структурное подразделение были заведомо созданы для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений».

Рассматриваемое примечание воспринималось в качестве гарантии юридической защищенности предпринимателей от необоснованного привлечения к уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ. Ведь юридическое лицо предполагает наличие структурных подразделений, длительные взаимоотношения в коллективе, распределение функциональных обязанностей свидетельствуют о структурированности и устойчивости организации, осуществление экономической деятельности предполагает цель получения финансовой и иной материальной выгоды. Указанные признаки присущи преступному сообществу, что создает почву для возникновения у правоприменителей желания зависить объем квалификации при совершении членами организации тяжкого или особо тяжкого преступления путем вменения ст. 210 УК РФ, в том числе и для того, чтобы обойти уголовно-процессуальный запрет заключения под стражу в отношении обвиня-

емых, если преступление совершено в сфере предпринимательской деятельности (чч. 1-4 ст. 159, ст. 159.1-159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 и 201 УК РФ) [8, с. 462], продлить содержание обвиняемого под стражей на срок свыше года, а также усилить психологическое давление на него в целях получения нужных следствию показаний, также это служит аргументацией необходимости продления сроков предварительного следствия в связи расследованием преступления, представляющего особую сложность (ч. 5 ст. 162 УПК РФ) [7, с. 16].

Вместе с тем, как показали 5 лет существования указанного примечания, практика его применения, то есть исключение на его основании из обвинения ст. 210 УК РФ, можно сказать, отсутствует. Единственным примером попытки применить примечание 1 к ст. 210 УК РФ можно назвать решение суда в отношении участников агрохолдинга «Русское молоко». Помимо предпринимательской деятельности по производству молочной продукции участники агрохолдинга получали доход от изъятия путем мошенничества у бывших членов совхозов и колхозов земельных участков в Рузском районе Московской области (подделывали документы о внесении их в качестве вкладов в уставные капиталы подконтрольных сельскохозяйственных предприятий), причиненный ущерб составил 348 млн рублей. Суд, прекращая дело по ч. 3 ст. 210 УК РФ, основываясь на примечании 1 к ст. 210 УК РФ, указал, что входящие в структуру юридические лица занимались обычной предпринимательской деятельностью и не создавались заведомо для совершения тяжких преступлений¹. Данное решение поддержано апелляционной инстанцией², но отменено кассационной³. Других примеров применения рассматриваемого примечания не встречалось.

Причина «нулевой» практики применения примечания 1 к ст. 210 УК РФ, на наш взгляд, кроется в его содержании.

1 Постановление Рузского районного суда Московской области от 28.08.2020 N 1-1/2020 // ГАС РФ «Правосудие».

2 Апелляционное определение Московского областного суда от 16.03.2021 N 22-1500/2021 // ГАС РФ «Правосудие».

3 Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.03.2022 N 77-1313/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

Во-первых, из сферы действия примечания исключены ситуации, когда организация (ее структурное подразделение) создается для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений. То есть в случаях образования юридического лица или его структурного подразделения в целях осуществления незаконного предпринимательства или его специальных видов, предусмотренных ст. 171.1, 171.2, 172 УК РФ и др., а также осуществления только мошенничества (созданное юридическое лицо представляет собой финансовую пирамиду, риэлтерское агентство, занимающееся завладением квартирами путем обмана одиноких людей; организацию, под психологическим давлением навязывающую услуги и кабальные кредиты потерпевшим, и т.п.) нет никаких оснований для применения примечания 1 к ст. 210 УК РФ. Возможность же вменения ст. 210 УК РФ в этом случае зависит от доказанности признаков преступного сообщества. Собственно, этот вывод очевиден и без рассматриваемого примечания.

Во-вторых, примечание содержит запрет привлечения к уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ учредителей, участников, руководителей, членов органов управления и работников зарегистрированной в качестве юридического лица (ее структурного подразделения) организации только в силу организационно-штатной структуры организации и (или) ее структурного подразделения и совершения какого-либо преступления в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением организацией предпринимательской или иной экономической деятельности.

Очевидно, что органы предварительного расследования и суд не будут основывать свое обвинение только на указанных обстоятельствах. Согласно с мнением О.С. Капинус о том, что «даже в тех случаях, когда следственные органы в качестве доказательства структурированности преступного сообщества (преступной организации) ссылаются на организационно-штатную структуру организации, подобными ссылками доказательственная база не ограничивается... формулиров-

ка «только в силу организационно-штатной структуры организации и (или) ее структурного подразделения» делает новое примечание к ст. 210 УК РФ абсолютно бездейственным» [4, с. 85-86].

По мнению А.Н. Ляско, в судебной практике, как правило, исключается применение примечания 1 к ст. 210 УК РФ на основании следующих доводов:

- организация или ее структурное подразделение создавали видимость осуществления предпринимательской деятельности;
- организация осуществляла реальную предпринимательскую деятельность, но при этом входила в состав преступного сообщества, им контролировалась и использовалась в его интересах;
- преступная деятельность выходила за рамки управления организацией либо ее предпринимательской или иной экономической деятельности;
- в состав преступного сообщества входили «внешние» соучастники, не имеющие отношения к предпринимательской или иной деятельности организации;
- отсутствовала формальная связь виновного с организацией, осуществляющей предпринимательскую или иную экономическую деятельность [6, с. 41-43].

Разделяя указанное мнение, отметим, что наиболее распространенный из указанных доводов – предпоследний. В тех судебных решениях, которые усматривают преступное сообщество в деятельности сотрудников юридических лиц, совмещающих предпринимательскую и преступную деятельность, как правило, есть структурные подразделения, являющиеся внешними по отношению к указанному юридическому лицу.

Приведем пример, в котором подробно описаны признаки такого преступного сообщества: С., являясь руководителем банка, для хищения денежных средств из бюджета Российской Федерации путем обмана и злоупотребления доверием, неправомерного оборота средств платежей, легализации (отмывания) денежных средств, приобретенных в результате совершения преступлений, создал преступное сообщество. В ходе под-

готовки к реализации преступного умысла, направленного на создание преступного сообщества (преступной организации), С. искал организацию с хорошей репутацией, которая имела возможность заключить государственный контракт (договор подряда) на крупную сумму и длительный срок исполнения обязательств, чтобы иметь возможность похитить денежные средства и успеть сокрыть следы преступления под видом невозможности исполнить обязательства ввиду предпринимательских рисков, привлек лиц, отвечающих за сегмент коммерческой деятельности, в том числе связанных с указанной организацией, а также лиц, имеющих связи в органах государственной власти. В итоге было создано преступное сообщество, состоящее из трех структурных подразделений.

Первое структурное подразделение под непосредственным руководством С. осуществляло преступную деятельность с использованием финансовых возможностей кредитной организации ООО «Банк», председателем совета директоров которой являлся С. К участию в данном структурном подразделении в различное время были привлечены директор ОАО, ФИО2 и ряд неустановленных лиц. В функциональные обязанности данного структурного подразделения, определенные С., входило финансовое обеспечение преступного сообщества за денежные средства, добытые преступным путем, а также находящиеся на счетах подконтрольных организаций, открытых в ООО «Банк»; получение банковских гарантий для заключения государственных контрактов и договоров подряда в иных банках для нужд преступного сообщества; беспрепятственное перечисление денежных средств по расчетным счетам подконтрольных организаций (более шести юридических лиц); легализация похищенных денежных средств путем перечисления на подконтрольные организации счета организации, а также на счета иных подконтрольных организаций, и строительство на похищенные денежные средства завода от имени подконтрольной ООО; поиск и привлечение к участию в пре-

ступном сообществе (преступной организации) новых членов.

Второе структурное подразделение было создано С., его руководителем был назначен Д. В функциональные обязанности данного структурного подразделения, определенные С., входили взаимодействие с правоохранительными органами, обеспечение безопасности членов преступной группы от правоохранительных органов, получение информации о проводимых в отношении подконтрольных организаций и членов преступного сообщества проверочных мероприятиях и расследовании уголовных дел.

Третье структурное подразделение было создано С., руководителем был назначен М. В функциональные обязанности данного структурного подразделения, определенные С., входили организация участия в аукционах, заключение контрактов и договоров на строительство и реконструкцию объектов для нужд ФСБ России; выполнение строительных работ на объектах ФСБ России для создания видимости организации как имеющей возможности выполнять строительные работы с целью заключения в последующем новых контрактов и договоров; внесение в отчетные документы при выполнении строительства и реконструкции объектов для нужд ФСБ России заведомо ложных сведений об объемах выполненных работ и их стоимости, в том числе в акты приема-передачи, унифицированные формы актов КС-2, КС-3; организация перечислений по расчетным счетам подконтрольных организаций с целью легализации похищенных денежных средств и сокрытия следов преступлений; легализация похищенных денежных средств путем перечисления подконтрольным членам преступного сообщества (преступной организации) организациям¹.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что примечание 1 к ст. 210 УК РФ не является рабочим инструментом для решения проблемы необоснованного применения ст. 210 УК РФ при оценке деятельности юридических лиц, совмещающих легальную и

1 Приговор Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 15.09.2020 N 1-335/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WwKu4RfEBkH5/> (дата обращения: 25.12.2025).

преступную деятельность в целях получения финансовой и иной материальной выгоды.

В научной литературе предлагалось решать обозначенную проблему, исключая квалификацию по ст. 210 УК РФ, при следующих обстоятельствах:

- преступление совершено в связи с законной предпринимательской деятельностью, когда фактически полученная или планируемая прибыль от законной предпринимательской деятельности существенно превышает ущерб, причиненный преступлением либо на причинение которого был направлен умысел виновного (П.С. Яни) [10, с. 42-46];

- преступная деятельность составляет лишь один (несколько) из эпизодов легальной предпринимательской деятельности группы лиц; организация, в рамках деятельности которой совершаются вменяемые преступления, создана ранее установленного периода начала деятельности преступного сообщества; установленный численный состав преступного сообщества более чем наполовину состоит из работников, руководителей, учредителей и бенефициаров организации (Г.А. Есаков) [3, с. 17-18];

- совмещение указанных выше двух случаев (наличие критерия «объема» – более 50% дохода носит законный характер, а также критерия «масштаба» – более половины сотрудников, задействованных в совершении преступлений, являются сотрудниками юридического лица, осуществляющего законную экономическую деятельность) (А.Н. Ляскало) [6, с. 45-46].

Приведенные предложения, безусловно, заслуживают внимания, но не безупречны по следующим соображениям:

- содержат оценочные признаки (например, существенное превышение), которые можно толковать неоднозначно;

- критерий более 50% (более половины) весьма спорный (объемы прибыли и численный состав юридических лиц могут быть разными, в связи с чем объемы преступных последствий у «криминальных» частей разных юридических лиц могут быть несопоставимы; кроме того, совершенно не понятно, почему вообще соотношение преступных последствий с легальной прибылью или доля участников юридического лица, причастных к совершению тяжких или особо тяжких преступлений, могут рассматриваться как обстоятельство, исключающее состав преступления);

- создают условия для нарушения принципа равенства перед законом (по тем же причинам, что и положения ст. 159.4 УК РФ).

Полагаем, что даже если юридическое лицо осуществляет легальную деятельность, но часть сотрудников этого лица входят в структурные подразделения, объединенные единым руководством для совершения одного или нескольких тяжких и особо тяжких преступлений (в том числе совмещая преступную и легальную деятельность) в целях получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, могут быть основания для применения ст. 210 УК РФ. Важно доказать наличие признаков преступного сообщества [подр.: 9, с. 83-85] и состава преступления, предусмотренного конкретной частью ст. 210 УК РФ, опираясь на фактические данные, подтверждающие организованность, устойчивость, структурированность объединения, обусловленные не только и не столько организационно-штатной структурой юридического лица, а взаимодействием, направленным на совершение одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Библиографический список

1. Балабаева, А.С. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации): проблемы злоупотребления квалификации по отношению к предпринимателям / А.С. Балабанова // Юриспруденция в современном обществе: проблемы регулирования правовых отношений : сборник статей II международной научно-практической конференции. г. Пенза, 5 мая 2023 г. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. – С. 39-42.
2. Богданов, А.В. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем / А.В. Богданов, И.И. Ильинский, Е.Н. Хазов // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – N 5. – С. 151-157.
3. Есаков, Г.А. «Предпринимательское» преступное сообщество в судебной практике / Г.А. Есаков // Уголовное право. – 2023. – N 5. – С. 13-19.
4. Капинус, О.С. Признаки преступного сообщества (преступной организации) в контексте нового примечания к ст. 210 УК РФ / О.С. Капинус // Журнал российского права. – 2020. – N 9. – С. 80-90.
5. Кебиров, А.К. Организованная преступность в России: современные вызовы и пути решения / А.К. Кебиров // Закон и право. – 2025. – N 2. – С. 245-249.
6. Лясколо, А.Н. Экономическое преступное сообщество / А.Н. Лясколо // Уголовное право. – 2023. – N 11. – С. 39-47.
7. Рябова, Н.В. Практика вменения организации и участия в преступном сообществе лицам, привлекаемым к уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (по материалам обращений к Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей) / Н.В. Рябова // Практика применения статьи 210 УК РФ по уголовным делам в отношении предпринимателей : сборник материалов научно-практической конференции. г. Москва, 1 октября 2019 г. – М.: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2020. – С. 16-23.
8. Семенова, П.К. Коммерческая организация – преступное сообщество или нет? Бизнес вывели из-под статьи об организации преступного сообщества / П.К. Семенова // Вопросы российской юстиции. – 2020. – N 8. – С. 459-465.
9. Уголовное право России. Общая часть / М.В. Бавсун, Н.В. Вишнякова, К.Н. Карпов, К.Д. Николаев. – Омск: Омская академия МВД России, 2022. – 187 с.
10. Яни, П.С. Связь преступления с предпринимательской деятельностью / П.С. Яни // Законность. – 2019. – N 11. – С. 42-46.

Лев Владимирович БЕРТОВСКИЙ,
профессор кафедры криминалистики
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор
Bgl1980@yandex.ru

Николай Николаевич ЕГОРОВ,
профессор кафедры криминалистики
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор
egorovnn@yandex.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЯДОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

FORENSIC CHARACTERISTICS OF MURDERS COMMITTED WITH THE USE OF POISONS: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

В статье рассматриваются теоретические и прикладные вопросы криминалистической характеристики убийств, совершенных с применением ядов. В качестве методологической основы используется авторская концепция криминалистического признака преступления, согласно которой признак понимается не только как свойство объекта, но и как установленное обстоятельство, указывающее на возможное совершение преступления определенной категории и на иные обстоятельства, находящиеся с ним в закономерной связи. Раскрываются понятие яда в криминалистическом аспекте, способы его введения, типичные признаки убийства с применением ядов, особенности следообразования, данные о личности преступника и потерпевшего, специфика первоначального этапа расследования, типичные следственные версии и обстоятельства, подлежащие доказыванию. Дополнительно анализируются роль специальных знаний, различные источники доказательственной информации, типичные ошибки первоначального этапа расследования и профилактическое значение криминалистической характеристики данной категории преступлений. Обосновывается вывод о необходимости включения сведений о типичных признаках отравления и связанных с ним обстоятельствах в систему криминалистической характеристики данной категории преступлений.

The article considers theoretical and applied issues of the forensic characteristics of murders committed with the use of poisons. As a methodological basis, the author's concept of the forensic element of a crime is used, according to which the element is understood not only as a characteristic of the object, but also as an established circumstance indicating the possible commission of a crime of a certain category and other circumstances that are in a natural connection with it. The concept of poison in a forensic aspect, methods of its introducing, typical signs of murder using poisons, features of trace-forming, data on the personality of the offender and victim, the specifics of the initial stage of the investigation, typical investigative leads and circumstances to be proved are disclosed. Additionally, the role of special knowledge, various sources of evidence, typical errors of the initial stage of the investigation and the preventive value of the forensic characteristics of this category of crimes are analyzed. The conclusion about the need to include information about typical signs of poisoning and related circumstances into the system of forensic characteristics of this category of crimes is made.

Ключевые слова: криминалистика, убийство, яды, отравление, криминалистический признак преступления, криминалистическая характеристика, следственные версии, доказывание.

Keywords: forensics, murder, poisons, poisoning, forensic element of crime, forensic characteristics, investigative leads, proving.

Современное развитие криминалистики требует не только совершенствования технических, тактических и методических средств расследования, но и уточнения понятийного аппарата, посредством которого описываются преступления, следственная ситуация и средства их познания.

По делам об убийствах, совершенных с применением ядов, данная потребность проявляется особенно отчетливо, поскольку внешняя картина события нередко допускает некриминальное объяснение, а ключевое значение приобретает распознавание системы признаков, указывающих на возможную преступную природу смерти [подр.: 2, с. 14, 144-145; 7, с. 15-16]. В таких условиях решающее значение имеет не только обнаружение отдельного следа или вещества, но и выявление совокупности обстоятельств, позволяющих перейти от разрозненных фактов к выводу о возможном убийстве. Методологически это требует опоры на криминалистическое учение о признаке преступления как реального явления, исследуемого в уголовно-процессуальной практике [подр.: 11, с. 171-183].

Понятие признака в криминалистике относится к числу базовых категорий, имеющих значение как для теоретических построений, так и для практики выявления, раскрытия и расследования преступлений. Вместе с тем традиционный подход, связывающий признак преимущественно со свойством изучаемого объекта, не исчерпывает его гносеологического потенциала применительно к познанию преступления как события прошлого [подр.: 2, с. 14, 144-145].

С учетом этого криминалистически значимый признак преступления целесообразно рассматривать не только как характеристику уже установленного объекта, но и как установленное обстоятельство, указывающее на возможное совершение преступления определенной категории, позволяющее распознавать его родовую и видовую принадлежность и одновременно выступающее указателем на характер, природу и свойства других обстоятельств, находящихся с ним в закономерной связи.

Отсюда вытекает и важный вывод для учения о криминалистической характеристике преступления. В ее структуру должны

включаться не только сведения о личности преступника, способе, обстановке, следах и предмете посягательства, но и данные о типичных признаках соответствующих преступлений, знание которых позволяет оптимизировать процесс их выявления и раскрытия [подр.: 2, с. 145; 7, с. 15-16].

При исследовании убийств, совершенных с применением ядов, принципиальное значение имеет корректное определение самого понятия яда в криминалистическом аспекте. Представляется, что в данном случае недостаточно ограничиваться только медицинским, фармакологическим либо токсикологическим подходом, поскольку для криминалистики решающее значение имеет не столько формальная принадлежность вещества к числу токсичных, сколько его функциональная роль в механизме преступления. Это обусловлено тем, что практически любое вещество при определенных условиях – дозировке, концентрации, способе введения, сочетании с иными веществами, а также с учетом возраста, состояния здоровья и индивидуальных особенностей организма потерпевшего – способно вызвать тяжкий вред здоровью либо смерть.

Более точным является подход, в соответствии с которым ядом следует считать любое вещество природного, химического, биологического, лекарственного либо иного происхождения, использованное или предназначенное для использования в качестве средства причинения смерти человеку. В таком понимании яд выступает не только как материальный объект, воздействующий на организм потерпевшего, но и как элемент способа совершения преступления, как носитель информации о подготовке, механизме реализации преступного умысла, способах сокрытия содеянного и личности преступника. Следовательно, яд в криминалистическом смысле может рассматриваться и как признак преступления, если его установление позволяет судить о характере события, способе действий виновного и иных обстоятельствах, связанных с ним закономернo.

Судебно-следственная практика и проводимые немногочисленные исследования показывают, что в качестве средства убийства

чаще используются не редкие экзотические токсины, а доступные виновному вещества, которые можно ввести незаметно и затем попытаться объяснить бытовой или медицинской ситуацией. В систематическом обзоре Иранского центра судебной токсикологии отмечается, что современные «убийственные» отравления чаще связаны либо с лекарственными препаратами и их комбинациями, либо с пестицидами, тяжелыми металлами и иными относительно доступными токсикантами, причем набор наиболее типичных веществ меняется в зависимости от страны и времени.

Хрестоматийными примерами, часто приводимыми в зарубежной литературе, являются дела Гарольда Шипмана, «доктора смерти», использовавшего чаще всего морфин для маскировки убийств более ста пациентов (хотя своим сокамерникам он признался в совершении 508 убийств) под естественную смерть, и Георгия Маркова – при уколе зонтиком в ногу была имплантирована металлическая капсула с рицином. Однако именно в систематическом обзоре подчеркивается, что в общей массе дел преобладают случаи использования лекарств, полинаркотических комбинаций, таллия, мышьяка и иных доступных веществ [14, р. 14-15, 20].

Одним из центральных элементов криминалистической характеристики рассматриваемых убийств является способ введения яда в организм потерпевшего. Именно он во многом определяет механизм наступления смерти, характер подготовки преступления, особенности следовой картины и способы сокрытия содеянного. В криминалистическом плане наиболее типичными являются

- введение яда пероральным путем – с пищей, напитками, лекарственными средствами (житель Ярославля С.В.В. отравил шесть человек с помощью таллия, который подмешивал в еду и напитки);

- инъекционным способом – посредством уколов, инфузий и иных медицинских манипуляций (ленинградский врач П.М.В. делал инъекции наркотических препаратов своим пациентам, убив 11 человек);

- ингаляционным путем – через газообразные, летучие или аэрозольные вещества (так,

в Таиланде в 2016 г. врач-анестезиолог, закачав в спортивный мяч угарный газ, отравил своих жену и дочь);

- контактным способом – через кожные покровы и слизистые оболочки (например, убийство 1 августа 1005 г. председателя президиума объединения «Круглый стол бизнеса России» Кивилиди И.Х., когда убийца нанес яд на трубку стационарного телефона);

- комбинированные способы (в Липецком районном суде в настоящее время рассматривается уголовное дело о попытке отравления подсудимым бывшей жены с помощью паров ртути, которую он залил в колпачок от маркера, закрепленный внутри батареи, и разлил в корпусе монитора компьютера, а также вкачал ртуть в банан, которые супруга чуть не съела).

Выбор конкретного способа обладает высокой криминалистической информативностью. Использование пищи и напитков чаще предполагает бытовой, семейный либо доверительный контакт с потерпевшим; инъекционное введение может указывать на наличие специальных знаний или навыков; ингаляционный способ нередко свидетельствует о стремлении замаскировать преступление под несчастный случай либо бытовое отравление. Следовательно, способ введения яда должен рассматриваться не только как технический прием причинения смерти, но и как совокупность признаков, по которым возможно судить о личности преступника, характере его отношений с жертвой и степени предварительной подготовки [9, с. 71-75; подр.: 11, с. 171-183].

Существенное значение имеют типичные признаки убийства с применением ядов, образующие систему обстоятельств, по которым можно распознать возможную криминальную природу события. К их числу относятся:

- внезапное ухудшение состояния здоровья потерпевшего без ясной естественной причины;

- наличие симптомов интоксикации, не соответствующих ранее установленным заболеваниям;

- смерть в условиях, ставящих под сомнение ее естественный характер;

- предшествующий прием пищи, напитков, лекарств либо проведение медицинских манипуляций;
- наличие у подозреваемого доступа к токсичным, сильнодействующим или лекарственным веществам;
- исчезновение упаковок, ампул, рецептурных бланков, остатков препаратов;
- противоречия между клинической картиной и сообщаемыми обстоятельствами события;
- стремление к поспешному захоронению либо кремации тела потерпевшего;
- уничтожение предметов, с которыми контактировал потерпевший;
- наличие конфликта, имущественной заинтересованности, наследственного спора, страхового интереса либо иной мотивации и др.

Особое значение имеют так называемые негативные обстоятельства, когда внешняя обстановка не подтверждает естественный характер смерти, а отдельные факты указывают на искусственное происхождение интоксикации. В подобных случаях признаки отравления выступают именно в том качестве, которое имеет в виду криминалистическая теория признака: как установленные обстоятельства, позволяющие перейти от частных фактов к выводу о возможном преступном событии, его видовой принадлежности и связанных с ним обстоятельствах [подр.: 2, с. 14, 144-145; 7, с. 15-16].

Специфика рассматриваемой категории преступлений ярко проявляется в следообразовании. В отличие от убийств, сопровождающихся выраженными механическими повреждениями, следовая картина при отравлении часто носит латентный, рассеянный и многослойный характер. Следы могут содержаться в самых различных объектах: биологических образцах трупа, рвотных массах, моче, крови, волосах, ногтях, внутренних органах, остатках пищи и напитков, лекарственных препаратах, посуде, шприцах, упаковках, рецептах, медицинской документации, электронных переписках, цифровых следах приобретения веществ, записях камер видеонаблюдения.

При этом следообразование начинается не в момент наступления смерти, а значительно раньше – на стадии подготовки преступления, когда виновное лицо ищет нужное вещество, изучает его свойства, приобретает, хранит, дозирует, маскирует и подбирает способ введения. Не менее существенные следы формируются и после реализации преступного умысла: в действиях по уничтожению упаковок, удалению переписки, изменению обстановки, созданию ложной версии естественной смерти либо случайного отравления. Поэтому для данной категории дел особенно важно широкое понимание следовой картины как совокупности различного вида отображений преступной деятельности [1, с. 223; 14, р. 20; подр.: 2, с. 144-145].

В структуре криминалистической характеристики убийств, совершенных с применением ядов, важное место занимают данные о личности преступника и потерпевшего. Применение яда, как правило, предполагает не случайный, а устойчивый или хотя бы ситуационно значимый контакт между виновным и жертвой. Для скрытого введения вещества преступнику обычно требуется доступ к пище, напиткам, лекарствам, предметам ухода, медицинским манипуляциям либо непосредственно к телу потерпевшего. Это обстоятельство нередко указывает на наличие семейных, родственных, бытовых, служебных, медицинских или иных доверительных отношений.

С криминалистической точки зрения для личности преступника по делам данной категории часто характерны расчетливость, терпеливость, склонность к предварительной подготовке, ориентация на скрытый способ причинения смерти, стремление избежать открытого насилия и замаскировать преступление под заболевание, несчастный случай или естественную смерть. Обзоры в иностранной специальной литературе также фиксируют заметную роль близких родственников и лиц, лично вовлеченных в уход за жертвой, что подтверждает повышенную криминалистическую значимость данных о характере отношений между преступником и потерпевшим [6, с. 15-16; 14, р. 2-3, 14-15].

Особой спецификой отличается первоначальный этап расследования убийств, совершенных с применением ядов. Его сложность обусловлена скрытым характером данного способа убийства, частым отсутствием явных телесных повреждений, возможностью имитации естественной смерти и высоким риском утраты важнейших доказательств уже в первые часы после обнаружения трупа либо резкого ухудшения состояния потерпевшего. На начальном этапе следователь должен исходить из необходимости как можно раньше распознать возможную криминальную природу смерти и обеспечить сохранение максимально широкого круга следов.

Исходной задачей является выявление признаков, позволяющих предположить отравление как возможный способ убийства. Для этого подлежат анализу обстоятельства наступления смерти или заболевания: внезапность ухудшения состояния, отсутствие убедительных данных о естественной причине, предшествующий прием пищи, напитков, лекарств, проведение инъекций, нахождение в замкнутом помещении, наличие рвоты, запахов, следов пены, особенности цвета кожных покровов, а также сведения о лицах, находившихся рядом с потерпевшим незадолго до смерти. Подобные тревожные признаки специально отмечаются и в современной зарубежной литературе, посвященной выявлению умышленных отравлений с целью убийства [3, с. 33-36; 14, р. 2-3].

Неотъемлемым условием успешного расследования является взаимодействие следователя с судебно-медицинским экспертом и иными специалистами. Уже при наружном осмотре трупа и решении вопроса о назначении экспертизы необходимо ориентировать эксперта на возможное отравление и ставить вопросы о необходимости изъятия биологических образцов, содержимого желудка, крови, мочи, внутренних органов и иных объектов для дальнейшего химико-токсикологического исследования. Одновременно должны допрашиваться лица, имевшие доступ к потерпевшему, его пище, напиткам, лекарствам и медицинским манипуляциям, а также изыматься медицинские документы,

рецепты, чеки, записи, сведения о покупках, переписка и поисковые запросы, способные указывать на подготовку преступления [3, с. 33-36; 12, с. 46-52].

Существенную трудность при расследовании рассматриваемой категории дел представляет отграничение убийства с применением яда от естественной смерти, несчастного случая, самоотравления, нарушения правил обращения с опасными веществами, врачебной ошибки либо неосторожного причинения смерти. На уровне исходной информации указанные версии могут выглядеть внешне равновероятными, что требует особенно внимательного отношения к негативным обстоятельствам и системе типичных признаков исследуемого события [подр.: 2, с. 272-273; 7, с. 15-16].

При этом особое значение приобретает анализ указанных обстоятельств. Если клиническая картина не согласуется с сообщаемой причиной смерти, если подозрительно быстро уничтожаются вещи потерпевшего, если отсутствуют логичные объяснения происхождению вещества, показания близких лиц противоречат медицинским данным, то каждое из таких обстоятельств должно оцениваться как признак, указывающий на возможность искусственного происхождения интоксикации. В методическом отношении важно помнить, что версия о преступном отравлении нередко подтверждается не прямым признанием или немедленным выявлением конкретного токсиканта, а постепенным накоплением системы обстоятельств, закономерно связанных между собой. Именно поэтому отграничение убийства с применением ядов от смежных событий следует рассматривать как самостоятельную познавательную задачу, решаемую посредством криминалистического анализа признаков, а не только выводов судебно-медицинского исследования о причине смерти [1, с. 223; 6, с. 15-16].

Расследование убийств, совершенных с применением ядов, невозможно без активного использования специальных знаний. Причем речь идет не только о традиционном взаимодействии с судебно-медицинским экспертом, но и о привлечении токсикологов,

химиков, фармакологов, специалистов в области биологии, клинической медицины, молекулярных методов исследования, а также экспертов по цифровой информации. Современные зарубежные исследования прямо подчеркивают, что надежное установление убийства, совершенного с использованием ядов, является междисциплинарной задачей, в которой критически важны результаты аутопсии, гистологии и токсикологического анализа [14, р. 17, 20].

К числу наиболее значимых экспертных направлений по таким делам относятся судебно-медицинская, химико-токсикологическая, судебно-химическая, биологическая, а при необходимости почерковедческая, компьютерно-техническая и иные экспертизы. Вопросы, которые ставятся перед экспертами, должны быть максимально конкретными:

- имело ли место отравление;
- каким веществом оно могло быть вызвано;
- каков вероятный путь поступления вещества в организм;
- могла ли обнаруженная концентрация сама по себе привести к смерти;
- могло ли выявленное вещество образоваться в результате лечения или распада других соединений;
- имеются ли признаки многократного либо разового введения вещества;
- могли ли выявленные телесные и патоморфологические изменения образоваться при сообщаемых обстоятельствах?

Грамотно поставленные и своевременные вопросы для разрешения экспертам могут иметь решающее значение для расследования [1, с. 223; 12, с. 46-52; 13, с. 62].

Важно учитывать и то обстоятельство, что отрицательный либо неопределенный экспертный результат не всегда исключает убийство путем отравления. Некоторые вещества быстро метаболизируются, разрушаются, выводятся из организма либо сохраняются в следовых количествах, вследствие чего их обнаружение требует применения высокочувствительных инструментальных методов.

В современной следственной практике по делам об убийствах с применением ядов резко возрастает значение документальных и

цифровых следов. Если ранее основное внимание концентрировалось преимущественно на биологических объектах и классических материальных следах, то в настоящее время не меньшую ценность приобретают рецепты, выписки, чеки, сведения о покупках, данные с камер наблюдения, сообщения в мессенджерах, поисковые запросы, история посещения сайтов, электронные медицинские карты, банковские операции и логистика приобретения вещества. Для криминалистической характеристики это означает расширение круга признаков преступления и следовой картины [11, с. 171-183].

Для следователя принципиально важно своевременно изымать и исследовать такие источники, поскольку цифровая информация подвержена быстрому изменению или уничтожению. Особую ценность представляют данные о предшествующем интересе подозреваемого к токсическим свойствам веществ, к симптоматике отравлений, к способам сокрытия следов, к вопросам дозировки и совместимости препаратов. В ряде случаев именно анализ цифровой активности позволяет установить предварительную осведомленность лица об опасных свойствах вещества и тем самым подтвердить умышленный характер действий. Следовательно, документальные и цифровые данные следует включать в общую следовую картину отравления и оценивать как самостоятельную группу криминалистически значимых признаков [подр.: 2, с. 10-11; 6, с. 15-16; 11, с. 171-183].

Практика расследования показывает, что по делам рассматриваемой категории нередко допускаются типичные ошибки, существенно затрудняющие последующее доказывание. К их числу относятся, преждевременное признание смерти естественной, неполный и некачественный осмотр места происшествия, неориентирование эксперта на версию отравления; несвоевременное изъятие пищевых, медицинских, биологических и цифровых объектов, недооценка конфликтных отношений и мотивов; непринятие мер к фиксации изменений обстановки и поведения причастных лиц [3, с. 33-36; 6, с. 15-16; 14, р. 20].

Предупреждение указанных ошибок предполагает соблюдение нескольких принципов. Во-первых, всякая внезапная и неочевидная смерть должна оцениваться с позиций многоверсионности, включая версию о возможном отравлении. Во-вторых, осмотр необходимо строить по расширенной модели с обязательным вниманием к объектам, через которые вещество могло быть введено в организм. В-третьих, следователь должен как можно раньше организовать взаимодействие со специалистами и обеспечить сохранность биологических образцов и предметов-носителей. В-четвертых, необходимо сразу же документировать и проверять сведения о приобретении веществ, изменении режима лечения, конфликтных отношениях, страховых, наследственных и иных интересах. Такой алгоритм позволяет существенно повысить качество первоначального этапа расследования и минимизировать риск утраты ключевых доказательств [10, с. 90-98; 6, с. 15-16; 7, с. 15-16].

С учетом скрытого характера способа убийства особое значение имеет построение типичных следственных версий. На первоначальном этапе должны параллельно проверяться несколько объяснений произошедшего: естественная смерть, несчастный случай, самоотравление, неосторожное обращение с веществами, а также умышленное причинение смерти путем введения яда. Если версия об убийстве путем отравления получает хотя бы предварительное подтверждение, она подлежит дальнейшей конкретизации: каким способом яд мог быть введен в организм, какое именно вещество использовано, кто имел к нему доступ, кто имел возможность воздействовать на потерпевшего, каков был мотив преступления, какие действия предпринимались по подготовке и сокрытию [подр.: 2, с. 272-273; 7, с. 15-16].

По делам данной категории версия выступает не просто как предположение, а как средство организации познания, позволяющее связать воедино сведения о состоянии потерпевшего, характере вещества, действиях подозреваемого, обстановке события и иных обстоятельствах дела. В этом проявля-

ется практическое значение криминалистического признака как указателя на другие, еще не установленные обстоятельства [подр.: 2, с. 14, с. 144-145].

По рассматриваемым делам необходимо установить не только факт смерти и ее причину, но и сам факт отравления как механизма причинения смерти, характер использованного вещества, его свойства, происхождение, дозу, концентрацию и путь поступления в организм. Обязательному выяснению подлежат способ и условия введения яда, время и место воздействия, круг лиц, имевших доступ к потерпевшему и соответствующим объектам, обстоятельства приобретения, хранения, дозирования и маскировки вещества.

Существенное значение имеет доказывание подготовки преступления: поиска нужного вещества, изучения его свойств, подбора смертельной дозировки, выбора момента и способа введения. Подлежат установлению и действия виновного после отравления: уничтожение упаковок, посуды, остатков пищи, медицинских документов, удаление переписки, создание ложной версии события, стремление к поспешному захоронению или кремации. Только установление всей совокупности указанных обстоятельств в их взаимосвязи позволяет сформировать целостную доказательственную систему и дать правильную уголовно-правовую оценку содеянному.

Криминалистическая характеристика рассматриваемых преступлений имеет значение не только для их раскрытия и расследования, но и для предупреждения. Сведения о типичных признаках отравления, способах проникновения яда в организм, характерных моделях поведения виновного и механизмах сокрытия должны использоваться при подготовке следователей, дознавателей, оперативных сотрудников, судебно-медицинских экспертов и работников практического здравоохранения.

Профилактическое значение имеет и развитие профессиональной настороженности у сотрудников, первыми сталкивающимися с подобными ситуациями: участковых уполномоченных, оперативных сотрудников, врачей, фельдшеров, социальных работников. Чем

лучше они ориентируются в системе типичных признаков криминального отравления, тем выше вероятность своевременного выявления преступления и сохранения доказательств. В этом проявляется практическая ценность учения о признаке преступления: оно служит не только ретроспективному анализу уже совершенного деяния, но и повышает способность системы правоприменения обнаруживать латентные преступления на ранней стадии.

Таким образом, включение теоретических положений о криминалистическом признаке преступления в анализ убийств, совершенных с применением ядов, позволяет придать данному направлению исследования более глубокую методологическую основу. Яд, способ его введения, признаки интоксикации, особенности слеодообразования, дан-

ные о личности преступника и потерпевшего, следственные версии и обстоятельства, подлежащие доказыванию, должны рассматриваться не изолированно, а как система взаимосвязанных криминалистических признаков, указывающих на возможное совершение преступления определенной категории и позволяющих установить иные обстоятельства события.

Такой подход способствует более точному распознаванию скрытого механизма преступления, организации эффективного расследования и формированию целостной доказательственной системы по делам данной категории. Он согласуется как с авторской концепцией признака преступления, так и с современными междисциплинарными подходами к расследованию умышленных отравлений с целью убийства.

Библиографический список

1. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня / Р.С. Белкин. – М., 2001.
2. Бертовский, Л.В. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности : дис. ... докт. юрид. наук / Л.В. Бертовский. – М., 2005.
3. Бертовский, Л.В. Выявление и расследование экономических преступлений : учебно-практическое издание / Л.В. Бертовский, В.А. Образцов. – М., 2002.
4. Густов, Г.А. Понятие и виды криминалистической характеристики преступлений / Г.А. Густов // Криминалистическая характеристика преступлений. – М., 1984.
5. Густов, Г.А. Признаки хищений социалистической собственности / Г.А. Густов, В.Г. Танасевич // Вопросы совершенствования предварительного следствия. Вып. 3. – Л., 1971.
6. Образцов, В.А. Выявление и изобличение преступника / В.А. Образцов. – М., 2004.
7. Образцов, В.А. Выявление преступлений как межотраслевая практическая, научная и дидактическая проблема / В.А. Образцов // Выявление и предупреждение преступлений криминалистическими средствами и методами. – М., 2004.
8. Образцов, В.А. Криминалистическая классификация преступлений / В.А. Образцов. – Красноярск, 1988.
9. Образцов, В.А. О криминалистической классификации преступлений / В.А. Образцов // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 33. – М., 1980.
10. Образцов, В.А. Проблемы совершенствования научных основ методики расследования преступлений : дис. ... докт. юрид. наук / В.А. Образцов. – М., 1985.
11. Образцов, В.А. О некоторых нетрадиционных понятиях и направлениях исследований в криминалистике / В.А. Образцов, Л.В. Бертовский // Черные дыры в российском законодательстве. – 2004. – N 3.
12. Россинская, Е.Р. Криминалистика : учебник / Е.Р. Россинская. – 2-е издание. – М., 2025.
13. Яблоков, Н.П. Криминалистическая методика расследования / Н.П. Яблоков. – М., 1985.
14. Soltaninejad, K. Poisons and Drugs Used in Homicidal Poisoning: A Systematic Review / K. Soltaninejad // International Journal of Forensic Sciences. – 2023. – Vol. 8. – N 4. – Art. 000335.

УДК 343.9

Елена Алексеевна ХАРИНА,

доцент кафедры криминалистики
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук
elna.harina@yandex.ru

ТИПИЧНЫЕ СПОСОБЫ КРАЖ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

TYPICAL WAYS OF COMMITTING THEFTS USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

В статье на основе анализа статистических данных о зарегистрированных и раскрытых хищениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ), аргументируется вывод о неоднородной судебной-следственной практике применения уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершение краж, совершенных с использованием ИТТ, приводится авторская классификация типичных способов анализируемого деяния, рассматриваются типичные ошибки, допускаемые правоприменителями при квалификации деяний.

The article, based on an analysis of statistical data on registered and solved thefts committed using information and telecommunication technologies (ITT), substantiates the conclusion that the judicial and investigative practice of applying criminal legal norms providing for criminal liability for thefts committed with the use of ITT is heterogeneous. The author's classification of typical ways of the offence in question is presented, and typical mistakes made by law enforcement officials in qualifying these acts are considered.

Ключевые слова: хищения, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, типичные способы краж, информационно-телекоммуникационные технологии.

Keywords: theft committed using information and telecommunication technologies, typical ways of thefts, information and telecommunication technologies.

Современное состояние преступности указывает на наличие тенденции систематического роста количества преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ). Этот процесс естественен и является следствием развития научно-технологического прогресса.

Наряду с этим необходимо отметить, что в 2025 г. впервые отмечено снижение количества зарегистрированных преступлений рассматриваемой категории. Так, согласно официальным данным МВД России¹ в 2025 г. в Российской Федерации зарегистрированы 675 372 преступления, совершенных с использованием ИТТ, что на 11,8% меньше

¹ Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/77848182/> (дата обращения: 10.02.2026).

по сравнению с показателями прошлого года. В целом же доля исследуемых преступных деяний относительно общего количества всех зарегистрированных преступлений уменьшилась на 1,9% и составляет 38,1%¹. Отрицательная динамика вселяет оптимизм и является результатом государственно-правового реагирования и противодействия возникающим угрозам.

Одну из лидирующих позиций среди зарегистрированных хищений, совершенных с использованием ИТТ, в 2025 г. занимают кражи (80 956 преступлений). Несмотря на то, что в целом раскрываемость рассматриваемой категории краж (36%) выше среднего процента раскрываемости всех преступлений, совершенных с использованием ИТТ (26,6%)², имеющийся уровень противодействия трудно назвать эффективным, что свидетельствует о необходимости уделения данному вопросу более пристального внимания.

Анализ судебной-следственной практики позволил прийти к выводу о наличии неоднородной практики применения норм, предусматривающих ответственность за совершение хищений с использованием ИТТ, что связано с имеющимися проблемами квалификации деяний, в частности их отграничения от смежных составов. В этой связи считаем целесообразным осветить некоторые проблемные вопросы, с которыми сталкиваются правоприменители в процессе квалификации преступных деяний.

Как известно, преимущественное большинство краж, совершенных с использованием ИТТ, квалифицируются по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ как кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ). Изучение судебной-следственной практики показало, что с наибольшими трудностями правоприменители сталкиваются при отграничении указан-

ного квалифицированного состава кражи от ст. 159.3 УК РФ (мошенничество с использованием электронных средств платежа) [5; 8].

Так, одним из возникающих вопросов является квалификация деяния при использовании в ходе совершения преступления банкомата для снятия наличных денежных средств. Большинство изученных приговоров свидетельствуют о правильности квалификации деяния по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Однако имеются случаи иной правовой позиции: переквалификации деяний на п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ³, а также квалификации таких деяний по ст. 159.3 УК РФ. Стоит отметить, что, несмотря на использование при совершении преступления электронных средств платежа, определяющим фактором при квалификации деяния должно являться наличие или отсутствие в способе совершения хищения обмана или злоупотребления доверием [4, с. 48]. В такой ситуации деяние может являться мошенничеством в случае участия в выдаче денежных средств работника кредитной организации, обманутого или введенного в заблуждение относительно принадлежности банковской карты. Данное положение нашло отражение в п. 25.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», согласно которому снятие наличных денежных средств через банкомат с использованием чужой или поддельной платежной карты надлежит квалифицировать как кражу по признаку «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств».

Еще одним выявленным проблемным вопросом является ошибочная квалификация хищений, совершенных посредством оплаты товаров чужой банковской картой, по ст. 159.3 УК РФ [7]. Так, А., похитив кредитную банковскую карту, более пятидесяти раз осуществил оплату приобретенных товаров на общую сумму более 27 тыс.

1 Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/77848182/> (дата обращения: 10.02.2026).

2 Там же.

3 Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 18.12.2018 N 22-7584/2018. URL: <https://actofact.ru/case-24OS0000-22-7584-2018-2018-11-21-2-1/> (дата обращения: 07.12.2025).

руб., в результате чего был осужден по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ¹. Следует отметить, что такого рода хищения следует квалифицировать по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Соответствующие разъяснения также даны в п. 25.1 вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Отдельного внимания также требуют ситуации ошибочной квалификации краж, совершенных с использованием учетных данных собственника, по ст. 159.6 УК РФ [подр.: 6], ст. 159 УК РФ². Необходимо отметить, что в данном случае необходимо руководствоваться п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», согласно которому в случаях, «когда хищение совершается путем использования учетных данных собственника или иного владельца имущества независимо от способа получения доступа к таким данным (тайно либо путем обмана воспользовался телефоном потерпевшего, подключенным к услуге «мобильный банк», авторизовался в системе интернет-платежей под известными ему данными другого лица и т. п.), такие действия подлежат квалификации как кража».

Переходя к рассмотрению типичных способов анализируемой преступной деятельности, отметим, что способ преступления является системообразующим элементом криминалистической характеристики преступления. Не преувеличивая его значимости, А.С. Князьков указывал, что «способ является своеобразным «путем пересечения» связей между элементами криминалистической характеристики умышленных преступлений, поскольку именно в нем проявляется суть преступления как противоправного действия» [3, с. 52]. Действительно, именно уяснение указанной автором «сути преступления» в значительной мере способствует процессу его расследования, а также позволяет в должной

мере определить степень уголовно-правового реагирования на совершенное деяние.

Необходимо отметить, что изучение научной литературы по заявленной тематике указало на отсутствие до настоящего времени систематизированных сведений о типичных способах исследуемой преступной деятельности. В этой связи с учетом выявленных неточностей в правовой оценке деяний на основе изученной судебно-следственной практики выделим наиболее типичные способы краж, совершенных с использованием ИТТ, представленные в авторской классификации, – это деяния, совершенные:

1) посредством использования платежных, банковских карт. Преступления данной категории могут совершаться как с использованием поддельных карт, так и с использованием оригинальных чужих карт, при этом способ получения их в распоряжение может быть различным: украденные, найденные, полученные от потерпевшего. Варианты использования карт, в свою очередь, в зависимости от обладания информацией о пин-коде подразделяются на следующие виды:

– с использованием пин-кода (который известен преступнику заранее или был им подобран). Хищения в таком случае совершаются:

а) путем снятия, перевода денежных средств с использованием банкомата. Так, Д., в силу сложившихся дружеских и доверительных отношений передал Х. свою банковскую карту, а также сообщил пин-код для снятия денежных средств в размере 2000 руб. Однако Х., имея корыстный преступный умысел на тайное хищение чужого имущества, произвел снятие денежных средств в банкоматах на общую сумму более 22 тыс руб., в результате чего приговором суда осужден по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ³;

б) путем оплаты товаров, работ, услуг на сумму, требующую введения пин-кода. Так, Н. после смерти сестры обнаружила и

1 Приговор Междуреченского городского суда Кемеровской области от 27.05.2020 по делу N 1-144/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qu4IQPKu1INN/> (дата обращения: 07.12.2025).

2 Приговор Братского городского суда Иркутской области от 19.12.2016 N 1-558/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/g09gU4WUC15J/> (дата обращения: 10.09.2025).

3 Приговор Железнодорожного районного суда г. Рязани от 03.03.2025 по делу N 1-40/2025. URL: <https://clck.ru/3PHBtw> (дата обращения: 18.09.2025).

присвоила принадлежавшую последней банковскую карту ПАО «Сбербанк». Пин-код от карты Н. был известен, так как ранее она неоднократно по просьбе сестры приобретала продукты питания и лекарства. Реализуя преступный умысел, Н. систематически в течение двух лет использовала присвоенную карту для оплаты товаров, приобретения билетов, всего на общую сумму более 475 тыс. руб. Приговором суда Н. осуждена по п.п. «в», «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ¹;

– без использования пин-кода путем оплаты товаров, работ, услуг на сумму, не требующую введения пин-кода. Так, А. обнаружила на земле утерянную банковскую карту, выданную на имя гр. Б. Обнаружив, что карта оснащена системой бесконтактного платежа, позволяющей производить покупки на сумму до 1000 рублей без введения пин-кода, проследовала в магазины, где в общей сложности произвела восемь покупок. Приговором суда А. осуждена по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ²;

2) посредством использования конфиденциальной информации, необходимой для совершения доступа к безналичным денежным средствам. Такого рода информацией могут быть персональные данные владельца, данные платежной, банковской карты, контрольная информация, пароли³. При этом способы получения такой информации могут быть различны:

– посредством использования вредоносных компьютерных программ. Работа таких программ может быть организована на компьютерном устройстве потерпевшего, пользующегося услугами электронной платежной системы [1, с. 11];

– посредством использования доверительных отношений с потерпевшим, свободного доступа к реквизитам платежных карт. Так, Г., достоверно зная о возможности

совершения покупок и оплаты услуг путем введения реквизитов банковской карты без подтверждения операций пин-кодом, фотографировал на свой сотовый телефон с обеих сторон банковские карты, принадлежащие его родственникам. С целью реализации преступного умысла, направленного на хищение денежных средств, фигурант с использованием реквизитов банковских карт неоднократно совершал покупки в приложении «Joom», а также оплачивал услуги интернет-провайдеров, всего на общую сумму более 400 тыс. руб. Приговором суда Г. осужден по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ⁴;

– посредством обмана или злоупотребления доверием потерпевшего; использования методов социальной инженерии, фишинговых сайтов и т.п. Так, Ф. на сайте «Авито» подобрал объявления о продаже мебели, стенки и стола, осуществил звонки на указанные в объявлении номера и под предлогом перевода денежных средств в качестве оплаты товара убедил потерпевших сообщить ему конфиденциальную информацию о принадлежащих им банковских картах ПАО «Сбербанк»: номера, срок действия, полученные посредством смс коды безопасности и пароли. Используя полученную информацию, фигурант осуществил несколько переводов денежных средств со счетов потерпевших на принадлежащий ему банковский счет. Приговором суда фигурант осужден по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ⁵.

Кроме того, доступ к конфиденциальной информации может быть получен в результате утечек, произошедших в силу неправомерного доступа к различного рода базам данных, а также из чеков, оставляемых у банкоматов после активации услуги онлайн-банкинга [2, с. 30-32].

1 Приговор Дзержинского районного суда г. Перми от 10.03.2025 по делу N 1-82/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WLaOpYVMVmn/> (дата обращения: 27.11.2025).

2 Приговор Альметьевского городского суда Республики Татарстан от 26.03.2025 по делу N 1-142/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jJuae8KD8RLQ/> (дата обращения: 18.09.2025).

3 О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48.

4 Приговор Байkitского районного суда Красноярского края от 25.04.2025 по делу N 1-8/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gW5kiz8jti51/> (дата обращения: 07.12.2025).

5 Приговор Новочебоксарского городского суда Чувашской Республики от 27.07.2020 по делу N 1-283/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jfnFn4DGa6ZJ/> (дата обращения: 07.12.2025).

3) посредством использования абонентского номера потерпевшего, подключенного к услуге «Мобильный банк». Способы получения доступа к управлению денежными средствами могут быть различными.

– получение доступа к телефонному аппарату, подключенному к услуге «Мобильный банк». Способ получения такого доступа может быть различным: потеря или похищение телефонного аппарата, передача потерпевшим во временное пользование. Так, Г. под угрозой насилия, не опасного для жизни и здоровья, совершил хищение сотового телефона марки «Apple iPhone Xr 64GB», а также денежных средств в сумме 1500 руб. После чего достоверно зная, что на телефоне установлено мобильное приложение банка «Тинькофф», а также располагая сведениями о пароле от входа в приложение, совершил перевод денежных средств на сумму более 10 тыс. руб. Приговором суда фигурант осужден по п. «г» ч. 2 ст. 161, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ¹;

– приобретение сим-карты, которая бывшим владельцем была подключена (и не отключена) к услуге дистанционного банковского обслуживания. В таком случае у нового владельца сим-карты сохраняется возможность совершать операции с денежными средствами на счетах предыдущего владельца сим-карты. Так, Т., имея умысел на тайное хищение денежных средств, приобрел сим-карту оператора сотовой связи «МТС», активировал ее, присвоив абонентский номер, который ранее использовал потерпевший и к которому была подключена услуга смс-уведомления по кредитной карте, привязанной к расчетному счету в АО «Т Банк». Осуществив доступ в личный кабинет потерпевшего Т. осуществил переводы денежных средств на общую сумму 30 тыс. руб. на бан-

ковский счет, находящийся в его пользовании. Приговором суда Т. осужден по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ²;

– использование своего служебного положения сотрудниками организаций, оказывающих услуги связи, а также путем предъявления подложной доверенности на получение дубликата сим-карты;

4) посредством использования своего служебного положения для получения доступа к управлению денежными средствами на счетах потерпевших. Как правило, такими лицами являются представители кредитно-финансовых организаций. Так, Л., являясь сотрудником ПАО «Сбербанк», совершал хищения денежных средств клиентов банка. Приговором суда Л. осужден по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ³;

5) посредством неправомерного доступа к банковскому счету потерпевшего и оформления кредита от его имени. Так, Б., убедившись, что за действиями никто не наблюдает, воспользовался мобильным телефоном своей матери, зашел в приложение «Сбербанк Онлайн» и оформил от ее имени кредит на общую сумму более 32 тыс. руб., после чего осуществил перевод полученных денежных средств на открытый на свое имя банковский счет. Указанные действия квалифицированы судом по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ⁴;

6) посредством доступа к телефонному аппарату с установленными мобильными приложениями, в которых для оплаты товаров, работ, услуг указана чужая банковская карта. Так, К. приобрела у неустановленного лица ранее украденный сотовый телефон «Самсунг», в котором обнаружила установленное мобильное приложение «Ozon» с привязанной для оплаты товаров чужой банковской картой ПАО «Сбербанк». С целью совершения хищения К. осуществила заказ товаров и

1 Приговор Ленинского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 10.03.2025 по делу N 1-24/2025. URL: <https://clck.ru/3PNAxX> (дата обращения: 18.09.2025).

2 Приговор Сысертского районного суда (Свердловская область) от 24.02.2025 по делу N 1-74/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ha16Ly0u3V1p/> (дата обращения: 27.11.2025).

3 Приговор Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 01.11.2019 по делу N 1-545/2019. URL: https://oktiabrskiy-nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=538229833&case_uid=95b88be7-8b4d-4f30-812f-f90db59eee06&delo_id=1540006 (дата обращения: 27.11.2025).

4 Приговор Кировского районного суда г. Красноярск от 26.01.2022 по делу N 1-36/2022. URL: https://kirovsk-krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=310856985&case_uid=06335c19-64e3-43f3-b660-b0d3f6931ced&delo_id=1540006 (дата обращения: 10.01.2026).

произвела их оплату денежными средствами, находившимися на банковском счете указанной банковской карты. За совершение хищения К. осуждена по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ¹.

Резюмируя, необходимо также указать, что в зависимости от способа получения доступа к банковским картам, мобильным телефонам с установленными банковскими приложениями и т.п., используемыми для совершения хищения, возможна дополнительная квалификация действий преступника по ст. 158, ст. 161 УК РФ.

Приведенный в статье перечень способов совершения краж с использованием ИТТ является не полным и может дополняться в

процессе совершенствования подходов к реализации преступных намерений. При этом надеемся, что обозначенные проблемные вопросы в квалификации краж, отграничении их от смежных составов, а также приведенный перечень типичных способов совершения рассмотренных видов хищений, проиллюстрированный практическими примерами, будут способствовать уяснению сути деяний, их правильной квалификации, формированию единообразной судебной практики и повышению эффективности противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИТТ.

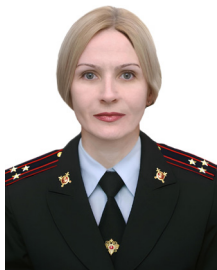
1 Приговор Белорецкого межрайонного суда Республики Башкортостан от 26.06.2025 N 1-228/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/m4pD14FDVAla/>. (дата обращения: 12.01.2026).

Библиографический список

1. Гайдин, А.И. Методика установления субъектов электронных платежей при расследовании хищений денежных средств : методические рекомендации / А.И. Гайдин, Е.А. Пидусов, А.В. Головчанский. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2018. – 43 с.
2. Гумаров, И.А. Основы борьбы с кражами с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации) / И.А. Гумаров, Н.М. Сафин. – Казань : Казанский юридический институт МВД России, 2024. – 96 с.
3. Князьков, А.С. Криминалистическая характеристика преступления в контексте его способа и механизма / А.С. Князьков // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2011. – N 1. – С. 51-64.
4. Маслиенко, М.А. Особенности квалификации краж и мошенничеств, совершаемых в информационно-телекоммуникационных сетях / М.А. Маслиенко // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2023. – N 4(54). – С. 46-52.
5. Рускевич, Е.А. Отграничение мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) от смежных составов преступлений / Е.А. Рускевич // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – N 10(98). – С. 118-126.
6. Харина, Е.А. Некоторые аспекты квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации / Е.А. Харина // Российский следователь. – 2022. – N 6. – С. 38-41.
7. Христюк, А.А. Проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации деяний, совершаемых с использованием электронных средств платежа / А. А. Христюк, Х. А. Асатрян // Академический юридический журнал. – 2023. – Т. 24. – N 1(91). – С. 71-79.
8. Хромов, Е.В. Проблемы квалификации хищения денежных средств с банковского счета / Е.В. Хромов // Уголовное право. – 2023. – N 2(150). – С. 44-58.

УДК 343.133:343.1

Любовь Леонидовна АБРАМОВА,
начальник кафедры уголовного процесса
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск),
кандидат юридических наук
luba11177@mail.ru

Наталья Владимировна МОРОЗОВА,
доцент кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД
Орловского юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук
morozova_nv1982@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМА ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ФОРМАТЕ

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE INVESTIGATIVE MECHANISM IN THE INTERNATIONAL FORMAT

В статье на основе комплексного анализа законодательных предписаний, научной и учебной литературы, практического опыта с использованием материалов уголовных дел выработаны теоретические представления о сущности, значении, условиях, основаниях, порядке применения видео-конференц-связи при производстве следственных действий. Отмечено, что дистанционная форма проведения отдельных следственных действий теперь возможна и на международном уровне, в частности в рамках сотрудничества с Республикой Таджикистан. Изложены практические рекомендации, касающиеся детального алгоритма их проведения. Обозначенные в работе предложения помогут практическим сотрудникам выработать определенные навыки принятия процессуальных решений, уяснить алгоритмы и организовать работу по проведению следственных действий с использованием видео-конференц-связи, правильно оформлять их результаты.

Based on a comprehensive analysis of legislative provisions, scientific and educational literature, as well as practical experience using materials from criminal cases, the article develops theoretical concepts about the essence, significance, conditions, and grounds for using video conferencing during investigative actions. It is noted that the remote form of conducting certain investigative actions is now possible at the international level as part of cooperation with the Republic of Tajikistan. The article presents practical recommendations regarding the detailed algorithm for conducting these actions. The proposals outlined in the article will help practical employees work out certain skills for making procedural decisions, understand the algorithms and organize the work of conducting investigative actions using video conferencing, and correctly document their results.

Ключевые слова: дистанционные следственные действия, видео-конференц-связь, уголовное дело, быстрота расследования, доказательства, следователь, поручение, международное сотрудничество, международная правовая помощь по уголовным делам.

Keywords: remote investigative actions, video conferencing, criminal case, quick-response investigation, evidence, investigator, assignment, international cooperation, international legal assistance in criminal cases.

В современных условиях функционирование общества немыслимо без развитой информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, оптимизирующей различные аспекты жизнедеятельности. Прогресс в сфере инновационных технологий выступает значимым фактором формирования комфортной среды в многочисленных областях социального взаимодействия. Уголовно-процессуальная деятельность, характеризующаяся высокой степенью консервативности нормативно-правового регулирования, не осталась вне сферы влияния научно-технического прогресса.

В течение последних двадцати лет цифровые и иные технологические решения интегрированы в практику производства по уголовным делам. Технические средства находят применение в деятельности следователей не только в контексте подготовки процессуальных документов, но и в целях фиксации разнородной информации. В научную организацию труда субъектов, осуществляющих предварительное расследование, последовательно внедряются технические устройства, программные комплексы, телекоммуникационные средства и иные современные технологические решения. Познавательная направленность выступает одним из ключевых признаков следственных действий. В связи с этим значительная часть проблемных аспектов деятельности органов предварительного расследования коррелирует со сферой получения и передачи информации. Телекоммуникационные технологии, обеспечивающие интерактивное взаимодействие двух и более участников, предоставляют возможность обмена аудио- и видеоинформацией в режиме реального времени при дистанционном расположении субъектов коммуникации. Данный вектор развития уголовно-процессуальной деятельности закономерно привлекает внимание представителей процессуальной науки. На доктринальном уровне активно разрабатываются вопросы цифровизации уголовного судопроизводства: в частности, исследуются перспективы

внедрения электронного документооборота в уголовный процесс, применения технологий блокчейна, разрабатываются модели формирования электронного уголовного дела [1, с. 58-65; 2, с. 7-10; 3, с. 77-82; 4, с. 95-101; 5; 6, с. 52-65, 7, с. 18-21; 8, с. 84-89; 9, с. 93-98; 10; 11, с. 81-90].

С учетом сложностей организации процессуальной работы с участниками уголовного судопроизводства в условиях объективной невозможности их явки к дознавателю, следователю либо в суд в 2021 г. законодатель реализовал ряд нормативных решений, допускающих проведение отдельных следственных действий в дистанционном формате с использованием видео-конференц-связи. В соответствии со ст. 189.1 УПК РФ следователь и дознаватель наделены полномочием проводить допрос, очную ставку, опознание посредством систем видео-конференц-связи, эксплуатируемых государственными органами, уполномоченными на осуществление предварительного расследования¹.

При этом существующие цифровые нововведения, включая упомянутые, нуждаются в дальнейшем теоретическом осмыслении и, потенциально, в расширении нормативного регулирования. Указанное обстоятельство не нивелирует, а, напротив, актуализирует исследовательский интерес к рассматриваемой проблематике.

Анализ целей и значения инкорпорации указанной нормы в действующее законодательство позволяет констатировать, что ключевым целеполагающим ориентиром законодателя выступала разработка механизма обеспечения соблюдения принципа разумного срока уголовного судопроизводства – как в системном аспекте, так и применительно к отдельным процессуальным процедурам. В частности, внедрение нового формата проведения следственных действий призвано оптимизировать временные параметры расследования и обеспечить его оперативность.

Согласно концептуальным установкам законодателя, модифицированный дистанционный порядок передачи доказательствен-

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2021 N 501-ФЗ.

ной информации следователю ориентирован на достижение двуединого эффекта: сокращение процессуальных сроков и рационализацию расходования бюджетных средств. Остановимся более подробно на общетеоретических положениях, связанных с регламентацией производства следственных действий в режиме видео-конференц-связи.

Базовыми категориями при изучении институтов уголовно-процессуального права являются условия и основания. Общие условия производства следственных действий достаточно широко разработаны в теории уголовного процесса. Под ними понимаются наиболее общие положения, относящиеся к порядку производства всех без исключения (или почти всех) следственных действий. К таковым относятся: наличие возбужденного уголовного дела, наличие специального основания, производство следственного действия надлежащим субъектом (должностным лицом, принявшим к производству уголовное дело или входящим в следственную группу, иными субъектами по поручению названных лиц), протоколирование.

Рассматривая же специальные условия принятия решения о производстве следственного действия с использованием системы видео-конференц-связи, необходимо установить такие обстоятельства, которые сами по себе не влекут данное решение, но без их наличия принять данное решение нельзя. В рамках подобного аналитического подхода представляется обоснованным выделить в качестве соответствующих условий следующие: надлежащие основания (фактические и юридические) производства следственного действия с использованием системы видео-конференц-связи, отсутствие обстоятельств, исключающих производство следственного действия с использованием системы видео-

конференц-связи, компетентный субъект принятия решения.

Сфокусируемся на развернутой характеристике обозначенных условий.

Основания принятия решения о производстве следственного действия с применением системы видео-конференц-связи. В доктрине уголовного процесса основания принятия процессуальных решений о производстве следственных действий принято дифференцировать на юридические и фактические. К юридическим основаниям относятся формально-правовые предпосылки принятия решения (в том числе оформленные документально либо выраженные в устной форме), к фактическим – совокупность данных, свидетельствующих о целесообразности и необходимости проведения соответствующего следственного действия.

Юридические основания. Изучение эволюции законодательных положений о дистанционном формате следственных действий показало, что первоначальные редакции законопроекта, в том числе относительно оснований, сильно отличались от итогового варианта¹.

Изначально в рамках законопроектной работы К.А. Лазаревым была предложена трехэтапная модель формирования юридического основания для проведения следственных действий с использованием системы видео-конференц-связи:

- принятие решения следователем или дознавателем либо удовлетворение ходатайства участника уголовного судопроизводства;
- документальное оформление решения посредством вынесения постановления следователем либо дознавателем;
- направление соответствующему органу дознания или следствия поручения об организации и проведении следственного действия.

1 О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части производства предварительного расследования с применением систем видео-конференц-связи) : проект Федерального закона N 764131-6 (внесен К.А. Лазаревым в период исполнения им полномочий депутата Государственной Думы) (отклонен в первом чтении). URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 26.12.2025); О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о допросе свидетеля следователем посредством видео-конференц-связи) : проект Федерального закона N434998-7 (внесен А.В. Кутеповым, снят с рассмотрения). URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 26.12.2025); О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : заключение Правительства РФ от 27.03.2018 N 2354п-П4 на проект Федерального закона, вносимый в Государственную Думу членом Совета Федерации А.В. Кутеповым. URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 26.12.2025).

Действующая редакция ст. 189.1 УПК РФ закрепляет иной порядок: следователь или дознаватель, в производстве которого находится уголовное дело, направляет письменное поручение следователю, дознавателю либо в орган дознания по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым, с целью организации его участия в данном действии. При этом законодатель не предусматривает обязательного вынесения мотивированного постановления о применении видео-конференц-связи. Представляется, что подобная юридико-техническая конструкция обусловлена стремлением к процессуальной экономии. По общему правилу допрос, очная ставка и опознание не требуют отдельного постановления. Данная позиция нашла отражение в заключении Правительства РФ по законопроекту А.В. Кутепова. В первоначальной редакции предполагалось, что допрос с использованием видео-конференц-связи должен проводиться на основании постановления следователя, направляемого в следственный орган или орган дознания по месту нахождения допрашиваемого свидетеля. Однако в заключении было указано, что применение видео-конференц-связи при допросе не влечет ограничения прав свидетеля и не снижает гарантий достоверности показаний, в связи с чем допустимо проведение следственного действия на основании поручения следователя в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 152 УПК РФ.

Вместе с тем следует учитывать потенциальную возможность обжалования действий следователя со стороны участников процесса, не заинтересованных в проведении следственного действия в дистанционном формате. В этой связи целесообразно, чтобы следователь (дознаватель) фиксировал свое решение о проведении следственного действия с использованием видео-конференц-связи в мотивированном постановлении, содержащем обоснование необходимости и допустимости применения именно такой формы проведения действия с указанием фактических оснований. Аналогичный подход уже апробирован в правоприменительной практике, например применительно к предъявлению для опознания в условиях,

исключающих визуальное наблюдение (ч. 8 ст. 193 УПК РФ). Несмотря на отсутствие прямого требования о вынесении постановления, в практике широко используется оформление постановления о проведении опознания в указанных условиях. Данный опыт может быть экстраполирован на производство дистанционных следственных действий.

Фактические основания производства следственных действий в доктрине традиционно определяются как наличие достаточной совокупности данных (доказательственной либо иной информации), позволяющих обосновать необходимость проведения конкретного следственного действия.

Норма ст. 189.1 УПК РФ допускает проведение допроса, очной ставки и опознания с использованием видео-конференц-связи «при необходимости», однако не раскрывает содержание данного критерия и не конкретизирует обстоятельства, обуславливающие такую необходимость. Аналогичная формулировка («при необходимости») используется законодателем и в ст. 278.1 УПК РФ, регламентирующей применение видео-конференц-связи в судебном производстве.

Более детализированный подход был предложен в отклоненном законопроекте К.А. Лазарева, который предусматривал проведение дистанционных следственных действий при наличии в материалах уголовного дела данных о следующих обстоятельствах:

- невозможность явки участника следственного (процессуального) действия к следователю либо в орган дознания по состоянию здоровья;
- необходимость обеспечения безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве;
- нахождение участника следственного (процессуального) действия на территории, существенно удаленной от места производства предварительного расследования;
- невозможность явки участника в связи со стихийным бедствием;
- участие в следственном действии несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, когда проведение допроса, очной ставки либо опознания целесообразно с использованием систем видео-конференц-связи.

Исходная редакция законопроекта, представленная до первого чтения, также содержала конкретизацию фактических оснований, указывая на невозможность личного участия допрашиваемого лица в производстве по уголовному делу, его нахождение за пределами места производства предварительного расследования, а также на ситуации, когда допрос должен быть проведен именно следователем или дознавателем, осуществляющим расследование, а не должностным лицом по месту нахождения допрашиваемого.

В итоговой редакции законодатель ограничился оценочной дискреционной категорией «при необходимости», делегировав решение вопроса о проведении следственного действия с использованием видео-конференц-связи усмотрению следователя. Полагая, что чрезмерно широкое субъективное усмотрение правоприменителя способно породить правоприменительные трудности и привести к формированию неоднородной судебной и следственной практики. В целях исключения злоупотреблений в части проведения следственных действий в дистанционном формате и обеспечения правовой определенности считаем целесообразным закрепить в УПК РФ исчерпывающий перечень обстоятельств, учитываемых при принятии решения о проведении следственного действия в режиме видео-конференц-связи.

Положительный опыт нормативной регламентации данного вопроса имеется в ряде зарубежных государств. Так, УПК Республики Молдова (ст. 110) допускает использование дистанционных технологий при наличии угрозы жизни и здоровью свидетеля (или его близких) в связи с расследованием тяжкого, особо тяжкого либо чрезвычайно тяжкого преступления. УПК Эстонской Республики (ст. 69) в качестве оснований предусматривает затрудненность проведения традиционного допроса, чрезмерные затраты на его организацию, а также необходимость обеспечения безопасности свидетеля. УПК Кыргызской Республики (ст. 201) относит к таким обстоятельствам состояние здоровья, препятствующее явке, необходимость обеспечения безопасности лица и иные уважительные причины. Особого внимания заслуживает регу-

лирование, предусмотренное УПК Республики Беларусь (ст. 224.1), где четко закреплены случаи допустимости дистанционного формата следственных действий: невозможность прибытия участника по состоянию здоровья или иным уважительным причинам, необходимость обеспечения безопасности участников процесса, несовершеннолетие потерпевшего или свидетеля, потребность в наиболее быстром, всестороннем и объективном исследовании обстоятельств уголовного дела.

Следует также принять во внимание аргументацию О.А. Малышевой, указывающей на то, что при принятии решения о применении видео-конференц-связи следователь руководствуется собственным убеждением, не будучи обязанным учитывать уровень информационно-коммуникационной грамотности отдельных категорий участников процесса. Между тем отдельные группы населения (в силу состояния здоровья, социальной незрелости либо недостаточной технической оснащенности) могут испытывать затруднения в использовании соответствующих технологических инструментов, что потенциально способно снизить эффективность процессуального взаимодействия.

Таким образом, существует объективная потребность в детальной нормативной регламентации перечня фактических оснований проведения следственных действий с использованием видео-конференц-связи, что позволит обеспечить баланс между процессуальной эффективностью и гарантиями прав участников уголовного судопроизводства.

Отсутствие обстоятельств, исключающих производство следственного действия посредством видео-конференц-связи. Отклоненный вариант законопроекта предусматривал в качестве специальных предпосылок проведения дистанционных следственных и иных процессуальных действий «отсутствие у лица, участие которого в следственных действиях планируется посредством видео-конференц-связи, физических недостатков слуха, зрения и речи, что подтверждено соответствующим медицинским заключением; наличие в местах проведения видео-конференц-связи соответствующего оборудования и/или канала связи».

Принятая в окончательной редакции ст. 189.1 УПК РФ по-иному излагает императивные условия производства следственных действий в режиме видео-конференц-связи.

Первое – конфиденциальность информации: невозможность разглашения государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны либо данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности. Указанное представляет важную гарантию обеспечения конституционных прав личности. Однако условие об отсутствии у лица, участие которого в следственных действиях планируется посредством видео-конференц-связи, физических недостатков слуха, зрения и речи, подтвержденное соответствующим медицинским заключением, в наибольшей степени усилило бы охранительную направленность исследуемой нормы.

Второе условие можно сформулировать как необходимая техническая оснащенность, то есть наличие необходимого оборудования и каналов связи как в месте проведения расследования, так и по месту нахождения участника процесса. Оно сугубо ресурсное, в большей степени направлено на защиту интересов должностных лиц, ответственных за организацию проведения следственных действий, поскольку техническая возможность проведения по объективным причинам может у них отсутствовать.

Законодательно не расшифровано определение «видео-конференц-связь», нет толкования техническим возможностям. Под техническими возможностями в самом общем виде мы понимаем специальное оборудование, позволяющее осуществлять технологии видео-конференц-связи. При этом такое оборудование должно наличествовать как в месте проведения расследования, так и по месту нахождения участника уголовного процесса, с которым необходимо произвести следственное действие с использованием видео-конференц-связи.

Следующий интересующий правоприменителей вопрос: можно ли сотруднику использовать для подключения личное оборудование (сотовый телефон, планшет, ноутбук)? Представляется, что ответ на данный вопрос должен быть отрицательным. Поло-

жение закона «путем использования систем видео-конференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, при наличии технической возможности» подразумевает принадлежность специального сертифицированного оборудования государственным правоохранительным органам и с использованием установленного лицензированного программного обеспечения, разрешенного ведомственным нормативным актом. То есть использование различных мессенджеров невозможно. Таким образом, единственным легитимным техническим средством обеспечения производства следственного действия следователями и дознавателями МВД России с использованием видео-конференц-связи будет являться сертифицированный персональный компьютер, подключенный к Единой системе информационно-аналитического обеспечения деятельности (ИСОД) МВД России. Для целей проведения следственных действий может использоваться сервис видео-конференц-связи МВД России (СВКС-м) – один из сервисов системы ИСОД, обеспечивающий коммуникацию сотрудников с использованием видеосвязи. Сервис предназначен для оптимизации и ускорения процесса получения и обработки информации при принятии управленческих решений. Естественно, что проведение следственных действий вне служебного кабинета невозможно.

Указанные положения представляются не в полной мере рациональными, отвечающими требованиям быстроты, мобильности. Полагаем возможным разрешить использование субъектами любых технических средств, что в наибольшей степени обеспечивало бы эффективность нововведений, учитывая, что любые сомнения в достоверности полученной информации могут быть проверены путем производства экспертиз.

Третье, не менее значимое условие состоит в необходимости процессуальной фиксации всей процедуры производства следственного действия – обязательного применения видеозаписи с последующим приобщением материалов к протоколу следственного действия. Вместе с тем в законе не конкретизировано, где и кем должна проводиться видеозапись.

Логично предположить, что возможны три варианта: 1) лицом, которое приняло решение о производстве следственного действия, в чьем производстве находится уголовное дело; 2) лицом, которое его технически организует; 3) тем и другим одновременно. Видится обоснованным производить видеофиксацию лицом, которое технически организует его производство, что должно служить обеспечению свойства достоверности доказательств, полученных по результатам проведенных следственных действий. Указание об этом должно содержаться в законе.

Надлежащий субъект принятия решения, обладающий необходимой компетенцией. Согласно ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ право принятия решения о проведении следственного действия с использованием видео-конференц-связи принадлежит исключительно следователю или дознавателю, которым поручено производство предварительного расследования. Анализ процессуальных норм позволяет расширить круг основных уполномоченных субъектов в лице следователя и дознавателя такими участниками, как руководитель следственного органа (ст. 39 УПК РФ), орган дознания (ст. 157 УПК РФ), начальник подразделения дознания (ст. 40.1 УПК РФ), следователь-криминалист (п. 40.1 ст. 5 УПК РФ). Что же касается технических исполнителей поручения, то действующий закон наделяет правом технической реализации видео-конференц-связи следователя, дознавателя, орган дознания по месту нахождения участника процесса. Однако данная регламентация не учитывает ситуации, когда участник процесса находится в местах лишения свободы, в медицинских учреждениях, в труднодоступных местностях, в следственных изоляторах. В подобных случаях целесообразно привлечение к технической реализации сотрудников следственных изоляторов, медицинских работников, руководителей соответствующих учреждений. При этом обязательным условием должно выступать наличие у данных лиц должностного статуса, электронной подписи, компетенции в использовании технических средств.

Полагаем, что действующее регулирование требует совершенствования в части

определения круга уполномоченных субъектов, особенно в ситуациях, когда участники процесса находятся в изолированных или удаленных местах, что может препятствовать реализации права на проведение следственных действий посредством видео-конференц-связи.

В современных условиях глобализации и развития трансграничной преступности особую значимость приобретает проблематика осуществления процессуальных мероприятий в отношении участников уголовного судопроизводства, находящихся за пределами юрисдикции Российской Федерации. Интернациональный характер противоправных деяний, обусловленный либерализацией миграционных процессов и упрощением трансграничного перемещения граждан, актуализирует необходимость совершенствования механизмов производства следственных мероприятий за пределами территориального суверенитета государства. Международно-правовое сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства становится ключевым инструментом оптимизации процесса предварительного расследования. В этой связи наблюдается тенденция к развитию и совершенствованию правовых механизмов взаимодействия компетентных органов различных государств.

Межгосударственные соглашения о правовой помощи выступают фундаментальной основой для регламентации порядка производства следственных действий с участием лиц, находящихся за рубежом. Данный инструментарий позволяет эффективно преодолевать территориальные барьеры в процессе расследования преступлений международного характера.

Инновационные подходы к организации международного сотрудничества в уголовно-процессуальной сфере направлены на обеспечение полноты и объективности расследования, несмотря на географическую удаленность участников уголовного процесса. Это способствует повышению эффективности правоохранительной деятельности в условиях глобализации преступности.

Российская Федерация и Республика Таджикистан являются участниками Конвенции о правовой помощи и правовых отноше-

ях по гражданским, семейным и уголовным делам (г. Кишинев, 7 октября 2002 г.), положениями которой в объем запрашиваемой правовой помощи включено проведение допросов участников уголовного процесса и опознания с использованием систем видео-конференц-связи.

В рамках обозначенной проблематики Следственным департаментом МВД России во взаимодействии со Следственным управлением МВД Республики Таджикистан в соответствии с подпунктом 1.3 решения Объединенной коллегии Министерств внутренних дел Российской Федерации и Республики Таджикистан, утвержденного приказом МВД России и МВД Республики Таджикистан от 22 сентября 2025 г. N 707/658, разработан совместный алгоритм проведения допросов, очных ставок, опознаний с использованием видео-конференц-связи в рамках исполнения поручений об оказании правовой помощи по уголовным делам для применения следственными подразделениями Министерств внутренних дел Российской Федерации и Республики Таджикистан (далее – алгоритм)¹. Документ содержит подробный порядок проведения следственных действий, требования к оформлению поручений, технические рекомендации, порядок взаимодействия следователей. В качестве приложений приводятся выписки из уголовно-процессуальных кодексов обеих стран, образцы расписки и подписки о разъяснении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Алгоритм регулирует порядок взаимодействия следственных подразделений МВД России и МВД Республики Таджикистан при организации и проведении с использованием видео-конференц-связи следующих следственных действий: допроса, очной ставки, опознания – в рамках исполнения поручений об оказании правовой помощи по уголовным делам.

Согласно алгоритму применение видео-конференц-связи допускается при наличии технической возможности и не допускается в случаях, когда есть риск разглашения государственной или иной охраняемой законом

тайны либо данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности.

Порядок взаимодействия при направлении и исполнении поручения состоит в следующем. Следователь (инициатор), которому поручено производство предварительного расследования, при необходимости проведения следственного действия с участием лица, находящегося в другом государстве, направляет в следственное подразделение дружественной страны письменное поручение об организации участия данного лица в следственном действии. Поручение может быть направлено в электронной форме через систему электронного документооборота.

В поручении указываются:

- основание для проведения следственного действия;
- конкретное следственное действие (допрос, очная ставка, опознание);
- процессуальный статус, фамилия, имя, отчество лица, участие которого необходимо;
- краткая фабула уголовного дела и обстоятельства, подлежащие выяснению;
- перечень вопросов для допроса;
- данные об иных участниках следственного действия (понятые, специалист, переводчик);
- информация о необходимости участия переводчика;
- предполагаемая продолжительность следственного действия;
- дата и время проведения (с учетом часовых поясов);
- технические требования к каналу связи;
- контактные данные для оперативной связи.

Следователь следственного подразделения МВД Республики Таджикистан (исполнитель), получив поручение, проверяет наличие технической возможности для проведения следственного действия с использованием видео-конференц-связи. При наличии возможности организует явку лица, участие которого необходимо, и обеспечивает подготовку помещения и оборудования.

1 О направлении совместного алгоритма производства следственных действий с использованием видео-конференц-связи : письмо Следственного департамента МВД России от 11.03.2026 N 17/1-7473. Документ разослан для использования в работе в территориальные органы МВД России. Официально не опубликован.

Непосредственный порядок проведения следственного действия следующий. Перед началом следственного действия исполнитель проводит идентификацию лица, участие которого обеспечивается: сверяет документы, удостоверяющие личность, с данными из поручения. Затем инициатор и исполнитель визуально сличают фотографию в документах с изображением лица, полученным посредством видео-конференц-связи. Далее исполнитель разясняет лицу, участие которого обеспечивается, его права, обязанности, ответственность и порядок производства следственного действия. После этого у лица берется подписка, удостоверяющая факт разяснения.

При проведении следственного действия обязательно ведется видеозапись. Запись осуществляется с обеих сторон: по месту нахождения инициатора и по месту нахождения исполнителя. Материалы видеозаписи приобщаются к протоколу следственного действия.

В ходе следственного действия должны соблюдаться общие правила производства следственных действий, установленные уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и Республики Таджикистан, с учетом особенностей, обусловленных использованием видео-конференц-связи.

После проведения следственного действия исполнитель оглашает протокол. Участники, находящиеся дистанционно, вправе внести замечания и уточнения. Эти замечания фиксируются в подписке, взятой у участников.

После завершения следственного действия исполнитель в течение 24 часов направляет инициатору подписанную участниками подписку, а также приобщенные в ходе следственного действия документы и материалы (в том числе ордер адвоката, если он участвовал). Инициатор приобщает полученные материалы к протоколу следственного действия.

Что касается технических требований и обеспечения безопасности, то для проведения следственного действия с использованием видео-конференц-связи рекомендуется применять каналы связи, обеспечивающие требуемое качество передачи видео- и аудиосигнала. При организации связи сле-

дует использовать программные решения из Единого реестра российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных (reestr.digital.gov.ru), бесплатную версию программной системы унифицированных коммуникаций «TrueConf», позволяющей обеспечить качество связи до уровня 4K Ultra HD и шифрование связи при помощи протокола DTLS (высокий уровень шифрования). Перед началом следственного действия обязательно проводится проверка качества связи и работоспособности оборудования.

При возникновении технических неполадок (прерывание связи, ухудшение качества изображения или звука) следователь (инициатор или исполнитель) фиксирует в протоколе время прерывания и возобновления связи.

Если технические неполадки не могут быть устранены в разумные сроки, следственное действие приостанавливается. В этом случае стороны согласовывают новое время проведения следственного действия.

Таким образом, проведенный комплексный анализ институциональных преобразований в сфере уголовного судопроизводства и имплементации инновационных процессуальных механизмов (электронного документооборота, видео-конференц-связи и многих др.) убедительно свидетельствуют о качественно новом этапе развития правоохранительной системы. Систематическая оптимизация уголовно-процессуального законодательства, подкрепленная внедрением современных инструментальных средств осуществления следственных мероприятий, детерминирует существенное повышение эффективности правоохранительной деятельности. Многоаспектное совершенствование механизмов производства следственных действий обусловливает интенсификацию процесса раскрытия противоправных деяний, оптимизацию процессуальных издержек, обеспечение надежной правовой защиты участников уголовного судопроизводства, укрепление гарантий соблюдения конституционных прав личности, повышение качества предварительного расследования.

Интегративный подход к модернизации процессуальных норм и практическому

применению современных технологий следственной работы формирует принципиально новую парадигму уголовного судопроизводства, отвечающую актуальным вызовам времени и международным стандартам правосудия. Конвергенция традиционных процессуальных инструментов с инновационными технологическими решениями создает прочную основу для дальнейшего развития уголовно-процессуальной системы, обеспе-

чивая ее адаптивность к динамично меняющимся условиям современного общества. Комплексная трансформация процессуальных механизмов, подкрепленная научно обоснованными методическими решениями, открывает широкие перспективы для совершенствования правоохранительной деятельности и укрепления законности в сфере уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Абдулвалиев, А.Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов / А.Ф. Абдулвалиев // Право и политика. – 2013. – N 1. – С. 58-65.
2. Артемова, В.В. Зарубежный опыт и перспективы использования электронного формата уголовных дел в Российской Федерации / В.В. Артемова, С.В. Ермаков, Д.А. Иванов // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2024. – N 1. – С. 7-10.
3. Зуев, С.В. Информационно-технологический процесс уголовного судопроизводства: вопрос времени / С.В. Зуев // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы VI всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 24 мая 2024 г.). – Екатеринбург: АНО «Крим/Либ», 2024. – С. 77-82.
4. Качалова, О.В. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства / О.В. Качалова, Ю.А. Цветков // Российское правосудие. – 2015. – N 2. – С. 95-101.
5. Мамбеталиева, Т.Э. Анализ законодательства Кыргызской Республики на предмет наличия норм, регулирующих использование аудио-, видеофиксации (АВФ) судебных заседаний / Т.Э. Мамбеталиева, И.С. Байкулова. – Бишкек: Программа USAID-IDLO «Повышение доверия общества к судебной системе Кыргызской Республики»; Общественный фонд «Гражданская инициатива интернет-политики», 2021. – 61 с.
6. Масленникова, Л.Н. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий / Л.Н. Масленникова // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. – 2020. – N 10. – С. 52-65.
7. Мичурина, О.В. Использование электронных документов вне электронного уголовного дела – прогрессивный тупик / О.В. Мичурина, В.С. Мичурин // Российский следователь. – 2024. – N 6. – С. 18-21.
8. Моругина, Н.А. Электронное уголовное дело: понятие, история, зарубежный опыт, перспективы / Н.А. Моругина // Правопорядок: история, теория, практика. – 2025. – N 1(44). – С. 84-89.
9. Рамалданов, Х.Х. Электронное уголовное дело: миф или реальность? / Х.Х. Рамалданов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – N 2(33). – С. 93-98.
10. Черкасов, В.С. Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук / В.С. Черкасов. – Хабаровск, 2022. – 210 с.
11. Шереметьев, И.И. Электронное уголовное дело: что это такое и пути его создания / И.И. Шереметьев // Lex Russica. – 2020. – Т. 73. – N 10. – С. 81-90.

УДК 343.132

Евгения Викторовна ПРЫТКОВА,

доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики Новосибирского военного
ордена Жукова института имени генерала
армии И.К. Яковлева войск национальной
гвардии Российской Федерации (г. Новосибирск),
кандидат юридических наук

evprytкова@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ СТ. 189.1 УПК РФ
В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО),
ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ**

**TO THE ISSUE OF APPLICATION OF ARTICLE 189.1 OF THE CRIMINAL PROCEDURE
CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION TO A SUSPECT (ACCUSED)
WHO HAS ENTERED INTO A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT**

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с производством очной ставки, опознания с участием подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве путем использования систем видео-конференц-связи. Предложены соответствующие изменения действующего законодательства Российской Федерации и алгоритм действия должностных лиц.

The article considers problematic issues related to conducting a confrontation and identification with the participation of a suspect (accused) who entered into a pre-trial cooperation agreement via video conferencing systems. The relevant amendments to the current legislation of the Russian Federation and an algorithm for the actions of officials are proposed.

Ключевые слова: обеспечение безопасности участников уголовного процесса, меры безопасности, производство следственных действий путем видео-конференц-связи, подозреваемый, обвиняемый.

Keywords: ensuring the safety of participants in the criminal procedure, security measures, investigative proceedings via video conferencing, suspect, accused.

Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. N 501-ФЗ в УПК РФ введена ст. 189.1, определившая особенности производства допроса, очной ставки и опознания путем использования систем видео-конференц-связи (далее – ВКС). В пояснительной записке к законопроекту указано, что данное нововведение будет способствовать

соблюдению разумных сроков уголовного судопроизводства, полному и всестороннему исследованию всех обстоятельств уголовного дела¹. Отметим, что появление обозначенной нормы обусловлено развитием электронно-цифровых технологий и потребностями практики, в том числе в условиях пандемии. Кроме того, на необходимость введения в

1 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о проведении допроса и очной ставки следователем, дознавателем в отношении участников уголовного судопроизводства с использованием систем видео-конференц-связи) : законопроект N 1184595-7 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1184595-7> (дата обращения : 23.05.2026).

УПК РФ нормы, позволяющей проводить следственные действия дистанционно, обращало внимание различными учеными на протяжении продолжительного времени [2, с. 32; 3, с. 301; подр.: 6, с. 343].

Отдавая должное нововведению, полагаем, что обозначенная статья не в полной мере регулирует особенности проведения данных следственных действий, с участием подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Указанное основывается на нижеследующем.

С момента введения в УПК РФ главы 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» законодатель совершенствует нормы, определяющие данный институт.

Так, Федеральным законом от 30 октября 2018 г. N 376-ФЗ введена статья 56.1 «Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве», которая установила права и обязанности данного участника уголовного судопроизводства, по сути, существующего с 9 июля 2009 г. Однако указанная норма своей целью ставит в большей степени исключение недобросовестного поведения такого лица при установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, в то время как задача лица, производящего расследование, состоит не только в том, чтобы защитить права и законные интересы физических и юридических лиц, потерпевших от преступлений, но и обеспечить безопасность подозреваемого (обвиняемого) заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве.

Вводя главу 40.1 УПК РФ, законодатель в ст. 317.9 УПК РФ предусмотрел порядок применения мер безопасности в отношении такого лица, отнеся к таким мерам не только процессуальные, но и меры, предусмотренные Федеральным законом от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – закон «О госзащите») и другими федеральными законами.

В соответствии с ч. 1 ст. 6 названного закона в отношении защищаемого лица могут применяться одновременно несколько либо одна из следующих мер безопасности: личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; переселение на другое место жительства; замена документов; изменение внешности; изменение места работы (службы) или учебы; временное помещение в безопасное место; применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое.

В соответствии со ст. 14 закона «О госзащите» безопасность защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы либо содержания в дисциплинарной воинской части, может быть обеспечена путем применения следующих мер: направление защищаемого лица и лица, от которого исходит угроза насилия, при их задержании, заключении под стражу и назначении уголовных наказаний в разные места содержания под стражей и отбывания наказаний, в том числе находящиеся в других субъектах Российской Федерации; перевод защищаемого лица или лица, от которого исходит угроза насилия, из одного места содержания под стражей и отбывания наказания в другое; раздельное содержание защищаемого лица и лица, от которого исходит угроза насилия; изменение защищаемому лицу меры пресечения или меры наказания в порядке, предусмотренном УПК РФ.

Согласно ст. 18 закона «О госзащите» принять решение о применении мер безопасности уполномочены суд (судья), начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь с согласия руководителя следственного органа, в то время как выбор конкретной меры (либо нескольких мер), а также их непосредственное применение реализует орган, осуществляющий меры

безопасности, которым, например, в органах внутренних дел является подразделение по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите (далее – ОРЧ ОГЗ).

То есть с момента избрания той или иной меры указанное подразделение, во-первых, принимает на себя обязанность по обеспечению безопасности защищаемого лица, во-вторых, становится связующим звеном между лицом, осуществляющим расследование, и подозреваемым (обвиняемым), заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве.

Помимо названного закона определенные меры безопасности, применяемые в отношении указанного лица, в случае, если он находится в учреждениях Федеральной службы исполнения наказания (далее – ФСИН России), предусмотрены УИК РФ и правилами внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, внутреннего распорядка исправительных учреждений и внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы¹. При этом меры безопасности, в отношении осужденного, являющегося участником уголовного судопроизводства, осуществляются в соответствии с ч. 4 ст. 13 УИК РФ начальником учреждения или органа, исполняющего наказание, на основании мотивированного постановления (определения) суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя, а в отношении подозреваемого (обвиняемого), содержащегося в следственном изоляторе (далее – СИЗО), – на основании решения начальника СИЗО либо лица, его замещающего, а при их отсутствии – дежурного помощника начальника СИЗО (п. 22 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы).

То есть в случае нахождения подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, в СИЗО либо, когда он уже является осужденным, в учреждениях ФСИН России уже на руково-

дителей данных подразделений возлагается обязанность по обеспечению безопасности и взаимодействию с лицом, осуществляющим расследование уголовного дела.

В соответствии с ч. 2. ст. 189.1 УПК РФ следователь по месту расследования уголовного дела в целях допроса, очной ставки, предъявления для опознания посредством видео-конференц-связи (ВКС) с лицом, чье участие в указанных следственных действиях признано обязательным, направляет соответствующее поручение следователю, дознавателю, в орган дознания по месту нахождения данного лица. В то же время в ч. 3 обозначенной статьи законодатель называет только следователя и дознавателя как должностных лиц, уполномоченных отобрать у такого лица подписку о разъяснении прав, обязанностей, порядка, ответственности и оглашении протокола следственного действия, при этом орган дознания в данную норму законодателем не включен.

В случае применения таких мер безопасности, предусмотренных законом «О госзащите», как переселение на другое место жительства, замена документов, изменение внешности, изменение места работы (службы) или учебы, временное помещение в безопасное место, а также дополнительных мер безопасности, применяемых в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, следователю, дознавателю по месту нахождения защищаемого лица не будет известно его местонахождение, так как сведения об указанных мерах безопасности и о лице, в отношении которого они избраны, относятся к сведениям, составляющим государственную тайну (абзац третий п. 4 ст. 5 Закона РФ от 21 июля 1993 г. N 5485-1 (ред. от 08.08.2024) «О государственной тайне»; абзацы 2, 3 п. 118 раздела IV Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне². Данной информацией могут владеть только сотрудники ОРЧ ОГЗ, соответствующие

1 Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 04.07.2022 N 110 (ред. от 30.09.2025).

2 Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне : Указ Президента РФ от 30.11.1995 N 1203 (ред. от 24.06.2025).

должностные лица СИЗО и мест исполнения наказаний. Соответственно, фактически только они способны организовать участие защищаемого лица в производстве допроса, очной ставки, предъявления для опознания посредством ВКС.

В данном случае именно должностные лица ОРЧ ОГЗ, СИЗО и мест исполнения наказаний должны быть наделены правом отобрать у такого лица подписку о разъяснении прав, обязанностей, ответственности, порядка производства и оглашении протокола следственного действия. Дополнительным аргументом является то, что законодатель в ч. 7 ст. 241.1 УПК РФ уже определил наравне с соответствующим судом администрацию места содержания под стражей и администрацию учреждения или органа, исполняющих наказание, организатором участия необходимого лица в судебном заседании посредством ВКС.

В связи с этим полагаем необходимым ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ после слов «о чем у них берется подписка» дополнить словами: «следователем, дознавателем или органом дознания по месту нахождения участников следственного действия».

В ч. 8 ст. 189.1 УК РФ указано, что проведение допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи не допускается в случае возможности разглашения государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны либо данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности.

Полагаем, что говоря в указанной норме о данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности, законодатель в первую очередь имел в виду ситуации, когда в отношении защищаемого лица избрана мера безопасности, предусмотренная законом «О госзащите», в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице, а также присвоение лицу псевдонима в порядке ч. 9 ст. 166 УПК РФ. Отметим, что в соответствии со ст. 317.9 УПК РФ на подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, распространяются все процессуальные меры безопасности, в том числе возможность присвоения псевдонима.

Представляется также, что в ч. 8 ст. 189.1 УК РФ нет категоричного запрета на производство следственных действий посредством ВКС с участием защищаемых лиц. Законодатель лишь делает акцент на недопустимость разглашения данных о таких лицах при производстве названных следственных действий указанным способом. Наоборот, полагаем, что производство предъявления для опознания и очной ставки дистанционно, в том числе посредством ВКС, может рассматриваться как мера безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и может применяться в том числе в случае, если участники очной ставки или опознания находятся в одном населенном пункте.

Представим ситуацию, когда следовательно необходимо провести предъявление для опознания или очную ставку с участием такого лица, которому присвоен псевдоним и в отношении которого применяются меры безопасности, в соответствии с законом «О госзащите» (далее также – защищаемое лицо). То есть случаи, когда защищаемому лицу предстоит опознать соучастника преступления, от которого может исходить угроза его безопасности, либо изобличить соучастника в ходе очной ставки.

В указанной ситуации опознаваемый не всегда может знать защищаемое лицо, поэтому в целях исключения непосредственного контакта, в результате которого личность сотрудничающего с правоохранительными органами станет известна, предъявление для опознания необходимо производить в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, а именно посредством ВКС, а очную ставку – посредством ВКС с использованием видео- и аудиопомех.

С этой целью следовательно необходимо направить на имя начальника территориального органа МВД России по субъекту Российской Федерации поручение в порядке ч. 2 ст. 189.1. УПК РФ об организации участия защищаемого лица в следственном действии, в котором указать дату, время, вид следственного действия, а также поручение органу дознания (в силу отсутствия такового

в настоящее время в ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ) в порядке п. 4. ч. 2 ст. 38 УПК РФ о производстве иных процессуальных действий, а именно об отобрании подписки о том, что защищаемому лицу разъяснены его права, обязанности, ответственность, порядок производства следственного действия, а после производства следственного действия – о том, что ему оглашен протокол. Кроме того, в поручении целесообразно указать на необходимость организации участия в следственном действии понятых (в случае предъявления для опознания) и отобрании у них в порядке ч. 3 ст. 161 УПК РФ подписки о том, что они предупреждены об ответственности за разглашение данных предварительного расследования в соответствии со ст. 310 УК РФ. Таким образом, мы согласны с мнением О.В. Химичевой о том, что в каждом конкретном случае производства следственных действий в порядке ст. 189.1 УПК РФ круг процессуальных действий, поручаемых должностным лицам, находящимся не по месту расследования уголовного дела, будет зависеть от конкретной ситуации [8, с. 173].

Подключение в данном случае будет происходить по ведомственной, защищенной от несанкционированного доступа единой информационно-телекоммуникационной системе органов внутренних дел (далее – ЕИТКС МВД России), на что также обращали внимание и другие ученые [7 с. 71; 4 с. 334]. При этом при предъявлении для опознания защищаемое лицо будет находиться в служебном кабинете ОРЧ ОГЗ вместе с понятыми (в соответствии с ч. 8 ст. 193 УПК РФ) и при необходимости защитником опознающего, а следователь, производящий расследование, – в своем служебном кабинете вместе с защитником опознаваемого (при его наличии)¹ либо в служебном кабинете изолятора временного содержания. При проведении очной ставки ее участник, которого будет изобличать защищаемое лицо (вместе с защитником при его наличии), будет находиться в служебном кабинете следователя либо изолятора

временного содержания, а защищаемое лицо – также в служебном кабинете ОРЧ ОГЗ.

Предлагаем следующий алгоритм действий должностных лиц.

Общие положения.

1. Следователь к назначенному дню и времени вызывает в свой служебный кабинет опознаваемого (в случае если в отношении него не избрана мера пресечения либо избранная мера не ограничивает его передвижение) либо участника очной ставки, которого будет изобличать защищаемое лицо, приглашает защитника (если он участвует в деле) самостоятельно или с помощью оперативных уполномоченных, осуществляющих оперативное сопровождение по уголовному делу, производит подбор статистов (для опознания). В случае если в отношении опознаваемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, заблаговременно решает вопрос об этапировании его из СИЗО в изолятор временного содержания.

2. Оперуполномоченные ОРЧ ОГЗ обеспечивают прибытие к назначенному дню и времени защищаемого лица, в случае если в отношении него не избрана мера пресечения либо избранная мера не ограничивает его передвижение.

Если защищаемое лицо находится под стражей либо в местах исполнения наказания, организацию участия такого лица в данном следственном действии целесообразно поручать администрации указанных органов. Однако здесь возникает еще одна проблема применения ст. 189.1 УПК РФ в отношении подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, находящегося под стражей, или, когда он уже становится осужденным, в местах исполнения наказания. Как справедливо отмечают В.Н. Бодряков и Р.М. Морозов, «органы ИУ, СИЗО территориальных органов МВД и ФСИН России в целом оборудованы системами ВКС, однако непосредственного взаимодействия по данным каналам не осуществляется, протоколы безопасности двух

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Орлова Дмитрия Игоревича на нарушение его конституционных прав положением части восьмой статьи 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 18.12.2008 N 1090-О-О.

ведомств не оплачены» [1, с. 126]. Таким образом, в настоящее время невозможно организовать проведение следователем, проводящим расследование, указанных следственных действий посредством ВКС в условиях СИЗО либо мест исполнения наказания. Полагаем с учетом того, что такие каналы связи между судами и подразделениями ФСИН России налажены, взаимодействие между МВД и ФСИН России при производстве следственных действий посредством ВКС также будет со временем организовано.

3. В назначенный день и время следователь устанавливает ВКС посредством ЕИТКС МВД России со служебным кабинетом ОРЧ ОГЗ, в котором находится опознающий либо участник очной ставки, являющийся защищаемым лицом, совместно с защитником (если он участвует в деле). Понятые (при предъявлении для опознания) находятся в другом служебном кабинете ОРЧ ОГЗ.

4. Следователь устанавливает личность опознающего либо участника очной ставки, являющегося защищаемым лицом, однако в протокол следственного действия вместо фамилии, имени и отчества в силу ч. 9 ст. 166 УПК РФ вносится псевдоним защищаемого лица. После чего в целях предупреждения недобросовестного поведения понятых (при предъявлении для опознания), так как по окончании следственного действия к ним может поступить просьба от опознаваемого, его защитника или других заинтересованных лиц описать внешность опознающего, необходимо надеть на опознающего маску с прорезями для глаз и только после этого пригласить в служебный кабинет ОРЧ ОГЗ понятых.

Участник очной ставки, которого будет избличать защищаемое лицо, также приглашается в кабинет следователя после установления последнего личности такого лица и принятия мер, направленных на исключение его узнавания.

Особенности при предъявлении для опознания.

1. После установления личности опознающего его и его защитника (если он участвует в деле) необходимо попросить отвернуться от монитора для того, чтобы они не видели, как в кабинет следователя входит опознаваемый

и статисты и какое место среди последних занял опознаваемый. Как вариант: понятые вместе с опознающим и его защитником могут зайти за ширму в том же служебном кабинете ОРЧ ОГЗ, где организуется ВКС.

2. В кабинет следователя по телефону приглашаются опознаваемый, совместно с защитником (если он участвует в деле) и статисты. Далее следователь с помощью оперативных уполномоченных ОРЧ ОГЗ по очереди устанавливает личность понятых (при этом они по одному выходят из-за ширмы, если таковая используется, и возвращаются за нее) согласно их паспортам (при этом целесообразно приблизить развороты паспорта к видеокамере компьютера) и вносит эти данные в протокол следственного действия.

3. Опознаваемому предлагается занять любое место среди статистов. Важно, чтобы все было хорошо видно на экране монитора, находящегося в служебном кабинете ОРЧ ОГЗ. Для этого, возможно, потребуется развернуть монитор, как правило, со встроенной видеокамерой так, чтобы все участники попали в камеру. После чего следователь или оперуполномоченный ОРЧ ОГЗ, организующий ВКС с другой стороны, просит опознающего вместе с защитником (если он участвует в деле) повернуться к монитору или, если используется ширма, вместе с понятыми выйти из-за нее. Предварительно в целях исключения возможности визуального наблюдения опознаваемым опознающего необходимо отключить видеокамеру в служебном кабинете ОРЧ ОГЗ и видоизменить звук, либо попросить защищаемое лицо изменить голос (путем зажимания носа, изменения тембра, другим способом). Как вариант, совершенно справедливо отмечает К.С. Плахота, можно воспользоваться имеющимся опытом стран СНГ (Беларусь, Казахстан) и использовать компьютерные технологии изменения внешности и (или) голоса, которые гарантируют защищаемому лицу неузнаваемость [5, с. 99], иначе – видео- и аудиопомехи.

4. Перед началом опознания всем присутствующим следователь разъясняет их права, обязанности, ответственность и порядок производства следственного действия, в том числе о применении технических средств и

кем они применяются. При этом защищаемое лицо не предупреждается об ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложных показаний и по ст. 308 УК РФ за отказ от дачи показаний в силу ч. 7 ст. 56.1 УПК РФ. Однако ему разъясняется, что в соответствии со ст. 51 Конституции РФ он не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ. О том, что разъяснения проведены, оперуполномоченный ОРЧ ОГЗ отбирает подписку от опознающего, его защитника и понятых.

5. Если по месту производства расследования в следственном действии участвуют специалист (в целях фиксации на видеокамеру хода следственного действия, а такая фиксация в силу ч. 4 ст. 189.1. УПК РФ является обязательной) либо защитник опознаваемого, им также разъясняются права, обязанности и ответственность, о чем следователем делается отметка в протоколе.

6. Далее следователем задается опознающему вопрос, не видел ли он ранее кого-либо из предъявляемых для опознания лиц, и если видел, то когда, где и при каких обстоятельствах. При необходимости опознающий может обратиться к следователю с просьбой, чтобы опознаваемый со статистами повернулись, наклонили голову или выполнили какое-нибудь другое действие. Результаты опознания заносятся в протокол следственного действия.

7. Протокол предъявления для опознания оглашается следователем. При этом оперуполномоченный ОРЧ ОГЗ берет у защищаемого лица соответствующую подписку.

Особенности проведения очной ставки.

1. После установления следователем личности защищаемого лица и внесения в протокол его псевдонима следователь поручает оперуполномоченному отключить видеокамеру монитора, находящегося в служебном кабинете ОРЧ ОГЗ, и видеоизменить звук либо просит защищаемое лицо изменить голос (путем зажимания носа, изменения тембра, другим способом), либо использует видео- и аудиопомехи транслируемого из служебного кабинета ОРЧ ОГЗ изображения.

2. В кабинет следователя по телефону приглашается второй участник очной ставки.

Следователь разъясняет лицам, участвующим в очной ставке, права, обязанности, ответственность и порядок производства очной ставки, в том числе о применении технических средств и кем они применяются (фиксация на видеокамеру хода следственного действия в силу ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ является обязательной), о чем следователем делается отметка в протоколе, а оперуполномоченным ОРЧ ОГЗ отбирается подписка у защищаемого лица. При этом защищаемое лицо не предупреждается об ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложных показаний и по ст. 308 УК РФ за отказ от дачи показаний в силу ч. 7 ст. 56.1. УПК РФ. Однако ему разъясняется, что в соответствии со ст. 51 Конституции РФ он не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ.

3. Далее ч. 2 ст. 192 УПК РФ обязывает следователя выяснить у участников очной ставки, знакомы ли они и в каких отношениях находятся между собой. Полагаем, в целях исключения возможности установления личности защищаемого лица такой вопрос задаваться не должен. Однако, чтобы такое отступление от правил стало возможным, необходимо внести соответствующие изменения в УПК РФ.

4. В дальнейшем следователь поочередно задает вопросы допрашиваемым лицам. При этом вопросы целесообразно формулировать так, чтобы ответы на них также исключали возможность установления личности защищаемого лица. Если изобличаемый соучастник задает вопрос защищаемому лицу и ответ на такой вопрос, по мнению следователя, может способствовать установлению личности обозначенного лица, вопрос должен быть отведен, но тем не менее внесен в протокол следственного действия.

5. Протокол очной ставки оглашается следователем. При этом оперуполномоченный ОРЧ ОГЗ берет у защищаемого лица соответствующую подписку.

6. В завершение предъявления для опознания и очной ставки должностными лицами выполняются требования ч. 5-7 ст. 189.1 УПК РФ.

Анализируемая норма помимо предъявления для опознания и очной ставки позволяет производить посредством ВКС такое следственное действие, как допрос. Полагаем, что применительно к подозреваемому (обвиняемому), заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве, данный способ допроса также является актуальным. Конечно, в ряде случаев следователю проще вызвать такое лицо для допроса в свой служебный кабинет (если в отношении него не избрана мера пресечения либо избранная мера не ограничивает его передвижение). Если подозреваемый (обвиняемый) находится в СИЗО, следователь в целях его допроса сам прибывает в данное учреждение ФСИН России. Однако если подозреваемый (обвиняемый) вне зависимости от того, заключено ли с ним досудебное соглашение о сотрудничестве или нет, находится не в населенном пункте, в котором расследуется уголовное дело, такой способ позволяет значительно сэкономить время и денежные средства, так как следователю не нужно решать вопрос с этапированием такого лица в населенный пункт по месту своего нахождения либо оформлять командировку в населенный пункт по месту нахождения подозреваемого (обвиняемого). Однако, как указывалось выше, в настоящее время

имеются две причины, не позволяющие провести допрос подозреваемого (обвиняемого), в том числе заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, посредством ВКС в случае нахождения его в СИЗО либо, когда он уже станет осужденным, в местах исполнения наказания. Во-первых, это отсутствие в ч. 3. ст. 189.1 УПК РФ указание на орган дознания, как органа, чьи должностные лица уполномочены отобрать у такого лица подписку о разъяснении прав, обязанностей, ответственности, порядка производства и оглашении протокола следственного действия. Во-вторых, это невозможность организовать ВКС между служебным кабинетом следователя МВД России и служебным кабинетом СИЗО либо местом исполнения наказания, подведомственным ФСИН России, ввиду того, что протоколы безопасности двух ведомств не отлажены.

В случае учета законодателем высказанных нами предложений и завершения работы по налаживанию взаимодействия между двумя названными ведомствами следователю в целях допроса подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве и находящегося в СИЗО либо местах исполнения наказания, надлежит организовать проведение указанного следственного действия посредством ВКС.

Считаем данное направление перспективным и нуждающимся в дальнейшей разработке.

Библиографический список

1. Бодяков, В.Н. Актуальные вопросы внедрения института производства отдельных следственных действий, проводимых дистанционно с использованием видеоконференцсвязи в местах лишения свободы / В.Н. Бодяков, Р.М. Морозов // Вестник Кузбасского института. – 2021. – N 2(47). – С. 115-131.
2. Гладышева, О.В. Цифровизация уголовного судопроизводства и проблемы обеспечения прав его участников / О.В. Гладышева // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2019. – N 1. – С. 31-34.
3. Епихин, А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве / А.Ю. Епихин. – СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004. – 331 с.

4. Организационно-тактические основы проведения опознания путем использования видео-конференцсвязи / А.С. Корнев, М.И. Пилякин, А.В. Новиков, Д.Н. Слабая // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – N 8А. – С. 331-340.
5. Плахота, К.С. Использование следователем (дознавателем) видео-конференц-связи при производстве следственных действий / К.С. Плахота // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2022. – N 1. – С. 95-102.
6. Прыткова, Е.В. К вопросу о производстве отдельных следственных действий с участием подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве / Е.В. Прыткова, Д.В. Ким // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2017. – N 2(31). – С. 341-347.
7. Ушаков, А.Ю. О вопросах производства допроса, очной ставки и предъявления для опознания с применением видео-конференц-связи / А.Ю. Ушаков, Н.С. Расулова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – N 3. – С. 69-74.
8. Химичева, О.В. Следственные действия: о цифровой трансформации их производства / О.В. Химичева // Криминологический журнал. – 2023. – N 2. – С. 170-174.

Яна Сергеевна ЯХОНТОВА,

преподаватель кафедры конституционного
и административного права
Барнаульского юридического института
МВД России

yana.barnaul@gmail.com

ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОМУ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

OBSTRUCTING INDIVIDUAL PREVENTION OF VIOLENT CRIMES AGAINST THE PERSON: AN EMPIRICAL ANALYSIS AND LEGISLATIVE PROPOSALS

В статье на основе изучения эмпирических данных анализируется ранее не рассматривавшаяся в качестве самостоятельной проблема воспрепятствования индивидуальному предупреждению насильственных преступлений против личности. Выявляются основные формы воспрепятствования, проводится разграничение между пассивным отказом от взаимодействия и противодействием предупредительной работе. Рассматривается ситуация, при которой систематический отказ в доступе в жилище и отсутствие у сотрудников законных оснований для входа в жилое помещение ограничивают возможности индивидуальной профилактической работы. Формулируется авторское определение противодействия индивидуальному предупреждению. Обосновывается необходимость закрепления в Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» понятия противодействия индивидуальному предупреждению и его признаков, а также введения в КоАП РФ статьи 19.3.1, устанавливающей административную ответственность за систематическое воспрепятствование предупредительной деятельности.

Based on the study of empirical data, the article analyzes a problem that has not previously been considered as a separate issue – the obstruction of individual prevention of violent crimes against the person. The main forms of obstruction are identified, and a distinction is drawn between passive refusal to cooperate and active opposition to preventive work. The paper examines the situation in which systematic refusal of access to residential premises, coupled with the lack of legal grounds for officers to enter such premises, limit the possibilities of individual preventive work. The author's definition of obstruction of individual prevention is formulated. The article substantiates the need to enshrine the concept of obstruction of individual prevention and its characteristics in the Federal Law «On the Fundamentals of the System for the Prevention of Offences in the Russian Federation, as well as to introduce Article 19.3.1 into the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, establishing administrative liability for systematic obstruction of preventive activities.

Ключевые слова: воспрепятствование предупреждению, противодействие индивидуальному предупреждению, насильственные преступления против личности, отказ в доступе в жилище, административная ответственность.

Keywords: obstruction of prevention, counteraction to individual prevention, violent crimes against the person, denial of access to a dwelling, administrative liability.

Обеспечение личной безопасности граждан является конституционной обязанностью государства и приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов. Одним из ключевых инструментов реализации этой обязанности выступает предупреждение преступлений, в том числе насильственных посягательств против личности, осуществляемое органами внутренних дел в рамках единой государственной системы предупреждения правонарушений. Эффективность предупредительной деятельности зависит не только от совершенства нормативной правовой базы, уровня профессиональной подготовки сотрудников и качества межведомственного взаимодействия, но и от поведения лиц, в отношении которых такая деятельность осуществляется.

Практика свидетельствует о широкой распространенности случаев, когда лица, подлежащие предупредительному воздействию, сознательно создают препятствия для реализации мер предупреждения. Данное явление до настоящего времени не получило самостоятельной научной разработки. В зарубежной криминологии отдельные аспекты, сопряженные с созданием препятствий для предупредительной деятельности, исследуются в рамках концепций non-compliance в системах пробации и resistance to prevention в регуляторных режимах [9; 10], однако эти разработки не могут быть механически перенесены на российскую правовую действительность ввиду различий в субъектном составе, характере последствий и правовых традициях.

В отечественной криминологической науке базовые категории — «противодействие», «предупреждение», «профилактика», «борьба» с преступностью — традиционно рассматриваются в рамках теории предупреждения преступности [5]. Однако, как показано в исследовании Д.Е. Дроздова, законодатель

использует эти термины непоследовательно: один и тот же вид деятельности в разных нормативных актах может именоваться и «противодействием», и «предупреждением», и «профилактикой», при этом критерии их разграничения нормативно не закреплены [2, с. 85-86]. Терминологическая неопределенность создает методологическую проблему: при отсутствии четкого разграничения базовых понятий невозможно корректно описать и квалифицировать поведение лиц, препятствующих предупредительной деятельности. В рамках настоящей статьи термины «индивидуальная профилактика» и «индивидуальное предупреждение» используются как взаимозаменяемые, если иное не оговорено особо, что позволяет опереться на понятийный аппарат Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹, не вступая в противоречие с доктринальным использованием категории «предупреждение» применительно к деятельности органов внутренних дел.

Наличие проблемы подтверждается результатами анкетирования 293 сотрудников органов внутренних дел из 71 субъекта Российской Федерации, проведенного в 2023-2025 гг.², а также материалами изучения профилактических дел: проанализированы 78 дел административного надзора и 238 учетно-профилактических дел, находившихся в производстве участковых уполномоченных полиции, в том числе 23 дела в отношении лиц, больных наркоманией, 43 – больных алкоголизмом, 74 – лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере, 98 – в отношении лиц, ранее судимых, состоящих на учете в соответствии с Инструкцией, утвержденной приказом МВД России от 29 марта 2019 г. N 205³. Как показал анализ указанных материалов, информация о фактах воспрепятствования предупредительной работе

1 Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23.06.2016 N 182-ФЗ (ред. от 08.08.2024).

2 Анкетирование проведено в 2023-2025 гг. Опрошены 293 сотрудника органов внутренних дел, представляющих различные подразделения (участковые уполномоченные полиции – 19,7%, сотрудники оперативных подразделений – 19,7%, сотрудники наружных нарядов – 21%, иные категории – 39,7%) со стажем службы от нескольких месяцев до 15 лет и более.

3 Об утверждении Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке : приказ МВД России от 29.03.2019 N 205 (ред. от 31.03.2023).

содержится не только в ответах респондентов, но и непосредственно в документах первичного учета: рапортах участковых уполномоченных полиции, актах посещения жилых помещений, объяснениях профилируемых лиц и членов их семей, что свидетельствует об объективном, а не исключительно субъективном характере выявленной проблемы.

В ходе проведенного исследования установлено, что 79,6% опрошенных сотрудников сталкивались в практической деятельности с различными формами воспрепятствования индивидуальной профилактической работе, причем более 90% из них указали на систематический характер такого поведения. Наиболее распространенной формой выступает систематический отказ в доступе к жилищу (неоткрывание двери сотруднику полиции) – на нее указали 37,9% респондентов; далее следуют сокрытие места жительства и неявка по вызовам (20,7%); дезинформация сотрудника через третьих лиц (11,4%); злоупотребление правом на медицинскую помощь, выражающееся в симуляции заболевания и последующей госпитализации (4,3%); иные формы, включая угрозы и физическое сопротивление (5,7%). Таким образом, проблема носит массовый характер и затрагивает подавляющее большинство сотрудников, осуществляющих индивидуальную профилактическую работу.

Приведенные данные свидетельствуют не о единичных эксцессах, а об устойчивой, институционально значимой проблеме, подрывающей саму возможность проведения индивидуального предупреждения. Ее решение требует выработки понятийного аппарата, классификации форм воспрепятствования и создания правового механизма, позволяющего субъектам профилактики преодолевать систематическое уклонение профилируемых лиц от взаимодействия.

Всю совокупность выявленных форм, простирающихся от разового отказа открыть дверь до физического сопротивления, предлагается обозначать как воспрепятствование

индивидуальному предупреждению. Внутри этого спектра обособляется противодействие предупреждению, конститутивными признаками которого выступают систематичность, целенаправленность на блокирование предупредительной работы и осознанный характер поведения. Таким образом, категория «воспрепятствование» охватывает эмпирически фиксируемую картину проблемы, тогда как понятие «противодействие» выделяет ее наиболее общественно опасное ядро, что и обосновывает направленность предлагаемых законодательных мер.

Разграничение пассивного отказа от взаимодействия и противодействия требует объективного критерия. Таким критерием предлагается считать систематичность. Разовый отказ открыть дверь может объясняться временным отсутствием, плохим самочувствием, недоверием к конкретному сотруднику. Однако повторение таких действий в течение установленного периода исключает случайный характер поведения. Для лиц, подлежащих ежемесячному профилактическому контролю (поднадзорные, родители, состоящие на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних), систематическим следует считать два и более факта воспрепятствования в течение трех месяцев; для категорий с ежеквартальным контролем – два и более факта в течение шести месяцев¹.

Опираясь на изложенное, предлагаем понимать под противодействием индивидуальному предупреждению систематическое, умышленное неисполнение лицом, в отношении которого осуществляется предупредительное воздействие, установленной федеральным законом обязанности допускать субъектов профилактики в жилое помещение, а равно неявку по вызовам, сокрытие места жительства, предоставление заведомо ложных сведений о состоянии здоровья либо иные действия, направленные на уклонение от профилактических мероприятий.

Наиболее остро проблема проявляется в ситуациях, когда сотрудник лишен факти-

1 Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон от 24.06.1999 N 120-ФЗ (ред. от 01.04.2026); Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : Федеральный закон от 06.04.2011 N 64-ФЗ (ред. от 06.04.2024), ст. 11; Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23.06.2016 N 182-ФЗ (ред. от 08.08.2024).

ческой возможности оценить обстановку в жилище. Показательным является случай в Норильске: семья длительное время состояла на учете в органах системы профилактики, однако сотрудники, сталкиваясь с запертой дверью, ограничивались беседой с детьми через дверь; спустя несколько дней мать оставила четверых детей без присмотра и еды, что привело к смерти пятимесячного младенца от истощения¹. В Хвойнинском районе Новгородской области четырехлетний мальчик, оставшись без присмотра, опрокинул на себя кастрюлю с кипятком и получил термические ожоги; мать за медицинской помощью не обратилась, дверь в квартиру оставалась запертой; лишь на восьмой день ребенка доставили в больницу, где он скончался². В Верхней Салде Свердловской области семья находилась в поле зрения правоохранительных органов, однако мать систематически отказывалась открывать дверь; доступ был получен только после самовольного ухода 14-летней дочери из дома; при осмотре жилого помещения выявлены антисанитарные условия проживания несовершеннолетних, после чего дети были изъяты и помещены в социально-реабилитационный центр³.

Аналогичная проблема характерна и для лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере, в отношении которых участковыми уполномоченными полиции проводится индивидуальная профилактическая работа⁴. В июле 2013 г. в Кулебакском районе Нижегородской области гражданин М., состоявший на профилактическом учете как лицо, допускающее правонарушения в

сфере семейно-бытовых отношений, после поступления в полицию заявлений супруги об избиении и угрозах убийством проник в квартиру, где скрывалась потерпевшая, и нанес ей ножевые ранения, от которых она скончалась. Впоследствии Кулебакская городская прокуратура усмотрела в бездействии участкового уполномоченного полиции признаки халатности, выразившиеся в непринятии своевременных мер профилактического и правового воздействия к лицу, систематически допускавшему правонарушения в семейно-бытовой сфере⁵. В рабочем поселке Линево Новосибирской области в марте 2021 г. женщина, длительное время подвергавшаяся насилию со стороны супруга, позвонила в полицию с просьбой о помощи. Прибывший через девять минут сотрудник полиции не смог попасть в квартиру – дверь никто не открыл; соседка не сообщила о подозрительных звуках. Оснований для принудительного вскрытия двери у сотрудника не имелось, и он покинул место происшествия. Позже в квартире были обнаружены тела женщины с признаками насильственной смерти и ее супруга, предположительно покончившего с собой⁶. Данный случай наглядно демонстрирует, к каким последствиям приводит отсутствие у сотрудников полиции правовых оснований для входа в жилое помещение при получении сигнала о семейно-бытовом конфликте, особенно когда имеются сведения о систематическом противоправном поведении лица, состоящего на профилактическом учете.

Актуальность закрепления предлагаемой обязанности именно для лиц, допускающих

1 В Норильске после смерти младенца от голода завели дело о халатности // Смотрим : сайт. 2025. 25 декабря. URL: <https://smotrim.ru/article/4846801> (дата обращения: 09.04.2026).

2 Возбуждено дело по факту гибели детей в Новгородской области // Аргументы и факты : сайт. 2012. 6 июля. URL: https://pskov.aif.ru/incidents/vozbuzhdeno_delo_po_faktu_gibeli_detey_v_novgorodskoy_oblasti (дата обращения: 09.04.2026).

3 На Урале полиция забрала детей у матери, превратившей квартиру в помойку // Veved.ru : сайт. URL: <https://veved.ru/news/88989-na-urale-policiya-zabrала-detey-u-materi-prevrativshej-kvartiru-v-pomoyku.html> (дата обращения: 09.04.2026).

4 Об утверждении Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке : приказ МВД России от 29.03.2019 N 205 (ред. от 31.03.2023), п. 33.3.

5 Остались безучастны // Новое дело : сайт. 2013. 6 сентября. URL: <https://nnews.nnov.ru/posts/19227> (дата обращения: 09.04.2026).

6 Под Новосибирском муж убил жену и покончил с собой // МК в Новосибирске : сайт. 2021. 19 марта. URL: <https://novos.mk.ru/incident/2021/03/20/pod-novosibirskom-muzh-ubil-zhenu-i-pokonchil-s-soboy.html> (дата обращения: 09.04.2026).

правонарушения в семейно-бытовой сфере, подтверждается также данными эмпирических исследований. Согласно результатам анализа материалов уголовных дел, более 40% убийств, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений, стали возможны вследствие несвоевременного реагирования сотрудников полиции на ранее поступавшие сообщения о противоправном поведении виновных лиц, при этом судебно-следственная практика свидетельствует о недостаточности существующих правовых механизмов воздействия на лиц, систематически уклоняющихся от профилактического контроля [4, с. 17-18].

Приведенные примеры из разных регионов России (Норильск, Хвойнинский район Новгородской области, Верхняя Салда, Кулебакский район Нижегородской области, Линево) позволяют сделать обоснованный вывод: проблема систематического отказа в доступе в жилище и иных форм воспрепятствования индивидуальному предупреждению носит общероссийский характер и влечет тяжкие, в том числе необратимые, последствия. Отсутствие у сотрудников законных оснований для входа в жилое помещение при наличии обоснованных подозрений о неблагополучии создает ситуацию правовой неопределенности, которая в одних случаях приводит к длительному причинению вреда интересам несовершеннолетнего, а в других – к фатальным последствиям, что подтверждается возбуждением уголовных дел о халатности в отношении самих должностных лиц органов системы профилактики. Существующий механизм судебного санкционирования доступа в жилище не обеспечивает оперативности принимаемых решений в ситуациях, где вред ребенку может причиняться длительное время, а риск не является очевидным и непосредственным.

Действующее законодательство устанавливает различный правовой режим доступа в жилище для разных категорий лиц. Для поднадзорных предусмотрена прямая обязанность допускать сотрудников полиции в жилое помещение¹, и ее невыполнение влечет административную ответственность. Однако

для иных категорий – неблагополучных родителей, состоящих на учете в органах системы профилактики, лиц, больных алкоголизмом или наркоманией, лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере, – подобная обязанность законом не установлена. Конституционное право на неприкосновенность жилища не предполагает безусловной обязанности открывать дверь, а основания для его ограничения строго регламентированы и ориентированы на экстренные ситуации [8, с. 33–35]. Проведение плановой профилактической беседы под эти основания не подпадает. В результате сотрудник, столкнувшийся с запертой дверью, вынужден выбирать между бездействием и действиями, которые при отсутствии законных оснований могут быть квалифицированы как превышение должностных полномочий. Такая правовая неопределенность недопустима, поскольку блокирует реализацию конституционной обязанности государства по защите жизни и здоровья граждан.

Устранение указанного пробела требует комплексного подхода. Исходным пунктом должно стать закрепление в федеральном законодательстве обязанности лица, в отношении которого осуществляется индивидуальная профилактическая работа, допускать субъектов профилактики в занимаемое жилое помещение. Такая обязанность уже существует для поднадзорных лиц и доказала свою эффективность. Распространение аналогичного правового режима на иные категории профилируемых не является чрезмерным ограничением конституционного права, поскольку соразмерна защищаемым ценностям – жизни и здоровью граждан. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что право на неприкосновенность жилища может быть ограничено федеральным законом в той мере, в какой это необходимо для защиты жизни, здоровья, прав и законных интересов других лиц.

В связи с этим предлагается дополнить:

– ст. 9 Федерального закона от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонаруше-

¹ Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : Федеральный закон от 06.04.2011 N 64-ФЗ (ред. от 06.04.2024).

ний несовершеннолетних» нормой, обязывающей родителей (законных представителей), состоящих на профилактическом учете, обеспечивать доступ должностных лиц органов и учреждений системы профилактики в жилое помещение для проверки условий жизни и воспитания несовершеннолетних;

– ст. 13 Федерального закона от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» нормой аналогичного содержания применительно к иным категориям лиц, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа, в первую очередь – к лицам, допускающим правонарушения в семейно-бытовой сфере, поскольку именно данная категория, как свидетельствует правоприменительная практика, представляет повышенную общественную опасность ввиду высокой вероятности эскалации внутрисемейного конфликта в тяжкое насильственное преступление.

Наличие законодательно установленной обязанности создаст необходимую правовую основу для введения административной ответственности за ее систематическое неисполнение. В настоящее время специальная норма об ответственности за воспрепятствование предупредительной деятельности отсутствует. Отдельные формы могут подпадать под ст. 19.3 КоАП РФ, однако эта норма не охватывает всего многообразия выявленных форм и трудноприменима из-за сложности доказывания умысла в разовом действии.

Предлагается ввести в КоАП РФ статью 19.3.1 следующего содержания:

«Статья 19.3.1. Воспрепятствование осуществлению предупредительной деятельности

Систематическое (два и более раза в течение установленного для соответствующей категории лиц периода профилактического наблюдения) неисполнение законного требования сотрудника органа внутренних дел или иного субъекта профилактики правонарушений о допуске в жилое помещение в целях проведения индивидуальной профилактиче-

ской работы, а равно систематическая неявка по вызову, систематическое предоставление заведомо ложных сведений о месте жительства, месте пребывания или состоянии здоровья, если эти деяния не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, – влечет наложение административного штрафа в размере от двух тысяч до четырех тысяч рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток.

Те же действия, совершенные лицом, в отношении которого судом установлены ограничения в рамках индивидуального предупреждения, – влекут наложение административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей или административный арест на срок от десяти до пятнадцати суток».

Санкция части 1 соответствует санкции статьи 19.3 КоАП РФ, что обеспечивает соразмерность; часть 2 предусматривает повышенную ответственность для лиц, уже имеющих судебные ограничения. Фиксация фактов систематического уклонения должна производиться актами с участием двух свидетелей либо с применением видеозаписи, а законность требования о допуске может быть обжалована в судебном порядке.

Дополнительно необходимо закрепить в Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» легальное определение противодействия индивидуальному предупреждению и его признаки, что создаст единую правовую основу для квалификации соответствующих деяний и разработки ведомственных методических рекомендаций.

Предложенный комплекс мер позволит устранить существующий законодательный пробел, создать правовой механизм, обязывающий профилируемых лиц к конструктивному взаимодействию с субъектами профилактики, и тем самым повысить эффективность предупредительной деятельности, обеспечив реальную защиту жизни и здоровья граждан, прежде всего несовершеннолетних.

Библиографический список

1. Аванесов, Г.А. Вклад в теорию профилактики преступлений: современное прочтение / Г.А. Аванесов // Криминологический журнал. – 2020. – N 2. – С. 12-18.
2. Дроздов, Д.Е. Противодействие, предупреждение, профилактика, борьба с преступностью: позиция законодателя / Д.Е. Дроздов // Криминологический журнал. – 2023. – N 3. – С. 84-88.
3. Иванцов, С.В. Проблемы профилактики правонарушений несовершеннолетних: региональный аспект / С.В. Иванцов, В.А. Уткин // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – N 2. – С. 45-52.
4. Казаченко, О.В. Предупреждение убийств, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений: криминологический и уголовно-правовой аспекты / О.В. Казаченко, А.Н. Ширяев // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2023. – N 1 (64). – С. 15-21.
5. Кудрявцев, В.Н. Теоретические основы предупреждения преступности / В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов. – М.: Норма, 2018. – 256 с.
6. Россинский, Б.В. Система административных наказаний и ее развитие в главе 19 КоАП РФ / Б.В. Россинский // Lex russica. – 2022. – N 6. – С. 15-24.
7. Черёмин, Н.В. Профилактика, предупреждение, пресечение: общетеоретический, криминологический и уголовно-исполнительный аспекты соотношения категорий / Н.В. Черёмин // Криминологический журнал. – 2023. – N 1. – С. 125-132.
8. Черников, В.И. Доступ сотрудников полиции в жилые помещения: правовые основания и практические проблемы / В.И. Черников // Административное право и процесс. – 2022. – N 5. – С. 32-38.
9. Marx, G.T. External efforts to damage or facilitate social control: Some ironic consequences of crime prevention / G.T. Marx // Crime, Law and Social Change. – 1995. – Vol. 22. – N 3. – P. 197-216.
10. Ugwuđike, P. Compliance with community penalties: The importance of interactional justice / P. Ugwuđike // Probation Journal. – 2016. – Vol. 63. – N 3. – P. 285-300.

УДК 343.98

Алексей Викторович РЕПИН,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск)
repinaleksey@yandex.ru

Анатолий Михайлович МАХЛАЕВ,
начальник отделения экспертиз 1 отдела
ЭКЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю
amakhlaev@mvd.ru

АНАЛИЗ ТИПИЧНЫХ ОШИБОК, ДОПУСКАЕМЫХ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЧАСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

ANALYSIS OF TYPICAL ERRORS MADE IN THE RESEARCH PART OF A DACTYLOGRAPHIC EXAMINATION REPORT

В статье на основе изучения нормативно-правовых актов и литературных источников рассмотрены основные положения методик дактилоскопической экспертизы. Кроме того, на основе анализа практики производства дактилоскопической экспертизы рассмотрены типичные ошибки, допускаемые экспертами территориальных экспертно-криминалистических подразделений и находящие отражение в исследовательской части заключения эксперта.

The article examines the fundamental principles of fingerprint examination methods based on regulatory (normative) legal acts and literary sources. In addition, based on the analysis of fingerprint examination practices, typical errors made by experts in regional forensic units and reflected in the research part of the expert's report are considered in the article.

Ключевые слова: дактилоскопия, дактилоскопическая экспертиза, экспертная методика, типовые экспертные методики, заключение эксперта.

Keywords: fingerprinting, fingerprint examination, expert methodology, standard expert methods, expert's report.

Дактилоскопическая экспертиза позволяет решать как диагностические, так и идентификационные задачи. К числу диагностических задач относятся определение наличия следов рук на объектах, установление пригодности следов рук для идентификации, установление механизма образования следов и т.д. Идентификационные задачи позволяют устанавливать тождество между следами и отпечатками, между отдельными

следами, изъятыми с разных мест, либо только между отпечатками на разных дактилокартах. При этом алгоритм действий эксперта на стадии предварительного исследования фактически не зависит от тех задач, которые предстоит решить эксперту при производстве дактилоскопической экспертизы. Стадия же детального исследования предполагает выбор соответствующей экспертной методики, что, в свою очередь, диктует необходимость

полного и объективного отражения хода и результатов в исследовательской части заключения эксперта. К сожалению, именно в исследовательской части заключения эксперта допускается наибольшее количество экспертных ошибок.

Экспертные ошибки регулярно являются объектом научного исследования [1, с. 38-43; 5, с. 91-96]. В настоящей статье нами будут рассмотрены только ошибки, находящие отражение в исследовательской части заключения эксперта.

Эксперты экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел России при оформлении заключения эксперта руководствуются положениями Инструкции, утвержденной приказом МВД России от 29 июня 2005 г. N 511 (далее – Инструкция), в соответствии с п. 29 которой заключение эксперта включает вводную, исследовательскую части и выводы.

В соответствии с п. 31 Инструкции, в исследовательской части заключения эксперта отражаются содержание и результаты исследований, в том числе:

«2.1. Обстоятельства дела, имеющие значение для дачи заключения и принятые экспертом в качестве исходных данных.

2.2. Содержание этапов исследования с указанием методов исследования, использованных технических средств и расходных материалов, условий их применения и полученные результаты».

Исследовательская часть заключения эксперта начинается с экспертного осмотра поступивших объектов. Эксперт должен выделить и описать криминалистически значимые признаки поступивших объектов, на которых предполагаются следы рук (наименование объекта, его размерные характеристики, вид поверхности (гладкая, пористая), ее цвет и оптические характеристики (прозрачная или непрозрачная), индивидуальные номера, видимые повреждения или иные особенности.

После осмотра поступивших объектов их необходимо сфотографировать по правилам масштабной, а в необходимых случаях репродукционной и макрофото съемки либо описать поступившие следокопировальные материалы с уже изъятими следами рук.

На данном этапе в заключениях эксперта отмечаются разные подходы к измерению дактилоскопических пленок и иных следокопировальных материалов. А.В. Иванов справедливо отмечает: «Как правило, следы рук, образованные фалангами пальцев, имеют вытянутую форму, как и отрезок следокопировальной пленки, на которую он копируется, т.е. длина в следе почти всегда больше его ширины. В связи с этим длину в размерах следа, как и длину отрезка, рекомендуется всегда указывать первой (25х24 мм, 15х10 мм и т.п.)» [4, с. 38].

После описания общего вида поступивших на исследование объектов эксперт применяет неразрушающие визуально-оптические методы обнаружения следов рук (осмотр объектов под различными углами к источнику света или на просвет). Если решается экспертная задача, направленная на обнаружение следов на каких-либо объектах, то визуально-оптических методов обнаружения следов недостаточно. В обязательном порядке применяются физические, химические или физико-химические методы, выбор которых зависит от множества факторов (вида поверхности, предполагаемой давности и условий образования следов, условий хранения объектов и т.п.).

На данном этапе чаще всего допускаются следующие ошибки:

- не указываются названия используемых дактилоскопических порошков;
- не указывается, какой раствор нингидрина применялся для обработки объектов с целью выявления следов рук: промышленный (с указанием производителя и наименования) либо самостоятельно приготовленный экспертом (с указанием состава);
- не указывается способ обработки поверхности нингидрином (например, погружение в раствор, опрыскивание пульверизатором, смачивание ватным тампоном) и условия теплового воздействия (способ, временной период, температура), примененного для ускорения химической реакции.

После окончания процедуры выявления следов эксперт должен вновь использовать визуально-оптические методы обнаружения следов и сделать промежуточный вывод о их

наличии или отсутствии, количестве следов, дать их условную нумерацию (при необходимости), произвести фотосъемку выявленных следов и перейти к описанию их общих признаков. Описание следов, как правило, происходит по следующей схеме:

- локализация следа;
- характеристика следа (поверхностный или объемный);
- форма следа;
- размер следа;
- количество, направление потоков папиллярных линий, наличие дельт;
- определение участка ладонной поверхности руки, которой оставлен след (фаланга пальца и участок ладони);
- если след образован ногтевой фалангой пальца руки, то определение типа и вида папиллярного узора.

Как показывает практика, описание следов нередко вызывает затруднение у экспертов и приводит к следующим ошибкам:

- описание следов отсутствует вовсе;
- не отмечается место обнаружения, т.е. локализация следов;
- при обнаружении следов, образованных одновременно пальцами одной руки, не отмечается, что обнаружена группа следов и не описывается их взаиморасположение;
- не указываются количество потоков папиллярных линий, их форма и направление;
- не отмечается наличие и расположение дельт, межфаланговых складок, флексорных линий, складок-морщин и т.п.;
- производится одновременное описание и структурных зон ногтевой фаланги, и потоков папиллярных линий, что приводит к смешению терминологии, принятой в современной дактилоскопии. При описании следов рук целесообразно использовать единую терминологию, описывать в следах потоки (верхний, центральный (внутренний), нижний) либо зоны (центральная, дистальная, базальная, правая, левая латеральная)¹;

– некорректно (неоднозначно) указывает направление внутреннего потока петлевых узоров «направленный влево», «направленный вправо»². Для завитковых узоров ошибочно используются сочетания «поток папиллярных линий завитковой формы», «папиллярные линии внутреннего потока отобразились в форме завитка»³;

– не определяется вовсе или определяется ошибочно тип или вид папиллярного узора даже в ситуациях достаточно качественного отображения потоков папиллярных линий и дельт;

– при фрагментарном (неполном) отображении признаков следа делается однозначный вывод об его отнесении к одному типу папиллярного узора без учета возможных вариантов подобного отображения и других типов узора либо делается вывод о том, что след оставлен участком ладони, хотя фрагментарное отображение следа не исключает его образование средней или основной фалангой пальца руки;

– в нарушение установленной методикой последовательности действий эксперта задача по определению, каким участком ладони или пальца руки оставлен след, решается уже после установления его пригодности для идентификации личности.

После описания общих признаков и решения вопроса, каким участком ладонной поверхности образован след, необходимо описать наличие деталей папиллярного узора, отобразившихся в следе, и решить вопрос о их рассмотрении в качестве идентификационных признаков, т.е. соответствии таким критериям, как индивидуальность, существенность, устойчивость, возможность локализовать конкретный участок кожного покрова ладонной поверхности руки. Кроме того, у эксперта должно сформироваться внутренне убеждение, что имеющиеся признаки образуют устойчивые индивидуальные совокупности, необходимые и достаточные

1 На сегодняшний день практика производства дактилоскопических экспертиз складывается таким образом, что описание производится через потоки папиллярных линий, а не структурные зоны ногтевой фаланги пальца руки.

2 Из такой формулировки не понятно, что именно направлено влево или вправо – головка или ножки петли.

3 Для узора завиткового типа папиллярные линии внутреннего потока могут иметь различную форму (изогнуты в виде кругов, овалов, спиралей, потоков, огибающих друг друга или образующих разные сочетания).

по качеству и количеству для вывода о пригодности данных следов для идентификации личности. При этом указывать необходимо именно те детали папиллярного узора, которые использованы в качестве идентификационных признаков и отмечены в разметке на фототаблице.

Выявленные следы фотографируются по правилам масштабной и макрофото съемки. При фотосъемке следов рук масштабная линейка должна располагаться в основании следа.

Анализ практики показывает, что на данном этапе совершаются следующие ошибки:

- отсутствие описания этапа исследования по определению пригодности следов для идентификации личности;

- формулирование вывода о том, что выявленные следы оставлены пальцами рук, а также выводов о пригодности и непригодности выявленных следов для идентификации личности без какого-либо обоснования;

- формулирование вывода о пригодности следов рук для идентификации на основании совокупности частных признаков без учета общих признаков. «При решении вопроса о пригодности следов рук для идентификации личности необходимо оценивать индивидуальную совокупность общих и частных признаков, отобразившихся в следе, их качественно-количественную характеристику. Вывод о пригодности прежде всего должен быть основан именно на совокупности индивидуальных признаков, достаточных для признания следа пригодным для идентификации. Чем реже встречается деталь папиллярного узора, тем выше ее идентификационная значимость»¹.

- использование некорректной формулировки описания наличия в следе деталей папиллярного узора (например, «папиллярный узор следа отобразился в виде начал, окончаний, слияний»). Папиллярный узор отображается в виде потока или потоков папиллярных линий и характеризуется не только указанными частными признаками, но и общими (тип и

вид папиллярного узора, направление и крутизна потоков папиллярных линий и т.п.). В отношении деталей папиллярного узора следует указывать: «В следе отобразились детали строения папиллярного узора в виде начал, окончаний, слияний, разветвлений...»;

- формулирование вывода о пригодности следов для идентификации при наличии в следе с неопределяемым типом и видом папиллярного узора менее 8 частных признаков;

- нарушение последовательности описания следов. Методикой производства дактилоскопической экспертизы предусмотрено, что вначале описываются пригодные следы рук, затем непригодные. В выводах сохраняется та же последовательность;

- неправильное наименование деталей папиллярного узора. Название деталям строения папиллярного узора должно быть дано в соответствии с общепринятыми в криминалистической литературе терминами, а также в соответствии с типовой методикой. В качестве таких деталей могут выступать начало, окончание, слияние, разветвление папиллярных линий, «глазок», «островок», фрагмент, «мостик», «крючок», точка, встречное положение папиллярных линий, тонкая межпапиллярная линия [6, с. 93]. Использование таких наименований, как «вилы», «вилка», «стык», вместо «слияние» или «разветвление», «короткая папиллярная линия» вместо «фрагмент» и т.п. – недопустимо;

- наряду с решением вопроса о пригодности исследуемых следов рук для идентификации личности экспертом ошибочно формулируется некорректный вывод об их пригодности (непригодности) для сравнительного исследования. Вывод о пригодности следа для идентификации сам по себе подразумевает и его пригодность для сравнительного исследования, потому не требует подобного дополнения².

Следующим этапом идентификационной дактилоскопической экспертизы является

1 Обзор рекомендаций по совершенствованию составления заключений экспертов по дактилоскопическим экспертизам в целях совершенствовании указанного направления / ЭКЦ МВД России от 24.11.2020 исх. N 19100.

2 След может оказаться не пригодным для идентификации, но при этом пригодным для исключения тождества конкретного проверяемого лица, и в таком случае вывод о непригодности следа для сравнительного исследования будет ошибочным.

исследование образцов для сравнительного исследования, т.е. поступивших дактилоскопических карт (далее – дактилокарт). На исследование могут быть представлены дактилокарты, выполненные на стандартном бумажном бланке, на обычном листе бумаги либо предоставляются копии (в том числе электронные) дактилокарт. Как правило, дактилокарты поступают на исследование без упаковки, что должно быть отражено в вводной части заключения эксперта.

Так как дактилокарты с отпечатками пальцев и оттисками ладоней рук являются таким же объектом исследования, как и следы, они должны быть подробно описаны в заключении, с указанием следующих данных:

- наличие установочных данных лица (фамилия, имя, отчество лица, дата его рождения);
- наличие подписи дактилоскопируемого;
- способ заполнения дактилокарты (рукописный, машинописный). Если на исследование представлена копия дактилокарты, то эксперт, не определяя, каким способом выполнена эта копия, обязательно делает отметку: «представлена копия дактилокарты».
- оценка правильности расположения отпечатков пальцев рук в соответствии с установленной последовательностью (с учетом контрольных оттисков);
- наличие оттисков ладоней на дактилокарте.

Кроме того, в заключении эксперт должен отразить типы папиллярных узоров на отпечатках пальцев¹ и дать оценку качества этих отпечатков и оттисков с целью решения вопроса о их пригодности для проведения сравнительного идентификационного исследования.

Дактилокарта фотографируется по правилам масштабной, репродукционной и макрофотосъемки, о чем в заключении делается отметка.

Типичными ошибками на данном этапе выступают:

- неполно описываются (либо не описываются вовсе) отпечатки пальцев и оттиски ладоней проверяемых лиц;

- некорректно формулируется вывод о пригодности отпечатков пальцев и оттисков ладоней для сравнительного исследования;

- не указывается наличие и не приводится описание имеющихся в дактилокартах рукописных реквизитов;

- не указываются типы папиллярных узоров, отобразившиеся в отпечатках проверяемых лиц, либо типы определяются неверно;

- не указывается наличие на оборотной стороне бланков дактилокарт оттисков ладоней.

После проведения раздельного исследования следов и образцов для сравнительного исследования, а также признания следов рук и отпечатков пальцев (оттисков ладоней рук) пригодными для идентификации эксперт переходит к их сравнительному исследованию.

Описание хода и результатов сравнительного исследования является важнейшей составляющей заключения эксперта, так как именно на данном этапе обосновывается вывод о наличии тождества или его отсутствии либо о невозможности решения идентификационной задачи. Следует помнить, что сравниваются не следы и отпечатки, а признаки папиллярного узора, отобразившиеся в следах и отпечатках. В основе современных дактилоскопических идентификационных методик лежит метод визуального сопоставления. Необходимо отразить общие и частные признаки, которые на основе качественно-количественного подхода, а также с учетом их устойчивости и существенности образуют такую совокупность, которая с уверенностью позволяет эксперту делать вывод о наличии или отсутствии тождества.

Если в ходе сравнительного исследования помимо совпадающих признаков обнаруживаются какие-либо различия в отображении признаков следа и отпечатка, эксперт не должен их игнорировать, так как в этом случае нарушается принцип объективности исследования. Как правило, если различия не являются существенными и позволяют решить идентификационную задачу, то они объясняются либо механизмом образования следа (условиями следообразования), либо особенностями следовоспринимающей поверхности.

1 Чаще всего определение типов папиллярных узоров оформляется в виде таблицы.

Как показывает изучение практики, именно описание стадии сравнительного исследования чаще всего вызывает затруднение у экспертов и приводит к допущению следующих ошибок:

- в заключении вообще отсутствует оценка результатов сравнительного исследования с позиции анализа устойчивости, идентификационной значимости установленных совпадающих и различающихся признаков;

- эксперт ограничивается указанием того, что среди общих признаков установлено совпадение только по типу узора. При этом совпадают ли остальные общие признаки (вид папиллярного узора, направление и крутизна потоков папиллярных линий, степень равномерности и ширина потоков папиллярных линий, внутреннее строение отдельных частей папиллярного узора, количество папиллярных линий между частями папиллярного узора) не уточняется, хотя эти общие признаки хорошо просматриваются как в следе, так и отпечатке;

- поверхностное (формальное) описание сравнительного исследования: не указывается, какой метод был использован на стадии сравнительного исследования, какие объекты (признаки) сравнивались, при каких условиях и с использованием каких инструментов оно проводилось;

- при описании результатов сравнительного исследования эксперт ошибочно называет общие и частные признаки папиллярного узора «признаками папиллярных линий»¹;

- при описании вида совпадающих частных признаков, указанных в разметке на фотоснимках, допускается путаница в их правильной ориентации в поле изображения узора, из-за чего, например, начала папиллярных линий указываются как окончания, а слияния – как разветвления;

- дается неверная формулировка при оценке совпадающих признаков. Например: «совпадение существенно и достаточно» либо «установленные совпадения устойчивы, индивидуальны и достаточны». Нельзя делать вывод, давая оценку совпадающим призна-

кам без указания, почему (на основании чего) эксперт пришел к выводу о тождестве. В соответствии с типовой методикой идентификации человека по следам рук вывод о наличии тождества формулируется только при установлении совпадений индивидуальной совокупности общих и частных признаков, что обязательно должно быть отражено в заключении. Как отмечалось выше, правильное обоснование вывода о тождестве может формулироваться следующим образом: «Установленная совокупность совпадающих общих и частных признаков индивидуальна и достаточна для вывода о том, что след пальца руки оставлен...», «Установленные совпадающие признаки характерны, существенны и в своей совокупности индивидуальны и достаточны для вывода о том, что след пальца руки оставлен...». Кроме того, при описании сравнительного исследования рядом экспертов используется некорректное словосочетание «индивидуальные признаки строения папиллярных узоров». В соответствии с теорией идентификации в целях идентификации используются идентификационные признаки, которые, в свою очередь, в зависимости от оснований подразделяются на общие и частные, групповые и индивидуализирующие;

- дается неверная формулировка отрицательных выводов об отсутствии тождества. Например, встречаются формулировки: «установленные различия индивидуальны и достаточны, в своей совокупности дают основания...», «различающиеся признаки в своей совокупности индивидуализируют папиллярные узоры...»;

- не дается оценка установленных различающихся признаков, необходимая для обоснования данного экспертом отрицательного вывода об отсутствии тождества.

«2.3. Сведения о примененных методиках, которыми эксперт руководствовался при разрешении поставленных вопросов».

Типовые методики по производству дактилоскопических экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел опубликованы в сборнике [6].

1 В дактилоскопии признаки папиллярного узора разделяют на общие и частные. К частным признакам папиллярного узора в свою очередь относятся детали строения папиллярного узора и папиллярных линий, а также их микрорельефа.

Всего сборник содержит семь методик дактилоскопической экспертизы:

Глушкова И.А. Идентификация человека по следам рук, с. 92-104;

Яковлева А.С. Идентификация личности по микрорельефу папиллярных линий, с. 105-115;

Круглова Т.В. Определение руки и пальцев по оставленным следам, с. 116-132;

Рыжова Т.М. Идентификация человека по следам босых ног, с. 133-145;

Ивашкова А.В. Выявление следов рук физическими методами, с. 146-162;

Донцова Ю.А. Выявление следов рук химическими методами, с. 162-173;

Донцова Ю.А., Хромов А.В. Выявление следов рук физико-химическими методами, с. 174-188.

Помимо типовых методик дактилоскопической экспертизы, ЭКЦ МВД России разрабатываются и направляются для использования в экспертно-криминалистические подразделения методические рекомендации и учебно-методические пособия [2; 3]. Эксперт в обязательном порядке должен указать конкретную методику или методики, которые он использовал при производстве экспертизы.

В качестве недостатков в экспертных заключениях можно выделить следующее:

- отсутствие указания на какие-либо методики вообще;

- указание методики, не имеющей отношение к проведенному исследованию;

- неправильное библиографическое оформление источника, в котором содержится методика;

- наличие ссылок на литературные источники (учебники, пособия, научные статьи), статус которых позволяет рассматривать их как авторскую позицию по отдельным проблемам дактилоскопии или дактилоскопической экспертизы, но не как экспертную методику;

- отметка о том, что дактилоскопическое исследование проводилось с использованием «традиционной (качественно-описательной) методики», так как данная категория экспертных методик относится к методикам почерковедческой экспертизы.

Помимо использованных методик в соответствии с п. 33 Инструкции эксперту необходимо отразить в исследовательской части краткую характеристику использованных устройств, материалов, режимов съемки и печати, а для средств цифровой фотографии – вид, модель, производителя использованного аппарата; вид, наименование, версию программного обеспечения, режим получения и печати изображений.

«2.4. Цели, условия и результаты проведенных экспериментов (если они проводились) и получения образцов.

В дактилоскопической экспертизе экспертный эксперимент проводится достаточно редко. В основном целью такого эксперимента является получение сопоставимых образцов для сравнительного исследования. Например, при исследовании следа, образованного дистальной зоной ногтевой фаланги руки, которая, как правило, не отображается на дактилокарте при традиционных способах прокатки пальцев, либо при необходимости исследования микропризнаков папиллярных линий, отобразившихся в следе, но которые не просматриваются в отпечатках на дактилокарте из-за пористой структуры бумаги бланка.

2.5. Оценка отдельных этапов исследования, анализ полученных результатов в целом, обоснование и формулирование выводов.

2.6. Выявленные экспертом по собственной инициативе существенные обстоятельства, по поводу которых ему не были поставлены вопросы».

По общему правилу, если эксперт в рамках экспертной инициативы решает дать какую-либо дополнительную информацию, установленную в ходе исследования, относительно которой следователь не ставил вопрос, то он отражает такую информацию в выводах после того, как даст ответы на поставленные вопросы.

«2.7. Причины невозможности решения отдельных вопросов в полном или требуемом в постановлении объеме».

Как правило, в дактилоскопической экспертизе вывод о невозможности дать ответ на тот или иной вопрос обусловлен следующими причинами:

- непригодностью следов или образцов для идентификации;
- несопоставимостью признаков сравниваемых объектов;
- недостаточностью признаков для решения идентификационной задачи;
- недостаточностью образцов для сравнительного исследования;
- невозможностью подтверждения результатов первичной экспертизы ввиду изменения первоначальных свойств объектов исследования (например, из-за существенного искажения или исчезновения следа папиллярного узора на слекопировальном материале);

- постановкой вопросов, для решения которых отсутствуют экспертные методики либо которые выходят за рамки компетенции эксперта-дактилоскописта.

Нами рассмотрены наиболее часто встречающиеся недостатки, находящие отражение в исследовательской части заключения эксперта. Недопущение подобных ошибок позволит избежать ситуаций, когда заключение эксперта дает основание усомниться в его профессиональной компетентности.

Библиографический список

1. Барина, О.А. Типичные ошибки при производстве дактилоскопических экспертиз / О.А. Барина, В.Н. Черниговский // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – N 3. – С. 38-43.
2. Донцова, Ю.А. Выявление следов рук на липком слое клейких лент: методические рекомендации / Ю.А. Донцова, А.В. Ивашкова, М.А. Яковенко. – М.: ЭКЦ МВД России, 2021.
3. Донцова, Ю.А. Обнаружение, выявление, фиксация и изъятие следов рук на местах пожаров : учебно-практическое пособие / Ю.А. Донцова, А.В. Ивашкова, В.Ю. Крисанова. – М.: ЭКЦ МВД России, 2022.
4. Иванов, А.В. Производство судебной дактилоскопической экспертизы : учебно-практическое пособие / А.В. Иванов ; под ред. Ф.Г. Аминова. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2022.
5. Капитонова, Е.В. Экспертные ошибки процессуального характера и пути их предупреждения / Е.В. Капитонова, А.И. Ляхова // Тенденции развития науки и образования. – 2025. – N 121-3. – С. 91-96.
6. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. Ю.М. Дильдина ; общ. ред. В.В. Мартынова – М.: ЭКЦ МВД России, 2010. – Ч. I.

УДК 343.344 : 343.9

Оксана Аркадьевна ОВЧИНКО,
старший преподаватель
кафедры огневой подготовки
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск)

ooa08@yandex.ru

**ДОБРОВОЛЬНАЯ СДАЧА ОРУЖИЯ КАК МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ЕГО НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ
(УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)**

**VOLUNTARY SURRENDER OF ARMS AS A COUNTERMEASURE TO THEIR ILLICIT
TRAFFICKING (CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS)**

В статье анализируется значение добровольной сдачи оружия в системе противодействия преступности в сфере незаконного оборота оружия и боеприпасов. Рассматривается добровольная сдача оружия в рамках уголовно-правовых отношений и криминологической профилактики, формулируются и анализируются виды добровольной сдачи оружия, обосновываются особенности применения уголовно-правовых норм о сдаче оружия, приводятся примеры правоприменительной практики. Формулируются принципы криминологической профилактики преступности в сфере незаконного оборота оружия посредством добровольной его сдачи. Предлагаются меры, направленные по повышению мотивации виновных к добровольной сдаче оружия на общекриминологическом, специально-криминологическом и индивидуальном уровнях противодействия преступности.

The article analyzes the importance of voluntary surrender of arms in the system of combating crime in the field of illegal arms and ammunition trafficking. Voluntary surrender of arms within the criminal law relations and criminological prevention is being considered, the types of voluntary surrender of arms are formulated and analyzed, the specifics of the application of criminal law on surrender of arms are substantiated, examples of law enforcement practice are given. The principles of criminological prevention of crime in the sphere of arms trafficking through voluntary surrender are formulated. The measures are suggested to increase the motivation of the perpetrators to voluntarily surrender weapons at the general criminological, special criminological and individual levels of combating crime.

Ключевые слова: оружие, боеприпасы, незаконный оборот, преступность, общественная опасность, добровольная сдача, уголовная ответственность, уголовное наказание, криминологическая профилактика, мотивация виновного, меры мотивации, общекриминологический, специально-криминологический и индивидуальный уровни противодействия преступности.

Keywords: weapon, ammunition, illegal trafficking, crime, public danger, voluntary surrender, criminal liability, criminal punishment, criminological prevention, motivation of the perpetrator, motivation measures, general criminological, special criminological and individual level of countering crime.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400, обратила внимание на задачу

обеспечения государственной и общественной безопасности, заключающуюся в выявлении и пресечении преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов,

взрывчатых веществ (ст. 47 п. 15). Несмотря на предпринимаемые меры противодействия, незаконный оборот оружия и боеприпасов в Российской Федерации продолжает оставаться сложным явлением, представляет существенную угрозу для жизни, здоровья, собственности и иных интересов общества, национальной и военной безопасности государства, а также порождает социальную и психологическую напряженность населения.

Высокую степень общественной опасности преступности в сфере незаконного оборота оружия и боеприпасов характеризуют статистические показатели. Так, в 2025 г. были зарегистрированы 16364 преступлений¹, в 2024 г. – 18567, что, несмотря на снижение абсолютных цифр, устойчиво составляет около 1% всех преступлений. В 2024 г. правоохранными органами из незаконного оборота изъяты 11648 единиц огнестрельного оружия, 399808 единиц боеприпасов, 2535 килограммов взрывчатых веществ, 4514 единиц взрывных устройств. Особую опасность представляет увеличение количество преступлений, связанных с применением оружия и боеприпасов; в 2024 г. с применением оружия совершены 5774 преступлений, что на 45 преступлений больше 2023 г.² В структуре совершенных преступлений – тяжкие и особо тяжкие (убийства, причинение вреда здоровью, преступления террористической направленности, противодействие органам власти и управления, разбои и др.).

В рамках компромиссной (договорной) модели противодействия преступности в сфере незаконного оборота оружия, заключающейся в установлении договорных (легальных) отношений между преступником и государством, особое место отведено добровольной сдаче оружия правоохранными органами [5, с. 122].

Значение добровольной сдачи оружия в противодействии незаконному его обороту вполне очевидно и определяется многими факторами. Во-первых, добровольная сдача оружия максимально реализует цели уго-

ловного наказания (ст. 43 ч. 2 УК РФ) и, в частности, предупреждения преступлений (специальную превенцию) [6, с. 6]. Во-вторых, анализируемая мера не менее эффективна по сравнению с другими мерами (правового, организационного, идеологического, психологического обеспечения), поскольку воздействует на общесоциальные, специально-криминологические и индивидуальные причины преступности. В-третьих, добровольная сдача оружия с экономической точки зрения менее затрата и не связана с максимальным использованием кадрового, организационно-управленческого и информационного ресурса. Эта мера экономит карательный потенциал и формулирует реализацию альтернативных видов уголовной ответственности.

Добровольная сдача оружия, основных частей к огнестрельному оружию, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств установлена уголовным законодательством (ст. 222, 222.1, 222.2, 223 и 223.1 УК РФ). Примечания данных норм регламентируют позитивное постпреступное поведение, относятся к специальным основаниям освобождения от уголовной ответственности, заключаются в активном способствовании пресечению, раскрытию и расследованию преступлений, полному отказу от продолжения преступной деятельности, в результате чего виновное лицо утрачивает общественную опасность [подр.: 7, с. 194].

В соответствии с п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. N 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» под добровольной сдачей следует понимать выдачу лицом по своей воле или сообщение органам власти о месте нахождения указанных предметов при реальной возможности их дальнейшего хранения. Не может признаваться добровольной сдачей данных предметов их изъятие при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию. Кроме того, добровольная сдача

1 Статистика и аналитика // Сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/77848182/>.

2 Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года и ожидаемые тенденции ее развития. М.: ВНИИ МВД России, 2024. С. 45-47.

оружия не связана с мотивами совершения преступления, а также различными предшествующими обстоятельствами, например страхом лица быть привлеченным к уголовной ответственности, получением финансового вознаграждения в рамках специальных мероприятий, отпадением цели хранения или ношения оружия (ненужность оружия).

Следует выделять два вида добровольной сдачи оружия и боеприпасов: уголовно-правовую и криминологическую.

Уголовно-правовую сдачу оружия следует рассматривать в рамках уголовно-правовых отношений при наличии оснований и возможности привлечения лица к уголовной ответственности. Согласно ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего признаки состава преступления. Уголовно-правовым последствием этого вида добровольной сдачи является освобождение виновного от уголовной ответственности.

Правоприменительная практика справедливо обращает внимание на неоднозначное применение нормы о добровольной сдаче оружия в случае возможности его обнаружения правоохранительными органами при реализации принудительных мер, например досмотра, обыска, оперативно-розыскных мероприятий. Верховный Суд РФ, отвечая на вопрос о наличии добровольной сдачи оружия, исключает из ее содержания изъятие оружия при задержании лица либо при производстве следственных действий по их обнаружению.

Следует указать на следующие особенности уголовно-правового вида добровольной сдачи оружия.

Во-первых, добровольная сдача оружия будет иметь место не только в процессе фактической выдачи оружия в месте его нахождения или обнаружения, но и при сообщении правоохранительным органам о месте нахождения (хранения) оружия при наличии реальной возможности хранения данных предметов. Сообщение может осуществляться при нахождении лица в различных местах, например в другом населенном пункте, в следственном изоляторе (при аресте), в местах от-

бывания наказания, связанного с изоляцией от общества, в правоохранительных органах (отделе полиции, подразделениях Следственного комитета, прокуратуры, суда), в транспортном средстве. Данная выдача оружия может иметь место при заключении досудебного заключения о сотрудничестве. Кроме того, сообщение возможно в любой форме: устно, письменно, в телефонном режиме, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, через третьих лиц (родственников, свидетелей, знакомых, ранее судимых и др.).

Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского областного суда указано, что является добровольной сдачей боеприпасов гражданином М., который во время проведения обыска в хозяйственных постройках на его участке с целью обнаружения боеприпасов, поставил в известность следователя о хранении в его жилище не только боеприпасов, но и оружия, в условиях, исключающих возможность их обнаружения. При этом проведение обыска и иных следственных действий в жилище М. следователем не планировалось, постановление на проведение следственного действия не выносилось, разрешение на проведение обыска жилища в судебном порядке в соответствии со ст. 165 УПК РФ отсутствовало¹.

Во-вторых, добровольная сдача должна быть осуществлена в полном объеме, поскольку именно этот факт свидетельствует о нейтрализации угроз общественной безопасности, невозможности совершения с незаконно обращающимся оружием различных преступлений, в том числе и неосторожных, невозможности завладения оружием другими лицами, а также о возможности проведения эффективного предварительного расследования, назначения наказания и достижения его целей. Все это указывает на позитивное постпреступное поведение лица и утрату им общественной опасности. Следует указать, что оружие и боеприпасы при этом могут находиться, храниться в различных местах, в том числе и в процессе криминального трафика (перемещения).

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского областного суда от 25.01.2023 по делу N 22-111/2023. URL: <https://судебныерешения.рф/73051228>.

В случае добровольной сдачи предметов, указанных в различных статьях УК РФ, освобождение от уголовной ответственности возможно в соответствии с примечанием только к статье, предусматривающей ответственность за незаконный оборот конкретного предмета преступления. Так, при незаконном хранении одновременно оружия и взрывных устройств, ответственность за которое наступает по совокупности ст. 222 и 222.1 УК РФ, и при добровольной сдаче только одного предмета, например оружия, лицо освобождается только от ответственности, предусмотренной ст. 222 УК РФ, по ст. 222.1 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности.

Во-третьих, добровольная сдача оружия имеет место только до проведения следственных действий по обнаружению оружия и иных предметов, в частности обыска, что свидетельствует о деятельном раскаянии. Обосновывая данную позицию, Верховный Суд РФ в п. 4 постановления Пленума от 27 июня 2013 г. N 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» обратил внимание на тот факт, что не является деятельным раскаянием признание лицом своей вины без осуществления каких-либо действий, указывающих на позитивное постпреступное поведение.

Судебная практика указывает на единую позицию судов, не признающих добровольной сдачу оружия в процессе проведения следственных действий. Так, в процессе проведения обыска виновный сообщил сотрудникам полиции о незаконном хранении оружия. Однако перед началом проведения следственного действия, когда виновному было предложено выдать соответствующие предметы, последний действий по сдаче оружия не предпринимал. Кыштымский городской суд Челябинской области обоснованно отказал в ходатайстве защиты об освобождении от уголовной ответственности в соответствии с примечанием, при этом указав на то, что добровольная сдача оружия имеет место до начала

выполнения следственных действий. Доводы виновного о том, что последний намеревался сдать оружие и боеприпасы, но не успел, поскольку в его жилище стали проводить обыск, не является основанием для освобождения от уголовной ответственности, поскольку обстоятельств, препятствующих это сделать сразу после обнаружения не установлено¹.

В-четвертых, не исключена добровольная сдача оружия в рамках ст. 75 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием).

Условиями реализации данной нормы являются совершение преступления впервые, преступление небольшой и средней тяжести, в данном случае возможна выдача предметов только в рамках ч. 1 ст. 222, ч. 4 ст. 222 УК РФ (остальные нормы о незаконном обороте оружия относятся к категориям тяжких или особо тяжких), явке с повинной лица, совершившего преступление, активном способствовании раскрытию преступления, возмещении причиненного ущерба.

В отношении позитивного постпреступного поведения: добровольная выдача оружия возможна одновременно в процессе явки с повинной в правоохранительные органы, в процессе способствования раскрытию преступления при указании виновным на место хранения или транспортировки оружия, в процессе возмещения причиненного ущерба при возвращении оружия собственнику, например после его хищения, при этом виновное лицо не освобождается от ответственности за хищение оружия.

Следует указать, что в процессе добровольной сдачи оружия и боеприпасов лицо, совершившее преступление, обязано в процессе предварительного расследования и судебного заседания полностью признать свою вину и наличие иных условий, поскольку правоприменительная практика свидетельствует о возможности выдачи оружия по различным мотивам (страх перед наказанием, месть соучастникам, привлечение к уголовной ответственности соучастников и др.) [4, с. 168-169].

В-пятых, добровольную сдачу оружия следует отличать от добровольного отказа,

1 Приговор Кыштымский городской суд Челябинской области от 07.07.2020 N 1-52/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/lh6kK83nRhgD/>.

который не является видом освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, а представляет институт прекращения уголовно-правового преследования. Добровольный отказ при сдаче оружия может иметь место в процессе приготовления к преступлению, например сдача отдельных частей огнестрельного оружия или сдача неисправного оружия, макета оружия при наличии преступной цели – изготовить пригодное для использования оружия. Вместе с тем добровольный отказ не может иметь место на стадии оконченного покушения [2, с. 19], например при выдаче негодных предметов лицом, заблуждающимся в отношении их пригодности.

Криминологическую сдачу оружия следует рассматривать как добровольную сдачу оружия лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, невиновными или невменяемыми лицами, находящимися под влиянием физического или психического принуждения, сдачу найденного оружия, сдачу отдельных комплектующих деталей, не образующих признака пригодности оружия по своему назначению, а также неисправного оружия. Данный вид добровольной сдачи оружия не предполагает возможности привлечения лиц к уголовной ответственности и освобождения от нее и следует рассматривать как меру криминологической профилактики. Эта мера регулируется различными нормативными актами, например, УПК РФ, КоАП РФ, КАС РФ, федеральными законами от 13 декабря 1996 г. N 150-ФЗ «Об оружии», от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции», от 3 июля 2016 г. N 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и др.

Добровольная сдача оружия в рамках криминологической профилактики состоит в применении арсенала общекриминологических, специально-криминологических и индивидуальных мер, осуществляемых через меры принуждения, воспитания и оказания помощи лицам, подвергшимся профилактическому воздействию. Целью добровольной сдачи оружия выступает выход из незаконного обо-

рота оружия, который означает снижение или полное устранение общественной опасности преступления в сфере незаконного оборота оружия и общественной опасности лица, его совершившего, а также возможности повторения данного преступления в будущем [подр.: 7, с. 194].

Формулируя принципы криминологической профилактики незаконного оборота оружия посредством добровольной его сдачи, следует указать на использование системного подхода при их обосновании, единство цели, взаимодополняемость и взаимозаменяемость профилактических мер.

Принцип компетентности при осуществлении профилактических мероприятий закреплен в ст. 4 Федерального закона от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», в первую очередь предполагает консолидацию усилий субъектов предупредительной деятельности [9, с. 169], а также требования, предъявляемые к субъектам (квалификация, специализация, опыт и др.) и их видам. Так, в процессе воздействия на лиц, совершающих преступление в сфере незаконного оборота оружия, в целях побуждения их к добровольной сдаче оружия, особое место уделено подразделениям уголовного розыска, участковым уполномоченным полиции и подразделениям лицензионно-разрешительной работы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.

Принцип своевременности и достаточности используемых профилактических мер предполагает их использование в таком объеме и с такой интенсивностью, которые позволяют воздействовать на преступников, мотивируя их к добровольной сдаче оружия. Принцип дифференциации предупредительного воздействия означает учет особенностей личности преступника, типологии, криминологической характеристики преступника, а также динамики изменений преступника и его поведения. Принцип эффективности профилактического воздействия предполагает достижение максимальных результатов, то есть добровольной сдачи оружия при наименьших материальных, финансовых, людских, ре-

сурсных и иных затратах. В связи с этим следует сделать вывод о неэффективности ранее проводимых в стране мероприятий по выкупу оружия, боеприпасов, взрывчатых устройств у населения. Данная мера экономически не эффективна, поскольку обеспечивается финансированием из бюджета государства, а также является минимально мотивированной для лиц, совершающих преступления.

При рассмотрении добровольной сдачи оружия в рамках криминологической профилактики представляется наиболее актуальным вопрос о мотивации лиц, совершающих преступления в сфере незаконного оборота оружия, к добровольной сдаче этих предметов. Обосновывая меры, направленные на формирование мотивации к добровольной сдаче оружия, следует указать, что они могут иметь место на общекриминологическом, специально-криминологическом и индивидуальном уровне.

На общекриминологическом уровне мотивация на добровольную сдачу оружия формируется за счет нейтрализации условий и факторов незаконного оборота оружия, которые активно формируют причины данной преступности. В частности, страх перед наказанием виновных лиц и нежелание быть привлеченным к уголовной ответственности побуждает последних отказаться от продолжения незаконного хранения, ношения, перевозки оружия.

Среди мер повышения мотивации добровольной сдачи оружия представляется максимально эффективной объявление Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации «оружейной» амнистии, на что обращает внимание наука [1, с. 128]. Реализуя принципы конституционно-правового механизма, гуманизма и популяризации компромиссных (поощрительных) норм уголовного права [11, с. 128], амнистия способна самостоятельно формировать у виновных лиц желание освобождения от уголовной ответственности и как следствие позитивного постпреступного поведения, в основе которого лежит добровольная сдача оружия. Кроме того, следует учитывать достаточный период действия амнистии, обычно до полугода, в течение которого виновные

имеют возможность дополнительно оценить общественную опасность совершаемого преступления, строгость наказания за него, а также правовые механизмы освобождения от ответственности и наказания. Это позитивно отражается на формировании мотивации добровольной сдачи оружия.

В качестве правовой меры на общекриминологическом уровне стоит сформулировать предложение о дополнении нормы об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ), в соответствии с которым признать одним из условий условно-досрочного освобождения сообщение осужденным правоохранительным органам о месте нахождения (хранения) оружия и боеприпасов, а также участие в следственных действиях по обнаружению и сдаче оружия при условии, что о хранении оружия правоохранительным органам не известно. Предлагаемое положение возможно распространить не только на преступления в сфере незаконного оборота оружия, но и преступления, в которых оружие являлось способом, средством или орудием преступления (ст. 111, 162, 206, 208, 209, 213, 256, 302 УК РФ).

Меры, направленные на повышение мотивации на сдачу оружия, реализуемые на специально-криминологическом уровне, должны состоять в противодействии правовому нигилизму в обществе. Низкий уровень правосознания членов общества и минимальная солидарность с уголовно-правовыми запретами порождают оправданность многих криминальных поступков, в том числе и незаконного оборота оружия. Это создает благоприятные условия не только для продолжения преступной деятельности, но и обуславливает высокую ее прецедентность. Основной мерой по нейтрализации правового нигилизма является идеологическое обеспечение, связанное с доведением до граждан информации об общественной опасности незаконного оборота оружия и преступлений, совершенных с применением оружия. Целесообразно проведение различных агитационных мероприятий, с использованием средств массовой информации, печатных изданий, телевидения, информационно-телекоммуникационных технологий, выпуска листовок,

буклетов, рекламных щитов по активизации добровольной сдачи оружия и боеприпасов населением. Кроме того, следует максимально использовать средства массовой информации для объективного отражения деятельности правоохранительных органов в борьбе с незаконным оборотом оружия [3, с. 202-203].

Основной целью формирования мотивации виновных лиц к добровольной сдаче оружия на индивидуальном уровне является устранение общественной опасности виновного лица и прецедентного характера совершаемого преступления в сфере незаконного оборота оружия. Среди мер, реализуемых на индивидуальном уровне, представляется наиболее перспективной возможность сдачи оружия и боеприпасов по просьбе граждан на анонимной основе без проведения различных формальных, в том числе проверочных и процессуальных мероприятий. В случае отсутствия такой просьбы добровольная сдача оружия должна осуществляться на общих основаниях.

В завершение следует отметить, что противодействие незаконному обороту оружия посредством добровольной его сдачи зависит от полноты и эффективности применения уголовно-правовых норм и криминологических мер по формированию мотивации виновных лиц к добровольной сдаче. В основе добровольной сдачи оружия в рамках уголовно-правовых отношений лежит позитивное постпреступное поведение, свидетельствующее о снижении или устранении общественной опасности совершенного незаконного оборота оружия. В рамках криминологической профилактики мотивация к добровольной сдаче оружия формируется на общекриминологическом уровне и состоит в нейтрализации условий и факторов преступности, специально-криминологическом уровне – в противодействии правовому нигилизму, на индивидуальном уровне – путем предоставления возможности добровольной сдачи оружия гражданами на анонимной основе.

Библиографический список

1. Абызов, Р.М. Предупреждение незаконного оборота оружия / Р.М. Абызов, В.П. Власов, С.Я. Лебедев. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2010. – 166 с.
2. Иванов, В.Д. Добровольный отказ от совершения преступления / В.Д. Иванов. – М.: Юридическая литература, 1982. – 56 с.
3. Мальков, С.М. Криминология и предупреждение преступлений : курс лекций / С.М. Мальков. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. – 210 с.
4. Мальков, С.М. Преступления против общественной безопасности : монография / С.М. Мальков, А.В. Шеслер. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2022. – 200 с.
5. Мальков, С.М. Незаконный оборот оружия: понятие, этапы, модель противодействия / С.М. Мальков // Алтайский юридический вестник. – 2024. – N 2 (46). – С. 118-125.
6. Марцев, А.И. Специальное предупреждение преступлений : учебное пособие / А.И. Марцев. – Омск: Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1977. – 84 с.
7. Овчинко, О.А. Профилактика преступности в сфере незаконного оборота оружия / О.А. Овчинко // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2025. – N 2(59). – С. 189-195.
8. Уголовное право (теория наказания) : курс лекций / под ред. С.М. Малькова. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. – 216 с.
9. Фомин, С.А. Обеспечения национальной безопасности : курс лекций / С.А. Фомин. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. – 244 с.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРКОУГРОЗЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

УДК 343.575

Павел Владимирович ТЕПЛЯШИН,

профессор кафедры уголовного права
и криминологии Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск),
доктор юридических наук, профессор
pavlushat@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАПРЕТ ПРОПАГАНДЫ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ: ПРЕДПОСЫЛКИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

THE CRIMINAL LAW PROHIBITION OF NARCOTIC DRUG PROPAGANDA: PRECONDITIONS FOR CRIMINALIZATION AND QUALIFICATION PROBLEMS

В статье исследуются теоретические и прикладные аспекты установления уголовной ответственности за распространение информации, формирующей положительное или нейтральное отношение к незаконному потреблению и обороту наркотических средств, в информационно-телекоммуникационных сетях. Анализируются нормативные предпосылки криминализации данного деяния, закрепленные в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, а также объективные криминологические показатели, свидетельствующие о возрастающей роли сети Интернет в наркотизации населения. Подробно рассматривается состав преступления, предусмотренного ст. 230.3 УК РФ: объективные и субъективные признаки, особенности конструкции с административной преюдицией и специальным рецидивом, момент окончания деяния. Раскрывается понятие «пропаганда» через анализ легального определения, содержащегося в Федеральном законе «О наркотических средствах и психотропных веществах», а также разъяснений Верховного Суда Российской Федерации. Выявляются и обосновываются проблемы правоприменения, в числе которых сложность отграничения пропаганды от информирования в рамках профессиональной (медицинской, педагогической) деятельности, а также коллизии с законодательными исключениями для произведений науки, литературы и искусства, содержащими «оправданную жанром» информацию о наркотиках. Формулируются критерии разграничения законного информирования и уголовно наказуемой пропаганды (целевая направленность, баланс содержания, отсутствие инструктивной составляющей, учет потенциальной аудитории), а также предложения по совершенствованию уголовного закона, включая введение квалифицированных составов и уточнение законодательного исключения для произведений искусства и науки.

This article considers the theoretical and applied aspects of establishing criminal liability for the dissemination of information that forms a positive or neutral attitude toward the illegal use and trafficking of narcotic drugs in information and telecommunications networks. The normative preconditions for the criminalization of this criminal act, enshrined in the Strategy of the State Anti-Drug Policy of the Russian Federation for the period up to 2030, as well as the objective criminological indicators demonstrating the increasing role of the Internet in the drug addiction among the population are analyzed. The elements of the crime under Article 230.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, including its objective and subjective elements, the specifics of its construction with administrative prejudice and special recidivism, and the moment of completion of the act are discussed in detail. The concept

of «propaganda» is disclosed through an analysis of the legal definition contained in the Federal Law «On Narcotic Drugs and Psychotropic Substances» as well as the clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation. The law enforcement issues are identified and substantiated, including the difficulty of distinguishing propaganda from information dissemination within the context of professional (medical, pedagogical) activities, as well as conflicts with legislative exceptions for works of science, literature, and art containing «genre-justified» information about drugs. The criteria for distinguishing between legal information dissemination and criminally punishable propaganda (targeted focus, content balance, absence of an instructional component, consideration of the potential audience) are formulated, along with suggestions for improving criminal law, including the introduction of qualified elements of crime and clarification of the legislative exception for works of art and science.

Ключевые слова: административная преюдиция, информационно-телекоммуникационные сети, квалификация преступлений, общественная опасность, профилактика наркотизма, распространение информации.

Keywords: administrative prejudice, information and telecommunications networks, crime classification, public danger, drug prevention, information dissemination.

Федеральным законом от 8 августа 2024 г. N 226-ФЗ УК РФ дополнен статьей 230.3, устанавливающей ответственность за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет), совершенную лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного данной статьей. Норма вступила в силу с 1 марта 2026 г., ознаменовав новый этап в правовом регулировании противодействия информационному сопровождению незаконного оборота наркотиков.

Как представляется, криминализация данного уголовно-правового запрета не является спонтанным шагом законодателя, выступает результатом достаточно длительного осмысления криминологических реалий и стратегических приоритетов государственной антинаркотической политики. Так, в пп. «ж» п. 9 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Стратегия), утвержденной Указом Президента РФ от 23 ноября 2020 г. N 733, в качестве одной из угроз национальной безопасности в средне-

срочной и долгосрочной перспективе прямо называется масштабное использование сети Интернет для пропаганды незаконного потребления наркотиков. Подпункт «г» п. 13 Стратегии также закрепляет среди основных мер совершенствования антинаркотической деятельности выявление и пресечение функционирования в сети Интернет ресурсов, используемых для пропаганды незаконных потребления и распространения наркотиков.

Кроме того, нельзя не заметить, что в пп. «в» п. 4 Стратегии содержится легальное определение антинаркотической идеологии как «совокупности политических, религиозных, научных, культурных и других взглядов, основанных на традиционных российских духовно-нравственных ценностях и выражающих негативное отношение общества к незаконному потреблению и незаконному обороту наркотиков». Соответственно, пропаганда наркотиков выступает антиподом указанной идеологии, формируя в общественном сознании искаженные установки о допустимости потребления наркотических средств. Именно этим объясняется необходимость перевода данного деяния из разряда административных правонарушений (ч. 3 ст. 6.13 КоАП РФ) в разряд уголовно наказуемых при условии фиксации факта административной или уголовно-правовой преюдиции.

Помимо идеологических установок в отношении такого вида наркоугрозы следует

обратить внимание и на объективные криминологические показатели. Криминологическое обоснование установления уголовной ответственности за пропаганду наркотиков в информационно-телекоммуникационных сетях базируется на устойчивых негативных тенденциях, зафиксированных в официальной статистике. При этом информационно-телекоммуникационная сфера превратилась в основной канал распространения не только наркотических средств, но и идеологии их потребления. Так, в 2024 г. зарегистрированы 765,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 13,1% больше, чем за 2023 г., а их удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений увеличился с 34,8% до 40,0%. В указанном массиве преступлений выделяется категория деяний, непосредственно сопряженных с незаконным оборотом наркотиков, преступления, предусмотренные ст. 228.1 УК РФ и совершенные с использованием сети Интернет или средств мобильной связи, составили 94,6 тыс. (+16,1%) в 2024 г. В 2025 г. тенденция усугубилась, поскольку общее число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, хотя и снизилось на 11,8% (до 675,4 тыс.), однако количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, выросло на 8,4% (до 214,8 тыс.). Более того, число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, возросло на 17,6%. Указанные данные свидетельствуют о том, что киберпространство активно используется не только для непосредственного сбыта наркотиков, но и для их пропаганды, формирования благоприятного общественного мнения о наркопотреблении. Именно высокая латентность пропагандистской деятельности, которая проявляется в том, что выявить факт пропаганды значительно сложнее, чем факт сбыта из-за отсутствия прямых следов в виде передачи вещества или денежных средств, а также ее деструктивное воздействие на молодежную аудиторию обусловили необходимость перевода данного деяния из раз-

ряда административных правонарушений в разряд уголовно наказуемых с применением механизма административной преюдиции и специального рецидива. Так, Д.В. Токманцев и И.Н. Заварыкин справедливо отмечают «распространенность наркотизма в российской молодежной среде» [9, с. 14]. Ведь деструктивное воздействие на молодежную аудиторию признается на государственном уровне не просто аморальным, а социально опасным фактором, способным привести к деградации человеческого капитала, росту первичной наркомании и подрыву демографической и социальной безопасности. Следует поддержать С.А. Бирмамитову, которая верно отмечает, что применительно к пропаганде наркотиков «действия, совершенные указанным способом, являются общественно опасными, поскольку охватывают многомиллионную аудиторию, существенной частью которой выступают несовершеннолетние, а также способствуют расширению рынка сбыта запрещенных веществ» [2, с. 64]. Уголовный закон в данном случае выполняет функцию не только карающую, но и превентивно-воспитательную, формируя правосознание и устанавливая запрет на любые формы идеологической поддержки наркотизма.

Состав преступления, предусмотренного ст. 230.3 УК РФ, вызывает научный и практически значимый интерес. Так, видовым объектом выступают общественные отношения в сфере здоровья населения и общественной нравственности. Непосредственным объектом являются общественные отношения, обеспечивающие безопасные условия жизнедеятельности населения от информационного воздействия, стимулирующего незаконный оборот, позитивный образ и потребление наркотиков.

Говорить о наличии в составе преступления, предусмотренного ст. 230.3 УК РФ, предмета не представляется верным, поскольку механизм совершения данного посяательства не предполагает непосредственного обращения с наркотиками, какого-либо воздействия на них не требуется. Фактически наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, прекурсоры, а также растения, содержащие наркотические сред-

ства или психотропные вещества либо их прекурсоры упоминаются законодателем как компонент информации, составляющей основу того, что подлежит пропаганде. Раскрытие того, что следует относить к данному компоненту соответствующей информации, необходимо осуществлять в рамках анализа объективной стороны состава преступления.

Также важно заметить, что в исследуемом составе преступления отсутствует потерпевший, поскольку презюмируется, что его совершение причиняет вред здоровью неопределенному кругу лиц, потенциально способных воспринять пропаганду наркотиков и, как результат, прийти к выводу о допустимости их потребления в немедицинских целях.

Содержание объективной стороны данного преступления образует действие в виде пропаганды наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, прекурсоров, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, совершенной в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет). Соответственно, средства, вещества и растения, которые пропагандируются, с формально-юридических позиций могут быть идентифицированы посредством обращения к Перечню наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. N 681, что соответствует требованию определенности уголовно-правового запрета.

В силу особенностей механизма причинения вреда общественным отношениям состав преступления относится к разряду формальных, поэтому констатация наступления каких-либо конкретных последствий (например, в виде немедицинского потребления наркотиков определенными лицами под воздействием такой пропаганды) с формально-юридических позиций не требуется.

Ключевым для понимания объективной стороны является раскрытие понятия «пропаганда». Согласно п. 1 ст. 46 Федерального закона от 8 января 1998 г. N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных

веществах» (далее – Федеральный закон о наркотиках) под пропагандой наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, наркосодержащих растений следует понимать распространение информации или материалов, в том числе в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетях (в том числе в Интернете): 1) о способах, методах незаконных разработки, производства, изготовления, переработки, хранения, перевозки, пересылки, сбыта, приобретения, использования, потребления, ввоза на территорию Российской Федерации, вывоза с территории Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, местах их приобретения; 2) о способах, методах незаконных приобретения, хранения, перевозки, пересылки, культивирования наркосодержащих растений, местах их приобретения; 3) о допустимости, привлекательности либо необходимости незаконного потребления наркотических средств или психотропных веществ, потребления их аналогов; 4) о каких-либо преимуществах незаконного использования отдельных наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, наркосодержащих растений; 5) об использовании в медицинских целях подавляющих волю человека либо отрицательно влияющих на его психическое или физическое здоровье наркотических средств, психотропных веществ, наркосодержащих растений; 6) о совершении иных незаконных действий с наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами и прекурсорами, наркосодержащими растениями путем их оправдания или представления как общепринятых норм поведения. Данное определение является базовым для иных интерпретаций, которые направлены на уточнение его отдельных признаков. Причем до настоящего времени такое уточнение осуществлялось только применительно к рассматриваемой пропаганде в рамках состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.13 КоАП РФ. Например, в пп. 2 п. 42 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ N 4 (2021), утвержденного Президиумом

Верховного Суда РФ 16 февраля 2022 г. (далее – Обзор), указывается, что под «пропагандой наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет следует понимать деятельность, осуществляемую физическими или юридическими лицами в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и направленную на распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений, а также совершение иных действий в целях побуждения интереса у зрителя (читателя) к наркотическим средствам, психотропным веществам и их прекурсорам, способам их употребления и т.д.; формирования представления о факте потребления наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров для достижения состояния наркотического опьянения как допустимого, желательного». Таким образом, одним из уточнений признака «оправдания или представления как общепринятых норм поведения» потребления наркотиков является «допустимость» и «желательность».

В науке уголовного права обращается внимание на сложность оценки категории «пропаганда» [8]. Так, пропаганда не может сводиться лишь к распространению информации, которое в ст. 4 Федерального закона от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Федеральный закон об информации) определено как «действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц». В сущностном (социологическом) аспекте пропаганда представляет собой метод воздействия на общественное сознание и отличается определенной системностью, которая проявляется в наличии установленных правил и алгоритма реализации, отправителя и получателя информации. Подобного мнения придерживаются О.Ф. Воспякова и Д.А. Свиридов, указывая, что «под пропагандой в общем смысле этого слова понимается

систематическое распространение информации для воздействия на массовое сознание с целью формирования определенных убеждений, взглядов и поведения людей, привлечение как можно большего числа сторонников определенного образа жизни» [4, с. 138]. Однако в Федеральном законе о наркотиках понятие «пропаганда» заужено, поскольку оно фактически сводится к «распространению информации» без каких-либо признаков системности. Более того, следует учитывать, что пропаганда «наркотиков может носить скрытый характер ввиду применения лингвистического (лексического, метафорического и др.), экономического, психологического и иного инструментария. Так, например, надписи «мука» или «соль» могут маскировать предложения о продаже наркотиков под рекламные объявления» [10, с. 122].

Специфика уголовно-правовой оценки общественно опасного деяния заключается в том, что факт размещения противоправного контента фиксируется в момент его публикации, а момент окончания преступления – в момент доведения информации до сведения неопределенного круга лиц (для открытых источников) либо до сведения конкретного адресата (для сообщений, в частности, в мессенджерах, электронной почте). При этом не требуется, чтобы информация была фактически (как руководство к действию) воспринята или побудила к противоправному поведению. Таким образом, для квалификации деяния достаточно самого факта распространения, которое складывается фактически из двух действий: 1) размещения противоправного контента в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет); 2) доведения информации до сведения неопределенного круга лиц либо до сведения конкретного адресата.

Также важно обратить внимание на такую особенность, что для квалификации фактического значения имеет обстановка (в составе преступления законодательно не закреплена) совершения деяния, а именно – ситуация сопровождения преступления (например, реклама товаров содержащих наркотическое средство или их контент). Так, в Обзоре приводится следующий пример: «Ш. разместил на

своей странице в социальной сети, открытой для неопределенного круга лиц, файлы с изображением листьев по внешнему виду схожих с листьями растения конопли, а также с изображениями, указывающими на способы употребления наркотических средств, то есть допустил пропаганду растения, содержащего наркотические средства (каннабиноиды), с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет». Однако, если предположить, что это была страница в социальной сети косметического салона, в котором используются крема и лосьоны, содержащие полиненасыщенные жирные кислоты (омега-3, омега-6), антиоксиданты, витамины и минералы, масло, получаемые из листьев конопли, и отсутствовали изображения способов употребления наркотических средств, то вряд ли это может быть квалифицировано как пропаганда растения, содержащего наркотические средства (каннабиноиды). Ведь такой контент не противоречит запрету, закрепленному в ч. 4 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. N 2124-I «О средствах массовой информации» запрету на «распространение в средствах массовой информации, в информационно-телекоммуникационных сетях сведений о способах, методах разработки, изготовления, использования, о местах приобретения наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, о способах и местах культивирования растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры, пропаганда каких-либо преимуществ использования отдельных наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, распространение иной информации, распространение которой запрещено федеральными законами».

В унисон ранее сказанному следует отметить важность разграничения пропаганды наркотиков и информирования, осуществляемого в рамках профессиональной деятельности медицинских и педагогических работников с целью профилактики наркомании. В последнем случае состав преступления отсутствует.

Особую сложность представляет квалификация действий лиц, распространяющих

информацию о наркотиках в рамках художественных, научных, специализированных медицинских, фармацевтических или учебных изданиях. Так, ч. 2 ст. 46 Федерального закона о наркотиках закрепляет исключение, согласно которому положения о запрете пропаганды не применяются к произведениям литературы, искусства, кинематографии, научной и публицистической деятельности, если распространение информации о наркотиках, способах их потребления и специфике незаконного оборота составляет, например, «оправданную жанром неотъемлемую часть художественного замысла». Однако данный законодательный подход создает риски злоупотреблений. В частности, писатель, прикрываясь «оправданным жанром», может умышленно изложить в рукописи художественного произведения подробные и оправданные творческим замыслом сцены немедицинского потребления наркотиков либо иллюстрировать способы изготовления прекурсоров».

Таким образом, коллизия между уголовно-правовым запретом пропаганды наркотиков и законодательно закрепленным исключением для произведений науки, литературы и искусства порождает существенную правовую неопределенность. С одной стороны, исключение призвано сохранить свободу творчества, научного поиска и медицинского просвещения. С другой стороны, его оценочный характер («оправданность жанром», «неотъемлемость художественного замысла») создает риски злоупотреблений, когда под видом художественного или публицистического произведения фактически осуществляется пропаганда наркотиков, формируется положительное или нейтральное отношение к их потреблению, а также распространяются знания о способах и методах оборота. В связи с этим можно предложить рекомендации по разграничению пропаганды и обозначенных исключений:

1) придерживаться принципа целевой направленности, согласно которому ключевым критерием разграничения следует признать не столько содержание информации, сколько цель ее распространения. Если информация о наркотиках, способах их потребления

или изготовления включена в произведение с целью художественного осмысления проблемы (например, демонстрация трагических последствий зависимости), критики социального явления, научного просвещения или медицинской профилактики, то такая информация не может рассматриваться как пропаганда. Если же цель заключается в формировании положительного отношения к наркотикам, побуждении интереса к ним или обучении способам их незаконного изготовления, деяние подлежит квалификации по ст. 230.3 УК РФ;

2) использовать метод «баланса содержания», в соответствии с которым при проведении искусствоведческой, литературоведческой или иной экспертизы необходимо устанавливать соотношение объема и характера информации о наркотиках с общей направленностью произведения. Наличие в произведении художественно оправданных сцен потребления наркотиков само по себе не является пропагандой. Однако если подобные сцены занимают центральное место в произведении, детализируют способы изготовления или сбыта, сопровождаются оправданием или романтизацией наркопотребления, то это может свидетельствовать о выходе за пределы «оправданности жанром»;

3) необходимо следовать принципу «отсутствия инструктивной составляющей». Так, информация, содержащая четкие, воспроизводимые инструкции (алгоритмы) по незаконному изготовлению наркотических средств, способам их сбыта, методам потребления с описанием эффектов, как правило, выходит за пределы «оправданности жанром», даже будучи включенной в художественное произведение. Исключения составляют специальные научные или медицинские издания, предназначенные для профессиональной аудитории и не подлежащие абсолютно свободному распространению;

4) следует учитывать потенциальную аудиторию этих произведений и способа их распространения, поскольку свободный доступ в сети Интернет к информации, содержащей описание наркотиков и способов их потребления, даже в художественной форме, повышает риски признания такой информа-

ции пропагандой. Напротив, распространение специализированных медицинских или учебных материалов в закрытых профессиональных каналах (для врачей, фармацевтов, студентов профильных специальностей) при соблюдении требований к маркировке и доступу, как правило, не будет образовывать пропаганду наркотиков;

5) рекомендуется при расследовании уголовных дел о пропаганде в художественных, научных и публицистических произведениях назначать комплексные экспертизы (литературоведческую/искусствоведческую+ психолого-лингвистическую), которые позволяют дать мотивированное заключение о том, является ли информация оправданной жанром и целью произведения либо выходит за эти пределы и выполняет пропагандистскую функцию.

Кроме того, представляется целесообразным в порядке *de lege ferenda* дополнить ч. 2 ст. 46 Федерального закона о наркотиках абзацем в следующей редакции: «Исключения, предусмотренные настоящей частью, не распространяются на случаи, когда информация о наркотических средствах, психотропных веществах и их аналогах, прекурсорах, наркосодержащих растениях, об обращении с ними (включая незаконные приобретение, изготовление, производство, хранение, перевозку, сбыт, потребление), либо об их преимуществах, привлекательности или допустимости незаконного потребления содержит инструктивные указания, носит одобрительный или рекомендательный характер». Данная законодательная новация позволит уменьшить оценочный характер нормы и снизить риски злоупотреблений.

Продолжая анализировать состав исследуемого преступления, необходимо сформулировать тезис о том, что форма общественно опасного деяния – действие, поскольку отсутствует юридически закреплённая обязанность конкретного субъекта непропагандирования соответствующей информации. Именно активное поведение по агитации незаконного оборота наркотиков и популяризации их потребления в немедицинских целях составляют ядро общественной опасности данного преступления. В этой связи сложно понять

законодателя, который ограничил уголовно-правовую противоправность такого поведения конкретным местом, а именно информационно-телекоммуникационными сетями. Думается, что не менее опасным является пропаганда наркотиков в публичной среде (сфере). Как обосновано считает А.Д. Кривонов, «публичная сфера – это то доступное для граждан «место», где формируется общественное мнение» [6, с. 69]. Действительно, нельзя не поддержать ряд авторов, которые в этой связи пишут: «Музыкант может исполнять аналогичного содержания тексты во время живых концертов. В этом плане, на наш взгляд, уместно было дополнить обстановку совершения преступления признаком публичности» [1, с. 329]. Таким образом, публичное место выступает обстановкой, при которой пропаганда наркотиков может охватывать весьма широкую аудиторию, оказывать глубокое воздействие на сознание неопределенного круга лиц, что в совокупности с высокой латентностью таких деяний (факт распространения информации сложно зафиксировать и доказать, а круг лиц, воспринявших пропаганду, остается неопределенным) и их способностью продуцировать долгосрочные негативные социальные последствия предопределяет повышенную общественную опасность пропаганды в указанных условиях и обуславливает необходимость ее именно уголовно-правового пресечения.

Сложно согласиться с мнением В.В. Волколуповой, которая гипертрофировано полагает, что существуют значительные проблемы разграничения исследуемого преступления с общественно опасным деянием, предусмотренным ст. 230 УК РФ «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов», и пишет: «В реальных условиях, особенно в онлайн-среде, эта граница может оказаться размытой, и это неизбежно будет порождать сложности в квалификации содеянного» [3, с. 75]. Как представляется, в границах общественного деяния необходимо руководствоваться двумя разграничительными признаками – направленностью и характером соответствующих действий: 1) пропаганда ориентирована как правило на неопределенный круг лиц, тогда

как склонение носит персонифицированный характер, поскольку ориентировано на конкретных лиц; 2) пропаганда предполагает распространение или даже популяризацию информации, направленной на формирование у неопределенного круга лиц нейтрального, терпимого или положительного отношения к наркотикам, либо представления о допустимости их употребления и(или) оборота, склонение же согласно п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» «может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания их потребления (в уговорах, предложениях, даче совета и т.п.), а также в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых с целью принуждения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов лицом, на которое оказывается воздействие».

Важным элементом объективной стороны выступает место совершения преступления – информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет. Согласно ст. 4 Федерального закона об информации «информационно-телекоммуникационная сеть – технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники».

Законодатель сконструировал состав преступления с использованием административной преюдиции и специального уголовно-правового рецидива. Соответственно, субъектом может быть лицо, достигшее 16-летнего возраста, при условии, что оно либо было привлечено к административной ответственности два раза в течение одного года за аналогичное деяние, то есть по ч. 3 ст. 6.13 КоАП РФ «Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры»

или по ч. 4 ст. 6.13 КоАП РФ за действия, предусмотренные ч. 3 ст. 6.13 КоАП РФ, совершенные иностранным гражданином или лицом без гражданства, либо имеет судимость за совершение преступления, предусмотренного ст. 230.3 УК РФ.

Наличие указанных обстоятельств свидетельствует о повышенной общественной опасности личности виновного, игнорирующего меры административно-правового воздействия или продолжающего преступную деятельность после осуждения за данное общественно опасное деяние. Однако анализ общественно опасного деяния и личностных характеристик субъекта состава данного преступника показывает допустимость признания деяния, обладающего всеми формальными признаками состава преступления, предусмотренного ст. 230.3 УК РФ, малозначительным в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ. Во-первых, глубина и степень правонарушающей активности таких субъектов не обладает типичным характером, поскольку далеко не все административные правонарушения даже в своей совокупности могут представлять высокую степень антисоциальности. Во-вторых, повторность соответствующих административных правонарушений не делает вредоносное деяние общественно опасным. По этому поводу И.В. Дворянсков не без основания пишет: «Каждое деяние изначально должно содержать все признаки преступления вне связи с тем, что было совершено раньше. Накопительного эффекта в данном случае быть не может и не должно. Повторность сама по себе не делает деяние принципиально более опасным. Материальный признак общественной опасности должен наличествовать в каждом деянии, причем соответствовать его уголовно-правовому статусу» [5, с. 158]. Фактически криминализация исследуемого преступления отражает механизм предупредительного воздействия на лиц, которые продолжают осуществлять пропаганду наркотических средств, несмотря на дважды примененные к ним меры административной ответственности, то есть на субъектов, не сделавших для себя соответствующих выводов из факта двукратного официального порицания, что обуславливает необходимость

применения к ним более строгих, уголовно-правовых мер реагирования.

Хотя следует учитывать, что исследуемое преступление в отличие от, например, мелкого хищения, не имеет «нулевой» степени общественной опасности, поскольку даже единственный факт распространения информации о способах получения наркотиков или об их «безопасности» уже создает угрозу здоровью неопределенного круга лиц. Поэтому для признания такого преступления малозначительным требуется констатация того, что два административных наказания были назначены за минимальные по объему и содержанию действия (например, когда адресатом пропаганды было только одно лицо и поэтому вредоносность носит номинальный характер), а третий эпизод (уже уголовно наказуемый) также является минимальным по масштабам и содержанию.

Анализ субъективной стороны состава исследуемого преступления показывает, что оно характеризуется виной в форме прямого умысла. Так, лицо осознает, что распространяемая им информация является пропагандой наркотиков, предвидит, что в результате его действий у неопределенного круга лиц может сформироваться (или укрепиться) положительное, нейтральное либо терпимое отношение к незаконному потреблению и обороту наркотиков или «нездорового» интереса к таким действиям, и желает формирования такого отношения как результата своей пропагандистской деятельности. Мотивы и цели могут быть различными (например, корыстные, идеологические, хулиганские), но на квалификацию они не влияют.

Уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 230.3 УК РФ, не содержит дифференциации уголовной ответственности с точки зрения наличия квалифицирующих признаков. Однако санкция нормы предусматривает достаточно большой выбор альтернативных видов и размеров наказаний, что позволяет индивидуализировать ответственность с учетом характера и степени общественной опасности содеянного. Допустимо согласиться с предложениями, высказанными в научной литературе, о целесообразности введения ряда квалифицированных и особо квалифициро-

ванных составов, предусматривающих совершение пропаганды наркотиков группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, лицом с использованием своего служебного положения [7, с. 64].

Таким образом, установление уголовной ответственности за пропаганду наркотиков в информационно-телекоммуникационных сетях является своевременной и обоснованной мерой, призванной восполнить существовавший пробел в правовом противодействии наркоугрозам, когда систематическая и профессиональная пропаганда наркотиков в сети Интернет могла пресекаться лишь мера-

ми административной ответственности, явно недостаточными с точки зрения превентивного воздействия.

Вместе с тем анализ конструкции нормы позволяет выявить ряд проблем, а именно сложность отграничения пропаганды от иных форм распространения информации, особенно в сфере творческой, научной и педагогической деятельности, отсутствие квалифицированных составов, учитывающих повышенную общественную опасность организованных форм пропаганды, что должно стать предметом дальнейших научных исследований и законодательных инициатив.

Библиографический список

1. Ашин, А.А. К вопросу об уголовной ответственности за пропаганду наркотиков / А.А. Ашин, Д.А. Зыков, А.Е. Михайлов // Аграрное и земельное право. – 2024. – N 10. – С. 328-330.
2. Бирмамитова, С.А. Предпосылки установления уголовной ответственности за пропаганду незаконного оборота и потребления наркотиков с использованием сети «Интернет» / С.А. Бирмамитова // Проблемы уголовной ответственности и наказания : сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова (Рязань, 30 мая 2025 года). – Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2025. – С. 63-66.
3. Волколупова, В.В. Уголовно-правовое противодействие пропаганде наркотиков: проблемы и перспективы / В.В. Волколупова // International Law Journal. – 2026. – Т. 9. – N 1. – С. 72-78.
4. Воспякова, О.Ф. К вопросу о пропаганде и рекламе незаконного оборота наркотиков / О.Ф. Воспякова, Д.А. Свиридов // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2024. – N 1. – С. 136-139.
5. Дворянсков, И.В. Административная преюдиция в уголовном праве / И.В. Дворянсков // Пенитенциарная наука. – 2023. – Т. 17. – N 2. – С. 153-162.
6. Кривоносов, А.Д. Публичная среда и публичные коммуникации в эпоху интернета / А.Д. Кривоносов // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – N 1. – С. 68-74.
7. Маллекер, Д.И. Пропаганда наркотиков: прогностическая оценка результатов криминализации и перспективы совершенствования уголовного закона / Д.И. Маллекер // Труды Академии управления МВД России. – 2025. – N 1(73). – С. 54-66.
8. Мамай, Е.А. К вопросу о противодействии пропаганде наркотиков в искусстве / Е.А. Мамай // Актуальные проблемы уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики Российской Федерации на современном этапе : материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В.И. Горобцова (Красноярск, 19 октября 2023 г.) / отв. ред. Н.Н. Цуканов. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2023. – С. 194-199.
9. Токманцев, Д.В. Криминологическая и уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 228 УК РФ : учебное пособие / Д.В. Токманцев, И.Н. Заварыкин. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2026. – 54 с.
10. Чуешов, К.В. К вопросу о совершенствовании правового регулирования противодействия рекламе и пропаганде наркотиков / К.В. Чуешов // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2023. – N 16. – С. 118-125.

Андрей Владимирович МОРОЗОВ,

заместитель начальника Управления по борьбе
с преступлениями в сфере незаконного оборота
наркотиков синтетического происхождения
и прекурсоров ГУНК МВД России (г. Москва),
кандидат юридических наук

amorozov@mvd.ru

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УСИЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ
ЗА ОБОРОТОМ ПРЕКУРСОРОВ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В РОССИИ**

**ON CERTAIN ISSUES OF STRENGTHENING CONTROL OVER
THE CIRCULATION OF PRECURSORS OF NARCOTIC DRUGS
AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES IN RUSSIA**

Автором обращено внимание на необходимость усиления мер контроля за прекурсорами с целью противодействия незаконному производству наркотиков, критически рассматриваются некоторые современные уголовно-правовые и административно-правовые санкции за совершение правонарушений в этой сфере, предлагаются нормативные правовые пути решения имеющихся проблем.

The author draws attention to the need to strengthen control measures over precursors in order to counteract the illicit production of narcotic drugs. The paper critically examines certain contemporary criminal law and administrative law sanctions for committing offences in this sphere and proposes regulatory and legal ways to address the existing problems.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, Конвенция 1988 года, незаконное наркопроизводство, прекурсоры, законодательство в сфере оборота наркотиков, штраф, размеры прекурсоров, уголовная политика, уголовный кодекс, административное законодательство, наркопреступления, усиление мер контроля за оборотом прекурсоров.

Keywords: illicit drug trafficking, the 1988 Convention, illicit drug manufacture, precursors, drug control legislation, fine, precursor quantities, criminal policy, Criminal Code, administrative legislation, drug-related crimes, strengthening control measures over precursor circulation.

Проблемы, связанные с незаконным оборотом наркотиков¹, для государств, общества и отдельных граждан не перестают терять актуальности, поэтому противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов² уголовно-правовыми средствами является одним из главных направлений обеспе-

чения национальной безопасности России на современном этапе развития [подр.: 1, с. 73].

Так, ежегодно в России правоохранительными органами выявляется около 200 тыс. преступлений, связанных с НОН³, высоки показатели количества пациентов с психическими расстройствами, связанными с потреблением наркотиков (в 2024 г. –

1 Далее – НОН.

2 Далее – НС и ПВ.

3 Подпункт «а» п. 7.1 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 23.11.2020 N 733.

377,9 тыс. человек, или 258,6 случая на 100 тыс. человек)¹, количества случаев отравления наркотиками (в 2024 г. составило 15,9 случая на 100 тыс. человек)² и числа умерших вследствие отравления наркотиками (в 2024 г. превысило 7,9 тыс. человек)³.

При этом одной из угроз национальной безопасности в сфере оборота наркотиков остается увеличение предложения на рынке сбыта (в целях незаконного потребления) синтетических наркотиков, произведенных на территории Российской Федерации с применением веществ, часто используемых при производстве, изготовлении и переработке НС и ПВ и находящихся в законном обороте, а также рост спроса на такие наркотики⁴, то есть незаконное производство синтетических наркотиков и рост их массы в теневом обороте подрывают безопасность нашей страны. Причем, несмотря на суровость возможной уголовной ответственности и принимаемые меры профилактического характера, популярность незаконного производства синтетических наркотиков в России не ослабевает, растет количество мест их незаконного производства и количество совершенных преступлений [5, с. 99].

Так, 20 февраля 2026 г. на хуторе Раково-Таврический Кагальницкого района Ростовской области в домовладении, арендованном ранее судимыми М. и Б., выявлена подпольная лаборатория по производству синтетических наркотиков. Изъято 164,7 килограмма мефедрона, 307 канистр общим объемом 3000 литров с раз-

личными прекурсорами и другими химическими веществами, а также лабораторное оборудование, используемое для производства наркотиков⁵.

Негативные тенденции в этой сфере, происходящие в последние 10 лет, подтверждает официальная статистика⁶, уверенно демонстрирующая рост выявления фактов незаконного производства основных видов синтетических наркотиков (мефедрон, производные N-метилэфедрона, метадон, амфетамин) внутри страны. Так, с 2016 г. по 2025 г. такой рост произошел в 14,7 раза (с 66 до 969 наркопреступлений) (диаграмма 1).

Необходимо отметить, что угрозы от незаконного производства синтетических наркотиков волнуют мировое сообщество уже достаточно давно.

Так, в 1988 г. в г. Вене на Конференции ООН принята Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, в которой отмечен рост подпольного производства НС и ПВ⁷. При-

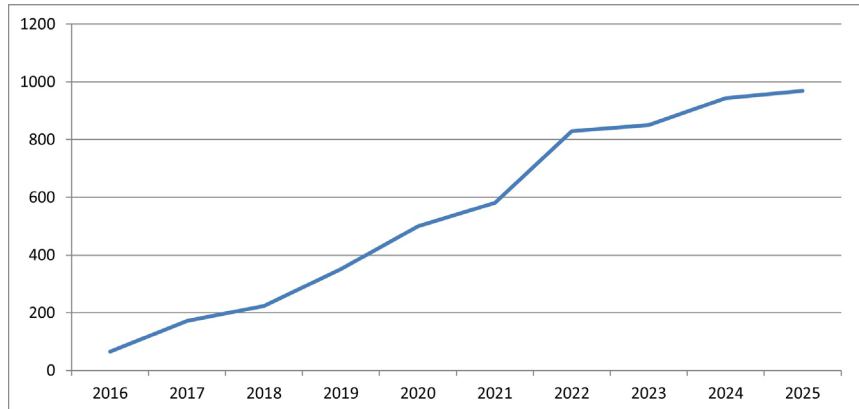

Диаграмма 1. Количество выявленных правоохранительными органами России фактов наркопроизводства (2016-2025 гг.)

1 Подпункт «в» п. 7.1 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года.

2 Подпункт «ж» п. 7.1 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года.

3 Подпункт «з» п. 7.1 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года.

4 Подпункт «д» п. 9 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года.

5 По материалам уголовного дела N 12601600035000001, возбужденного 06.03.2026 по ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ.

6 Сервис ведомственной правовой статистики ИСОД МВД России (форма «1-МВ-НОН» код 171) за 2016-2025 гг.

7 Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 20.12.1988). Далее – Конвенция.

чина этого связывается с легкодоступностью и отсутствием необходимых мер контроля за некоторыми веществами, в том числе прекурсорами. Обращено внимание стран на необходимость контролировать не только оборот самих наркотиков, но и веществ, используемых при их изготовлении. Это положение было внесено в ст. 12 Конвенции («вещества, часто используемые при незаконном изготовлении наркотических средств или психотропных веществ») [6, с. 2].

Как итог – Конвенция утвердила перечень контролируемых прекурсоров (таблицы 1 и 2), а также обязала все ратифицировавшие ее страны признать преступлением изготовление, транспортировку, распространение или владение веществами, указанными в этом перечне, если известно, что они предназначены для использования в целях незаконного производства или изготовления НС и ПВ¹, то есть ввела уголовную ответственность за незаконный оборот прекурсоров.

Примечательно, что Конвенция также обратила внимание стран на необходимость применения более суровых санкций в случаях совершения таких преступлений повторно, в составе организованных групп, с применением оружия или насилия, должностным лицом, с использованием несовершеннолетних, в общественных местах или в непосредственной близости от них, в местах, которые используются школьниками или студентами для проведения учебных, спортивных и общественных мероприятий².

Конвенция ратифицирована СССР и вступила в силу для СССР 17 апреля 1991 г.³. В дальнейшем правопреемницей СССР – Российской Федерацией в 1998 г. законодательно закреплено понятие прекурсоров НС и ПВ (вещества, часто используемые

при производстве, изготовлении, переработке НС и ПВ, включенные в Перечень НС и ПВ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Конвенцией Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года)⁴.

Между тем, несмотря на то что организация надлежащего контроля за оборотом прекурсоров в целях предупреждения поступления данных веществ в незаконный оборот ограничивает развитие сырьевой базы нелегального производства и изготовления НС и ПВ, а в конечном итоге способствует выработке адекватных мер противодействия незаконному обороту прекурсоров, что является важнейшей составляющей механизма противодействия наркоугрозе [2, с. 20], целых 14 лет в России законодательство в сфере оборота прекурсоров и, соответственно, разработка мер государственного контроля дальнейшего развития не получили.

Конкретные изменения в уголовной политике России в части незаконного оборота прекурсоров произошли лишь в 2012 г.⁵, закрепив уголовную ответственность за их незаконный оборот (незаконные приобретение, хранение, перевозка, производство, сбыт или пересылка, ст. 228.3, 228.4 УК РФ), а также сами перечни подконтрольных прекурсоров⁶. Эти нормы в тот период, как и санкция за наркопроизводство в особо крупном размере, предусматривающая до 20 лет лишения свободы, явились своевременным и адекватным ответом наркобизнесу на рост незаконного производства синтетических наркотиков.

1 Подпункт «а» п. 1 ст. 3 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

2 Пункт 5 ст. 3 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

3 О ратификации Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ : постановление Верховного Совета СССР от 09.10.1990 N 1711-1.

4 О наркотических средствах и психотропных веществах : Федеральный закон от 08.01.1998 N 3-ФЗ, ст. 1.

5 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 01.03.2012 N 18-ФЗ.

6 О внесении изменений в некоторые постановления Правительства Российской Федерации по вопросам, связанным с оборотом наркотических средств и психотропных веществ : постановление Правительства РФ от 01.10.2012 N 1003.

Однако практика привлечения к уголовной ответственности за незаконное распространение прекурсоров оставалась крайне низкой [1, с. 107], опыт и навыки привлечения к уголовной ответственности по новым статьям УК РФ у правоохранительных органов сформировались далеко не сразу. При этом, как показывает официальная статистика¹, в последние годы прослеживается существенное наращивание усилий правоохранительных органов, в том числе и сотрудников МВД России, на данном направлении оперативно-служебной деятельности (диаграммы 2, 3).

Анализируя эти важные статьи УК РФ, обратим внимание на достаточно мягкие санкции.

Так, ч. 1 ст. 228.3 УК РФ максимально предусматривает штраф до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до девяти месяцев, либо обязательные работы на срок до 180 часов, либо исправительные работы на срок до одного года, либо ограничение свободы на срок до одного года. Часть 2 ст. 228.3 УК РФ максимально – штраф до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от девяти месяцев до одного года, либо обязательными работами на срок до двухсот сорока часов, либо исправительные работы на срок до двух лет, либо ограничение свободы на срок до двух лет, либо лишение свободы на тот же срок. Часть 1 ст. 228.4 УК РФ максимально – ограничение свободы на срок до четырех лет либо лишение свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за пе-

риод до девяти месяцев либо без такового. Часть 2 ст. 228.4 УК РФ – лишение свободы на срок до восьми лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от девяти месяцев до одного года либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

Как видно, максимальный размер штрафа по этим статьям в размере всего лишь 500 тысяч рублей для наркодиллеров, получающих миллионные, а порою и миллиардные доходы, не может расцениваться как адекватное содеянному и справедливое наказание.

Кроме того, с 2012 г. (время принятия статей в УК РФ) с рублем в России прои-

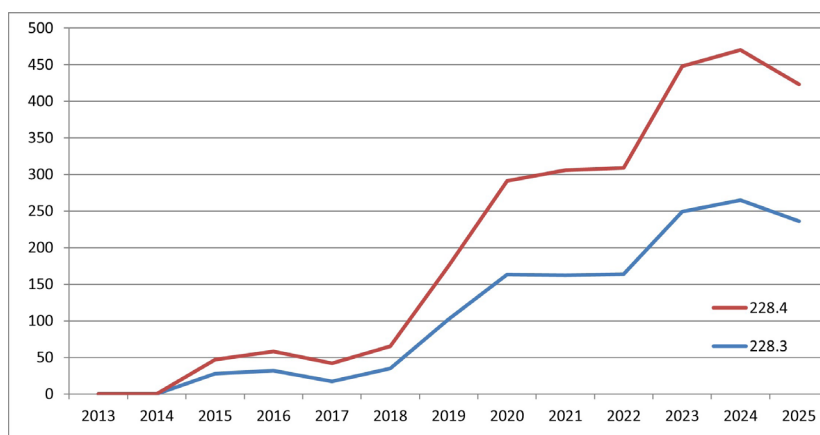

Диаграмма 2. Количество преступлений, выявленных правоохранительными органами России по ст. 228.3 и 228.4 УК РФ (2013-2025 гг.)

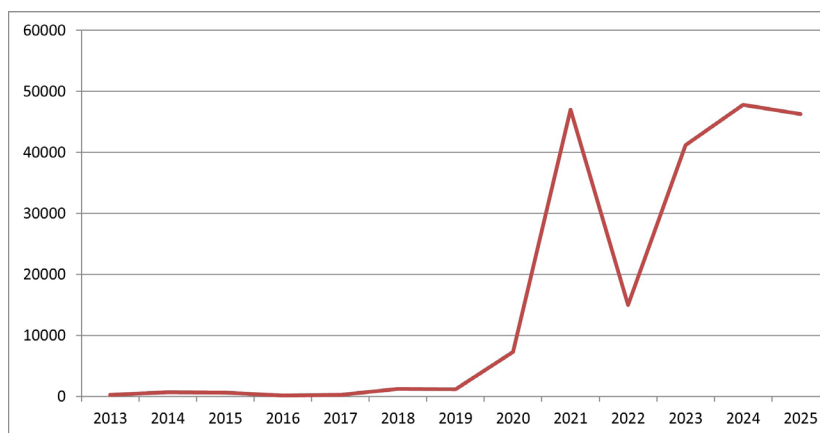

Диаграмма 3. Количество прекурсоров, изъятых правоохранительными органами России (кг) (2013 по 2025 гг.)

¹ Сервис ведомственной правовой статистики ИСОД МВД России (форма «1-МВ-НОН» код 171, форма 3-МВ-НОН код 173) за 2013-2025 гг.

зошли серьезные инфляционные процессы. Так, по данным интернет-площадок calcus.ru, уровень-инфляции.рф, 1000bankov.ru¹ инфляция за 14 лет составила 170%, между тем индексация вышеуказанных размеров штрафов ни разу не производилась.

Полагаю, что с учетом этого, а также современных экономических трудностей, связанных с санкционной политикой недружественных России стран, размеры таких штрафов за преступления, связанные с незаконным оборотом прекурсоров, должны быть увеличены в 10 раз, т.е. максимальный штраф по ч. 1 ст. 228.3 УК РФ должен равняться 30 тысячам рублей, а по ч. 2 ст. 228.4 УК РФ – 5 млн рублей.

Обращаясь еще раз к этим статьям, отмечая, что требования Конвенции в них выполнены лишь частично. Так, отсутствуют такие квалифицирующие признаки, отягчающие ответственность, как совершение таких преступлений повторно, с применением оружия или насилия, с использованием несовершеннолетних, в общественных местах или в непосредственной близости от них; в местах, которые используются школьниками или студентами для проведения учебных, спортивных и общественных мероприятий.

В современных условиях наркопреступления все чаще совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что существенно затрудняет работу правоохранительных органов по сбору необходимых доказательств. Не отстают от этих тенденций и преступления в сфере незакон-

ного оборота прекурсоров, поэтому новым квалифицирующим признаком, отягчающим уголовную ответственность, должно стать совершение такого преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

В связи со сложной связанной с НОН обстановкой в России в 2012 г.² законодателем существенно изменен уголовный закон³. Произошли изменения размеров НС и ПВ при квалификации противоправных действий, связанных с НОН [3, с. 339]. Важной составляющей этой правовой реформы стала классификация размеров не на две категории (крупный и особо крупный), а на три (значительный, крупный и особо крупный)⁴ и, соответственно, усиление и самой ответственности за совершение действий с наркотиками в особо крупном размере. При выявлении фактов НОН в размерах наркотиков, не достигших значительного (по умолчанию – незначительный размер), предусматривается административная ответственность (ст. 6.8 КоАП РФ).

Однако, эта важная правовая реформа не коснулась прекурсоров, размеры которых для целей УК РФ сохраняются с 2012 г. до настоящего времени по классификации лишь с двумя размерами (крупный и особо крупный)⁵ в отличие от наркотиков.

Так, для незаконного производства амфетамина основным прекурсором в синтезе является 1-фенил-2-нитропропен, для которого законодателем установлен крупный размер – 1,5 грамма и особо крупный размер – свыше 250 грамм. В случаях изъятия

1 URL: <https://calcus.ru/inflyaciya?input=bW9udGgxPTErmeWVhcjE9MjAxMiZtb250aDI9NiZ5ZWYyMDI2,https://уровень-инфляции.рф/инфляционные-калькуляторы?ysclid=mpwnyd2bn1471648647,https://1000bankov.ru/services/inflation-calc/>. (дата обращения: 04.06.2026).

2 Более 100 тыс. человек привлечено к уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков в 2012 году. URL: <https://www.garant.ru/news/446918/>. (дата обращения: 04.06.2026).

3 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 01.03.2012 N 18-ФЗ.

4 Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 01.10.2012 N 1002.

5 Об утверждении крупного и особо крупного размеров прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, для целей статей 228.3, 228.4 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 08.10.2012 N 1020.

такого вещества в размере 1 килограмма, 10 килограммов, 100 килограммов или 1 тонны уголовная ответственность будет аналогична изъятию 251 грамма вещества, что очевидно существенно несоразмерно содеянному.

Для административных правонарушений, связанных с прекурсорами, используемыми в незаконном обороте, но в размере меньше крупного (видимо, должно применяться понятие размера – «некрупный»), с 2012 г. предусмотрена санкция КоАП РФ (ст. 6.16.1) в виде ареста до 15 суток или штрафа максимально до 5 тысяч рублей, что, как отмечено выше, также является не соответствующей инфляционным процессам, происходящим в России с 2012 г., суммой.

Рассматривая вопросы усиления мер контроля за оборотом прекурсоров НС и ПВ с целью снижения опасности роста незаконного производства синтетических наркотиков, необходимо обратиться также к нормам права, регулирующим вопросы ответственности за нарушения в области легального оборота прекурсоров.

В УК РФ отдельная статья за такие правонарушения отсутствует, что существенно затрудняет какие-либо мониторинговые исследования и выработку прогнозов развития ситуации, на основе таких статистических показателей. Эти вопросы отнесены к общей с НС и ПВ проблеме в ст. 228.2 УК РФ, причем в названии которой («Нарушение правил оборота наркотических средств и психотропных веществ») сами прекурсоры не упоминаются. Санкция статьи предусматривает по ч. 1 120 тысяч рублей, а по ч. 2 – максимально до 300 тысяч рублей. Для УК РФ размеры таких штрафов, как и для ст. 228.3 и ст. 228.4 УК РФ, в очередной раз вызывают непонимание и сомнение в соразмерности и справедливости такого наказания.

Аналогично КоАП РФ не содержит отдельной статьи о нарушениях в сфере легального оборота прекурсоров, имеющаяся ст. 6.16 охватывает нарушения и в сфере оборота НС и ПВ. При этом обращают на себя введенные еще в 2012 г. и не индексированные с учетом прошедшей за 14 лет

инфляции санкции в виде штрафа для юридических лиц:

ч. 1 (для прекурсоров и НС и ПВ, включенных в список I и таблицу I списка IV Перечня¹) – до 400 тысяч рублей;

ч. 2 (для прекурсоров, включенных в таблицу II списка IV Перечня) – до 200 тысяч рублей;

ч. 3 (включенных в таблицу III списка IV Перечня) – до 100 тысяч рублей.

Сравнение санкций ст. 228.2 УК РФ и ст. 6.16 КоАП РФ снова обращает внимание на несоразмерность наказания совершенному деянию. Так, за совершение административного правонарушения, связанного с нарушением оборота прекурсоров, предусматривается максимальный штраф до 400 тысяч рублей, а за те же действия, но повлекшие по неосторожности причинение вреда здоровью человека или иные тяжкие последствия (ч. 2 ст. 228.2 УК РФ) – только 300 тысяч рублей.

Таким образом, в современных условиях ситуация, связанная с усилением мер контроля за оборотом прекурсоров, требует вмешательства со стороны законодателя:

во-первых, в УК РФ и КоАП РФ уголовная и административная ответственности за нарушения в сфере оборота прекурсоров должны быть выделены в отдельные статьи, например 228.2.1 УК РФ и ст. 6.16.2 КоАП РФ;

во-вторых, в ч. 2 (или 3) ст. 228.4 УК РФ должны быть предусмотрены дополнительные условия (в случаях совершения таких преступлений: повторно, с применением оружия или насилия, с использованием несовершеннолетних, в общественных местах или в непосредственной близости от них, в местах, которые используются школьниками или студентами для проведения учебных, спортивных и общественных мероприятий, с использованием информационно-телекоммуникационных технологий), при которых санкция статьи усиливается;

в-третьих, размеры прекурсоров для целей УК РФ должны быть пересмотрены под классификацию, используемую законодателем для НС и ПВ. Это значительный, крупный и особо крупный размеры с соответству-

1 Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 30.06.1998 N 681.

ющим усилением санкций (незначительный размер останется для целей КоАП РФ);

в-четвертых, по всем правонарушениям, связанным с легальным и незаконным оборотом прекурсоров НС и ПВ, санкции в виде штрафов должны быть увеличены с учетом инфляции в стране и степени общественной опасности содеянного. Например, по ч. 2 ст. 228.4 УК РФ – до 5 млн рублей, а по ч. 2 ст. 228.2 УК РФ – до 3 млн рублей.

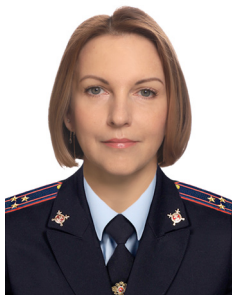
Полученные в итоге денежные средства будут совершенно не лишними в условиях санкционного давления недружественных стран и существенно пополнят федеральный бюджет Российской Федерации для возможного использования в дальнейшем правоохранительными органами в сфере борьбы с современным наркобизнесом.

Библиографический список

1. Волынкин, Е.Н. Противодействие незаконному обороту прекурсоров и химических веществ, используемых при незаконном изготовлении наркотических средств и психотропных веществ в рамках международного сотрудничества / Е.Н. Волынкин // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2022. – N 1. – С. 106-112.
2. Карпов, Я.С. О противодействии незаконному обороту прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ / Я.С. Карпов // Наркоконтроль. – 2013. – N 3. – С. 19-22.
3. Кулешова, А.Н. Содержание понятия «размер наркотического средства» на разных этапах развития уголовно-правового законодательства Российской Федерации / А.Н. Кулешова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – N 4(26). – С. 1-4.
4. Морозов, А.В. Контроль над инструментами или оборудованием, используемыми для незаконного производства и изготовления наркотических средств и психотропных веществ: постановка проблемы / А.В. Морозов // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – N 1(65). – С. 95-103.
5. Мясников, В.В. Проблемные вопросы квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (по материалам судебной практики Верховного Суда Российской Федерации) / В.В. Мясников, В.В. Мясников // Юристь – Правоведь. – 2017. – N 1(80). – С. 73-78.
6. Правовое регулирование оборота прекурсоров в России / А.Ю. Абрамов, Н.В. Косолапова, Ю.В. Михайлова, С.В. Тхай // Социальные аспекты здоровья населения. – 2013. – N 5(33). – С. 1-8.

УДК 342.9

Анастасия Борисовна БУДНИКОВА,

заместитель начальника кафедры
административного права и административной
деятельности органов внутренних дел
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск),
кандидат юридических наук
kr9082009866@gmail.com

**ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН
К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОТРЕБЛЕНИЕ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ
БЕЗ НАЗНАЧЕНИЯ ВРАЧА**

**ON CERTAIN ISSUES RELATED TO BRINGING FOREIGN CITIZENS
TO THE ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR USING NARCOTIC DRUGS
AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES WITHOUT A DOCTOR'S PRESCRIPTION**

В статье рассматриваются отдельные аспекты привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства к административной ответственности за незаконное употребление наркотических средств и психотропных веществ. Автором исследуются вопросы квалификации действий лиц, потреблявших наркотики за рубежом, рассматриваются процессуальные, организационные и финансовые проблемы осуществления производства по делам об административных правонарушениях указанной категории. На основе анализа нормативных правовых актов и правоприменительной практики предлагаются варианты решения выявленных проблем, в том числе путем применения современных цифровых технологий.

The article considers specific aspects of bringing foreign citizens to the administrative liability for illegal use of narcotic drugs and psychotropic substances. The author examines the issues of qualifying actions of persons who used drugs abroad and examines the procedural, organizational, and financial problems of conducting proceedings on administrative offenses of this category. Based on an analysis of regulatory legal acts and law enforcement practice, solutions are proposed, including the use of modern digital technologies.

Ключевые слова: потребление наркотиков без назначения врача, административная ответственность, иностранные граждане, переводчик, современные цифровые технологии.

Keywords: using drugs without a doctor's prescription, administrative liability, foreign citizens, interpreter, modern digital technologies.

Осуществление производства по делам об административных правонарушениях, состоящих в потреблении иностранными гражданами и лицами без гражданства (далее – иммигранты) наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача (далее – незаконное наркопотребление) представляет собой особую категорию правоприменительной практики, которая осложняется сразу несколькими факторами: пересечением норм административного и миграционного права, наличием специальных требований к осуществлению административных процедур, возможностью применения административного наказания в виде выдворения.

К материальным аспектам привлечения иммигрантов к административной ответственности за незаконное наркопотребление следует отнести вопрос квалификации действий лица, у которого при проведении процедуры медицинского освидетельствования¹ в организме обнаружены метаболиты наркотических средств, ранее потребленных им на территории другого государства. В текущий момент не существует единого правила для разрешения данного вопроса. Предложение отдельных ученых о дополнении ст. 6.9 КоАП РФ деянием, состоящим в нахождении лица в состоянии наркотического опьянения [1, с. 323] следует рассматривать критически, поскольку подобное нововведение может привести к нарушению принципа субъективного вменения. Ведь иммигрант может пребывать в состоянии опьянения в результате легального потребления соответствующего психоактивного вещества по медицинским показаниям.

Анализ нормативных правовых актов и правоприменительной практики по данному вопросу позволяет выделить следующие исходные ситуации:

лицо потребило лекарственное средство, содержащее наркотики, по медицинским показаниям на территории иного государства, и данное лекарство входит в список разрешенных к применению² на территории России;

лицо потребило лекарственный препарат на территории иного государства в медицинских целях, однако данное вещество не входит в список препаратов, разрешенных для применения в медицинских целях в России (например, лицо получает метадонзаместительную терапию для лечения от наркомании в Беларуси, однако в России метадон запрещен для использования в медицине);

лицо потребило на территории другого государства вещества, не признаваемые там наркотическими, например беноциклидин на территории Кыргызской Республики;

лицо потребило наркотики на территории государства, где данное деяние не влечет какой-либо ответственности [1, с. 382];

лицо употребило наркотики на территории иного государства, где данное деяние является административно или уголовно наказуемым, после чего въехало на территорию Российской Федерации.

В первом и втором случае, при наличии подтверждающих медицинских документов, иммигрант не подлежит административной ответственности, и в отношении него не может быть принято решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации или о неразрешении въезда в Российскую Федерацию, поскольку наркосодержащий лекарственный препарат употреблялся по назначению врача. Проблема возникает лишь при отсутствии надлежащих медицинских документов: если лицо не может предоставить рецепт или выписку, подтверждающую назначение врача иного государства, возникает риск депортации или привлечения к административной ответственности, поскольку доказывание медицинской необходимости ложится на самого потребителя.

В третьей и четвертой ситуациях, учитывая положения ч. 1 ст. 1.8 КоАП РФ, при неподтверждении факта потребления наркотиков на территории Российской Федерации [2, с. 103-105], иммигрант не будет привлекаться к административной ответственности, поскольку действие административно-деликтного законодательства ограничивается только территорией России.

В пятом случае, согласно ч. 2 ст. 1.8 КоАП РФ, иммигрант может подлежать административной ответственности только при наличии международного договора с Россией, однако в настоящее время такие международные договоры отсутствуют. Негативным последствием незаконного наркопотребления для иммигранта в этом случае будет принятие в соответствии с п. 23 ст. 5 Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» решения о нежелательности пребывания (проживания) в

1 О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25.07.2002 N 115-ФЗ, п. 18.ст. 5.

2 Об утверждении перечня лекарственных средств для медицинского применения, подлежащих предметно-количественному учету : приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 01.09.2023 N 459н.

Российской Федерации или о неразрешении въезда в Российскую Федерацию.

Таким образом, при квалификации действий иммигранта решающим фактором является не обнаружение метаболитов наркотических средств и психотропных веществ, а наличие доказательств того, что незаконное наркопотребление было совершено именно на территории Российской Федерации.

Вторая проблема касается порядка направления и проведения медицинского освидетельствования иммигрантов при решении вопроса о возбуждении дела об административном правонарушении по ст. 6.9 КоАП РФ. Согласно инструктивному письму Главного управления по контролю за оборотом наркотиков МВД России от 13 февраля 2025 г. N 8/7-1540 «О принятии решений о неразрешении въезда в Российскую Федерацию в отношении лиц, причастных к НОН» при поступлении в полицию информации о выявлении по результатам медицинского освидетельствования¹ иммигранта фактов наличия в организме метаболитов наркотиков сотрудниками подразделений по контролю за оборотом наркотиков должны быть приняты меры по установлению места нахождения лица и направлению его на медицинское освидетельствование в порядке ст. 44 Федерального закона от 8 января 1998 г. N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (далее – ФЗ о наркотиках).

В этой связи возникает вопрос о процедуре применения данной меры принуждения. С одной стороны, ни ФЗ о наркотиках, ни приказ Минздрава России от 29 апреля 2025 г. N 262н² не содержат требований об участии переводчика как при направлении лица на медицинское освидетельствование, так и при проведении самой процедуры исследования. Вместе с тем проведение этой процедуры

включает не только осмотр врачом-специалистом и забор биологических образцов, но и обязательное информирование лица о целях и основаниях процедуры, разъяснение его прав, включая право отказаться от медицинского освидетельствования с соответствующими юридическими последствиями. Для иммигранта, не владеющего русским языком, без участия переводчика такой информационный обмен становится проблемой.

Часть 2 ст. 24.2 КоАП РФ гарантирует право иммигранта, не владеющего языком судопроизводства, пользоваться услугами переводчика, но только в рамках производства по делам об административных правонарушениях. При направлении лица на медицинское освидетельствование в соответствии со ст. 44 ФЗ о наркотиках дело об административном правонарушении не считается возбужденным, поскольку данная мера формально не является мерой обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Таким образом, мы имеем ситуацию правовой неопределенности, при которой медицинское освидетельствование может быть проведено без участия переводчика, поскольку обязательность его присутствия не закреплена нормативно.

Последствия такой ситуации неоднозначны. Если иммигрант проходит медицинское освидетельствование, не понимая его сути, а анализ подтверждает наличие метаболитов наркотиков, у должностных лиц ОВД и судей, рассматривающих дело об административном правонарушении, возникает вопрос о добровольности и осознанности его действий. Аналогичный вопрос возникает и при отказе иммигранта пройти медицинское освидетельствование: понимало ли лицо существо применяемой к нему меры принуждения и содержание юридических последствий

1 Медицинское освидетельствование, проводимое в соответствии с п. 18 ст. 5 Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

2 Об утверждении порядка проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), включающего определение клинических признаков опьянения и правила химико-токсикологических исследований, а также критерии, при наличии которых имеются достаточные основания полагать, что лицо находится в состоянии опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствование, учетной формы Акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), а также формы и порядка ведения журнала регистрации медицинских освидетельствований на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) : приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 29.04.2025 N 262н.

невыполнения требования о ее прохождении.

Учитывая, что в судебной практике последних лет усиливается тренд на признание недопустимыми доказательств, полученных с нарушением прав участников производства, полагаем, что участие переводчика при применении мер административного принуждения, результаты которых могут быть использованы в качестве доказательств по делам об административных правонарушениях, является обязательным.

Возникает проблема и определения процессуального статуса переводчика в момент его работы в ходе проверки заявления (сообщения) об административном правонарушении до возбуждения дела, поскольку в КоАП РФ отсутствует понятие «консультант-лингвист». Полагаем, что целесообразным является дополнение ст. 25.10 КоАП РФ нормой о том, что лицо, привлекаемое для перевода на этапе проверки заявления (сообщения, информации) о правонарушении, назначается по решению должностного лица, пользуется правами, осуществляет обязанности, предусмотренные указанной статьей КоАП РФ, и несет ответственность за заведомо ложный перевод в порядке, установленном ст. 17.9 КоАП РФ.

Проблему привлечения переводчика при проведении медицинского освидетельствования для установления (подтверждения) фактов незаконного наркопотребления следует рассматривать также в организационном и финансовом аспектах.

В организационном аспекте поиск и обеспечение участия переводчика ложатся на органы внутренних дел и их должностных лиц как инициаторов применения меры принуждения. Отсутствие нормативно закрепленных требований к наличию лингвистического образования позволяет привлекать в качестве переводчика лиц, которые долгое время проживают в России и владеют двумя и более языками, причем зачастую эти лица являются знакомыми самого иммигранта. Однако возникает вопрос о достоверности осуществленного таким лицом перевода, особенно в части юридических и медицинских терминов. Как верно отмечают С. Н. Чмырев, Н. В. Са-

восина и др., переводчик должен обладать не только значительным словарным запасом, но и определенными познаниями в области специальной терминологии, встречающейся в переводимом тексте [6, с. 226]. Оперативно же проверить правильность, точность и полноту перевода для сотрудника полиции зачастую не представляется возможным в связи с отсутствием у него знаний иностранного языка.

С другой стороны, использование в качестве переводчиков только специалистов-лингвистов создает трудности в обеспечении фактического участия таких лиц, особенно в ночное время [5, с. 90], в выходные и праздничные дни, а также в небольших населенных пунктах и в удаленной и труднодоступной местности.

Привлечение специалистов-лингвистов в качестве переводчиков влечет за собой и финансовые вопросы: кем и в каком размере должна оплачиваться работа такого специалиста, поскольку к издержкам по делу об административном правонарушении в соответствии со ст. 24.7 КоАП РФ оплату его участия отнести невозможно (как уже указывалось выше, формально дело не считается возбужденным). Действующее постановление Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. N 1240 «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с уголовным судопроизводством, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации» также не регламентирует данные вопросы, распространяя свое действие на административные дела, рассматриваемые в соответствии с Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации.

В настоящее время вышеобозначенная проблема не имеет нормативно закрепленного решения и требует подготовки и принятия соответствующих правовых актов, что отмечается некоторыми учеными-административистами [4, с.113]. С учетом развития

современных цифровых технологий видится целесообразным использование «онлайн переводчиков» как для осуществления перевода речи, так и для перевода документов (постановления о направлении на медицинское освидетельствование, акта медицинского освидетельствования), с обязательной видеозаписью процедуры применения данной меры принуждения.

В качестве временной меры, пока не принят соответствующий нормативный правовой акт, полагаем, что возможно использование механизма государственного заказа. Органы внутренних дел и их должностные лица, осуществляющие проверку информации об административном правонарушении для решения вопроса о возбуждении дела, могут инициировать заключение соглашения с индивидуальными предпринимателями и организациями на оказание услуг по осуществлению переводов. Расходы по таким соглашениям должны относиться к расходам на содержание органов внутренних дел, а не к процессуальным издержкам по конкретному делу об административных правонарушениях, что позволит избежать коллизии со ст. 24.7 КоАП РФ, тем более что по результатам проведенной проверки может быть принято решение и об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, например, в связи с неподтверждением факта незаконного употребления иммигрантом наркотика.

Определенные трудности по-прежнему создает установление места нахождения иммигранта после получения должностными лицами ОВД акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения, которым подтвержден факт незаконного наркопотребления, для последующего составления протокола и рассмотрения дела об административном правонарушении. С 1 июля 2025 г.¹ способом решения данной проблемы стало участие лица с использованием видео-конфе-

ренц-связи (далее – ВКС) и веб-конференции (далее – ВБК).

Однако в этой связи возникают проблемы идентификации иммигрантов, участвующих при составлении протоколов по делам об административных правонарушениях и рассмотрении дел об административных правонарушениях в формате ВКС и ВБК. Так, рассмотрение судами дел об административных правонарушениях с использованием ВКС на практике чаще всего реализуется в отношении иммигрантов, помещенных в Центры временного содержания иностранных граждан (далее – ЦВСИГ). Вторым участником ВКС в этом случае выступает соответствующий ЦВСИГ, должностное лицо которого в дальнейшем и будет устанавливать и подтверждать личность иммигранта. При проведении подключения в формате ВБК для подтверждения личности иммигранта может использоваться единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА) – логин и пароль, код из сообщения, либо электронный ключ. В этой связи следует отметить, что часть иммигрантов в настоящее время не имеет регистрации в ЕСИА, поскольку данная процедура является добровольной. Полагаем, что решению этой проблемы будет способствовать введение в действие государственного информационного ресурса «Цифровой профиль иностранного гражданина»², включающего в себя в том числе биометрические данные иммигрантов.

Следует отметить проблему легитимности постановлений по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 6.9 и ч. 3 ст. 20.20 КоАП РФ, и дальнейшее исполнение назначенных иммигранту административных наказаний в виде административного ареста и административного выдворения. Статья 25.1 КоАП РФ предусматривает обязательность участия лица, привлекаемого к административной ответственности, при рассмотрении дел об административных правонарушениях, влекущих

1 О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 07.04.2025 N 59-ФЗ.

2 Об утверждении состава сведений, предоставляемых органами и организациями для включения в государственный информационный ресурс «Цифровой профиль иностранного гражданина», Правил формирования и ведения государственного информационного ресурса «Цифровой профиль иностранного гражданина», а также Правил доступа к сведениям, содержащимся в государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина» : постановление Правительства РФ от 12.06.2026 N 735.

назначение указанных наказаний. Полагаем, что обязательность присутствия лица при рассмотрении такой категории дел обусловлена необходимостью более тщательного исследования доказательств, в том числе оценки состояния лица на момент назначения административного наказания (например, в части наличия или отсутствия у лица заболеваний, препятствующих исполнению административного ареста, в части возможности замены административного выдворения на административный штраф по основаниям, указанным в ч. 3.8 ст. 4.1 КоАП РФ). В этой связи возникает вопрос – можно ли рассматривать участие иммигранта в рассмотрении дела посредством ВКС или ВБК как исполнение требований, закрепленных в ст. 25.1 КоАП РФ?

С одной стороны, лицо, объективно лишенное возможности явиться лично (например, в связи с проживанием в другом населенном пункте, с нахождением в ЦВСИГ и др.), через ВКС или ВБК может в полном объеме осуществлять свои процессуальные права, давать показания, защищать себя. С другой стороны, существует проблема в установлении личности и идентификации лица, в обеспечении участия переводчика. Кроме того, при рассмотрении дела об административном правонарушении должна быть обеспечена непрерывная аудио- и видеотрансляция, позволяющая фиксировать каждое слово и реакцию сторон, без задержек и разрывов сигнала, что не всегда возможно по техническим причинам. С.Б. Пашенько предлагает в таком случае – при отключении или сбое в работе сети Интернет – установить дополнительные гарантии защиты прав участников производства по делам об административных правонарушениях [3, с. 145]. Возникают вопросы и технического исполнения назначенного судом административного ареста, поскольку постановление судьи об

административном аресте подлежит немедленному исполнению.

Думается, что технологии ВКС и ВБК при грамотном применении могут служить эффективной заменой личного участия иммигранта при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях, но только при условии, что их применение не превращается в фикцию. Главнейшим условием эффективной замены личного присутствия на участие с использованием ВКС и ВБК выступает не просто наличие технической возможности подключения, а создание целостной процессуальной основы. Законодатель должен четко определить, какие технические требования предъявляются к каналу связи (например, минимальное качество изображения, звука, предельно допустимая задержка сигнала, необходимость дублирования канала, необходимость записи проводимой процедуры, дальнейшее хранение этой записи). Только введение таких требований позволит надлежащим образом обеспечить соблюдение прав и свобод иностранного гражданина, в отношении которого ведется дело об административном правонарушении.

Таким образом, совершенствование нормативного правового регулирования привлечения иммигрантов к административной ответственности за незаконное наркопотребление должно идти по пути устранения юридических коллизий и пробелов, внедрения цифровых инструментов и технологий, направленных на обеспечение баланса между необходимостью противодействия распространению наркомании и соблюдением прав и свобод человека. Комплексное решение перечисленных проблем позволит не только повысить эффективность борьбы с наркотизацией населения, но и укрепить международный статус российской правовой системы.

Библиографический список

1. Анисифорова, М.В. Концептуальные основы административно-правового регулирования оборота наркотиков : дис. ... докт. юрид. наук: 5.1.2 / М.В. Анисифорова. – М., 2023. – 665 с.
2. Будникова, А.Б. О некоторых аспектах привлечения иностранных граждан к административной ответственности за потребление наркотических средств и психотропных веществ без назначения врача/ А.Б. Будникова // Актуальные проблемы полицейского права : материалы международной научно-практической конференции / пред. редкол. В.А. Гусев. – Омск: Омская академия МВД России, 2025. – С. 103-106.
3. Пашенько, С.Б. Некоторые вопросы цифровизации производства по делам об административных правонарушениях / С.Б. Пашенько // Правовая политика и правовая жизнь. – 2026. – N 1. – С. 141-148.
4. Свиных, О.Ю. Участие переводчика в производстве по делам об административных правонарушениях, рассматриваемых должностными лицами – военнослужащими пограничных органов федеральной службы безопасности / О.Ю. Свиных // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2016. – N 3(225). – С. 109-113.
5. Семионкина, Н.Г. Проблемы привлечения переводчика при производстве по делу об административном правонарушении / Н.Г. Семионкина // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2017. – N 4(73). – С. 89-92.
6. Участие переводчика по делам об административных правонарушениях, при привлечении к административной ответственности иностранных граждан и лица без гражданства на территории Российской Федерации / С.Н. Чмырев, Н.В. Савосина, Я.К. Евстафиади, М.С. Чмырев // Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств – участников СНГ : материалы ежегодной международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 25 октября 2019 г. / сост.: Р.Ю. Аврутин, О.С. Габова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – С. 219-227.

Виталий Фёдорович ВАСЮКОВ,

профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института
международных отношений (университета) МИД России,
доктор юридических наук, профессор
vvf0109@yandex.ru

Артём Сергеевич АГАФОНОВ,

доцент кафедры прокурорского надзора и участия
прокурора в рассмотрении гражданских и арбитражных
дел Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук
agafonov_1990@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОТОРГОВЛЕ, СОВЕРШАЕМОЙ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ФОРМИРОВАНИЯМИ

SOME ISSUES OF COMBATING DRUG TRAFFICKING COMMITTED BY ORGANIZED CRIMINAL GROUPS

Распространение синтетических опиоидов, цифровых способов сбыта и смешанных механизмов перемещения преступных доходов сопровождается изменением организации транснациональной наркоторговли. Показана связь между поставками прекурсоров, деятельностью подпольных лабораторий и финансовой инфраструктурой преступных формирований. Предложено использовать предметно ориентированные индикаторы риска, совместно анализировать товарные и денежные потоки, а также сохранять доказательственное значение цифровых и финансовых следов.

The spread of synthetic opioids, digital distribution methods and combined mechanisms for transferring criminal proceeds is changing the organization of transnational drug trafficking. The relationship between precursor supplies, clandestine laboratories and the financial infrastructure of criminal groups is examined. Substance-specific risk indicators, joint analysis of commodity and financial flows, and preservation of the evidentiary value of digital and financial traces are proposed.

Ключевые слова: наркоторговля, организованная преступность, синтетические опиоиды, отмывание денег, криптовалюты, международное сотрудничество, финансовый мониторинг.

Keywords: drug trafficking, organized crime, synthetic opioids, money laundering, cryptocurrencies, international cooperation, financial monitoring.

Распространение синтетических опиоидов изменило не только ассортимент нелегального рынка, но и саму организацию наркоторговли. По данным Системы раннего предупреждения Управления ООН по нар-

котикам и преступности (United Nations Office on Drugs and Crime, UNODC), к февралю 2026 г. в 37 государствах были выявлены 34 аналога нитазенов. Одновременно фиксировалось появление иной группы синтетических

опиоидов, которые не обнаруживаются стандартными тестами на фентанил и нитазены¹. Для правоохранительных органов это означает постоянное смещение предмета выявления, поскольку изменение химической формулы влияет на способы закупки сырья, маскировки готового вещества, проведения расчетов и доказывания его незаконного оборота.

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2025 г. были выявлены 214,8 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 8,4% превышает показатель 2024 г. Число установленных фактов сбыта достигло 158,7 тыс. и увеличилось на 17,6%². Между тем сведения о легализации денежных средств и иного имущества в федеральной статистической сводке приведены в общем массиве преступлений экономической направленности, без отдельного указания на доходы от наркоторговли. Подобное построение статистического учета не позволяет сопоставить масштабы незаконного сбыта с количеством выявленных фактов последующего введения полученных средств в легальный оборот, что затрудняет объективную оценку финансовой составляющей организованной наркопреступности.

При характеристике субъектов крупных поставок наркотических средств Д.З. Алилова обращает внимание на определяющую роль организованных групп и преступных сообществ [1, с. 228]. Применительно к синтетическому сегменту данное положение нуждается в уточнении. Устойчивость преступной деятельности здесь обеспечивается не обязательным сосредоточением всех функций в рамках одного формирования, а возможностью заменить изготовителя, курьера, администратора интернет-площадки или получателя платежей без прекращения остальных операций.

Подобная организация предполагает последовательное распределение функций между участниками, каждый из которых располагает сведениями лишь о порученном ему участке деятельности. Поставщик химических веществ может действовать через зарегистрированную коммерческую организацию, технолог одновременно обслуживать несколько подпольных производств, а сбытовая группа получать расфасованную продукцию, не располагая сведениями об источнике сырья. Такое распределение не исключает общего руководства, однако значительно усложняет его установление по результатам задержания отдельного курьера либо обнаружения одной лаборатории. Способность организованной преступности изменять внутреннее построение с учетом особенностей конкретного рынка обоснованно рассматривается как одно из условий ее устойчивости [6, с. 45].

Практическое подтверждение указанных особенностей содержится в материалах операции Fabryka, координируемой Агентством Европейского союза по сотрудничеству правоохранительных органов (European Union Agency for Law Enforcement Cooperation, Europol). За период с февраля 2025 г. по январь 2026 г. правоохранительные органы нескольких государств ликвидировали 24 промышленных лаборатории и изъяли около 1 тыс. тонн прекурсоров. Импорт и последующее распределение химических веществ обеспечивали семь зарегистрированных в Польше компаний, через которые осуществлялись поставки из Китая и Индии³. Эти сведения относятся к одной операции, однако наглядно показывают, каким образом внешне законный внешнеторговый оборот может использоваться для снабжения сети подпольных производств.

Для правоохранительных органов определяющее значение имеет не только объем

1 United Nations Office on Drugs and Crime. Increasing nitazene and orphine analogues (synthetic opioids) and the implications for the use of test strips. 25 February 2026. URL: <https://www.unodc.org/LSS/Announcement/Details/e69b2ff5-5b91-4eea-8e1f-802ca7ad5080> (accessed: 25.07.2026).

2 Министерство внутренних дел Российской Федерации. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025 года. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/16902466> (дата обращения: 25.07.2026).

3 Europol. 24 industrial-scale labs dismantled in the largest-ever operation against synthetic drugs. 21 January 2026. URL: <https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/24-industrial-scale-labs-dismantled-in-largest-ever-operation-against-synthetic-drugs> (accessed: 25.07.2026).

изъятых химических веществ, но и соотношение этого объема с заявленной хозяйственной деятельностью получателя. Необычно крупная партия соединения, применяемого в легальной промышленности, сама по себе не подтверждает его преступного назначения. Основание для углубленной проверки возникает при сопоставлении количества товара с производственными возможностями организации, назначением платежей, местами хранения, сведениями о перевозчиках и дальнейшим движением полученной продукции. По этой причине контроль прекурсоров не может ограничиваться формальной сверкой их наименований с перечнями запрещенных или ограниченных в обороте веществ.

С изложенным согласуется вывод А.В. Воронцова о необходимости учитывать взаимосвязь оперативной и доказательственной деятельности при противодействии организованной наркопреступности [3, с. 16]. Применительно к незаконному производству синтетических веществ такая взаимосвязь приобретает особое значение на первоначальном этапе. Сведения о приобретении таблетирующего пресса, реактора либо крупной партии растворителя сами по себе не подтверждают приготовление к незаконному сбыту. Вместе с данными о номинальном получателе, повторяющихся поставках, скрытом складе, технологических инструкциях и платежах связанным лицам они образуют фактическую основу версии, которая впоследствии проверяется процессуальными средствами.

Производство синтетических наркотиков не зависит от природного цикла и может быть размещено вблизи предполагаемого рынка сбыта, однако это не делает подпольную лабораторию автономной. Для ее работы требуются химические вещества, специальное оборудование, помещение, электроэнергия, подготовленный специалист и возможность удаления токсичных отходов. Каждая такая потребность оставляет самостоятельные сведения, а их сопоставление позволяет установить связи, которые не обнаруживаются при проверке только изъятого вещества или показаний задержанного участника.

Представление о синтетическом наркобизнесе как о полностью виртуальной преступной деятельности не соответствует способу его организации. Цифровая среда облегчает поиск исполнителей, передачу инструкций и прием платежей, однако изготовление сохраняет материальную основу, включающую сырье, оборудование, отходы, образцы вещества, транспорт и лиц, обладающих специальными познаниями. Поэтому переписка о поставке прекурсоров приобретает доказательственное значение не изолированно, а при совпадении ее содержания с маркировкой изъятой тары, временем перевозки, сведениями о плательщике и результатами химической экспертизы.

Сопоставляя зарубежные подходы к ответственности участников хозяйственного оборота, А.Г. Волеводз и А.Д. Цыплакова отмечают, что законодательство Объединенных Арабских Эмиратов допускает ответственность юридического лица за преступление, совершенное его представителем или работником при исполнении служебных обязанностей [2, с. 31]. В российском уголовном праве юридическое лицо субъектом преступления не признается. Согласно ст. 19 УК РФ уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее установленного законом возраста. Поэтому при использовании организации для приобретения и перемещения прекурсоров уголовно-правовой оценке подлежат действия учредителя, руководителя, работника либо иного лица, фактически принимавшего или исполнявшего соответствующие решения. Одновременно необходимо проверять порядок согласования поставок, содержание внутреннего контроля и осведомленность должностных лиц о назначении приобретаемых веществ.

Данный вывод получает развитие при оценке поставок, осуществляемых между государствами с различными режимами контроля химических соединений [8, с. 28]. Вещество может находиться под строгим контролем в стране назначения и обращаться на иных условиях в государстве происхождения. Поэтому запрос о правовой помощи должен

содержать сведения о роли конкретного соединения в установленной производственной цепочке, данные о получателе, назначении платежей, маршруте перевозки и операциях, которые необходимо проверить. Абстрактной ссылки на потенциальную опасность химического вещества в такой ситуации недостаточно.

Функциональное обособление участников отражается на содержании получаемых доказательств. Показания курьера обычно раскрывают место получения груза, способ связи с диспетчером и размер вознаграждения, но редко характеризуют происхождение вещества либо распределение выручки. Изъятый телефон может содержать псевдонимы и одноразовые учетные записи, которые не позволяют немедленно установить координатора. При таких обстоятельствах сведения о геолокации, времени соединений и движении денежных средств должны сопоставляться с записями видеонаблюдения, данными перевозчика, результатами осмотра упаковки и показаниями других лиц, поскольку ни один из названных источников не заменяет совокупной проверки.

При построении частной криминалистической методики С.И. Земцова связывает изменение механизма преступной деятельности с использованием цифровых средств, не отрицая при этом ее материальной основы [5, с. 9]. Такое положение применимо к бесконтактному сбыту наркотиков. Интернет-площадка, канал в мессенджере или автоматизированный сервис обеспечивают прием заказа и передачу платежных реквизитов, однако запрещенное вещество необходимо изготовить, расфасовать, переместить и разместить в определенном месте. По этой причине проверка цифрового аккаунта должна сопровождаться установлением маршрутов, происхождения упаковочного материала, мест съемки тайников и лиц, фактически перемещавших наркотические средства.

Обосновывая построение частной методики с учетом механизма конкретного преступления, С.И. Земцова предостерегает от использования универсального набора рекомендаций [4, с. 71]. Фентанил, нитазены и другие синтетические соединения различаются по исходным веществам, концентрации, форме готового продукта и возможностям лабораторного обнаружения. Единая проверочная модель не позволяет определить, какие сведения следует искать в документах поставщика, платежных операциях и цифровой переписке применительно к каждому веществу.

В апреле 2025 г. Министерство юстиции США (United States Department of Justice) сообщило о предъявлении обвинения предполагаемому оператору Nemesis Market. По версии обвинения, в период с 2021 г. по 2024 г. площадка обработала более 400 тыс. заказов, включая около 17 тыс. заказов на опиоиды, и обслуживала свыше 150 тыс. пользователей. В сообщении также указано на предоставление услуги смешивания криптовалюты, предназначенной для сокрытия происхождения платежей¹. Приведенные сведения отражают позицию обвинения и не заменяют судебного установления вины, однако позволяют определить объем цифровых и финансовых данных, подлежащих проверке.

Международная операция RapTor раскрывает значение сведений, сохраненных после прекращения деятельности интернет-площадок. В мае 2025 г. Агентство Европейского союза по сотрудничеству правоохранительных органов сообщило о 270 задержаниях в десяти государствах, произведенных по результатам анализа данных площадок Nemesis, Tor2Door, Bohemia и Kingdom Markets². Изъятие сервера или учетной записи в такой ситуации прекращает доступ к ресурсу, но не завершает проверку. Сохраненный массив используется для установления продавцов, покупателей, связанных платежей и фактических мест передачи наркотических средств.

1 United States Department of Justice. Iranian National Indicted for Operating Online Marketplace Offering Fentanyl and Money Laundering Services. 17 April 2025. URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/iranian-national-indicted-operating-online-marketplace-offering-fentanyl-and-money> (accessed: 25.07.2026).

2 Europol. 270 arrested in global dark web crackdown targeting online drug and criminal networks. 22 May 2025. URL: <https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/270-arrested-in-global-dark-web-crackdown-targeting-online-drug-and-criminal-networks> (accessed: 25.07.2026).

Вместе с тем техническая связь не подтверждает участия лица в организованном преступном формировании. Совпадение адреса электронной почты, криптографического адреса или сетевого идентификатора определяет направление дальнейшей проверки, но само по себе не раскрывает выполняемую роль. Необходимо установить, кто контролировал учетную запись, каким способом получал к ней доступ, какие операции совершал и насколько эти действия были согласованы с поведением других участников. Использование одного устройства несколькими лицами, передача реквизитов и несанкционированный доступ образуют самостоятельные версии, которые должны быть проверены до формулирования вывода о причастности конкретного лица.

Наиболее доступными для выявления остаются лица, непосредственно размещающие наркотические средства в тайниках или получающие платежи на предоставленные реквизиты. Установление такого исполнителя не раскрывает способ его вовлечения, источник партии, полномочия администратора и направление последующего движения денег. Поэтому содержание объявления о работе, обещанный размер вознаграждения, порядок получения заданий и действия при утрате связи должны проверяться наряду с конкретным эпизодом сбыта. Подобная проверка позволяет отделить механическое исполнение поручений от участия в управлении общей деятельностью.

Функция администратора цифровой площадки также не может определяться только наименованием учетной записи. Один сервис сводит продавца и покупателя, другой удерживает средства до подтверждения сделки, разрешает споры, устанавливает правила размещения товара и взимает комиссию. Эти различия влияют на объем осведомленности и характер содействия незаконному обороту. Проверке подлежат фактические полномочия, доступ к кошелькам, содержание переписки с продавцами, принятые меры после получения сообщений о продаже запрещен-

ных веществ и возможность исключить конкретного пользователя из системы.

Финансовая сторона наркоторговли нередко устанавливается после доказывания сбыта, хотя платежи, предшествующие изготовлению вещества, способны вывести проверку на организаторов раньше. Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force, FATF) относит к способам перемещения и сокрытия наркодоходов наличные расчеты, торговые операции, виртуальные активы, подставные компании и услуги профессиональных посредников¹. Данный перечень целесообразно использовать как совокупность возможных направлений проверки, поскольку в конкретной схеме несколько способов могут применяться последовательно.

Способы перемещения стоимости различаются прежде всего по месту возникновения проверяемой связи. При передаче наличных значение имеют встречи, перевозка и кассовые операции, при взаимозачете – отношения посредников и встречные обязательства, а торговая операция оставляет документы о товаре, цене, страховке и маршруте. Расчет в цифровом активе фиксируется записью транзакции и сведениями провайдера услуг. Такое различие не создает формальной классификации, а определяет круг данных, способных подтвердить происхождение стоимости и переход контроля над ней.

Система хавала основана на доверии между посредниками и позволяет передать эквивалент стоимости без физического перемещения той же денежной массы через государственную границу. Отсутствие банковского перевода затрудняет проверку, однако не означает полного отсутствия следов, если посредник регулярно обслуживает значительный поток клиентов. В его деятельности возникают кассовые несоответствия, долговые записи, контакты с другими операторами, расчеты по внешне самостоятельным сделкам и приобретение ликвидных товаров. Поиск таких данных должен учитывать предполагаемый объем переданной стоимости, а

1 Financial Action Task Force. Money Laundering from Fentanyl and Synthetic Opioids. Paris : FATF, 2022. URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Methodsandtrends/Money-laundering-fentanyl-synthetic-opioids.html> (accessed: 25.07.2026).

не исходить из ожидания обнаружить единый реестр операций.

Неформальный способ расчета сам по себе не доказывает преступного назначения перевода. Связь с наркоторговлей устанавливается через источник переданных средств, осведомленность посредника, согласование суммы и последующее использование выплаченного эквивалента. Если проверка ограничивается отсутствием банковского документа, доказывание подменяется предположением о незаконности. Совпадение расчетов с поставкой наркотика, контактами участников и распределением вознаграждения, напротив, способно раскрыть функцию посредника в общей преступной деятельности.

Зеркальный перевод строится на согласованных выплатах в разных государствах, когда плательщик передает стоимость одному участнику, а связанное лицо выдает эквивалент получателю без прямого трансграничного движения исходных средств. Значение имеет не отдельная банковская операция, которая может выглядеть обычной, а совпадение сумм, времени, участников и основания платежа. Одновременно выясняется источник ликвидности у лица, производящего встречную выплату. Несоответствие объема расчетов его хозяйственной деятельности образует проверяемую версию о компенсационном характере операций, но не заменяет установления их фактической связи.

Легализация преступных доходов посредством торговых операций может сопровождаться реальной либо фиктивной поставкой и выражаться в изменении цены, количества, качества или описания товара. Наличие фактического груза и добросовестного перевозчика не исключает использования сделки для перемещения стоимости. Вместе с тем отклонения цены от среднего показателя недостаточно для правового вывода, поскольку должны учитываться условия поставки, сортность, страхование, сезонность, отношения сторон и сопоставимые сделки. Особое значение приобретает различие между документами,

представленными банку и таможенному органу, сведениями перевозчика и фактически полученным товаром.

В феврале 2025 г. Генеральная прокуратура Колумбии (*Fiscalna General de la Naciyn*) сообщила о процессуальных действиях в отношении предполагаемых участников сети *La Punta*. По версии прокуратуры, деньги, полученные за международные поставки кокаина, вкладывались в деятельность компании по покупке и продаже золота в Боготе для придания им видимости законного происхождения. Материалы также содержали сведения о предполагаемой передаче отдельными военнослужащими информации об операциях и погодных условиях за вознаграждение¹. В официальном сообщении специально указано, что названные лица сохраняют презумпцию невиновности.

Проверка изложенной версии предполагает одновременное сопоставление сведений о перемещении наркотиков и последующем использовании организации, работающей с ликвидным товаром. При этом выясняются происхождение золота, порядок расчетов с поставщиками, движение наличных средств, фактические владельцы компании и соответствие заявленных оборотов ее материальным возможностям. Совокупность указанных данных позволяет установить, использовалась ли хозяйственная деятельность для придания правомерного вида преступным доходам либо совершенные операции отвечали обычным коммерческим целям.

Запись в распределенном реестре позволяет установить время, сумму и последовательность операций, однако не раскрывает автоматически владельца криптографического адреса. Для такой идентификации необходимы сведения с изъятого устройства, переписка, данные о хранении ключей и информация провайдера обменных услуг. Промежуточные кошельки, последовательный обмен разных активов и сервисы смешивания усложняют анализ, но не исключают сопоставления точек приобретения и вывода

1 *Fiscalna General de la Naciyn*. Investigative and judicial actions against 'La Punta', a drug trafficking network accused of sending tons of cocaine to Honduras and the United States. 27 February 2025. URL: <https://www.fiscalia.gov.co/colombia/en/2025/02/27/investigative-and-judicial-actions-against-la-punta-a-drug-trafficking-network-accused-of-sending-tons-of-cocaine-to-honduras-and-the-united-states/> (accessed: 25.07.2026).

цифрового актива с движением товара и действиями проверяемых лиц.

В материалах по делу Nemesis Market услуга смешивания криптовалюты рассматривается как средство сокрытия происхождения платежей¹. Для правовой оценки необходимо установить ее фактическое содержание, поскольку автоматическое объединение операций техническим сервисом и целенаправленное содействие легализации имеют различное значение. Проверке подлежат заявленные функции, размер комиссии, порядок управления ключами, осведомленность оператора и принятые им меры идентификации клиентов. Одного факта усложнения движения цифрового актива для вывода о преступном назначении недостаточно.

Наличные средства, торговые операции и цифровые активы обычно не образуют изолированных каналов. Выручка от розничного сбыта может поступить на банковские карты физических лиц, затем быть обменена на криптовалюту, частично передана поставщику прекурсоров, а частично вложена в товар с устойчивым спросом. Такая последовательность объясняет, почему поиск только конечного имущества дает неполную картину. Финансовая проверка должна начинаться одновременно с установлением сбыта и охватывать как дальнейшее движение выручки, так и расходы, предшествовавшие производству запрещенного вещества.

Оценивая признаки необычной сделки, В.А. Шалько и А.С. Скоморохова исходят из необходимости учитывать их совокупность, а не одно формальное отклонение [9, с. 264]. Для противодействия наркоторговле это означает, что покупка химического вещества, аренда склада или перевод иностранному контрагенту не могут автоматически признаваться подозрительными. Основание для проверки возникает при сочетании несоответствующего профиля организации, необъяснимого объема, частой смены получателей, дробления платежей и связи с лицами, уже попавшими в поле зрения правоохранительных органов.

Региональную обусловленность способов деятельности транснациональных преступных сетей в Юго-Восточной Азии отмечает П. Кьяу [10, с. 53]. Данное наблюдение предостерегает от механического переноса индикаторов из одного государства в другое. Операция, необычная для рынка с развитой безналичной инфраструктурой, может быть распространенной в экономике со значительным объемом наличных расчетов или неформального трансфера стоимости. Содержание индикатора должно учитывать местную торговую практику, однако его проверка сохраняет связь с конкретным товаром, контрагентом и экономическим основанием платежа.

Связь доходов от незаконного оборота наркотиков с финансированием иной преступной деятельности раскрывает В.В. Красинский, обращая внимание на возможность их использования для поддержки террористических структур [7, с. 117]. Это положение не создает презумпции соответствующего назначения каждого подозрительного перевода. Последующее использование выручки подлежит расширенной проверке при наличии данных о контактах с вооруженными формированиями, закупке оружия, перевозке лиц либо финансировании инфраструктуры насилия. Расширение предмета доказывания допустимо только при наличии конкретных фактических оснований.

Финансовая работа в рассматриваемой сфере включает два самостоятельных направления. Первое относится к обеспечению производства и требует установить плательщиков за прекурсоры, оборудование, помещение, транспорт и услуги специалиста. Второе охватывает распоряжение выручкой после сбыта. Проверка каждого направления может привести к разным участникам и различной правовой оценке, однако в обоих случаях необходимо установить лицо, сохранявшее фактическую возможность определять назначение стоимости. Формальный владелец счета способен исполнить платеж, не распоряжаясь средствами, тогда как организатор может контролировать их движение

1 United States Department of Justice. Iranian National Indicted for Operating Online Marketplace Offering Fentanyl and Money Laundering Services. 17 April 2025. URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/iranian-national-indicted-operating-online-marketplace-offering-fentanyl-and-money> (accessed: 25.07.2026).

без отражения своего имени в расчетных документах.

Быстрое изменение химических формул не позволяет ограничить финансовый анализ постоянным перечнем операций. Сообщение Управления ООН по наркотикам и преступности о новых аналогах нитазенов и орфинов указывает на возможность их обнаружения стандартными тестами¹. Уточнение лабораторной методики влияет не только на экспертизу изъятого образца, но и на поиск поставщиков исходных соединений, проверку назначения закупок и оценку ранее совершенных платежей. По этой причине финансовый индикатор должен обновляться одновременно со сведениями о способе синтеза и характеристиках готового вещества.

Платежи, предшествующие изготовлению наркотика, обладают самостоятельной поисковой ценностью. Операция Fabryka началась с анализа поставок химических веществ, объем которых не соответствовал заявленной законной потребности, после чего были сопоставлены сведения о компаниях, складах и лабораториях в нескольких государствах². Этот пример не дает готового количественного порога, поскольку законная потребность зависит от отрасли, технологии и мощности конкретного получателя. Соответствующая оценка требует участия специалиста и проверки фактической хозяйственной деятельности покупателя.

После реализации наркотического средства ориентиры финансовой проверки меняются. Значение приобретают частые поступления от множества лиц, переводы между связанными картами, быстрое снятие наличных, приобретение цифровых активов и расходы, не соответствующие известным доходам. Каждый из указанных признаков допускает законное объяснение, а их совокупность становится значимой при временном совпадении с подтвержденными эпизодами сбыта и контроле со стороны одних лиц. По-

этому финансовые данные следует сопоставлять с хронологией передачи товара, а не анализировать только в пределах отчетного периода банка.

Фильтр, основанный на фиксированной сумме или одном назначении платежа, быстро утрачивает информативность, поскольку преступная группа способна дробить поступления, менять посредников и переносить расчеты в другой сервис. Более устойчивыми являются повторяемость связей, несоответствие операций профилю клиента, совпадение с поставками сырья и быстрый переход стоимости между различными формами. Такие признаки не освобождают от проверки исходных данных. Ошибка в установлении владельца счета, времени операции либо экономического основания платежа создает ложную связь и может повлечь необоснованное вмешательство.

Расширение финансовой проверки не ослабляет требований к допустимости доказательств. Для каждого цифрового файла и документа устанавливаются происхождение, условия обнаружения, способ копирования и неизменность содержания. При анализе банковских данных имеют значение период, реквизиты запроса и возможность соотнести операцию с конкретным лицом. Средства анализа распределенного реестра показывают движение актива между адресами, но вывод о владельце требует дополнительных сведений. Процессуальная форма обеспечивает стороне защиты и суду возможность проверить исходные данные, последовательность действий и обоснованность вывода специалиста.

Значение согласованных действий компетентных органов разных государств при пресечении транснационального наркотрафика раскрывает Р. Лабардини [11, с. 237]. Запрос о правовой помощи в таких делах должен указывать конкретный счет, компанию, поставку, период и предполагаемую связь с

1 United Nations Office on Drugs and Crime. Increasing nitazene and orphine analogues (synthetic opioids) and the implications for the use of test strips. 25 February 2026. URL: <https://www.unodc.org/LSS/Announcement/Details/e69b2ff5-5b91-4eea-8e1f-802ca7ad5080> (accessed: 25.07.2026).

2 Europol. 24 industrial-scale labs dismantled in the largest-ever operation against synthetic drugs. 21 January 2026. URL: <https://www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/news/24-industrial-scale-labs-dismantled-in-largest-ever-operation-against-synthetic-drugs> (accessed: 25.07.2026).

расследуемым деянием. Общее требование предоставить все сведения об участнике редко позволяет быстро получить пригодный для дальнейшей проверки материал и может противоречить правилам запрашиваемого государства о защите данных, коммерческой или банковской тайне. Точность запроса одновременно сокращает срок его исполнения и позволяет оценить допустимость полученного ответа.

Предметно ориентированный индикатор должен указывать не только внешнее отклонение, но и проверяемую связь с определенным участком незаконного оборота. Для поставки прекурсоров такой связью служит несоответствие объема законной потребности, для дистанционного сбыта совпадение цифрового заказа с фактическим размещением вещества, а для легализации – переход контроля над выручкой при внешне обычной операции. Закрепление этих ориентиров в методических материалах позволит формулировать проверяемые версии, не превращая индикатор риска в презумпцию виновности.

Межведомственное взаимодействие должно обеспечивать сопоставление данных, которыми отдельно располагают подразделения по контролю за оборотом наркотиков, таможенные органы, финансовая разведка, следователь и прокурор. Создание дополнительного массива сведений само по себе задачу не решает. Необходимы правила направления аналитического сигнала, определения ответственного подразделения, проверки полученной информации и документирования результата. Доступ предоставляется в объеме, обусловленном конкретной задачей, с фиксацией источника и даты получения, иначе значительный объем данных затрудняет установление связей и последующую оценку их достоверности.

Подготовка сотрудников финансовых и наркоподразделений целесообразна на материале единой производственной цепочки. Специалист по химическому контролю должен понимать значение платежных документов, а финансовый аналитик отличать обычную закупку реагента от сочетания операций, характерного для подпольного синтеза. Прокурору и следователю необходимы знания о

пределах вывода из цифровой транзакции и способах проверки принадлежности учетной записи. Совместная учебная задача должна завершаться формулированием версии и определением процессуально допустимых способов ее подтверждения.

Взаимодействие с частным сектором оправданно в тех случаях, когда организация может обнаружить отклонение раньше правоохранительного органа. Поставщик химических веществ оценивает объем и профиль покупателя, перевозчик – маршрут и соответствие груза документам, банк – движение средств, а оператор цифрового сервиса – порядок управления учетной записью. Передача таких сведений должна основываться на ясном правовом режиме и не превращать коммерческую организацию в субъект негласного наблюдения. Критерии сообщения необходимо периодически уточнять с учетом появления новых веществ, технологий производства и способов расчетов.

Совершенствование правового регулирования следует начинать с оценки уже имеющихся полномочий и причин их недостаточной результативности. Отсутствие установленной финансовой связи не всегда свидетельствует о пробеле в законе, поскольку причиной могут быть позднее начало проверки, несогласованность запросов, утрата цифровых данных либо отсутствие специалиста. Новое полномочие обоснованно тогда, когда установлена конкретная юридическая преграда, не позволяющая получить необходимое сведение процессуальным или организационным способом. Такой порядок снижает риск избыточного ограничения прав при сохранении необходимой оперативности.

Противодействие организованной наркоторговле синтетическими опиоидами требует одновременной проверки производственной, сбытовой и финансовой частей преступной деятельности. Поставки прекурсоров, приобретение оборудования, цифровые заказы, перемещение вещества и распоряжение выручкой оставляют различные сведения, которые не являются взаимозаменяемыми. Их сопоставление позволяет перейти от фиксации отдельного эпизода к установлению распределения функций, источника финанси-

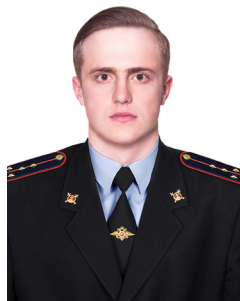
рования и лица, сохранявшего возможность определять общую направленность действий.

Предметные индикаторы риска должны регулярно уточняться с учетом новых химических соединений, способов производства и платежных инструментов. Каждый индикатор связывается с определенным источником данных и пределом допустимого вывода,

а международный обмен ориентируется на конкретную поставку, операцию или цифровой идентификатор. При таком подходе финансовая проверка начинается не после завершения дела о сбыте, а одновременно с установлением его материальной и цифровой основы, сохраняя требования законности, проверяемости и презумпции невиновности.

Библиографический список

1. Алилова, Д.З. Организованные группы и преступные сообщества как крупные поставщики наркотических средств / Д.З. Алилова // Евразийский юридический журнал. – 2023. – N 1(176). – С. 228-229.
2. Волеводз, А.Г. Уголовная ответственность юридических лиц за нарушения в сфере оборота наркотиков в Объединенных Арабских Эмиратах / А.Г. Волеводз, А.Д. Цыплакова // Наркоконтроль. – 2023. – N 4. – С. 28-33.
3. Воронцов, А.В. О борьбе с организованной преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков / А.В. Воронцов // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2024. – N 2. – С. 15-19.
4. Земцова, С. И. Методика расследования незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности как новый инструмент методологического обеспечения / С.И. Земцова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2025. – N 1(45). – С. 69-75.
5. Земцова, С.И. Незаконное культивирование наркосодержащих растений: механизм преступной деятельности в цифровых условиях / С.И. Земцова // Наркоконтроль. – 2024. – N 4. – С. 8-12.
6. Королева, М.В. Проблемы борьбы с организованной преступностью / М.В. Королева, И.М. Мацкевич. – М.: «Проспект», 2023. – 520 с.
7. Красинский, В.В. Финансирование терроризма с использованием незаконного оборота наркотиков / В.В. Красинский // Современное право. 2022. – N 7. – С. 114-122.
8. Цыплакова, А.Д. Экстратерриториальное действие уголовной юрисдикции в отношении наркопреступлений в арабских странах / А.Д. Цыплакова // Наркоконтроль. – 2025. – N 2. – С. 27-30.
9. Шалько, В.А. Типология выявления необычных сделок в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма / В.А. Шалько, А.С. Скоморохова // Контрольно-надзорная деятельность: глобальные тренды, новые риски и перспективы развития : сборник статей по итогам II международной научно-практической конференции. Москва, 25 апреля 2024 г. – М.: «Русайнс», 2024. – С. 260-272.
10. Kyaw, P. International Organized Crime in Southeast Asia / P. Kyaw // Law and Power. 2025. – N 2. – P. 51-55.
11. Labardini, R. International Narcotics Enforcement / R. Labardini // IELR. – 2024. – T. 40. – P. 236-238.

Владислав Владимирович КОЛБАСИН,

начальник научно-исследовательского отделения
отдела организации научной
и редакционно-издательской деятельности,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

Kolbasin_vlad@mail.ru

ПРОФИЛАКТИКА ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ

PREVENTION OF INVOLVEMENT OF MINORS IN ILLICIT TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES OR THEIR ANALOGUES

Статья посвящена анализу системного вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков, демонстрирующего устойчивый рост на фоне цифровизации преступной среды. Выявлены основные детерминанты, к числу которых можно отнести активное использование злоумышленниками анонимных цифровых каналов, модификацию форм манипулятивного воздействия злоумышленников на несовершеннолетних и низкую эффективность традиционных форматов профилактики. На основе изучения практики правоохранительных органов иностранных государств обоснована потребность в совершенствовании сложившейся в России системы профилактики вовлечения подростков в противоправную деятельность, связанную с распространением наркотических средств.

The article analyzes the systemic involvement of minors in illicit drug trafficking, which is demonstrating a steady increase in the context of digitalization of crime. Key determinants are identified, including the active use of anonymous digital channels by criminals, the modification of their manipulative methods of influencing minors, and the low effectiveness of traditional prevention methods. Based on the study of the practices of foreign law enforcement agencies, the need to improve the existing Russian system for preventing adolescent involvement in illegal activities related to drug distribution is substantiated by the author.

Ключевые слова: наркотики, наркотические средства, несовершеннолетний, малолетний, принуждение, наркодистрибуция, профилактика.

Keywords: drugs, narcotic drugs, minor, juvenile, coercion, drug distribution, prevention.

Преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов представляют собой одну из наиболее острых угроз национальной безопасности Российской Федерации, поскольку они посягают на здоровье населения и общественную нравственность. Данные деяния криминализированы главой 25 УК РФ и характеризуются высо-

кой степенью общественной опасности, обусловленной масштабными негативными последствиями для общества. В соответствии с данными официальной статистики только в 2024 г. в Российской Федерации зарегистрированы 198 043 преступления, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 3,6% превышает показатели предыдущего года. Каждое десятое преступление в России

связано с наркотиками¹, что свидетельствует о системном характере данной проблемы.

Наркопреступность порождает комплекс взаимосвязанных проблем, как медицинских (физическая и психологическая зависимость, рост инфекционных заболеваний), так и социальных (деградация личности, распад семей) и демографических (преждевременная смертность) [6]. Не менее значимым является и экономический аспект. Незаконный оборот наркотиков представляет собой высокодоходный криминальный бизнес. Только за 2024 г. из незаконного оборота изъято 33,6 тонны наркотических средств, однако реальные объемы наркотрафика значительно превышают выявленные показатели ввиду высокой латентности данных преступлений².

Криминологический анализ причин и условий, способствующих совершению наркопреступлений, позволяет выделить комплекс факторов экономического, психологического и социально-культурного характера [2, с. 34]. К экономическим детерминантам относится высокая прибыльность наркобизнеса при относительно низких рисках для организаторов сбыта, психологические причины включают эскапистские настроения, стремление уйти от реальности, низкую стрессоустойчивость, особенно лиц подросткового возраста, социально-культурные факторы обусловлены наблюдающейся повсеместно трансформацией системы ценностей в современном обществе, где индивидуализм и потребительские установки постепенно вытесняют традиционные нравственные ориентиры, основанные на идеалах добра, справедливости, взаимного уважения и ответственности перед обществом [3, с. 52].

Особую тревогу вызывает активное использование злоумышленниками информационно-телекоммуникационных технологий. Интернет, будучи мощным инструментом

развития современного общества, одновременно создал благоприятную среду для развития незаконного оборота наркотиков. Открытый и практически бесконтрольный доступ к информации позволяет наркодилерам эффективно организовывать сбыт запрещенных веществ, используя зашифрованные каналы связи, анонимные мессенджеры и DarkNet-площадки [5]. Современные исследования подтверждают, что Интернет значительно облегчает коммуникацию между продавцами и покупателями наркотиков, делая процесс выявления и пресечения подобных преступлений крайне затруднительным [1].

Наиболее опасной тенденцией сегодня является целенаправленное вовлечение несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств. В соответствии с данными Государственного антинаркотического комитета, количество преступлений, совершенных подростками в сфере незаконного оборота наркотиков, по итогам 2024 г. увеличилось на 43,2% (с 2,6 тыс. до 3,8 тыс.)³. Данная динамика свидетельствует о необходимости кардинального пересмотра существующих подходов к профилактике наркопреступлений среди несовершеннолетних.

Наркопреступники используют сложные психологические механизмы вовлечения подростков, основанные на глубоком понимании возрастной психологии и особенностей подросткового сознания [4]. В соответствии с данными проведенного нами опроса сотрудников органов внутренних дел, специализирующихся на расследовании преступлений исследуемой категории, одним из распространенных методов вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность сегодня является постепенное приобщение к потреблению психоактивных веществ. Сначала под предлогом социализации предлагаются алкогольные напитки, затем – наркотические

1 Каждое десятое преступление связано с наркотиками // Российская газета : информационный портал. URL: https://rg.ru/2024/11/18/mvd-kazhdoe-desiatoe-prestuplenie-svazano-s-narkotikami.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com (дата обращения: 13.03.2026).

2 33 тонны наркотиков и 200 лабораторий. Генерал МВД – о борьбе с наркопреступностью // Газета.Ru: информационный портал. URL: https://www.gazeta.ru/social/2024/12/09/20171888.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 13.03.2026).

3 Доклад о наркоситуации в Российской Федерации. 2025. / Государственный антинаркотический комитет. URL: <https://гак.мвд.рф/мониторинг-наркоситуации/выдержки-из-докладов-о-наркоситуации> (дата обращения: 13.03.2026).

средства, позиционируемые как «безопасные» или «престижные»¹.

Не менее опасна практика вовлечения несовершеннолетних в качестве курьеров для распространения наркотиков, когда подросткам не разъясняются реальные правовые последствия такой деятельности. Хотя уголовная ответственность за сбыт наркотических средств наступает с шестнадцати лет и сопряжена с длительными сроками лишения свободы, организаторы незаконного оборота наркотиков либо сознательно утаивают эти сведения от несовершеннолетних, либо, напротив, целенаправленно привлекают к участию в преступной деятельности лиц, не достигших возраста привлечения к уголовной ответственности, убеждая их в полной юридической безопасности.

Мониторинг специализированных ресурсов в теневом пространстве сети Интернет (DarkNet) позволил нам выявить качественно новые, более опасные формы криминальной эксплуатации несовершеннолетних.

Особую тревогу вызывает использование злоумышленниками методов психологического принуждения, основанных на завладении компрометирующей или интимной информацией о несовершеннолетнем. Такая информация добывается различными неправомерными способами (от взлома носителей информации и переписки до скрытой фиксации личной жизни и генерации компрометирующего контента с использованием технологий искусственного интеллекта (дипфейков, синтезированных изображений и видеоматериалов). Оказавшись под воздействием манипулятора, располагающего подобными материалами, подросток, опасаясь их разглашения и последующей социальной изоляции, вынужденно вовлекается в распространение наркотических средств, превращаясь из потенциальной жертвы в инструмент совершения тяжких преступлений.

Формируется порочный круг, в котором деструктивные технологии, изначально апробированные в сфере сексуального на-

силия, начинают работать на расширение ресурсной базы наркобизнеса, а сам несовершеннолетний, оказавшись между угрозой компрометации и перспективой уголовного преследования, становится объектом двойной виктимизации. Таким образом, зафиксированные в ходе исследования факты свидетельствуют о трансформации традиционных форм вовлечения в качественно новую модель, осуществляемую через информационно-психологическое подавление воли подростка с использованием технологических средств (тотального контроля).

Учитывая все вышеизложенное, мы можем сделать вывод о том, что существующая сегодня система профилактики наркопреступлений среди несовершеннолетних демонстрирует недостаточную эффективность. Традиционные формы превентивной работы (лекции, беседы в образовательных организациях, социальные ролики) зачастую не учитывают специфику подростковой психологии и воспринимаются целевой аудиторией как формальные и неактуальные. Кроме того, в контексте рассматриваемой проблемы нельзя не обратить внимание на тенденцию снижения уровня доверия к сотрудникам правоохранительных органов в подростковой среде и, как следствие, падение их авторитета. Аналогичная ситуация у подростков складывается и во взаимоотношениях с родителями и педагогами, что, несомненно, негативно отражается на эффективности осуществляемой антикриминальной пропаганды и качестве (объеме) воспринимаемой несовершеннолетними информации.

Указанное обстоятельство, в совокупности с присущими подростковому возрасту психофизиологическими особенностями (склонность к недооценке угроз, завышенная самооценка, преувеличение собственного жизненного опыта и иллюзия неуязвимости перед формированием зависимости) существенно повышает виктимность несовершеннолетних, многократно увеличивая риск их вовлечения в незаконный оборот наркотических средств².

1 Эмпирическую основу исследования составили результаты анкетирования 317 сотрудников правоохранительных органов и специалистов смежных профилей, осуществляющих деятельность по противодействию вовлечению несовершеннолетних в незаконный наркооборот.

2 Вовлечение подростков в незаконный оборот наркотиков через сеть Интернет // АУ Новочебокаровский КИИОН : информационный портал. URL: <https://novch-centr.soc.cap.ru/press-centr/news/2024/05/22/vovlechenie-podrostkov-v-nezakonnij-oborot-narkoti> (дата обращения: 13.03.2026).

Изложенное позволяет сформулировать вывод о необходимости кардинальной модернизации системы предупреждения наркопреступности в подростковой среде с учетом социально-психологических реалий. В первую очередь необходима трансформация формата профилактической работы, отказ от традиционной модели, в которой ключевыми субъектами выступают педагоги, родители и сотрудники полиции (чье влияние в подростковой среде, как свидетельствуют исследования, объективно снижено) [7, с. 181-190], в пользу делегирования превентивной функции лицам, обладающим реальным авторитетом у молодежи. К числу таких граждан следует отнести лидеров общественного мнения, успешных молодых людей, представителей субкультур, чьи ценности и установки разделяются подростками (популярных в молодежной среде). Как показывает практика, информация, транслируемая из источника, воспринимаемого как значимый и заслуживающий доверия, усваивается несовершеннолетними значительно более эффективно, нежели формализованные предупреждения, исходящие от институциональных структур, воспринимаемых подрастающим поколением как чуждые или контролирующие. Следовательно, эффективность первичной профилактики напрямую зависит от степени релевантности ее субъекта ценностно-смысловой системе подростка.

В качестве эмпирически подтвержденной иллюстрации эффективности предлагаемого подхода может служить британская программа ASSIST (A Stop Smoking in Schools Trial), реализованная в общеобразовательных учреждениях Великобритании и направленная на снижение распространенности табакокурения среди несовершеннолетних. Для проведения профилактических бесед привлекались обучающиеся, пользовавшиеся особым авторитетом среди сверстников (так называемые лидеры общественного мнения), которые после прохождения специализированной подготовки в неформальной обстановке в процессе личного общения транслировали сверстникам идею о вреде ку-

рения и недопустимости употребления наркотических средств и психотропных веществ. Последующая оценка результатов зафиксировала статистически значимое снижение распространенности как табакокурения, так и потребления иных психоактивных веществ среди подростков, участвовавших в программе. Таким образом, программа ASSIST служит убедительным доказательством того, что привлечение в качестве субъектов антикриминальной пропаганды граждан, пользующихся авторитетом и популярностью среди объектов профилактики (в данном случае несовершеннолетних), позволяет существенно повысить ее эффективность и достичь наиболее высоких результатов по сравнению с традиционными форматами, опирающимися исключительно на институциональных субъектов профилактики (родители, педагоги, сотрудники правоохранительных органов и др.) [8, с. 1595-1602].

Следующим направлением модернизации, на наш взгляд, должно стать изменение содержательной составляющей самих профилактических мероприятий. Вместо традиционного описания видов наркотических средств и эффектов их потребления, что, учитывая особенности психики несовершеннолетних, напротив, может спровоцировать интерес, особое внимание стоит уделить демонстрации реальных и неотвратимых негативных последствий потребления психоактивных веществ. Профилактические беседы должны носить не назидательный, а диалоговый характер, создавая атмосферу доверия и открытости.

Кроме того, важно постоянно создавать и модифицировать качественный превентивный контент (фильмы, сериалы, игры), который бы в увлекательной форме демонстрировал подросткам деструктивные последствия вовлечения в наркопреступную деятельность. Примером может служить снятый в Германии сериал «Wir Kinder vom Bahnhof "Zoo"», показывающий постепенную деградацию подростков, употребляющих наркотики, и все риски, связанные с исследуемым деструктивным поведением¹. Аналогичный превентив-

1 Рецензия на сериал «Мы, дети станции "Зoo"» // Газета.Ru. : информационный портал. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2021/02/21/a_13487474.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 23.03.2026).

ный потенциал носят фильмы «Реквием по мечте» (демонстрирующий наглядно физическое и психологическое разложение личности, употребляющей наркотики), «Морфий» (показывающий, как профессиональный врач становится жертвой зависимости, что приводит его к моральному падению и неизбежной гибели) и др. Безусловно, подобный контент требует строгого возрастного цензирования, однако именно он задает вектор для создания профилактических материалов, способных конкурировать за внимание молодежи с продукцией, пропагандирующей асоциальный образ жизни.

Еще одним положительным примером повышения правосознания несовершеннолетних не свойственным для российского общества способом может служить разработанная международной группой ученых (Э. Дж. Ривз, С. Джонс и др.) для Таиланда и Камбоджи цифровая образовательная игра «May and Bay». Игра построена на принципах безопасной модели взаимодействия несовершеннолетних в виртуальном пространстве, в рамках которой риски и защитные факторы рассматриваются в тесной связи с повседневным окружением ребенка. Дети в возрасте от 11 до 13 лет учатся различать угрозы в цифровой среде, при этом методология разработки программы основывалась на непосредственном участии детей и профессионалов, что позволило создать продукт, максимально учитывающий особенности целевой аудитории.

В отличие от стандартных российских лекций «О безопасности в сети Интернет», проводимых педагогами, родителями и сотрудниками правоохранительных органов, игра «May and Bay» моделирует социальные и средовые факторы, показывая, как окружение ребенка может провоцировать или предотвращать преступления различного характера. Управляя виртуальными персонажами (11-летняя Мэй и 13-летний Бэй) дети приобретают навык принятия «опасных» или «безопасных» форм поведения в Сети, взаимодействуя с различными аспектами своего социального и цифрового окружения [9, с. 616-629]. Такой подход, основанный на

геймификации, демонстрирует существенно более высокую вовлеченность целевой аудитории по сравнению с традиционными лекционными форматами, преобладающими в российской профилактической практике.

Существенным направлением превентивной деятельности также является целенаправленное изменение деструктивной среды, детерминирующей вовлечение детей и подростков в незаконный оборот наркотиков. Речь идет о выявлении и нейтрализации внешних факторов и условий, облегчающих приобщение несовершеннолетних к данному виду противоправного поведения. В этом отношении показателен опыт зарубежных государств, где соответствующие механизмы выстроены более эффективно, нежели в России. В отечественной практике ребенок, совершивший деяния рассматриваемой категории, при постановке на специализированный учет в органах внутренних дел приобретает устойчивый негативный статус, который фактически предопределяет его дальнейшую жизнь. Помимо этого в России наблюдается системные недостатки в организации психологической и профессиональной помощи, а также в процессах ресоциализации подрастающего поколения.

Отдельные криминологические исследования подтверждают зависимость уровня преступности с участием несовершеннолетних (как в качестве жертв, так и в качестве субъектов) от степени развитости досуговой инфраструктуры. Так, из 15,5 млн детей в возрасте 5-18 лет, проживающих в Российской Федерации, лишь 1,7 млн посещают учреждения дополнительного образования (то есть каждый девятый), а спортивными секциями охвачены 2,9 млн человек (каждый пятый)¹. Значительный объем неорганизованного свободного времени в сочетании с психофизиологическими особенностями несовершеннолетней личности, а также глобальной цифровизацией общества и снижением возраста начала активного использования сети Интернет многократно повышает уязвимость детей и подростков перед анализируемыми криминальными угрозами.

1 ЕМИСС «Государственная статистика». URL: <https://fedstat.ru> (дата обращения: 25.01.2024).

В ряде европейских стран (например, Великобритании, Германии и др.), законодательство и правоприменительная практика последовательно исходят из презумпции виктимности несовершеннолетнего, вовлеченного в незаконный оборот наркотиков с применением угроз, шантажа или иного принуждения. При установлении подобных обстоятельств такой несовершеннолетний освобождается от уголовной ответственности, признается жертвой преступления и пользуется правом на необходимую помощь в ресоциализации.

В Великобритании получила развитие концепция «Contextual Safeguarding», предполагающая системную оценку и коррекцию угроз, которым несовершеннолетние подвергаются вне семьи (в школе, микрорайоне, среде сверстников и в цифровом пространстве). Вместо индивидуальной работы с «трудным» подростком программа предлагает изменять социальные условия его пребывания, координируя действия полиции, социальных служб и образовательных учреждений¹.

В Нидерландах реализуется межведомственная программа «Prevention with Authority», направленная на интеграцию превентивных и правоохранительных мер в рамках мультидисциплинарного взаимодействия, объединяющего полицию, прокуратуру, органы опеки, социальных работников и педагогов.

Итальянская практика представляет механизм социального использования имущества, конфискованного у преступных групп (в том числе наркокартелей). На средства, изъятые у мафии и наркоторговцев, создаются школы, фермы, культурные и спортивные центры, нередко на бывших объектах преступных группировок. Примером может служить Неаполь, где на базе конфискованной у мафии недвижимости создан бесплатный образовательно-развлекательный центр для социально уязвимых детей².

Подводя итог проведенному исследованию, базирующемуся на анализе официальных

статистических данных, криминологической доктрины, зарубежного законодательства и правоприменительной практики, а также на данных собственного мониторинга теневого сегмента сети Интернет, считаем необходимым предложить следующие направления системной модернизации отечественной модели противодействия вовлечению несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков.

Прежде всего полагаем необходимым трансформировать формат профилактических мероприятий, реализуемых правоохранительными органами, делегировав часть превентивной функции лидерам общественного мнения и иным авторитетным для молодежной среды лицам. Приоритет следует отдавать интерактивным формам взаимодействия и созданию качественного аудиовизуального контента (фильмы, сериалы, компьютерные игры), наглядно демонстрирующего реальные последствия наркопотребления и вовлечения в сбыт. Представляется целесообразным сместить вектор превентивного воздействия с сугубо индивидуальной профилактики к нейтрализации внешних детерминант, обуславливающих совершение деяний рассматриваемой категории, путем воздействия на окружающую несовершеннолетних социальную среду, а также выстраивания эффективного межведомственного взаимодействия, ориентированного на оказание всесторонней помощи детям, подвергшимся деструктивному воздействию (независимо от того, успели ли они уже совершить противоправное деяние или лишь находятся в группе риска). Такая помощь должна включать медицинскую, психологическую и иную поддержку, способствующую успешной ресоциализации несовершеннолетних.

Кроме того, представляется обоснованным дополнить главу 14 УК РФ («Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних») нормой, предусматривающей обязательное освобождение от ответственности несовершеннолетнего, если доказано, что

1 A whole-system response to drug prevention in the UK (accessible) // Gav.UK : information portal. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/a-whole-system-response-to-drug-prevention-in-the-uk/a-whole-system-response-to-drug-prevention-in-the-uk-accessible> (дата обращения: 13.03.2026).

2 A Speranza de Creature project // Enel cuore : information portal. URL: <https://www.enelcuore.it/en/projects/articles/2025/09/voice-of-children-education-minors-naples> (дата обращения: 13.03.2026).

деяние совершено им в результате принуждения, связанного с эксплуатацией, шантажом или использованием зависимого положения. Одновременно необходимо внести изменения в ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», дополнив ее частью, предусматривающей конфискацию имущества в качестве дополнительной меры уголовно-правового характера, а также включить данную норму в перечень статей, по которым конфискация допустима (ст. 104.1 УК РФ). Это позволит направлять изъятые у организаторов средства на создание социальной инфраструктуры для несовершеннолетних из групп риска. Для этого следует предусмотреть механизм целевого направления конфискованных средств на реализацию профилактических и реабилитационных программ для несовершеннолетних, закрепив соответствующую статью в бюджете на уровне субъектов Российской Федерации.

В завершение подчеркнем, что преступность, особенно в сфере незаконного оборота наркотиков, находится в состоянии постоянной динамики, оперативно адаптируясь к новым технологическим и социальным реалиям. Правоохранительные органы обязаны не только реагировать на уже сложившиеся угрозы, но и прогнозировать их эволюцию, выходя за рамки традиционных, зачастую формальных методов борьбы. Эффективное противодействие современным вызовам невозможно без активного международного сотрудничества, взаимного обогащения правовыми моделями и системного внедрения апробированного зарубежного опыта. Только сочетание гибкости, межведомственной координации и ориентации на передовые стандарты защиты прав несовершеннолетних позволит переломить негативные тенденции и обеспечить реальную безопасность подрастающего поколения.

Библиографический список

1. Бушуев, И.В. Влияние информационно-телекоммуникационных технологий на развитие преступных схем незаконного оборота наркотиков / И.В. Бушуев, М.В. Петров, Л.Б. Прудникова // Юристъ-Правоведъ. – 2019. – N 4(91). – С. 57-62.
2. Денисович, В.В. Детерминанты преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ / В.В. Денисович // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – N 1. – С. 34-37.
3. Колбасин, В.В. Предупреждение насильственных преступлений сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетних : монография / В.В. Колбасин. – М.: Юрлитинформ, 2025. – 208 с.
4. Самохвалов, И.Ю. Криминологическо-психологические аспекты вовлечения несовершеннолетних в наркотизм / И.Ю. Самохвалов, И.Ю. Троицкая // Приволжский научный вестник. – 2015. – N 12-2(52). – С. 91-94.
5. Сидоренко, Э.Л. Даркнет и наркопреступность: криминологические вызовы и актуальные уголовно-правовые вопросы / Э.Л. Сидоренко // Наркоконтроль. – 2023. – N 2 (71). – С. 9-15.
7. Харabet, К.В. Противодействие наркотизму и наркопреступности в вооруженных силах Российской Федерации (социально-правовое и криминологическое исследование) : дис. ...докт. юрид. наук / К.В. Харabet. – М., 2008. – 396 с.
8. Чернышева, Е.В. Исследование аспектов доверия студенческой молодежи к сотрудникам полиции / Е.В. Чернышева // Человеческий капитал. – 2020. – N 7(139). – С. 181-190.
9. An informal school-based peer-led intervention for smoking prevention in adolescence (ASSIST): a cluster randomised trial / R. Campbell, F. Starkey, J. Holliday [et al.] // Lancet. – 2008. – N 371(9624). – С. 1595-1602.
10. Online child sexual exploitation and abuse in Southeast Asia – Using digital games in preventative education / Emerita Jane Reeves, Stephanie E. Jones, Aravinda Kosaraju [et al.] // Journal of Human Rights and Social Work. – 2024. – N 9(4). – С. 616-629.

ВЗГЛЯД. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 343.43

**Андрей Викторович
ШУРОВ,**

заместитель начальника
ГУУР МВД России (г. Москва),
генерал-майор полиции

**Виктор Федорович
ЛУГОВИК,**

профессор кафедры
оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор
viug@yandex.ru

**Александр Вадимович
ПАРФЕНОВ,**

начальник кафедры организации
оперативно-розыскной деятельности
Академии управления МВД России
(г. Москва),
доктор юридических наук, доцент
tischagin@yandex.ru

О КОНЦЕПЦИИ МОДЕЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

ON THE CONCEPT OF THE MODEL LAW «ON OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES» OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

В статье представлена критическая рецензия на проект новой редакции модельного закона Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) «Об оперативно-розыскной деятельности». Авторами обосновывается актуальность гармонизации оперативно-розыскного законодательства в условиях роста транснациональной преступности на пространстве СНГ.

В качестве объекта исследования выступает проект модельного закона, его концептуальные основы и нормативное содержание. Цель работы – комплексный анализ проекта на предмет его соответствия современным правовым тенденциям, потребностям эффективного межгосударственного сотрудничества и стандартам защиты прав человека. Методология включает сравнительно-правовой, формально-юридический и системный анализ. В результате исследования выявлены фундаментальные концептуальные противоречия проекта, связанные с игнорированием интеграции негласных методов в уголовный процесс ряда государств СНГ, недопустимым расширением задач ОРД за пределы уголовно-правового реагирования и слабостью механизмов судебного контроля. Проанализированы недостатки законодательной техники, ведущие к правовой неопределенности. Сделан вывод о невозможности принятия проекта в представленной редакции. В заключение сформулированы концептуальные предложения по коренной переработке документа, направленные на создание сбалансированной правовой модели, обеспечивающей баланс между оперативной эффективностью и верховенством права.

A critical review of the new edition of the draft model law of the Commonwealth of Independent States (CIS) «On Operational Search Activities» is presented. The authors substantiate the relevance of the harmonization of operational search legislation in the context of the growth of transnational crime

in the CIS. The object of the research is the draft model law, its conceptual foundations and normative content. The purpose of the work is a comprehensive analysis of the project regarding its compliance with modern legal trends, the needs of effective interstate cooperation and standards for the protection of human rights. The methodology includes comparative legal, formal legal and system analysis. As a result of the research, fundamental conceptual contradictions of the project related to ignoring the integration of covert methods into the criminal procedure of a number of CIS countries, the unacceptable expansion of the tasks of the operational search activity beyond the limits of criminal law response and the weakness of judicial control mechanisms are identified. The imperfections of legislative techniques leading to legal uncertainty are analyzed. It is concluded that it is impossible to adopt the draft in the submitted version. Conceptual proposals for the fundamental revision of the document aimed at creating a balanced legal model that ensures a balance between operational efficiency and the rule of law are formulated.

Ключевые слова: модельный закон, оперативно-розыскная деятельность (ОРД), Содружество Независимых Государств (СНГ), гармонизация законодательства, транснациональная преступность, уголовный процесс, права человека, судебный контроль.

Keywords: model law, operational search activity, Commonwealth of Independent States (CIS), harmonization of legislation, transnational crime, criminal procedure, human rights, judicial oversight.

Современный этап развития Содружества Независимых Государств характеризуется формированием национальных правовых систем, которые, отталкиваясь от общего исторического фундамента, движутся по различным траекториям. Это происходит на фоне серьезных вызовов, связанных с транснациональным характером современных криминальных угроз. Организованная преступность, терроризм, незаконный оборот наркотиков и коррупционные сети не признают государственных границ, используя правовые пробелы и различия в национальных законодательствах для своей деятельности [подр.: 1, с. 14-15]. При этом именно оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД), в силу своей конспиративности, оперативности и возможности применения негласных методов, выступает действенным инструментом противодействия данным вызовам. Большинство тяжких и особо тяжких преступлений на пространстве СНГ раскрывается с использованием результатов ОРД.

Однако эффективность трансграничного сотрудничества в этой сфере напрямую зависит от степени гармонизации национальных оперативно-розыскных систем. В настоящее время государства СНГ подошли к крити-

ческой точке правового развития в области ОРД. С одной стороны, все они унаследовали схожие концептуальные подходы и оперативные традиции. С другой стороны, за годы независимости национальные законодательства об ОРД стали существенно расходиться по ключевым параметрам: по определению перечня субъектов ОРД, оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), процедур судебного санкционирования и, что наиболее важно, режимов использования полученных результатов [2, с. 248]. Этот разноречивый создает «серые» правовые зоны, в которых преступники могут укрываться, а оперативные сотрудники сталкиваются с законодательными барьерами и рисками признания их действий незаконными на территории партнера.

В этих условиях обсуждение 9 октября 2025 г. на заседании Постоянной комиссии Межпарламентской ассамблеи СНГ по вопросам обороны и безопасности новой редакции модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее в качестве равнозначного – Проект) свидетельствует о возвращении к идее разработки современного, концептуально выверенного закона для СНГ, что представляется не просто целесо-

образным, а императивом для обеспечения коллективной безопасности и построения общего правового пространства.

Важно обосновать эту необходимость, последовательно раскрывая аргументы, связанные с потребностями правовой гармонизации, защиты прав человека, повышения оперативной эффективности и укрепления основ правового государства [подр.: 5, с. 63].

Первым и фундаментальным основанием для разработки модельного закона является необходимость преодоления фрагментации правового регулирования ОРД на пространстве СНГ. Исторически сложившаяся общность оперативных подходов создает уникальную возможность для сотрудничества, однако без современной правовой корректировки этот актив не может быть реализован в полной мере. И здесь важно преодолеть законодательную асимметрию. Различия в национальных законах порождают практические коллизии. Так, ОРМ, законно проведенное в одном государстве, может не иметь правового признания в другом, что ставит под сомнение допустимость полученных доказательств и срывает расследования. Модельный закон призван выполнить роль унифицирующего каркаса, установив базовые, единообразные определения ключевых понятий, принципов деятельности и минимальных стандартов правового регулирования. Это создаст предсказуемую среду для взаимодействия.

Необходимо также оптимизировать механизмы оперативно-розыскного сотрудничества. Фактическое оперативное взаимодействие между спецслужбами и правоохранительными органами стран СНГ существует, но зачастую опирается на ведомственные соглашения и неписанные правила, что несет в себе риски с точки зрения верховенства права и парламентского контроля. Модельный закон, как акт политико-правового характера, призван легитимировать это сотрудничество, закрепив его формы (обмен информацией, проведение совместных ОРМ, создание совместных следственно-оперативных групп) на уровне модельного законодательства.

Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» может быть достойным ответом на качественную трансформацию

преступности, которая отличается высокой степенью организованности, технологической оснащенности и транснациональной мобильности. Противодействие ей требует столь же скоординированных и быстрых действий [4, с. 405]. Разрозненные национальные законы, регламентирующие, например, контроль в сетях электросвязи или порядок проведения контролируемых поставок наркотиков, создают операционные задержки. Модельный закон может заложить единые правовые основания для применения наиболее эффективных и сложных ОРМ в трансграничном контексте, что позволит правоохранительным системам СНГ действовать на опережение.

Следующий ключевой аргумент касается необходимости закрепления в рамках СНГ единых высоких стандартов в области прав человека. ОРД в силу своей природы сопряжена с ограничением конституционных прав на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки и жилища. Исторически эта деятельность в странах постсоветского пространства долгое время регулировалась закрытыми ведомственными актами.

Разработка модельного закона – это уникальная возможность комплексно имплементировать в национальные законодательства государств СНГ общепризнанные международно-правовые стандарты по проведению негласных операций по борьбе с преступностью и соблюдению прав человека. Речь идет о принципах законности, соразмерности, необходимости, судебного контроля и эффективных средств правовой защиты. Модельный акт должен детально прописать не только права органов, осуществляющих ОРД, но и гарантии для граждан.

Современное общество не может позволить себе существование «правового вакуума» в столь чувствительной сфере. Открытое, публичное обсуждение и принятие четких законодательных рамок, гармонизированных в масштабах СНГ, повышает прозрачность и подконтрольность негласной деятельности. Это укрепляет доверие граждан к правоохранительным институтам и снижает социальную напряженность [3, с. 105].

Справедливые правила, закрепленные в модельном законе, должны защищать и самих

сотрудников оперативных подразделений. Они получают правовую определенность, понимая границы своих полномочий и процедуры их реализации в трансграничном контексте.

Принятие современного модельного закона отвечает долгосрочным стратегическим интересам СНГ как организации, стремящейся к углублению интеграции. В условиях геополитической турбулентности наличие общего, предсказуемого правового режима в такой критически важной сфере, как антикриминальная безопасность, становится стратегическим активом. Он способствует укреплению суверенитета государств-участников, позволяя им более эффективно противостоять внешним вызовам и транснациональным угрозам на основе собственных, согласованных правил.

Процесс разработки модельного закона неизбежно активизирует сравнительно-правовые исследования, дискуссии среди ведущих юристов и практиков стран СНГ, будет способствовать формированию общей доктринальной базы, конвергенции научных школ и выработке оптимальных правовых решений. Модельный закон, в отличие от международного договора, не налагает жестких юридических обязательств. Он является формой «мягкого права», предлагая государствам эталонную модель для постепенной адаптации своего законодательства.

Таким образом, необходимость разработки и принятия новой редакции модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности» для СНГ продиктована комплексом взаимосвязанных причин: от практической потребности в эффективном противодействии транснациональной преступности до фундаментальной задачи построения правовых государств, в которых силовые органы действуют в рамках четкого закона, обеспечивающего баланс между безопасностью и свободой.

Такой закон должен стать не просто техническим шаблоном, а стратегическим документом, закрепляющим единство целей (защита личности, общества, государства от преступных посягательств), единство принципов (законность, уважение прав человека, конспирация, сочетание гласных и негласных

методов) и единство подходов к ключевым процедурам. Его принятие станет убедительным свидетельством политической воли государств – участников Содружества к углублению интеграции и общей ответственности за безопасность в регионе. В конечном счете это вопрос не только оперативной эффективности, но и цивилизационного выбора в пользу правового порядка и достоинства личности.

Замечания и предложения

Оперативно-розыскная деятельность по своей правовой природе является вспомогательным инструментом уголовно-правового реагирования на преступность. Соответственно, модельный закон СНГ об ОРД должен быть ориентирован на борьбу с преступностью и обеспечение уголовного правоприменения, а также на создание сопоставимых стандартов межгосударственного взаимодействия (обмен информацией, совместные мероприятия, передача результатов в уголовное судопроизводство, минимальные гарантии прав личности).

В этой связи включение в модельный закон контрразведывательных, административно-проверочных и иных задач является методологически ошибочным, так как это размывает назначение ОРД, снижает легитимность модели и осложняет ее принятие государствами с иной архитектурой специальных служб и административного контроля. Такое расширение превращает ОРД в универсальный инструмент скрытого государственного контроля, а не в механизм предотвращения и раскрытия преступлений, снижает совместимость модели с правопорядками, где негласное вмешательство допускается преимущественно в рамках уголовного судопроизводства и противоречит назначению модельного закона СНГ как основы кооперации именно в уголовно-правовой сфере.

Поэтому задачи и основания ОРД в модели следует сузить до уголовно-правовых целей: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений; розыск лиц, скрывшихся от уголовного преследования и исполнения приговора; установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Административно-проверочные и контрразведывательные цели целесообразно ис-

ключить из модели как предмет иных отраслевых законов.

ОРД неизбежно затрагивает конституционные права на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки и сообщений, свободу передвижения, право собственности и право на справедливое судебное разбирательство. Поэтому современный тренд в государствах СНГ – это перевод наиболее интенсивных форм негласного вмешательства из «внепроцессуального» режима в уголовно-процессуальный формат (негласные следственные действия или специальные следственные действия), где действуют более жесткие стандарты допустимости, судебный контроль и правила раскрытия стороне защиты.

На этом фоне предлагаемый Проект, позиционируемый как «учет современных тенденций», концептуально движется в противоположном направлении, расширяя автономию ОРД и одновременно допуская использование материалов ОРД в уголовном процессе (вплоть до возбуждения дела и доказывания), но без сопоставимых процессуальных гарантий. В результате модельный закон рискует не гармонизировать, а дезорганизовать национальные системы права.

Концептуальная проблема заключается в том, что Проект «не попадает» в современную архитектуру уголовного процесса стран СНГ. Ключевой изъян – попытка заново «надстроить» самостоятельный нормативный массив вокруг негласного получения информации, тогда как в ряде государств СНГ соответствующие инструменты уже институционализированы в уголовно-процессуальном законодательстве как негласные или специальные следственные действия с процессуальными гарантиями и судебным контролем. Так, УПК Республики Казахстан прямо содержит главу о негласных следственных действиях и перечисляет их виды (ст. 231), а УПК Кыргызской Республики закрепляет «специальные следственные действия» как действия без информирования затрагиваемых лиц, направленные на получение сведений, подлежащих доказыванию, когда обычными следственными действиями это невозможно.

На этом фоне модельный закон в предложенном виде провоцирует дублирование

и конкуренцию режимов (ОРМ по оперативно-розыскному закону против негласных следственных действий по УПК) и создает риск обхода уже установленных в упомянутых странах процессуальных стандартов. Иными словами, вместо гармонизации с уже сложившимся в ряде стран СНГ «процессуальным» форматом негласных следственных действий Проект возвращает дискуссию на шаг назад и потенциально конфликтует с действующими УПК-моделями. Таким образом, он не является универсально применимой моделью для СНГ: он «заточен» под юрисдикции с сильной автономией ОРД, например, Российскую Федерацию или Республику Беларусь, и практически несовместим с правовыми порядками, где негласные инструменты уже процессуализированы. Именно поэтому оценка Проекта требует строгой проверки на согласуемость с УПК-моделями государств СНГ и юридическую определенность терминологии.

Пояснительная записка к Проекту подчеркивает гарантии прав и законности, но конструкция предлагаемого закона системно увеличивает пространство ведомственного усмотрения: широкие формулы целей («обеспечение безопасности общества и государства» в ст. 1); расширенные задачи (ст. 3) и основания (ст. 16); множественные отсылки к национальному законодательству и ведомственным актам (ст. 4, ст. 12, ст. 36, ст. 41 и др.). Для модельного закона такая техника регулирования недопустима, так как он по своему предназначению должен задавать минимальный стандарт правовой определенности, а не разрешать все или отсылать регламентацию отечественному законодателю.

Анализ предлагаемого модельного закона выявляет фундаментальное противоречие между декларируемыми в пояснительной записке целями и фактической нормативной конструкцией. Несмотря на заявленные в записке намерения по усилению гарантий прав граждан и законности, системная архитектура документа приводит к противоположному результату – к необоснованному расширению сферы ведомственного и национального усмотрения. Эта тенденция проявляется на нескольких уровнях.

Во-первых, в использовании предельно широких, идеологически окрашенных формул, таких как «обеспечение безопасности общества и государства» (ст. 1), что лишает закон предметной определенности. Подобные категории, не имеющие четких юридических критериев, трансформируются из деклараций в легальные основания для практически неограниченного вмешательства, поскольку под них можно подвести практически любую оперативную активность.

Во-вторых, в расширении перечня задач (ст. 3) и оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий (ст. 16), что не только размывает профильное предназначение ОРД как инструмента борьбы с преступностью, но и создает предпосылки для ее использования в несвойственных целях, включая административный контроль и предупредительно-разведывательные функции, что ведет к ее универсализации.

В-третьих, в обилии бланкетных и отсылочных норм к «национальному законодательству» и «ведомственным актам» (ст. 4, 12, 36, 41 и др.), что фактически означает отказ от собственно моделирования единых стандартов. Ключевые элементы правового режима – процедуры, гарантии, критерии, механизмы контроля – выводятся за рамки модельного акта, делегируя их формирование на национальный или даже ведомственный уровень.

Подобный подход является концептуально порочным для документа, имеющего статус модельного закона. Его основная миссия заключается не в санкционировании максимально широкого спектра возможных действий или в легитимации существующих национальных практик, а в установлении единого минимального (рамочного) стандарта правовой определенности и гарантий. Такой стандарт должен обеспечивать создание общей понятийной и процедурной основы для взаимодействия правоохранительных систем государств СНГ в уголовно-правовой сфере; четкое определение границ допустимого вмешательства, исключающее произвольное толкование; закрепление конкретных, а не декларативных механизмов судебного и прокурорского контроля, действующих независимо от национальных особенностей.

Таким образом, вместо выполнения своей интеграционной и стандартизирующей функции Проект в его текущей редакции поощряет правовой партикуляризм и закрепляет регулятивную неопределенность, что противоречит самой сути модельного законодательства.

Сомнительная законодательная техника: «унификация» достигается усложнением и размыванием. В пояснительной записке утверждается, что дробление определений ОРМ по отдельным статьям (ст. 21-34) упрощает восприятие и обеспечивает единообразие. На практике получается обратное:

- проект перегружен дефинициями, которые не дают правовой определенности, а лишь «переписывают» тактическую лексику ведомственных нормативных правовых актов в закон;

- вместо унификации терминов для СНГ фиксируются конструкции, характерные для отдельной национальной традиции;

- целые блоки ключевых вопросов «выводятся» в подзаконное нормотворчество органов ОРД (см. многочисленные отсылки к актам органов, «определяются органами...», «в порядке, установленном национальным законодательством»), что для модельного закона выглядит как отказ от собственно моделирования.

Представляется методологически ошибочным включение в текст модельного закона детальной регламентации порядка ведения дела оперативного учета (ст. 17). Данный институт по своей правовой природе представляет собой сугубо внутренний документооборот оперативного подразделения, предназначенный для служебного использования. Его подробная законодательная фиксация выполняет лишь формальную, а не содержательную регулятивную функцию, так как не создает правовых последствий, доступных для внешней проверки. Детализация подобных процедур на уровне закона вводит в заблуждение относительно реального уровня гарантий прав граждан. Поскольку доступ к материалам дела оперативного учета для участников уголовного судопроизводства по определению исключен в целях конспирации, любые законодательные предписания о его ведении

остаются непроверяемыми и, следовательно, нефункциональными с точки зрения процессуальных гарантий. Практическим результатом такой регламентации становится не усиление правовой защиты, а лишь создание видимости законодательного контроля над не подлежащей контролю организацией и тактикой ОРД, что подрывает доверие к правовым институтам.

Основная задача модельного закона должна заключаться не в кодификации внутренних административных регламентов, а в установлении четких, транспарентных и проверяемых процедурных гарантий на стыке оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Законодатель должен фокусироваться на регулировании ключевых моментов: четкие критерии и процессуальные формы, в которых сведения, полученные оперативным путем, подвергаются проверке, оценке и трансформируются в доказательства, допустимые в уголовном процессе; механизмы, обеспечивающие возможность для суда и стороны защиты проверить законность получения исходных данных и достоверность выводимой из них информации, даже при сохранении в тайне конкретных оперативных методов и источников; недопустимость принятия итоговых судебных решений исключительно на основе материалов, не подлежащих какой-либо форме состязательной проверки [подр.: 6, с. 141].

Таким образом, избыточная детализация внутреннего делопроизводства отвлекает внимание от принципиального пробела – отсутствия надежного правового «моста» между оперативно-розыскной информацией и судебным доказательством. Модельный закон призван именно создать такой «мост», основанный на гарантиях, а не закреплять непрозрачные внутренние процедуры, остающиеся «черным ящиком» для правосудия.

Несмотря на наличие главы о прокурорском надзоре и контроле (ст. 69, ст. 70), Проект не предлагает действенных механизмов, позволяющих преодолеть ключевое противоречие: как осуществлять полноценный надзор за негласной деятельностью? как обеспечить конспирацию и режим секретности

при представлении оперативно-служебных документов? каковы полномочия прокурора? Упоминание о представлении материалов прокурору не решает проблему, так как сами эти материалы могут и не отражать всех аспектов законности проведенных ОРМ, с другой стороны, они могут содержать сведения об организации и тактике ОРД, не входящие в предмет надзора. Модельный закон должен содержать более прогрессивные и конкретные нормы о судебном и парламентском контроле за использованием наиболее инвазивно-наступательных ОРМ.

Глоссарий: спорный набор терминов и слабые определения. Проект заявляет введение новых основных терминов, но значительная часть глоссария выглядит методологически уязвимой. Выскажем сомнение относительно некоторых терминов и их дефиниций.

1. Ненужность определения понятия ОРД. Оперативно-розыскное законодательство необходимо освободить от избыточных норм, носящих декларативный характер и не несущих правовой нагрузки. К таковым можно отнести определение ОРД, данное в ст. 1. При этом нужно учитывать, что любая дефиниция отражает не все признаки определяемого понятия, тем более, невозможно дать нормативное определение такому сложному виду социальной практики, как оперативно-розыскная деятельность. Здесь можно провести аналогию с уголовно-процессуальным, уголовным или гражданским законодательством: в них нет специальных норм, поясняющих, что такое уголовно-процессуальная или иная деятельность, нет определений допроса и обыска и т.п.. По этой же причине следует признать необоснованными попытки дать нормативные правовые дефиниции оперативно-розыскному мероприятию как родовому понятию или отдельным методам ОРД. При этом дефиниция в ст. 1 чрезмерно широкая (фактически покрывает «обеспечение безопасности общества и государства», то есть почти без границ) и не проводит четкой демаркации между ОРД, уголовным преследованием, контрразведкой, административным контролем. В результате определение

ради определения не выполняет главной функции – наполнение понятия правовым смыслом.

2. Предложенная дефиниция «оперативно-розыскного мероприятия», сводящая его к «способу действия», методологически не состоятельна, поскольку не выполняет ключевую функцию юридического определения – не устанавливает его правовую природу и отличительные признаки. Абстрактность такой формулировки приводит к смешению правовых режимов: она не проводит границы ни с уголовно-процессуальными действиями (особенно при допустимости использования результатов для возбуждения уголовного дела и доказывания), ни с внутриведомственными организационно-тактическими операциями, легализация которых на уровне закона без строгих процессуальных рамок недопустима. Напомним, что уголовно-процессуальное законодательство вполне успешно обходится без дефиниции «следственные действия». Более важным является не детальное определение каждого термина в законе, а четкое законодательное определение юридической процедуры проведения ОРМ, чего в Проекте не предложено.

3. Неприемлемым следует признать предлагаемое определение категории «близкие лица». Включение в него помимо родственников и членов семьи «иных граждан, которых обоснованно считают близкими» вводит в законодательство оценочную и неопределенную правовую конструкцию. Отсутствие четких, проверяемых критериев для отнесения лица к «близким» (таких как характер фактических отношений, их длительность, взаимные обязательства) фактически делегирует правоприменителю неограниченное дискреционное право по произвольному расширению этого круга. Подобная формулировка не соответствует принципам юридической техники, требующим от правовых дефиниций точности и предсказуемости толкования. В контексте оперативно-розыскной деятельности, где статус «близкого лица» может влечь применение мер безопасности, ограничение прав или предоставление доступа к конфиденциальной информации, подобная расплывчатость создает недопустимые риски для

прав граждан и открывает возможность для злоупотреблений.

4. Включение в модельный закон дефиниций «материалы ОРД» и «оперативно-служебные документы» является концептуально ошибочным. Их правовой смысл остается неясным, а практический эффект сводится к излишней иерархизации и регулятивному усложнению внутреннего документооборота оперативных аппаратов. Такие понятия, как «документ» или «материал», не требуют специального законодательного определения, поскольку их содержание очевидно в рамках общего языка права. Однако, придав особый статус формам внутренней служебной отчетности, предлагаемый Проект фактически конструирует самодостаточный нормативный массив, существующий параллельно уголовно-процессуальному регулированию. Это создает системную угрозу: чем более детализированным и «замкнутым» становится этот массив, тем выше риск необоснованной процессуализации ОРД.

5. Непонятна цель нормативной дефиниции ряда терминов, не вызывающих вопросов в ходе оперативно-розыскного правоприменения, например «средства негласного получения (фиксации) информации», «специальные знания», «предметы и документы» и др.

Проект содержит нормы, которые усиливают именно оперативную автономию, – при том, что последствия выходят в уголовный процесс. В частности, «контроль в сетях электросвязи» (ст. 31) объединяет несколько по сути разных вмешательств (перехват, фиксация, получение данных, геолокация, прерывание соединений). Такая «супер-мера» – типичный признак правовой неопределенности: чем больше внутри одной нормы, тем проще обходить пороги допустимости.

Системный дисбаланс в использовании материалов ОРД: риск формирования режима «закрытого правосудия». Блок статей 49-50 Проекта, регламентирующий использование материалов оперативно-розыскной деятельности, содержит внутренние противоречия, создающие системную угрозу принципам справедливого судебного разбирательства. Его ключевой дефект заключается в установлении асимметричного режима, кото-

рый одновременно легализует использование данных материалов в качестве основания для ключевых процессуальных решений (возбуждение уголовного дела) и в качестве средства доказывания, но при этом наделяет их статусом фактической неприкосновенности.

Данный правовой механизм формирует проблемную конструкцию легитимации «закрытого» обвинения. Уголовное преследование приобретает возможность инициироваться и поддерживаться сведениями, источник, способ получения и полнота которых могут быть скрыты от стороны защиты под предлогом конспирации, защиты методов работы или жизни источников (ст. 50). Это прямо противоречит конституционному принципу состязательности, предполагающему равные возможности сторон по исследованию и оспариванию доказательств. А возможность непредставления результатов ОРД, лишает защиту основного инструмента для проверки достоверности таких сведений, оценки законности их получения и возможной провокации. Обвинение, таким образом, получает в распоряжение категорию доказательств, не подверженных полноценной перепроверке и критике противоположной стороной, что сводит на нет само понятие равноправия в процессе. При таком походе надзор и судебный контроль за законностью превращаются в формальность, если их субъекты лишены доступа к полной информации о происхождении и обстоятельствах получения доказательств. Суд и прокурор вынуждены принимать решения, основываясь на уже отфильтрованных и интерпретированных оперативным ведомством материалах, не имея возможности самостоятельно оценить исходные данные. Это трансформирует их роль из независимых арбитров в санкционирующие инстанции, зависящие от представленной им ведомственной версии.

Для модельного закона, декларирующего гарантии законности и прав личности, подобный подход представляет собой концептуальный перекося. Вместо создания сбалансированной процедуры, обеспечивающей как эффективность расследования, так и права обвиняемого, Проект институционализирует режим «закрытого доказательства». В этой

конструкции декларативные гарантии правосудия подменяются безусловным приоритетом ведомственных интересов в сохранении служебной тайны, что ведет к эрозии фундаментальных основ справедливого судопроизводства и создает прецедент для построения обвинения на непроверяемых основаниях.

Расширение задач ОРД от борьбы с преступностью к универсальному сбору сведений. Проект расширяет задачи ОРД (установление имущества под арест, обеспечение безопасности участников процесса, допуск к секретам и видам деятельности и т. п.). В теории это можно объяснить практическими потребностями, но юридически это ведет к тому, что ОРД превращается в универсальный инструмент государственного контроля, а не в строго ограниченный механизм для целей борьбы с преступностью.

В государствах, где негласные действия уже включены в УПК как специальные или негласные следственные действия (см. примеры выше), такая универсализация особенно конфликтна: процесс и так предоставляет инструменты – но с более жесткими стандартами.

Таким образом, Проект в нынешнем виде оторван от оперативно-розыскной реальности СНГ и не согласуется с правовой эволюцией ряда государств, где негласное вмешательство уже встроено в уголовно-процессуальные модели (негласные или специальные следственные действия) и подчинено процессуальным гарантиям.

Предлагаемый глоссарий не укрепляет определенность, многие дефиниции избыточны, расплывчаты или тактически-ведомственные по смыслу. Особенно сомнительна потребность в отдельном «самоценном» определении ОРД.

Проект скорее консервирует и легализует устаревшее понимание ОРД, нежели создает современную модель баланса безопасности и прав человека. Для модельного закона СНГ это означает методологическую неудачу: он не задает «лучшую практику», а закрепляет спорные решения, которые уже вступают в противоречие с процессуальными подходами, принятыми в ряде юрисдикций.

Как регуляторный акт Проект является громоздким и внутренне противоречивым.

Он не предлагает работающих решений для главных вызовов в сфере ОРД, сосредотачиваясь на формальных аспектах. Его имплементация скорее осложнит, чем улучшит правоприменительную практику.

Заключение: представленный проект модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности» не может быть рекомендован к принятию в качестве современного стандарта для государств СНГ. Требуется его коренная переработка с фокусом на:

- гармонизацию с национальными УПК и четкое разграничение оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности;
- разработку ясных законодательных процедур преобразования результатов ОРД в доказательства;
- укрепление реальных, а не декларативных механизмов судебного и прокурорского контроля;

– отказ от избыточной детализации профессиональных организационно-тактических понятий;

– сужение целей, задач и оснований ОРД до уголовно-правового ядра, исключив административно-проверочные и контрразведывательные задачи из предмета модельного закона;

– выделение в модели раздела, прямо ориентированного на межгосударственное взаимодействие в уголовно-правовой сфере.

Вывод: устранение указанных недостатков требует не редакционной правки, а концептуальной переработки Проекта. Его следует переориентировать с детализации оперативных методик на создание надежных правовых мостов между оперативной деятельностью и уголовным процессом с безусловным приоритетом процессуальных гарантий и верховенства права.

Библиографический список

1. Воронцов, А.В. Информационно-аналитическое обеспечение розыскной и идентификационной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по линии борьбы с организованной преступностью : монография / А.В. Воронцов, А.В. Парфенов. – М.: Проспект, 2025. – 72 с.
2. Галахов, С.С. Проблемы правовой основы оперативно-розыскной деятельности и пути совершенствования законотворческой деятельности в этой сфере (к юбилею принятия федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности») / С.С. Галахов // Теория и практика общественного развития. – 2025. – N 11(211). – С. 247-253.
3. Галахов, С.С. Принципы, обеспечивающие решение задач оперативно-розыскной деятельности (научно-прикладные проблемы) / С.С. Галахов, Н.Б. Маликова // Алтайский юридический вестник. – 2021. – N 4(36). – С. 102-107.
4. Иванов, П.И. 30 лет Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / П.И. Иванов // Аграрное и земельное право. – 2025. – N 7. – С. 404-409.
5. Луговик, В.Ф. Мораль в оперативно-розыском законодательстве: новые контексты и вызовы / В.Ф. Луговик // Общество и право. – 2025. – N 1(91). – С. 59-70.
6. Луговик, В.Ф. Конституционный прецедент толкования в контексте трансформирующейся концепции оперативно-розыскной деятельности / В.Ф. Луговик, В.И. Сургутсков // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2024. – Т. 30. – N 2(93). – С. 139-145.

УДК 343.98

Евгений Емельянович ЦЕНТРОВ,

профессор кафедры криминалистики
юридического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный профессор МГУ
tsentrov.e.e@gmail.com

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ РАССЛЕДОВАНИЮ

ON COUNTERING THE INVESTIGATION

Проблема преодоления противодействия расследованию должна рассматриваться не только с позиции тактико-криминалистических положений и методики расследования. Она имеет всеобщее значение и затрагивает все основные структуры криминалистики. В статье рассматриваются правовые основания обеспечения эффективности преодоления противодействия расследованию и обращается внимание на основания оценки полученного признания и преодолению самооговора и оговора.

The problem of overcoming counteraction to the investigation should be considered not only from the perspective of tactical and forensic principles and investigative methodology. This issue is of universal significance and affects all the main structures of forensic science. The article examines the legal basis for ensuring the effectiveness of overcoming counteraction to the investigation and focuses on the reasons for evaluating confessions obtained and overcoming self-incrimination and slander.

Ключевые слова: противодействие, тактика, методика, преступное сообщество, коррупция, оговор.

Keywords: counteraction, tactics, methodology, criminal community, corruption, slander.

Противодействие расследованию – это любое противоправное вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда по осуществлению правосудия, воспрепятствование деятельности прокурора, следователя или лица, производящего дознание, создание тем или иным образом каких-либо помех, препятствующих и мешающих выявлению и раскрытию преступлений, а также их всестороннему, полному и объективному расследованию.

В ч. 3 ст. 8 УПК РФ отмечается своеобразный эффект преодоления внепроцессуальных обращений государственных органов, органов местного управления, иных органов,

организаций, должностных лиц или граждан, поступивших судьям по уголовным делам, находящимся в их производстве, за счет предания гласности информации о таких обращениях.

Если посмотреть на проблему преодоления противодействия расследованию в более широком плане, то можно увидеть, что она является всеобщей, имеющей отношение ко всей правовой системе, и не только к уголовному и уголовно-процессуальному праву. Она затрагивает интересы гражданского, административного судопроизводства, коммерческой, предпринимательской деятельности.

Неверно рассматривать преодоление противодействия расследованию преступлений как некую отдельную специфическую часть процесса расследования, разрабатываемую криминалистической тактикой, а также в какой-то мере и методикой расследования. Именно в таком понимании эта проблема представлена в разделе «Криминалистическая методика расследования преступлений» учебника криминалистики 2023 г. [9, с. 563-575]. Там, в частности, отмечено, что «криминалистическая тактика является средством преодоления, оказываемого следователю противодействия» [9, с. 564]. Однако приемы, методы и средства преодоления противодействия расследованию имеют отношение ко всему процессу расследования и учитываются, исследуются, разрабатываются не только в криминалистической тактике и методике расследования.

Все структуры криминалистики – ее науковедческая часть, технико-криминалистические средства и методы, тактические положения, процедуры, технологии производства отдельных следственных действий, частные методики расследования не просто ориентированы, а буквально пронизаны необходимостью учитывать, преодолевать те препоны и трудности, проблемные ситуации, которые возникают в процессе раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.

Понимание преодоления противодействию расследования только в тактико-криминалистическом смысле является ограниченным. И эта ограниченность не вписывается в реальность всего процесса расследования. Выделение преодоления противодействию расследования как отдельной проблемы, некой категории теоретической конструкции уводит в сторону от общего подлинного понимания сущности всей следственной и криминалистической деятельности. Конкретные приемы и процедуры преодоления противодействия в следственной деятельности перемежаются, сочетаются с многообразием и спецификой субъективного и объективного характера параметров всего процесса расследования [5, с. 107].

И такое понимание складывается из сути наличия объективно существующего проти-

востояния и постоянного противоборства, своеобразной конкуренции, существующей между преступной деятельностью и деятельностью правоохранительных органов по расследованию, пресечению и предупреждению преступлений. И это противостояние складывается и соответствует известному диалектическому закону единства и борьбы противоположностей. Понятие «единства» состоит в том, что ни одна из них не может существовать отдельно от другой. Их взаимосвязь закономерна, поскольку если бы не было преступности, то и не нужна была бы вся система правоохранительных органов. Количество, качество, структура правоохранительной системы зависят от объема, разнообразия и меняющихся параметров и особенностей преступной деятельности.

В процессе преодоления противодействия расследованию необходимо учитывать следующие тенденции, присущие функционированию криминальной среды.

Постоянное стремление криминальной среды – преступного сообщества, преступных групп, отдельных представителей криминального мира – превзойти, опередить правоохранительные органы в использовании таких специальных технических средств, приемов, методов совершения преступлений, которые бы позволили избежать разоблачения и наказания.

Эта своеобразная борьба противоборствующих структур, конкуренция противоречивых интересов и методов деятельности проходит с переменным успехом. Криминальный ум довольно часто оказывается изощреннее интеллектуальных, организационных и иных усилий органов, борющихся с преступностью. В столкновении противоречивых интересов чаще всего побеждает тот, кто просчитывает свои действия на несколько позиций, шагов вперед, лучше учитывает тенденцию, использует самые современные технические средства, приемы и методы.

Побеждают не просто умнейшие, а те, кто при этом лучше обеспечен (интеллектуально, финансово, материально, технически) и, главное, сильнее мотивирован. Эту особенность криминальной деятельности, которую с полным правом можно отнести к закономер-

ностям, отметил в свое время первый заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета МГУ И.Н. Якимов [13].

На современном этапе особенно остро проявляется следующая тенденция – стремление криминальной среды к проникновению в правоохранительные органы, силовые структуры, иные органы государственной власти и управления, СМИ, различные общественные образования и структуры, подчинению их своему влиянию и использованию в преступных целях.

При этом проявляется тенденция к обеспечению системности функционирования преступной деятельности, которая, в частности, выражается в использовании и подготовке высокопрофессиональных кадров – юристов, экономистов, психологов и т.п. за счет оплаты их обучения, назначения специальных стипендий, решения жилищных, финансовых проблем и иной поддержки.

Данная тенденция проявляется также в активной поддержке и выдвижении своих кандидатов в депутаты всех уровней законодательной и исполнительной власти, проталкивании своих людей в контрольно-ревизионные и правоохранительные органы: полицию, следствие, дознание, прокуратуру, суд, исправительно-трудовые учреждения, что обеспечивает не только лоббирование интересов при осуществлении различных легальных и криминальных операций и махинаций, но и безопасность самого криминального существования [10, с. 64-77].

Выделяя коррупцию как своеобразную формацию криминальной деятельности, отражающую своеобразие развития социальных институтов, следует отметить, что она нередко идет навстречу общеуголовной, организованной преступности и порой смыкается с ней.

Коррупция – это не только

(1) продажность чиновников, представителей государственной, законодательной, исполнительной власти (получение, дача, посредничество в даче взятки), но и

(2) использование своего должностного положения, принадлежности к общественным структурам и фондам (аффилированно-

сти) в целях личного обогащения, совершения различного рода хищений, а также

(3) создание, организация преступных сообществ, преступных групп, руководство и участие в их преступной деятельности,

(4) использование криминальной среды (индивидуумов, групп, сообществ) при осуществлении преступных операций,

(5) а своего должностного и иного положения – с целью сокрытия криминальной деятельности.

Должностное положение в целях личного обогащения может использоваться путем влияния на принятие решений, нормативных и иных актов, выгодных подконтрольным коммерческим и иным структурам, например для спекулятивного повышения цен на товары и услуги, а также при распределении различных фондов, прав торговли и т.п. выгод имущественного и неимущественного характера [6, с. 187-193].

Коррупционная составляющая приобретает особо опасный характер, когда при сокрытии криминальной деятельности, противодействии расследованию опирается на создание обстановки угроз, психического воздействия, запугивание, дискредитацию, отстранение от дела, выдавливание из правоохранительной системы и даже привлечение по сфальсифицированным данным к уголовной ответственности и осуждение профессионалов – талантливых оперативных работников, следователей, раскрывших преступные криминальные схемы и установивших лиц, причастных к преступной деятельности. Следует иметь в виду, что незащищенность, а точнее, самонезащищенность системы по отношению к ее лучшим представителям чревата запуском механизма саморазрушения либо – в лучшем случае – невозможностью функционирования на высоком уровне эффективности.

Субъектами противодействия расследованию оказываются лица, тем или иным образом вовлеченные в орбиту уголовного судопроизводства, а также те, кто в силу должностного положения, принадлежности к общественным структурам и фондам (аффилированности) имеют возможность осуществлять соответствующие воздействия.

Субъектами противодействия в тех или иных ситуациях могут выступать подозреваемый, обвиняемый, свидетель, потерпевший, законные представители несовершеннолетнего (родители, усыновители, опекуны, попечители – п. 12 ст. 5 УПК РФ), адвокаты, защитники, эксперты, специалисты, переводчики, понятые, нотариусы, гражданские ответчики, истцы и иные лица [9, с. 565-566].

Противодействие расследованию многообразно. Выделяются три основных этапа его осуществления: 1) при подготовке уголовного деяния; 2) в процессе его совершения; 3) при непосредственном проведении расследования. Оно может выражаться в специальных подготовительных действиях (выборе, ознакомлении с конкретным местом, объектом, подборе технических средств, транспорта, соучастников, непосредственных исполнителей и т.п.). Лица, причастные к уголовному событию, нередко принимают меры к уничтожению значащих документов, следов, различных связанных с уголовным событием объектов, вносят изменения в материальную обстановку, прибегают к ее фальсификации, инсценировкам, подбрасывая на место происшествия, место преступления объекты и предметы, наличие которых вызывает подозрение и нередко создает фактические основания для привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц, не причастных к данному уголовному событию. При проведении расследования прибегают к отказу от показаний, даче ложных показаний, ложному алиби. Под влиянием объективных и субъективных факторов возможен самооговор, оговор невиновных лиц, одновременно и то, и другое, а также использование в процессе расследования психического, физического воздействия на свидетелей, потерпевших, их подкуп с целью склонить к изменению позиции по делу и даче ложных показаний.

Вполне возможно рассмотрение особенностей преодоления противодействия расследованию применительно к конкретным методикам расследования¹.

Правовые основания обеспечения эффективного преодоления противодействия расследованию.

В главе 31 УК РФ «Преступления против правосудия» содержатся самые весомые правовые основания, направленные на пресечение, предотвращение, пресечение, нейтрализацию самых распространенных действий по противодействию расследованию. Статья 294 УК РФ формирует основу понятия противодействия: вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия, в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, в целях воспрепятствования всестороннему полному и объективному расследованию. Особо важные положения, имеющие отношение к преодолению противодействия расследованию, предусмотрены во многих положениях, содержащихся в УК РФ и УПК РФ.

Здесь выделяются три основных параметра: 1) защита представителей правоохранительной системы от преступных воздействий и преступных посягательств; 2) правовая ответственность за действия коррупционной направленности; 3) меры пресечения и предупреждения противодействия расследованию со стороны различных лиц, преступных групп, преступных организаций и сообществ. Рассмотрим эти экспозиции.

1. В целях обеспечения безопасности и защиты от преступных посягательств и воздействий ст. 295 УК РФ установлена уголовная ответственность за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование. Статьей 296 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за угрозу убийством, причинением вреда здоровью или повреждением имущества в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвовавшего в отправлении правосудия, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде; ч. 2 статьи защищает при аналогичных обстоятельствах прокурора, следователя, лицо, производящее дознание, защитника,

1 Например, в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя имеется кафедра «Противодействие преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий».

эксперта, специалиста, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации, а равно их близких; в чч. 3 и 4 статьи установлена уголовная ответственность за такие же деяния, совершенные с применением насилия, не опасного либо опасного для жизни и здоровья [11].

В этом же порядке особое значение приобретают содержащиеся в ч. 3 ст. 11 УПК РФ меры обеспечения безопасности потерпевшего, свидетеля или иных участников уголовного судопроизводства, а также их близких родственников или близких при угрозах убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями. К ним относятся сохранение в тайне данных об их личности, за счет использования в протоколах псевдонима (ч. 9 ст. 166 УПК РФ), проведение предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего (ч. 8 ст. 193 УПК РФ), разбирательство уголовного дела в закрытом судебном заседании (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ), без оглашения подлинных данных проведение допроса потерпевшего, а также свидетеля в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства (ст. 277, ч. 5 ст. 278 УПК РФ) либо путем использования систем видео-конференц-связи (ч. 2 ст. 241.1, ст. 278.1 УПК РФ).

Статьей 298.1 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации в связи с рассмотрением материалов, дел в суде и производством предварительного расследования. Статьей 311 УК РФ установлена уголовная ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении этих же лиц, а также потерпевшего, свидетеля, других участников уголовного процесса, а равно в отношении их близких. Статьями 207.1 и 207.2 УК РФ предусмотрена ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни

и безопасности граждан, а также за распространение общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия.

2. Правовая ответственность за действия коррупционной направленности изложена во многих статьях УК РФ. Так, ст. 299 УК РФ предусмотрена ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности и незаконное возбуждение уголовного дела. Статьей 301 УК РФ установлена уголовная ответственность за незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей. На основании ст. 302 УК РФ подлежит ответственности следователь, лицо, производящее дознание, или иной сотрудник правоохранительного органа за принуждение подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного или свидетеля к даче показаний либо эксперта или специалиста к даче заключения или показаний путем угроз, шантажа или иных незаконных действий, а также совершенное с применением пытки. В ст. 303 УК РФ установлена ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником, а также за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-розыскных мероприятий, в целях уголовного преследования лица, заведомо не причастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации. Статьей 305 УК РФ отнесено к уголовно наказуемым деяниям вынесение судьей (судьями) заведомо неправомерного приговора, решения или иного судебного акта. В соответствии со ст. 300 УК РФ является уголовно наказуемым незаконное освобождение от уголовной ответственности лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, прокурором, следователем или лицом, производящим дознание. Статьей 286 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за применение должностным лицом пытки, а также за действия, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью.

3. Меры пресечения и предупреждения противодействия расследованию со сторо-

ны различных лиц, преступных групп, преступных организаций и сообществ. В данной экспозиции следует отметить содержащиеся в законе положения, предостерегающие, предупреждающие о недопустимости некоторых действий, обуславливающих возможное противодействие процессу расследования. К ним относятся заведомо ложный донос о совершении преступления (ст. 306 УК РФ), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307 УК РФ), отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (ст. 308 УК РФ). В практике расследования предупреждение об ответственности за заведомо ложный донос чаще всего применяется при приеме сообщения о совершенном преступлении. А об ответственности за заведомо ложные показания и отказ от дачи показаний следователь либо дознаватель предупреждает перед допросом свидетеля и потерпевшего.

В ст. 161 УПК РФ предусмотрено предупреждение следователем или дознавателем адвоката, защитника, любых иных участников уголовного судопроизводства о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения данных предварительного расследования, о чем у них берется подписка с предупреждением об ответственности в соответствии со ст. 310 УК РФ.

Особо опасным при осуществлении противодействия расследованию является подкуп свидетеля, потерпевшего в целях дачи ими ложных показаний, эксперта, специалиста – в целях дачи ими ложного заключения или показаний, а равно переводчика – с целью осуществления им неправильного перевода (ч. 1 ст. 309 УК РФ). Субъектами таких криминальных деяний могут быть любые заинтересованные лица. Не менее опасным является принуждение свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний, а эксперта, специалиста – к даче ими ложного заключения или переводчика к осуществлению неправильного перевода, а равно принуждение указанных лиц к уклонению от дачи показаний, соединенное с шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничто-

жением или повреждением имущества этих лиц или их близких, а также совершенное с применением насилия не опасного либо опасного для жизни и здоровья этих лиц (чч. 2-4 ст. 309 УК РФ).

Тактико-криминалистические основания оценки полученного признания и преодоления самооговора и оговора.

При отказе подозреваемого, обвиняемого от дачи показаний, даче ложных показаний особо значимым является разъяснение предусмотренных ст. 61, 62, 64, 65, 73 УК РФ обстоятельств, смягчающих наказание, а также разъяснение положений чч. 2-4 ст. 62 УК РФ, в частности, о том, что в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.11 УПК РФ) срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наказания, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ. В соответствии с главой 40 УПК РФ при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением срок или размер наказания не могут превышать две трети срока или размера наиболее строгого вида наказания, а в случае, указанном в ст. 226.9 главы 32.1 (дознание в сокращенной форме) УПК РФ, – половины максимального срока или размера наказания. Кроме того, в соответствии с положениями главы 11 УК РФ, а также ст. 28, 28-1 УПК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, вообще может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления, как указано в ст. 75 УК РФ, добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим преступлением, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным. Статьей 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ предусмотрено освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа лицу, впервые совершившему преступление небольшой или средней тяжести, в случае если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. Штраф, очевидно, рассматривается не как мера уголовного пресле-

дования, наказания, а как некая, специфическая мера уголовно-правового характера Ъ (ст. 25.1 УПК РФ).

Изложенные положения уголовного и уголовно-процессуального права, бесспорно, способны во многих ситуациях особым образом обеспечить эффективное преодоление противодействия расследованию и получение признательных и правдивых показаний от лица, не желавшего признавать себя виновным. Но эти же положения способны оказать соответствующее воздействие и на лицо, в силу случайных, ошибочных, а порой и намеренных действий оказавшееся в роли подозреваемого или обвиняемого. Под их влиянием, особенно под влиянием условий, содержащихся, например, в ст. 75 УК РФ, оно может оговорить себя, признать виновным. Оно же в этом случае ничего не теряет и лишь приобретает возможность освободиться от принудительного воздействия представителей правоохранительных органов. Однако опасность самооговора не только в том, что преступление фактически остается не раскрытым, а еще и в том, что настоящий виновный избегает должного наказания и будет иметь возможность и дальше совершать подобные и другие криминальные деяния. Эти положения, по сути, фактически выделяют, выдвигают признание на первое место как одно из самых важных существенных доказательств по делу и рассматриваются многими представителями правоохранительных структур по терминологии, предложенной А.Я. Вышинским, как «царица доказательств» [4, с. 260]. С позиции этих представителей, чтобы раскрыть преступление, достаточно получить от допрашиваемого признательные показания. И в ситуациях, обозначенных в правовых положениях, совсем не обязательно представлять какие-либо доказательства, его подтверждающие. Если признание есть, то никто его истинность проверять не будет. В обширных правовых положениях, описывающих порядок и последовательность получения признания, не содержится условий проверки его истинности, то есть возможного самооговора и оговора других лиц. Лишь в ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ записано, что «в случае установления обстоятельств, препят-

ствующих постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора, в т.ч. при наличии достаточных данных полагать самооговор подсудимого, судья выносит постановление о возвращении уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке».

В ст. 77 УПК РФ отмечено: «Признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств». Однако такое положение не совсем верно, поскольку признание признанию рознь, и в качестве допустимого доказательства может быть положено в основу обвинения лишь то признание, в котором проявлена должная конкретная личная осведомленность обвиняемого об основных обстоятельствах расследуемого события, то есть такое знание, которое бы свидетельствовало, подтверждало его причастность к расследуемому событию [8]. В п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ выделен в качестве основного такой признак, как недопустимость показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденных подозреваемым, обвиняемым в суде. Однако, чтобы убедиться в истинности полученного признания и использовать его в дальнейшем в качестве доказательства по делу, такого одного признака недостаточно, поскольку и защитник может быть не вполне осведомлен о всех обстоятельствах, определяющих подлинность полученного признания. Его роль ограничена лишь подтверждением того, что признание было дано в его присутствии. В основе достоверности полученного признания лежат следующие признаки: 1) насколько полно, последовательно, конкретно и независимо от имеющихся доказательств в показаниях подозреваемого, обвиняемого освещены предусмотренные ст. 73 УПК РФ обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу; 2) сообщил ли он такие сведения, о которых ему не говорилось в процессе расследования (например, данные о характере

нанесенных телесных повреждений из заключения судебно-медицинской экспертизы); 3) содержатся ли в его показаниях такие детали и обстоятельства расследуемого события, которые были не известны следствию и которые, безусловно, должны быть известны лицу, совершившему преступление (например, место захоронения трупа, сокрытия похищенного, оружия и т.п.) ; 4) удалось ли в ходе следствия подтвердить соответствующими доказательствами факты, сообщенные допрашиваемым, которые до его показаний не были известны следствию [7; 1]; 5) кроме того, в ходе следствия необходимо проверить, не мог ли подозреваемый или обвиняемый знать подробности происшедшего от лиц, причастных к совершенному преступлению, либо из каких-либо иных источников.

Признание лица, в котором не содержатся данные, свидетельствующие о его виновной осведомленности, и имеются сведения, всего лишь относящиеся только к обстоятельствам происшедшего события, должно быть признано недопустимым доказательством и не может быть положено в основу его обвинения. Признание, не подтвержденное знанием обвиняемым специфических обстоятельств расследуемого события, по сути, выражает лишь его отношение к предъявленному обвинению и не может считаться доказательством его вины [подр.: 12].

В процессе расследования особое значение принадлежит объективным и субъек-

тивным обстоятельствам ситуативного характера. Криминалистическая, следственная ситуация – это обстановка, фактическое положение, реальные условия, складывающиеся на том или ином этапе расследования. Ситуации разнообразны, они могут быть типовыми, специфическими, проблемными, могут на первый взгляд казаться беспроблемными. Ситуации зависят от наличия объективных доказательств, характера и объема исходной информации о расследуемом событии, наличия специфических научно-технических средств, профессиональной подготовки представителей правоохранительной системы, их мотивации, готовности к тщательному поиску, сбору, анализу, проверке имеющихся фактических сведений, подтверждающих или опровергающих причастность того или иного лица или лиц к расследуемому событию [2; 3]. И в объеме исходных сведений важное место принадлежит верному пониманию наводящего вопроса и характера используемой при допросе информации. Понимание этих положений в определенной мере тоже должно лежать в основе оценки и проверки полученного признания. Эти вопросы специфические и их рассмотрение выходит за рамки данной статьи. К сожалению, и эти положения еще не оценены в достаточной мере представителями правоохранительных структур и отдельными специалистами-правоведами.

Библиографический список

1. Вагабов, Т.М.О. Теоретические и практические основы криминалистической тактики проверки показаний подозреваемого и обвиняемого в ситуациях противодействия расследованию : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.М.О. Вагабов. – М., 2014. – 26 с.
2. Волчецкая, Т.С. Моделирование криминальных и следственных ситуаций : учебное пособие / Т.С. Волчецкая. – Калининград, 1994. – 43 с.
3. Волчецкая, Т.С. Криминалистическая ситуалогия / Т.С. Волчецкая. – М., 1997. – 245 с.
4. Вышинский, А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А.Я. Вышинский. – 3-е изд., доп. – М., 1950. – 308 с.
5. Гармаев, Ю.П. Приоритеты государственной политики в контексте разработки и модернизации криминалистических методик расследования преступлений / Ю.П. Гармаев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. – N 1. – С. 101-108.

6. Гармаев Ю.П. Специальные принципы расследования коррупционных преступлений / Ю.П. Гармаев, Е.В. Гулина // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития : сборник статей по материалам всероссийской научно практической конференции / отв. ред. Г.М. Меретуков. – Краснодар: КубГАУ, 2019. – С.187-193.
7. Карнеева, Л.М. Допрос подозреваемого и обвиняемого / Л.М. Карнеева, А.Б. Соловьев, А.А. Чувилев. – М., 1969. – 124 с.
8. Карнеева, Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность / Л.М. Карнеева. – М., 1971. – 133 с.
9. Криминалистика: учебник / под ред. докт. юрид. наук, проф. И.М. Комарова. – М., 2023. – 712 с.
10. Куликов В.И. Основы криминалистической теории организованной преступной деятельности / В.И. Куликов. – Ульяновск: Филиал МГУ, 1994. – 219 с.
11. Радченко, А.А. Преступные посягательства на участников процесса доказывания / А.А. Радченко. – М., 2013. – 230 с.
12. Центров, Е.Е. Идеи в трудах Л.М. Карнеевой как основа дальнейшего развития теории доказательств и положений криминалистики. К столетию со дня рождения / Е.Е. Центров // Вестник академии экономической безопасности МВД России. – 2022. – N 2. – С. 195-199.
13. Якимов, И.Н. Осмотр / И.Н. Якимов. – М., 1935. – 119 с.

Сергей Борисович РОССИНСКИЙ,

главный научный сотрудник сектора уголовного
права, уголовного процесса и криминологии
Института государства и права Российской академии
наук (г. Москва),
доктор юридических наук, профессор

s.rossinskiy@gmail.com

**ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ И ПОКАЗАНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО
КАК СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА:
ОТ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ К ИНТЕГРАЦИИ**

**WITNESS TESTIMONY AND VICTIM TESTIMONY AS MEANS OF PROVING
THE CIRCUMSTANCES OF CRIMINAL CASE:
FROM DIFFERENTIATION TO INTEGRATION**

Статья посвящена сопоставлению показаний свидетеля и потерпевшего как различных, но в то же время достаточно близких, родственных друг другу средств уголовно-процессуального доказывания, predetermined вербальным способом познания объективной реальности. Рассматриваются причины, способствовавшие дифференции данных информационных актов, – они связываются с произошедшей на рубеже 1950-1960-х гг. автономизацией роли потерпевшего в качестве самостоятельного участника уголовного судопроизводства. Вместе с тем такая дифференциация оценивается как не вполне конструктивная. Говорится о разумности легального объединения показаний потерпевшего и свидетеля в единый и унифицированный вид доказательств. Предлагается исключить показания потерпевшего из предусмотренного уголовно-процессуальным законом перечня допустимых к использованию средств доказывания с одновременной реставрацией некогда существовавших требований о допросах потерпевших в качестве свидетелей.

The article is devoted to comparing witness and victim testimony, as different, but at the same time quite close, related to each other means of criminal procedural proving, predetermined by the verbal way of knowing objective reality. The reasons that contributed to the differentiation of these information acts are considered - they are associated with what happened at the turn of the 1950s and 1960s. autonomization of the role of the victim as an independent participant in criminal proceedings. However, such differentiation is assessed as not entirely constructive. The reasonableness of the legal combination of the testimony of the victim and witness into a single and unified type of evidence is discussed. It is proposed to exclude the testimony of victim from the list of admissible means of evidence under the criminal procedural law with the simultaneous restoration of the once existing requirements for interrogating victims as witnesses.

Ключевые слова: виды доказательств, доказательства, допрос, очная ставка, показания потерпевшего, показания свидетеля, потерпевший, средства доказывания.

Keywords: types of evidence, evidence, interrogation, confrontation, victim testimony, witness testimony, victim, means of proving.

Показания – это одно из наиболее традиционных, известных и востребованных средств уголовно-процессуального доказывания, один из основных видов доказательств [5, с. 7]. История продуктивного использования подобных информационных активов для нужд уголовной юстиции насчитывает не одну сотню лет. А их распространенность в мировой правоприменительной практике и высокая популярность у субъектов доказывания, с одной стороны, обуславливаются возможностью получения «доступа» к идеальным следам произошедшего, к фрагментам памяти запечатлевших их людей, тогда как с другой – сравнительно простой, не предполагающей сложных поисковых операций процедурой получения, сводящейся к вербальному общению допрашиваемого лица с судом (прочими участниками судебного заседания), следователем либо иным уполномоченными на проведение допроса (другого вербального или предполагающего фрагменты вербальности процессуального действия) должностным лицом.

Российское уголовное судопроизводство тоже не стало исключением – ценность и познавательное значение показаний для познания подлежащих установлению обстоятельств были усвоены достаточно давно [9, с. 6]. По крайней мере, о показаниях как о средствах доказывания по уголовным (следственным) делам говорилось еще в архаичных Судебниках Московского государства, в Соборном уложении 1649 г. и более поздних источниках судебного права. В советском, а затем и постсоветском уголовно-процессуальном законодательстве показаниям традиционно стали отводиться первые позиции в легально устанавливаемых перечнях гипотетически равнозначных видов (источников) доказательств. В частности, именно такой подход присущ ч. 2 ст. 74 УПК РФ – показаниям подозреваемого и обвиняемого, потерпевшего и свидетеля посвящены два первых пункта общей «номенклатуры» допустимых к использованию для нужд уголовной юстиции средств доказывания.

Вообще под показаниями надлежит понимать результаты вербальных следственных либо судебных действий, главным образом

допроса и очной ставки – некие устные (вариативно – собственноручно написанные) сведения, сообщенные подозреваемым, обвиняемым (подсудимым), потерпевшим, свидетелем, экспертом либо специалистом в установленном законом порядке, то есть в условиях, обремененных должными правовыми гарантиями процессуальной доброкачественности формируемых информационных активов как полноценных средств доказывания имеющих значение для уголовного дела обстоятельств. Иначе говоря, в основе показаний лежат закономерности так называемого вербального способа процессуального познания – одного из двух основных методов восприятия требуемой для установления случившегося информации, predetermined гносеологическими и психофизиологическими закономерностями аудиальной (вариативно – визуальной) когниции сведений, закодированных в условно-знаковую форму и передаваемых посредством звуковых (вариативно – письменно-знаковых) сигналов.

В публикациях автора настоящей статьи вербальный способ уголовно-процессуального познания рассматривается в наиболее широком ракурсе. Под ним понимается система гносеологических и психофизиологических закономерностей зрительного или слухового восприятия следователем, судом, иными субъектами процессуального познания любых поступающих сведений, выраженных в условно-знаковой форме, содержащих ранее сформированные в сознании подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, иных лиц относительно адекватные мысленные образы различных обстоятельств объективной реальности и предопределяющих формирование ими (субъектами познания) посредством рационального мышления собственных производных мысленных образов, подлежащих дальнейшему использованию для обоснования правоприменительных решений. Причем вербальный способ процессуального познания существенно отличается от невербального способа познания в уголовном судопроизводстве, представляющего собой систему гносеологических и психофизиологических закономерностей чувственно-го (визуального зрительного или посредством

иных органов чувств) восприятия дознавателем, следователем, судом, иными субъектами процессуального познания) материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, трансформирующихся посредством наглядно-образного мышления в соответствующие мысленные образы, подлежащие условно-знаковой фиксации в протоколе и дальнейшему использованию для нужд правоприменительной практики, в первую очередь для обоснования правоприменительных решений [подр.: 7, с. 359].

Поэтому если итоги использования невербального способа процессуального познания главным образом выражаются в протоколах следственного (судебного) осмотра освидетельствования, обыска, следственного (судебного эксперимента) и подобных процессуальных действий, то результаты использования вербального способа сопряжены с формированием разных видов показаний, подлежащих получению посредством ряда следственных действий, основанных на устной коммуникации между их участниками.

К слову, в этой связи становится очевидной неприемлемость отождествления показаний исключительно с результатами допроса и очной ставки как процессуальных действий, состоящих не более чем в вербальном контакте располагающего некой информацией лица (двумя располагающими информацией лицами) с одной стороны и дознавателем, следователем либо судьей (судьями) и сторонами – с другой. Напротив, возникает уверенность в необходимости признания показаний устных сведений, получаемых в ходе предъявления для опознания и проверки показаний на месте как следственных действий, предполагающих лишь фрагментарное использование вербального способа познания, его переплетение с иным, невербальным способом познания. Примечательно, что подобное широкое понимание показаний присуще уголовно-процессуальному законодательству некоторых постсоветских государств, например Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь; схожие позиции можно встретить и в целом ряде научных публикаций [напр.: 6, с. 7-8; 12, с. 132].

Однако в этой же связи нельзя не задать на первый взгляд несколько наивным, но вместе с тем вполне закономерным вопросом о причинах, приведших к потребности в нормативной дифференциации различных видов показаний, в четком обособлении показаний в зависимости от процессуального положения соответствующего лица, то есть в формальном разграничении информационных активов, возникающих на основе сведений, сообщаемых различными участниками уголовного судопроизводства. Ведь в силу единого для всех показаний способа познания разница между ними просто не может достигать столь существенной степени, которая наблюдается в отличиях показаний от прочих средств доказывания, например экспертных заключений, результатов (протоколов) невербальных следственных и судебных действий или вещественных доказательств. Именно поэтому в некоторых современных публикациях доказательственной направленности предлагается вообще отказаться от предусмотренного нормами УПК РФ разграничения вариаций показаний; одновременно говорится о разумности объединения всех подобных активов в единый и укрупненный вид доказательств – в показания – без их формального разделения в зависимости от процессуального статуса соответствующего лица [3, с. 106].

Конечно, ввиду чрезмерной радикальности таких предложений согласиться с ними в полной мере достаточно сложно. Ведь различия между некоторыми вариациями показаний обуславливаются не столько разницей в наименованиях процессуальных статусов допрашиваемых лиц, сколько ролью и предназначением сообщаемых ими сведений для решения стоящих перед уголовной юстицией задач. Например, если направленность показаний свидетеля сводится исключительно к получению новой информации, подтверждающей или опровергающей какие-либо фрагменты предмета доказывания, то показания обвиняемого, помимо прочего, позволяют выяснить отношение человека к выдвинутой в его адрес уголовно-правовой претензии. А показания эксперта вообще способствуют не более чем должному пониманию и уяснению

результатов проведенной судебной экспертизы, в первую очередь сделанных выводов. Другое дело, что данные различия во многом обусловлены стремлением современного законодателя относить к показаниям любые, по крайней мере многие, формируемые посредством вербального общения информационные активы. Кстати, в этой связи не мешало бы напомнить, что ранее, в период действия «царского» и раннесоветского уголовно-процессуального законодательства, показания могли быть только свидетельскими, тогда как, например, сведения, сообщаемые обвиняемыми (подозреваемыми), назывались объяснениями и т.д. Но тем не менее факт остается фактом: вытекающие из смысла действующего уголовно-процессуального закона России различные предназначения показаний тех или иных участников досудебного и судебного производства по уголовному делу явно не способствуют возможности полного отказа от формальной дифференциации таких средств доказывания с их объединением в единый и укрупненный вид доказательств.

Вместе с тем частичная реализация указанных предложений видится вполне приемлемой и даже разумной. Подобные идеи – о легальном объединении разных вариаций показаний в более укрупненные разновидности – представляются верными применительно к двум группам достаточно близких по смыслу и предназначению информационных активов: 1) к показаниям подозреваемого и обвиняемого; 2) к показаниям потерпевшего и свидетеля. И если рассмотрение надобности и перспектив интеграции показаний подозреваемого и обвиняемого в замысел настоящей статьи не входят – эти проблемы планируется рассмотреть в других публикациях автора – то вопросам легального объединения показаний потерпевшего и свидетеля надлежит уделить более пристальное внимание.

Вообще подход к пониманию потерпевшего как уподобленного свидетелю обладателя полезных для уголовного дела сведений – человека, располагающего полезной для доказывания информацией: о событии преступления, о личности обвиняемого, о характере и размере причиненного вреда, о других подлежащих установлению обстоя-

тельствах случившегося – стал формироваться во второй половине XX в. Возникновение и развитие такого подхода было связано с автономизацией роли потерпевшего в качестве самостоятельного участника уголовного судопроизводства. И если ранее сообщаемые пострадавшими от преступлений лицами сведения признавались ординарными свидетельскими показаниями, а способами их получения являлись соответствующие допросы и очные ставки (например, подобное требование устанавливалось в примечании к ст. 284 УПК РСФСР 1923 г.), то в дальнейшем эти правила были изменены. Так, уже в ч. 2 ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР 1958 г. показания потерпевших считались отдельными, формально отличающимися от показаний свидетелей средствами доказывания (источниками доказательств), а в ч. 2 ст. 24 того же законодательного акта потерпевшему предоставлялось право давать показания. Аналогичные положения были закономерно включены в УПК РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР) и другие союзно-республиканские кодексы. Одновременно появились юридические гарантии доброкачественности указанных сведений. Например, в ч. 3 ст. 75 УПК РСФСР были предусмотрены нормативные отсылки к санкциям за беспричинную неявку потерпевшего в орган предварительного расследования, к прокурору или в суд, за отказ либо уклонение от дачи показаний, за дачу заведомо ложных показаний. В ст. 79 УПК РСФСР стало говориться об обязательности судебно-экспертной диагностики психического или физического состояния потерпевшего при возникновении сомнений в его способностях адекватно воспринимать объективную реальность и сообщать правильные сведения. В ч. 2 ст. 287 УПК РСФСР было рекомендовано проводить судебный допрос потерпевшего ранее судебных допросов свидетелей и т.д. Более того, исходя из смысла ст. 164 УПК РСФСР потерпевший даже мог быть предъявлен для опознания другим лицам. А согласно ч. 3 ст. 183 УПК РСФСР потерпевшего стало дозволено привлекать к участию в следственном эксперименте – процессуальном действии, нередко проводимом в целях

получения и проверки показаний на месте, то есть для удовлетворения тех познавательных-удостоверительных потребностей, для которых в настоящее время в соответствии ст. 194 УПК РФ предусмотрен самостоятельный когнитивный прием.

К слову, все подобные новации удостоились множества позитивных оценок в научных публикациях. По крайней мере, активно занимающиеся проблематикой доказывания советские ученые-процессуалисты обычно писали о самостоятельном характере сообщаемой потерпевшими либо получаемой посредством их невербального обследования информации как о чем-то очевидном, само собой разумеющемся [напр.: 2, с. 17-20; 10, с. 412-413; 11, с. 572-575].

Поэтому не удивительно, что подход к пониманию потерпевшего как обладателя полезных для уголовного дела сведений сполна отразился и в современном уголовно-процессуальном праве. В УПК РФ в той или иной форме были воспроизведены все соответствующие положения позднесоветского законодательства, а некоторые из них даже подверглись определенной правотворческой интенсификации. Так, потерпевший остался управомочен и одновременно обязан давать правдивые показания, в том числе на комфортном для него языке. Ему по-прежнему допустимо пользоваться предусмотренными законом иммунитетами и прочими «свидетельскими» гарантиями юридической доброкачественности сообщаемых сведений. Сохранилась и предусмотренная законом возможность принудительного привода потерпевшего – в случаях преднамеренного уклонения от явки по вызовам в органы предварительного расследования или суд; остались и уголовно-правовые санкции за отказ потерпевшего от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний.

Кроме того, возникли новые способы когнитивно-ориентированной работы с потерпевшими и дополнительные гарантии доброкачественности ожидаемых познавательных результатов. Например, согласно ч. 1 ст. 194 УПК РФ стало прямо дозволяться проверять показания потерпевшего «с выходом на ме-

сто». В силу ч. 8 ст. 193 УПК РФ появлялась возможность проведения предъявлений для опознания в условиях, исключающих визуальное восприятие опознающих потерпевших опознаваемыми обвиняемыми (подозреваемыми) и т.д.

В принципе общий смысл подобного подхода к пониманию потерпевших представляется вполне ясным. Ведь такие участники уголовного судопроизводства обычно очень хорошо осведомлены о подлежащих установлению обстоятельствах, поскольку являются носителями идеальных следов совершаемых в отношении них преступных деяний. Поэтому отказы дознавателей, следователей, прокуроров, судей и даже прочих субъектов доказывания от получения от потерпевших вербальных сведений выглядели бы по меньшей мере странными.

Вместе с тем целесообразность впервые введенных советским законодателем и существующих по сей день правовых норм, предполагающих формальную обособленность показаний потерпевших, их отграничение от достаточно близких по содержанию свидетельских показаний, выглядит весьма сомнительной. Конечно, разгадать подобные правотворческие замыслы не так уж и сложно. Вполне очевидно, что в силу принадлежности к стороне обвинения и, как правило, заинтересованности в исходе соответствующих уголовных дел потерпевших, действительно, не нужно полностью отождествлять с «классическими» свидетелями, то есть абсолютно беспристрастными, преимущественно случайными наблюдателями каких-либо значимых для уголовной юстиции обстоятельств. На данные нюансы также неоднократно обращалось внимание в целом ряде различных доктринальных источников [4, с. 178-179; 8, с. 132-133, 144-145; 13, с. 40].

Однако имелась ли когда-нибудь подлинная надобность в формальном (не в фактическом, а именно формальном, законодательно закреплённом!) разграничении показаний потерпевших и свидетелей? Думается, что нет.

Различия между такими сведениями видятся не столь существенными, явно не обеславливающими потребности в создании

вариативных правовых режимов проведения соответствующих процессуально-когнитивных приемов, в первую очередь допросов. Собственно говоря, подобной вариативности, то есть особой разницы в правилах получения показаний потерпевших и свидетелей, как не было, так и нет – согласно ст. 78 и 79 УПК РФ эти доказательства подлежат формированию посредством проведения унифицированных следственных (дознательских) и судебных приемов, за исключением нескольких незначительных деталей, например недопустимости предварительного (до проведения допроса) удаления потерпевшего из зала судебного заседания, его диспозитивной возможности быть допрошенным в любой момент судебного следствия и т.п.

Более того, вытекающая из процессуального положения потерпевшего заинтересованность в исходе уголовного дела зачастую является лишь потенциальной. В реальности многие из таких лиц оказываются совершенно равнодушными к перспективам осуществляемых (в том числе «для них»!) уголовных судопроизводств в целом и судьбам подвергаемых уголовным преследованиям обвиняемых (подозреваемых) в частности, в связи с чем относятся к вызовам в органы предварительного расследования и судебные заседания для дачи показаний как к изнурительным формальностям. К слову, нечто подобное много лет назад произошло и с автором настоящей статьи. Так, неустановленные лица, по всей вероятности, несовершеннолетние, в ночное время разбили стекло принадлежавшего автору автомобиля, проникли в салон, откуда тайно похитили полупустую пачку сигарет и две пачки жевательной резинки – никаких более ценных предметов в автомобиле просто не оказалось. Прекрасно осознавая всю «ничтожность», в определенном смысле даже курьезность произошедшего, автор написал заявление в милицию лишь с целью надлежащей фиксации обстоятельств случившегося – для последующего обращения в страховую компанию по поводу замены разбитого стекла, поэтому после возбуждения соответствующего уголовного дела автору пришлось несколько раз являться по вызовам

дознателя для признания потерпевшим и дачи показаний. Однако никакого особого интереса к данному уголовному делу у автора, конечно, не было. К тому же позднее уголовное дело было приостановлено ввиду неустановления подлежащих привлечению к ответственности лиц.

Вместе с тем некоторые свидетели, напротив, в силу самых различных обстоятельств: родственных и прочих связей с обвиняемыми и потерпевшими и т.п. – подчас проявляют гораздо боольшую заинтересованность в исходе соответствующих уголовных дел. А их показания в силу тех же причин являются весьма далекими от объективности и беспристрастности.

Примечательно, что наиболее серьезные практические затруднения в оценке свидетельских показаний на предмет их непредвзятости начались вследствие появления возможности признания потерпевшими юридических лиц. Вызываемые в органы предварительного расследования или судебные заседания бенефициары, акционеры, руководители и прочие «неравнодушные» к продуктивной работе пострадавших от преступлений предприятий, учреждений, иных организаций люди стали формально допрашиваться в качестве свидетелей, хотя говорить об их незаинтересованности, конечно, не приходится. И поэтому в современных научных публикациях можно встретить ряд предложений, направленных на разрешение данных проблем, в первую очередь посредством появления дополнительных правовых гипотез и обусловленных ими специальных диспозиций [1, с. 109-110; 14, с. 108-109]. Хотя наиболее разумные способы преодоления указанных трудностей все же видятся несколько в ином – в устранении самих причин, приведших к их возникновению.

Подводя итоги, можно еще раз контрастировать целесообразность легального объединения показаний потерпевшего и свидетеля в единый и унифицированный вид доказательств. В этой связи законодателю не мешало бы всерьез задуматься об исключении показаний потерпевшего из предусмотренной УПК РФ «номенклатуры» допустимых к

использованию для нужд уголовной юстиции средств доказывания с одновременной реставрацией давно позабытых требований о допросах потерпевших (то есть жертв преступлений, пострадавших от преступлений лиц) именно в качестве свидетелей.

Конечно, подобные тезисы не нужно воспринимать как некий призыв к революционным изменениям положений доказательственного права. В конце концов, существующие правовые основы участия потерпевшего как носителя predisposed к использованию в доказывании по уголовному делу

сведений являются достаточно устоявшимися, вследствие чего попытки их поспешного и импульсивного реформирования могут привести к еще более нежелательным последствиям. Поэтому любым подобным изменением должна предшествовать должная теоретическая проработка соответствующих проблем. А высказанные предложения должны восприниматься не более чем фрагмент посильной лепты в решение данной научной задачи – именно такие цели и ставились автором при подготовке настоящей статьи.

Библиографический список

1. Авдеев, В.Н. Некоторые аспекты участия представителей потерпевшего и гражданского истца в производстве по уголовным делам / В.Н. Авдеев, И.О. Воскобойник // Журнал российского права. – 2007. – N 5. – С. 107-113.
2. Галкин, В.М. Средства доказывания в уголовном процессе. Часть 1 / В.М. Галкин. – М.: Центральный научно-исследовательский институт судебных экспертиз, 1967. – 48 с.
3. Козловский, П.В. Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение / П.В. Козловский. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 196 с.
4. Кокорев, Л.Д. Уголовный процесс: доказательства и доказывание / Л.Д. Кокорев, Н.П. Кузнецов. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1995. – 268 с.
5. Лазарева, В.А. Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе / В.А. Лазарева, Д.В. Попов. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 157 с.
6. Новиков, С.А. Проверка показаний на месте: проблемы правового регулирования / С.А. Новиков // Российский следователь. – 2010. – N 2. – С. 7-11.
7. Россинский, С.Б. К вопросу о развитии теории доказательств в уголовном процессе / С.Б. Россинский // Российский криминологический взгляд. – 2013. – N 3. – С. 354-365.
8. Савицкий, В.М. Потерпевший в советском уголовном процессе / В.М. Савицкий, И.И. Потеружа. – М.: Юридическая литература, 1963. – 171 с.
9. Сидорова, Н.В. Показания свидетеля в российском уголовном процессе / Н.В. Сидорова. – Тюмень, Тюменский госуниверситет, 2007. – 252 с.
10. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.1 / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1968. – 470 с.
11. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. – М.: Юридическая литература, 1973. – 734 с.
12. Фаткуллин, Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания / Ф.Н. Фаткуллин. – 2-е изд. – Казань: Казанский госуниверситет, 1976. – 206 с.
13. Шаров, Д.В. Обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве / Д.В. Шаров. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 216 с.
14. Ширяева, Т.И. Юридическое лицо как потерпевший: теоретические проблемы участия в уголовном судопроизводстве / Т.И. Ширяева. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2010. – 144 с.

УДК 343.2-343.8

Юлия Александровна ГОЛОВАСТОВА,

профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета Академии ФСИН России (г. Рязань),
профессор кафедры уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин
Московского университета имени С.Ю. Витте,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Рязанского государственного университета имени
С.А. Есенина,
доктор юридических наук, профессор

UGolovastova@yandex.ru

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

CRIMINAL EXECUTIVE LAW IN MODERN CONDITIONS

В рамках статьи охарактеризованы основные особенности, присущие уголовно-исполнительному праву, рассмотрены базовые черты его правовой природы. Указанная отрасль права, отличающаяся активной динамикой, охарактеризована в соответствии со сравнительно-правовым, теоретико-прикладным и диалектическим подходами. Представлен анализ системно значимых положений, составляющих фундамент данной отрасли. В статье выделены составляющие основу правового регулирования принципиальные положения, а также целевые ориентиры данного регулирования, выступающие в качестве дополнительных признаков отрасли права. Отмечена роль определяющих особое положение каждой отдельной отрасли отечественного права характеристик. Обращено внимание на необходимость изменения подхода к оценке роли дополнительных признаков, имеющих системообразующее значение для исследуемой отрасли права, таких как особые меры принуждения, характерные лишь для уголовно-исполнительного права, особые субъекты, собственные базовые начала и целевые ориентиры.

The article considers the key features of criminal-executive law and examines the fundamental characteristics of its legal nature. This branch of law, notable for its active dynamics, is characterised in accordance with comparative legal, theoretical applied, and dialectical approaches. The analysis of the systemically significant provisions that form the foundation of this legal field is presented. The article identifies the principal provisions that underpin legal regulation, as well as the target objectives of such regulation, which act as additional defining attributes of the branch of law. The role of the characteristics that determine the distinct position of each branch of domestic law is highlighted. Particular attention is paid to the need of changing the approach to assessing the role of such additional features as special coercive measures unique to criminal executive law, specific subjects, its own fundamental principles, and target objectives, having a system forming significance for the branch under consideration.

Ключевые слова: системообразующие признаки, отрасль права, принципы и цели правового регулирования, уголовно-исполнительное право, метод правового регулирования, предмет правового регулирования.

Keywords: system defining characteristics, branch of law, principles and objectives of legal regulation, criminal executive law, method of legal regulation, subject matter of legal regulation.

На протяжении двух десятилетий уголовно-исполнительное право рассматривается в качестве обособленной отрасли. При этом путь к его оформлению в качестве отрасли права являлся непростым [подр.: 3, с. 319].

Следует отметить ряд концепций, сформировавшихся в рамках полемики о присущих анализируемой отрасли права особенностях. Часть исследователей указывала на комплексный характер регулирования в указанной отрасли, обладающей самостоятельностью [8, с. 162-166], на то, что она является комплексной [10, с. 55]. Ряд исследователей относили уголовно-исполнительное право к уголовно-процессуальному [9, с. 15] или к уголовному [подр.: 3, с. 168] праву.

Вопрос о положении данной отрасли в рамках системы права и о ее автономном статусе, на наш взгляд, нуждается в обсуждении. Закрепление особого комплекса норм в законодательстве подтвердило существование отрасли, а доктрина обеспечила ее достаточным теоретическим обоснованием.

В ходе опроса практически все специалисты в сфере уголовно-исполнительного права высказались в пользу самостоятельности данной отрасли отечественной правовой системы [подр.: 5, с. 40], иное мнение разделяет менее 3% участников исследования.

Закрепившееся в науке представление опирается на анализ критериев, формирующих особую систему нормативного регулирования, а также направлений ее изменения в перспективе.

В научной литературе все чаще появляются работы, в которых полноценная автономия рассматриваемой правовой отрасли ставится под сомнение: часть авторов отрицают ее самостоятельность и рассматривают пенитенциарное право в качестве подотрасли административного права, другие исследователи квалифицируют уголовно-исполнительное право как отрасль комплексного характера. Данные подходы не согласуются с традиционной трактовкой системы и структуры права; их сторонники игнорируют системные критерии, формирующие особый [9, с. 33], уникальный [7, с. 14] статус уголовно-исполнительного права.

Отдельного анализа требует точка зрения, согласно которой пенитенциарное право связывается с государственным управлением [2, с. 123], входит в административное право.

При анализе пенитенциарных отношений речь идет об исполнении уголовных наказаний, и их следует рассматривать как вид правоотношений, имеющих уголовно-исполнительный характер. Исполнение наказаний нельзя сводить к разновидности государственно-управленческой деятельности – уголовно-исполнительной деятельности, несмотря на ее публичность. При этом функционирование обусловлено необходимостью применения к осужденным средств исправления, реализации мер уголовной ответственности. Противоположный подход ошибочно отрицал бы существования включающей подотрасль налогового права самостоятельной отрасли права – финансового права, т.к. данный подход размывал бы границы отраслей, поскольку тогда к административному праву пришлось бы относить взыскание налогов и сборов в пользу государства и иные виды управленческой деятельности. В центре внимания в случае исполнения наказаний находятся меры исправительного воздействия и сам процесс исполнения наказания.

Однако приверженцами вышеуказанного подхода деятельность по исполнению наказаний и государственно-управленческая деятельность фактически рассматриваются как тождественные. Наличие особой сферы правового регулирования, а не управленческой сферы деятельности, имеет определяющее значение. Существующая концепция, согласно которой отрасль уголовно-исполнительного права носит комплексный характер [13, с. 69, 72], вызывает нарекания в силу отсутствия оснований для подобного утверждения. С. С. Алексеев подчеркивал, что комплексные отрасли не располагают собственным механизмом и методом регулирования, ограничиваясь особым предметом и самостоятельной областью законодательства [1, с. 144]. Между тем названная отрасль, помимо собственного предмета и метода, включает и иные системообразующие признаки – специфический принудительный

инструментарий, не встречающийся в других сферах регулирования, а также собственные принципы и целевые ориентиры.

В юридической науке употребляется термин «кодификационная техника» [15, с. 155], применение соответствующего приема обусловлено стремлением законодателя облегчить для правоприменителей понимание сущности нормативных предписаний. Данный прием соотносится с фактом наличия норм иной отраслевой принадлежности в любом законодательстве.

По внешним признакам с нормами трудового и административного права сходна часть предписаний уголовно-исполнительного права, определяющих деятельность исполняющих наказания учреждений, поведение лиц, в отношении которых применяется наказание; к ним относятся, к примеру, положения о праве осужденного на труд, правила о взысканиях и поощрениях и др. Однако цели, функции содержание данных норм обособлены, круг адресатов также является специфичным [подр.: 3, с. 326]. Основания характеризовать уголовно-исполнительные отношения как комплексные отсутствуют.

Для развернутого подтверждения представленного мнения следует последовательно рассмотреть системообразующие признаки, присущие любой правовой отрасли. Для уголовно-исполнительного права характерны особые базовые начала и целевые ориентиры наряду с собственными предметом, методом, специфические источники регулирования соответствующих отношений.

Будучи направленным на упорядочение специфического массива общественных отношений, складывающихся в процессе исполнения наказаний – как сопряженных с изоляцией от общества, так и лишенных такого признака [подр.: 4, с. 229-234], – а также при реализации иных мер уголовно-правового характера уголовно-исполнительное право обладает собственным предметом правового регулирования.

Уголовно-исполнительное право как отрасль представлено интегрированной совокупностью институтов, в которой концентрируются нормы, регламентирующие общественные отношения, возникающие в

ходе отбывания осужденными уголовных наказаний в рамках реализации уголовной ответственности.

В границах предмета отрасли достигается сочетание внутренней упорядоченности отрасли, функциональной специализации входящих в нее институтов, целостности нормативного комплекса, вытекающих из особенностей отношений, охватываемых сферой действия отрасли. Наряду с основным корпусом отношений в предмете уголовно-исполнительного права выделяются и категории группы отношений, возникающие: при обеспечении осужденных, при использовании по отношению к осужденным арсенала средств воздействия, ориентированных на исправление; при использовании взысканий и мер поощрения в отношении осужденных; при включении в исправительный процесс госструктур, организаций, граждан [подр.: 3, с. 69-71]. Названные массивы общественных отношений, образующие предмет отрасли, отражают ее традиционное понимание.

Вопрос о том, охватывает ли предмет уголовно-исполнительного права отношения, складывающиеся уже после освобождения лица по отбытии наказания, остается предметом полемики. Для последующей интеграции в социальную среду на этапе подготовки осужденного к освобождению из мест лишения свободы администрация исправительного учреждения содействует ему в рамках пенитенциарной probation.

Не позднее чем за полгода до истечения срока отбывания наказания к осужденному применяются нормы, закрепленные УИК РФ: далее возникают отношения постпенитенциарного характера, поскольку при оказании вышеуказанной помощи задействованы предписания разных отраслей и широкий круг субъектов, где природа соответствующих отношений не вполне укладывается в рамки предмета уголовно-исполнительного права. Отбывание наказания влечет прекращение статуса, участвующего в уголовно-исполнительных правоотношениях субъекта, при этом лицо, освободившееся из места лишения свободы, по-прежнему остается адресатом уголовно-правового воздействия, поскольку правовые последствия осуждения не исчерпываются фактом исполнения приговора.

В постпенитенциарной сфере государство сохраняет контроль над поведением освобожденного лица, реализуя комплекс ограничений, действующих после выхода из исправительного учреждения и обусловленных самим фактом отбытия наказания и характеристиками личности осужденного.

Ограничения, распространяющиеся на лиц, в отношении которых не снята и не погашена судимость, образуют самостоятельный комплекс последствий уголовно-правового характера; соответствующие ограничения проявляются в разных сегментах жизнедеятельности и не сводятся только к режиму административного надзора за отдельными категориями граждан, освободившихся из места лишения свободы.

Включение административного надзора в число мер уголовно-правового воздействия неизбежно ставит вопрос о пересмотре круга субъектов уголовно-исполнительных правоотношений, а также о расширении целей уголовно-исполнительного права, т.к. исполнение надзора встраивается в общую систему постпенитенциарного регулирования, требует иного теоретического разграничения между отбытием наказания и последующими ограничительными режимами.

Специфика метода анализируемой отрасли права обусловлена своеобразной конфигурацией средств влияния на отношения, складывающиеся при исполнении наказаний. В процессе упорядочения соответствующих отношений указанная специфика раскрывается через анализ структурных компонентов, к числу которых относятся: средства, обеспечивающие исполнение обязанностей, а также способы охраны прав участвующих в данных отношениях субъектов; совокупность юридических фактов, требующихся для обеспечения динамики соответствующих правоотношений; правосубъектность в рамках уголовно-исполнительных отношений администрации исправительных учреждений и отбывающих наказание; порядок определения обязанностей и прав осужденных.

В.Ф. Яковлев, анализируя проявления метода регулирования к регулированию правоотношений в рамках различных подотраслей и институтов права, приходит к следующему

выводу: упорядоченность всей системы права совсем не исключает многообразия приемов правового воздействия, реализуемых в границах отдельных отраслевых систем. В этой связи существование единого метода конкретной отрасли не исключает дифференциацию в рамках отдельных специальных институтов [16, с. 211]. В системе правового воздействия уголовно-исполнительной отрасли выделяются восстановительный, карательный, санкционный, исправительный, стимулирующий и предупредительно-обеспечительный способы. Исправительный способ доминирует в ситуациях, когда правовое воздействие направлено на достижение исправления. Когда речь идет об отношениях, связанных с применением к осужденным мер безопасности, предупреждения, на первый план выходит способ, являющийся предупредительно-обеспечительным. В рамках регулирования отношений, возникающих в связи с реализацией уголовной ответственности на стадии отбывания наказаний, ведущую роль сохраняет карательный способ, дополняемый стимулирующими и санкционными элементами [подр.: 3, с. 155].

Отказ от привычного для общей теории права противопоставления императивного и диспозитивного начал, сопряженный с выделением в структуре отраслевого метода собственных способов регулирования, позволяет точнее раскрыть специфику уголовно-исполнительного права.

Приверженцы концепции, согласно которой применительно к упорядочению общественных отношений выделяется континуальный метод, придерживаются следующего мнения – континуальное регулирование прежде всего поддерживает цельность и неразрывность правового пространства [11; с. 27]. Требуется установить, есть ли ориентация на континуальность в уголовно-исполнительном праве. Признаки континуальности обнаруживаются в упорядочении отношений с участием госструктур, организаций, граждан, если трактовать ее как эквивалент диспозитивности, в рассматриваемой ситуации – применительно к процессу исправления осужденного. Диспозитивные элементы, таким образом, проникают в анализируемую отрасль, о чем

говорит в том числе и закрепление юридических гарантий охраны прав осужденных.

Однако в целом следует отметить, что основной отраслью уголовно-исполнительного права является уголовное право. При определении уголовного наказания принимаются во внимание смягчающие и отягчающие обстоятельства, данные о личности, общественная опасность содеянного. По оценке А.Я. Рыженкова, континуальность не присуща уголовно-правовой сфере, т.к. предписания УК РФ направлены на конкретные деяния [11; с. 27-28]. С учетом вышеизложенного на континуальную модель не нацелено и касающееся применения к осужденным исправительных средств и исполнения наказаний уголовно-исполнительное регулирование.

Правовое воздействие ориентировано на определенные цели; уголовно-исполнительное право характеризуется наличием самостоятельного комплекса соответствующих ориентиров. Отношения уголовно-исполнительного характера связаны с создающим условия для исправления осужденных построением исполнения наказания, а также иных мер уголовно-правового характера.

В узком значении целевые ориентиры закреплены в части первой ст. 1 УИК РФ: речь идет о предупреждении новых преступлений со стороны осужденных и иных лиц, а также об исправлении осужденных; доктрина дополняет соответствующий перечень общей и специальной превенцией, социальной адаптацией осужденных, обеспечением охраны их свобод и прав.

Нормы уголовно-исполнительного права сосредоточены в специальных источниках; отрасль располагает собственной источниковой основой, ключевое место в которой занимает УИК РФ.

Принципы права в сфере правового регулирования заслуживают отдельного анализа, поскольку через них соединяются представления законодателя о предмете и методе отрасли. Принципы образуют несущий каркас, связывая все элементы системы в единое целое.

Социальная роль принципов первична, если понимать принцип как базовое начало упорядочения соответствующих обществен-

ных отношений. Принципы права целесообразно трактовать и как дополнительный системообразующий признак отрасли права. С указанной трактовкой согласуется позиция профессора А.Я. Рыженкова, по которой принципы дают обобщенное представление о ключевых аспектах регулирования конкретной сферы общественных отношений [12; с. 12].

В уголовно-исполнительной сфере действуют особые принципиальные начала правового воздействия. Принципы уголовно-исполнительного права проходят через все институты данной отрасли, наполняя их единым нормативным смыслом. Внутри системы названной отрасли различаются принципы отдельных правовых институтов - институциональные начала.

Анализ действующих нормативных предписаний позволяет говорить как минимум о шести базовых принципиальных началах: ограниченное использование принудительных мер при исполнении не связанных с изоляцией от общества наказаний; обособление осужденных от общества; изоляция от общества; привлечение к труду; варьирование условий содержания; поддержание безопасности в исправительных учреждениях; раздельное содержание осужденных.

Особый интерес вызывают происходящие процессы дифференциации и интеграции в рамках уголовно-исполнительного права. В частности, это касается института ответственности осужденных, совершающих нарушения режима в процессе отбывания уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, наполнен в предметном единстве триадой норм уголовно-исполнительного права: материальными, процедурными и процессуальными. В рамках данного института действуют следующие нормы уголовно-исполнительного права, определяющие: 1) виды нарушений осужденных; 2) систему мер взыскания, применяемых к осужденным; 3) субъектов, рассматривающих дела осужденных по факту совершения ими проступков; 4) дисциплинарное производство (производство по делам о нарушениях режима, совершаемых осужденными). Вместе с тем, существует недосказанность законодателя по

ряду вопросов как материально-правового, так и процессуально-процедурного свойства. В связи с чем, с другой стороны, содержательная сущность механизма ответственности осужденных за совершенные нарушения при отбывании уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера требует не только определенной завершенности, но и переосмысления. Такая же ситуация наблюдается с административным надзором за лицами, отбывшими лишение свободы. Изменяя его название, предположим на «предохранительный» и рассматривая его в системе мер уголовно-правового воздействия, можно подумать о включении исполнения административного надзора в предмет уголовно-исполнительного права. Тем не менее, придется расширять цели уголовно-исполнительного права, пересматривать субъектный состав уголовно-исполнительных правоотношений.

Таким образом, любая отрасль права имеет сложное строение. Существует ряд признаков, определяющих специфику самостоятельной отрасли права: 1) совокупность взаимосвязанных однородных и однопорядковых институтов права; 2) наличие предмета

правового регулирования в виде совокупности общественных отношений, регулирующих часть предмета права. Вместе с тем мы пришли к выводу, что это не все системообразующие признаки отрасли права. Полагаем, что такими признаками могут быть цели и принципы отрасли права, а также специфическая база источников регулирования правоотношений. Для самостоятельной нормативной подсистемы также характерна определенная законодательная обособленность в рамках уголовно-исполнительного права.

Таким образом, сам ход развития правовой материи закономерно выделил уголовно-исполнительную сферу в отдельный предмет правового регулирования – игнорировать критерии ее самостоятельности и своеобразия уже невозможно. Существуют системообразующие признаки – обособленность в нормативном отношении, особые метод и предмет регулирования, собственный набор базовых начал и целевых ориентиров – на основе которых следует рассматривать уголовно-исполнительное право как самостоятельную и целостную отрасль, находящуюся в движении и развитии.

Библиографический список

1. Алексеев, С.С. Структура советского права. – М.: Юрид. лит., 1975. – 264 с.
2. Бобров, А.М. Есть ли основания выделять пенитенциарное право в системе российского права / А.М. Бобров, Н.А. Мельникова // Пенитенциарная наука. – 2022. – Т. 16. – N 2 (58). – С. 118-126.
3. Головастова, Ю.А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система / Ю.А. Головастова. – М.: Юриспруденция, 2019. – 560 с.
4. Головастова, Ю.А. Альтернативно-пенитенциарное право как формирующаяся подотрасль уголовно-исполнительного права / Ю.А. Головастова // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – N 470. – С. 229-234.
5. Головастова, Ю.А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Ю.А. Головастова. – М., 2019. – 56 с.
6. Миняева, Т.Ф. Уголовно-исполнительное право – особая отрасль права / Т.Ф. Миняева // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29 (1-4). – N 1. – С. 32-39.
7. Михайлова, И.А. Диспозитивность в гражданском праве: быть или не быть – вот в чем вопрос / И.А. Михайлова // Современное право. – 2022. – N 3. – С. 11-16.
8. Ной, И.С. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы / И.С. Ной. – Саратов: Саратовский университет, 1965. – 167 с.

-
9. Полищук, Н.И. Эволюция и состояние теоретической модели взаимосвязи нормы права, правоотношения и юридического факта : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Н.И. Полищук. – СПб., 2008. – 54 с.
 10. Ременсон, А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / А.Л. Ременсон. – Томск, 1965. – 65 с.
 11. Рыженков, А.Я. Метод правового регулирования: ответ на критику и возможные направления дискуссии / А.Я. Рыженков // Современное право. – 2022. – N 5. – С. 26-36.
 12. Рыженков, А.Я. О соотношении методов и принципов правового регулирования (на примере гражданского и предпринимательского права) / А.Я. Рыженков // Современное право. – 2022. – N 2. – С. 5-17.
 13. Смирнов, В.Г. Функции советского уголовного права / В.Г. Смирнов. – Л.: ЛГУ, 1963. – 188 с.
 14. Солоницын, П.С. Уголовно-исполнительное право – комплексная отрасль российского права / П.С. Солоницын // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – N 4 (40). – С. 69-75.
 15. Стручков, Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части / Н.А. Стручков. – М.: Юрид. лит., 1984. – 240 с.
 16. Яковлев, В.Ф. К проблеме гражданско-правового метода регулирования общественных отношений / В.Ф. Яковлев // Гражданское право: история и современность. Т. 2. Кн. 1. – М., Статут, 2012. – 240 с.

Виктор Васильевич ДЕНИСЕНКО,
профессор кафедры конституционного,
административного и гражданского права
Краснодарского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор
profdenisenko@mail.ru

БАЛАНС ЭФФЕКТИВНОСТИ МИГРАЦИОННОГО КОНТРОЛЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ

THE BALANCE BETWEEN THE EFFECTIVENESS OF MIGRATION CONTROL AND THE PROTECTION OF INDIVIDUAL RIGHTS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF STATE FUNCTIONS

В статье исследуется проблематика соотношения эффективности реализации государственной функции по миграционному контролю и защиты прав личности в условиях цифровизации государственного управления. Анализируется противоречие между технологическими возможностями оптимизации государственных функций и конституционными гарантиями приватности. Рассматриваются критерии пропорциональности ограничений прав при внедрении цифровых инструментов в исполнение государственных функций. Формулируются принципы сбалансированного регулирования исполнения государственной функции миграционного контроля.

The article examines the relationship between the effectiveness of implementing the state function of migration control and the protection of individual rights in the context of digitalization of public administration. It analyses the contradiction between the technological opportunities for optimizing state functions and the constitutional guarantees of privacy. The criteria for the proportionality of restrictions on rights when introducing digital tools into the performance of state functions are considered. The principles for a balanced regulation of the implementation of the state function of migration control are formulated.

Ключевые слова: миграционный контроль, государственная функция, цифровизация, права личности, пропорциональность, автоматизированные решения, приватность, эффективность управления, процессуальные гарантии, публичное администрирование.

Keywords: migration control, state function, digitalization, individual rights, proportionality, automated decisions, privacy, management efficiency, procedural guarantees, public administration.

Цифровизация государственных функций представляет собой стратегическое направление развития современной системы публичного управления [10]. При этом защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в условиях современного развития цифровых технологий остается одним из основополагающих на-

правлений деятельности органов публичной власти [4]. В рамках этого процесса миграционный контроль выделяется как одна из ключевых государственных функций, обеспечивающих национальную безопасность, правопорядок и регулирование общественных отношений в сфере миграции [9]. Однако внедрение цифровых технологий в исполне-

ние данной функции порождает требующую решения фундаментальную правовую проблему: поиск баланса между повышением эффективности государственного управления и соблюдением конституционных прав личности.

Р.Б. Булатов, выделяя «существующие проблемы, связанные с внедрением цифровых технологий в работу органов публичной власти и оказанием государственных и муниципальных услуг гражданам», отмечает, что «в современном мире, где цифровые технологии играют ключевую роль, важность защиты конституционных прав граждан в этой сфере становится все более очевидной»; при этом «по мере того как технологии развиваются, возникает неотложная потребность в обновлении и совершенствовании нормативных актов. Это необходимо для того, чтобы законодательство оставалось актуальным и способным адекватно реагировать на новые вызовы и угрозы в сфере информационных технологий» [5, с. 31-32].

А.Э. Евстратов и И.Ю. Гученков справедливо акцентируют внимание на том, что «цифровизация имеет двойственный характер, поскольку, несомненно, полезна для общества, делает жизнь удобнее, но при этом может вторгаться в частную жизнь индивида и, более того, использоваться для ограничения прав и свобод человека и усиления государственного контроля. Все это требует совершенствования правового регулирования и иных защитных механизмов для соблюдения прав и свобод граждан, включая установление пределов допустимого использования цифровых технологий» [6, с. 15].

Современное состояние государственного контроля и практика соблюдения прав и свобод граждан в России не может не вызывать тревогу, которая обусловлена и подтверждается нарастающим противоречием между технологическим развитием инструментов реализации государственных функций и недостаточностью правовых механизмов защиты прав личности в цифровой среде. Наиболее остро данное противоречие проявилось в России, как и в других развитых странах мира, в период пандемии коронавируса, ког-

да цифровой тоталитаризм принял очертания осязаемой угрозы. «В качестве примера можем привести уже функционирующую систему контроля за поведением человека, которая выходит пределы обычного мониторинга деятельности граждан и не ограничивается требованием по соблюдению ими правовых норм. Так, система «социального доверия» (рейтинга) предполагает «ранжирование индивида в зависимости от присвоенного ему рейтинга и исходя из этого предоставление гражданину особых льготных режимов либо ограничение в правах» [12, с. 44].

Сказанное в полной мере относится и к публичному управлению в сфере миграции. Расширение полномочий государственных органов по сбору и обработке персональных данных в рамках исполнения функции контроля, внедрение систем биометрической идентификации, использование алгоритмов для оценки миграционных рисков требуют теоретического осмысления с позиции баланса публичных и частных интересов. Важно понимать, что речь идет не просто о техническом обновлении процедур, а о трансформации самой сути реализации государственной функции.

Рассмотрение заявленной проблематики обуславливает необходимость анализа природы миграционного контроля как государственной функции, направленной на регулирование миграционных процессов, контроль за соблюдением миграционного законодательства и предотвращение нарушений в этой сфере.

В административно-правовой науке функции государственного управления определяют как «конкретное направление управляющего (организующего, регулирующего, контролирующего и пр.) воздействия государственного управления на объект управления» [2, с. 38]. В некоторых учебниках по административному праву приводится более общая (но в узком понимании государственного управления) дефиниция функции как «определенные направления деятельности по выполнению задач управления» [1, с. 12].

По мнению Н.Л. Мальцева, «функция должна выступать базовым, первичным эле-

ментом в определении полномочий любого органа и форм осуществления его деятельности и одновременно производной от характера поставленной задачи. Функции предопределяют в том числе и положение субъекта управления в той или иной системе даже наряду с существующим воздействием на тот же объект со стороны иных субъектов» [8, с. 27].

Также в теории административного права под государственной функцией понимается направление деятельности государства, выражающее его социальное назначение и реализуемое через систему полномочий государственных органов. Через рассмотрение соотношения категорий «функция» и «компетенция», между которыми, по мнению ряда выдающихся представителей отечественной науки, существует тесная связь, можно получить более полное представление о понятии функции.

Так, Ю.А. Тихомиров включает в содержание компетенции такие структурные элементы, как нормативно установленные цели, предметы ведения как юридически определенные сферы и объекты воздействия, а также властные полномочия как гарантированную законом меру принятия решений и совершения действий. Установленные цели, точнее, устойчивая деятельность по их достижению признается публичной функцией [11, с. 55-56].

И.Л. Бачило также предложила понимать функцию как процесс реализации полномочий органа правовым, юридическим способом. В связи с этим, по ее мнению, функцию необходимо рассматривать как неотъемлемый элемент компетенции, так как представить ее вне компетенции органа чрезвычайно трудно [3, с. 53].

Б.М. Лазарев, подчеркивая связь между правами, обязанностями и функциями, сделал вывод о том, что «элементом компетенции является право и обязанность осуществлять ту или иную управленческую функцию... к определенным управляемым объектам» [7, с. 45-46].

Исходя из того, что «функция публичной власти характеризует внешнюю сторону ее деятельности, направление систематического и целенаправленного воздействия на соци-

альную среду для достижения поставленных целей в соответствии с предоставленными полномочиями» [8, с. 28], отметим, что миграционный контроль включает в себя полномочия по учету, надзору, выявлению нарушений и применению мер принуждения в сфере миграции.

Цифровизация трансформирует способ реализации этой функции. Традиционная модель предполагала непосредственный контакт должностного лица и мигранта, бумажный документооборот, дискреционные полномочия чиновника. Цифровая модель предполагает опосредованное взаимодействие через информационные системы, автоматизированную обработку данных, алгоритмическую оценку рисков. Это меняет саму структуру государственной функции: часть полномочий делегируется информационным системам, роль человека смещается от исполнителя к контролеру работы системы.

Такая трансформация создает новые правовые вызовы, поскольку возникает вопрос о пределах автоматизации государственной функции. Может ли функция по ограничению прав (например, запрет въезда) реализовываться полностью автоматически?

Центральное место в исследовании занимает анализ конфликта между эффективностью реализации государственной функции и защитой прав личности. Данный конфликт носит фундаментальный характер и обусловлен самой логикой цифровизации государственного управления.

Эффективность реализации государственной функции миграционного контроля в цифровую эпоху понимается прежде всего как способность государства своевременно идентифицировать мигрантов, отслеживать их перемещение, выявлять нарушения миграционного законодательства, предотвращать угрозы национальной безопасности с минимальными затратами ресурсов. Достижение этих целей требует максимального охвата данными, минимизации анонимности, автоматизации процессов принятия решений. Критериями эффективности становятся скорость обработки данных, процент выявленных нарушений, полнота информационных профилей.

Однако такая логика вступает в прямое противоречие с конституционными правами личности: правом на неприкосновенность частной жизни, правом на защиту персональных данных, правом на свободу передвижения, презумпцией добропорядочности. Цифровые системы контроля по своей природе стремятся к тотальной прозрачности объекта контроля, тогда как права личности предполагают определенную зону приватности, недоступную для государственного вмешательства.

Данное противоречие проявляется в нескольких аспектах реализации государственной функции. Чрезмерный акцент на правах личности без учета потребностей безопасности может парализовать функции миграционного контроля, создав риски для национальной безопасности. Необходим поиск баланса через принцип пропорциональности.

Принцип пропорциональности представляет собой ключевой правовой инструмент для обеспечения баланса между эффективностью реализации государственной функции и правами личности. В контексте цифровизации миграционного контроля данный принцип включает несколько элементов, ограничивающих государственное вмешательство.

Первый элемент – пригодность средства. Цифровые инструменты контроля должны быть действительно пригодны для достижения заявленных целей реализации государственной функции. Например, внедрение системы распознавания лиц должно обосновываться конкретными задачами безопасности, а не внедряться как самоцель цифровизации. Требуется оценка реальной эффективности технологии до ее внедрения в практику реализации функции.

Второй элемент – необходимость средства. Среди всех возможных средств достижения цели реализации функции должно быть выбрано наименее ограничивающее права. Если цель может быть достигнута менее инвазивными методами, они должны быть предпочтены. Например, если идентификация мигранта возможна через документ, не следует требовать биометрические данные без особой необходимости.

Третий элемент – соразмерность в узком смысле. Ограничения прав должны

быть соразмерны важности защищаемого публичного интереса в рамках реализации государственной функции. Массовый сбор биометрических данных всех мигрантов без дифференциации по уровням риска представляет собой непропорциональное ограничение прав. Требуется категорирование мигрантов по уровням риска с соответствующей дифференциацией мер контроля в рамках функции.

Четвертый элемент – процедурные гарантии. Даже пропорциональные ограничения требуют процессуальных механизмов защиты: право на информацию о сборе данных в рамках функции, право на доступ к своим данным, право на исправление ошибок, право на обжалование решений.

Действующее российское законодательство содержит отсылки к принципу пропорциональности, однако специальные нормы применительно к цифровому миграционному контролю в рамках реализации государственной функции отсутствуют. Это создает риски непропорционального ограничения прав при внедрении новых технологий контроля.

Особую проблематику в контексте баланса эффективности и прав представляет использование автоматизированных систем для принятия решений в рамках реализации государственной функции миграционного контроля. Возникает риск, обусловленный смещением ответственности за реализацию функции. При ошибке алгоритма возникает вопрос о том, кто несет ответственность: разработчик системы, оператор данных или должностное лицо, утвердившее решение. Размытие ответственности снижает уровень защиты прав и размывает субъектность государства при реализации функции.

Наряду с этим возникает также риск дискриминации алгоритмов при осуществлении контроля. Алгоритмы могут воспроизводить и усиливать существующие предубеждения. Например, система оценки рисков может необоснованно повышать уровень риска для мигрантов из определенных стран, что нарушает принцип равенства перед законом.

Для обеспечения баланса необходимо законодательное закрепление права на человеческое участие в принятии значимых решений

в рамках реализации государственной функции. Автоматизированная система может готовить проект решения, но окончательное решение по вопросам, затрагивающим права мигранта, должно приниматься должностным лицом как носителем властных полномочий. Также требуется право на пересмотр автоматизированного решения человеком по запросу мигранта.

Баланс между эффективностью реализации функции и правами личности невозможен без действенных механизмов судебной защиты. Однако судебная защита прав мигрантов в условиях цифровизации государственных функций сталкивается со специфическими проблемами.

Первая проблема – доказывание нарушений при реализации функции. Мигрант, полагающий, что его права нарушены при использовании цифровой системы контроля, сталкивается с трудностями получения доказательств. Информация о работе алгоритмов, основаниях принятия решений, используемых данных часто недоступна для заявителя в силу режима служебной информации.

Вторая проблема – специализация судов при рассмотрении дел о цифровых функциях. Судьи общей юрисдикции не всегда обладают компетенцией для оценки законности использования сложных цифровых систем реализации государственных функций. Требуется развитие специализации судей по делам, связанным с цифровыми технологиями и защитой персональных данных.

Третья проблема – бремя доказывания в спорах о реализации функции. В спорах о цифровом контроле бремя доказывания законности обработки данных должно лежать на государственном органе, обладающем информацией о системе. Однако действующее законодательство не содержит специальных норм о распределении бремени доказывания в таких спорах.

Четвертая проблема – превентивная защита при внедрении функций. Судебная защита носит преимущественно последующий характер, тогда как нарушения прав при цифровом контроле могут иметь необратимые последствия (например, утечка биоме-

трических данных). Требуется развитие механизмов превентивного судебного контроля за внедрением цифровых систем реализации государственных функций.

Опираясь на результаты проведенного исследования, сформулируем принципы сбалансированного регулирования цифрового миграционного контроля как государственной функции.

Первый принцип – целевое ограничение реализации функции. Цифровые инструменты контроля могут использоваться только для заранее определенных законных целей реализации государственной функции. Запрещается использование данных, собранных для миграционного контроля, для иных целей без дополнительного правового основания.

Второй принцип – минимизация данных при исполнении функции. Сбор данных должен ограничиваться минимумом, необходимым для достижения целей реализации функции. Массовый сбор данных без дифференциации по уровням риска не допускается.

Третий принцип – временное ограничение хранения данных функции. Данные должны храниться только в течение срока, необходимого для достижения целей реализации функции. После истечения срока данные подлежат уничтожению, если иное не предусмотрено законом.

Четвертый принцип – прозрачность реализации функции. Мигранты должны быть информированы о сборе данных, целях обработки, сроках хранения, правах на доступ и исправление в рамках реализации функции. Скрытый сбор данных не допускается за исключением случаев, прямо предусмотренных законом для целей национальной безопасности.

Пятый принцип – человеческий контроль при осуществлении функции. Значимые решения, затрагивающие права мигрантов, не могут приниматься исключительно автоматизированной системой. Требуется человеческое участие и возможность пересмотра решения человеком как носителем властных полномочий.

Шестой принцип – подотчетность органа при реализации функции. Государственные

органы должны нести ответственность за законность использования цифровых систем контроля. Требуется ведение журналов обработки данных, возможность аудита систем, назначение ответственных лиц за реализацию функции.

Седьмой принцип – эффективная защита прав при цифровизации функции. Мигранты должны иметь доступ к эффективным механизмам обжалования решений, включая судебную защиту. Бремя доказывания законности обработки данных лежит на государственном органе.

Подводя итоги рассмотрения заявленной проблемы, сформулируем ряд выводов и положений.

Принцип пропорциональности представляет собой ключевой механизм балансирования, включающий требования пригодности, необходимости и соразмерности ограничений прав в рамках реализации государственной функции. Действующее законодательство содержит отсылки к данному принципу, однако специальные нормы применительно к цифровому миграционному контролю отсутствуют, что создает риски непропорционального ограничения прав.

Использование автоматизированных систем для принятия решений в рамках реализации государственной функции создает специфические риски: отсутствие индивидуализации, непрозрачность решений, смещение ответственности, дискриминация алгоритмов. Для минимизации данных рисков необходимо законодательное закрепление

права на человеческое участие в принятии значимых решений и права на пересмотр автоматизированного решения человеком.

Судебная защита прав мигрантов в цифровой среде сталкивается с проблемами доказывания нарушений, недостаточной специализацией судей, неопределенностью бремени доказывания, отсутствием механизмов превентивного контроля за внедрением государственных функций. Требуется развитие судебной практики в сторону более содержательного исследования баланса интересов и специализация судей по делам о цифровых технологиях.

Принципы сбалансированного регулирования цифрового миграционного контроля включают целевое ограничение, минимизацию данных, временное ограничение, прозрачность, человеческий контроль, подотчетность и эффективную защиту. Реализация данных принципов через законодательные изменения позволит обеспечить баланс между эффективностью государственного управления и защитой конституционных прав мигрантов в цифровой среде.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на эмпирический анализ правоприменительной практики цифрового миграционного контроля, разработку конкретных механизмов реализации принципа пропорциональности при исполнении государственных функций, сравнительное исследование судебной защиты прав мигрантов в различных правовых системах.

Библиографический список

1. Административная деятельность органов внутренних дел. Общая часть / под ред. А.П. Коренева. – М., 1999.
2. Бахрах, Д.Н. Административное право / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. – М., 2007.
3. Бачило, И.Л. Функции органов управления / И.Л. Бачило. – М., 1976.
4. Булатов, Р.Б. Защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в условиях современного развития цифровых технологий / Р.Б. Булатов // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – N 2(76). – С. 89-102.

5. Булатов, Р.Б. Правовое регулирование защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в эпоху цифровизации / Р.Б. Булатов // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 4. – С. 30-33.
6. Евстратов, А.Э. Ограничение прав человека в эпоху цифровизации (постановка проблемы) / А.Э. Евстратов, И.Ю. Гученков // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2023. – Т. 20. – № 4. – С. 15-23.
7. Лазарев, Б.М. Компетенция органов управления / Б.М. Лазарев. – М., 1972.
8. Мальцев, Н.Л. К вопросу о понятии «функции публичной власти» / Н.Л. Мальцев // Вестник Пермского университета. – 2009. – Выпуск 1(3). – С. 25-33.
9. Мартынов, А.В. Государственный контроль (надзор) в сфере миграции: понятие, особенности правового регулирования и проблемные вопросы совершенствования / А.В. Мартынов, В.В. Черников // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2023. – № 3. – С. 93-112.
10. Назаренко, Т.С. Цифровая трансформация государственного управления как стратегическое общественное благо / Т.С. Назаренко, И.С. Новикова // Стратегирование: теория и практика. – 2023. – Т. 3. – № 2. – С. 140-157.
11. Тихомиров, Ю.А. Теория компетенции / Ю.А. Тихомиров. – М., 2005.
12. Трошинский, П.В. Цифровой Китай до и в период коронавируса: особенности нормативно-правового регулирования / П.В. Трошинский // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 1. – С. 44-58.

УДК 340 : 343

**Андрей Сергеевич
БАХТА,**

профессор кафедры
уголовного процесса
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор
post_e_mail@mail.ru

**Алексей Петрович
ЛЫГА,**

доцент кафедры теории и истории
права и государства
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук
lygaaleksei@rambler.ru

**Василий Васильевич
БАБУРИН,**

профессор кафедры криминологии
и профилактики преступлений
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы
vvbaburin@mail.ru

ИСТОРИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАЛОГА

HISTORY OF LEGISLATION AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL PROCEDURE BAIL

В статье исследованы вопросы ретроспективного развития законодательного регулирования уголовно-процессуального залога, а также научных и правоприменительных подходов, определявших вектор эволюции практики применения данной меры пресечения. Определены социальные, экономические, политические и идеологические факторы, в соответствующие периоды государственно-правового развития влиявшие на частоту применения данной меры пресечения. На основе анализа достижений науки, положений законодательства, актов легального толкования законодательства, а также правоприменительной практики выявлены возможные направления развития правового регулирования данной меры пресечения. Проведенное исследование позволило обосновать выводы о нелинейном характере историко-правового развития меры пресечения в виде залога, выявить факторы, делающие данную меру пресечения мало применяемой, а также сформулировать предложения о перспективах развития законодательства.

The article considers the issues of retrospective development of legislative regulation of criminal procedural bail, as well as scientific and law enforcement approaches that determined the evolution of the practice of using this restrictive measure. The article identifies the social, economic, political, and ideological factors that influenced the frequency of use of this restrictive measure during different periods of state and legal development. Based on the analysis of scientific achievements, legal provisions, legal interpretation acts, and law enforcement practices, the article identifies possible directions for the development of legal regulation of this restrictive measure. The conducted research allowed the authors to substantiate the conclusions about the non-linear nature of the historical and legal development of the restrictive measure in the form of bail, identify the factors that make this restrictive measure rarely used, and formulate some proposals for the development of legislation.

Ключевые слова: история российского законодательства, государственное принуждение, меры процессуального принуждения, залог, залогодатель.

Keywords: history of Russian legislation, state coercion, procedural coercion measures, bail, bailor.

Ретроспективное исследование эволюции правового феномена уголовно-процессуального залога в российском законодательстве позволяет проследить путь его развития, определить условия, под воздействием которых происходила его трансформация до современного состояния, а также обозначить вектор дальнейшего преобразования данного феномена. На доктринальном уровне это позволяет обобщить накопленные научные знания о тенденциях развития российского государства и права, а субъектам правоприменительной деятельности даст возможность сформировать четкое представление о генезисе правового регулирования и понимание его современного состояния.

В отличие от других мер пресечения залог (ст. 106 УПК РФ) обладает выраженным имущественным характером, для остальных мер пресечения приоритетной сферой воздействия выступает личная свобода. Кроме того, правовое регулирование залога обладает межотраслевыми связями и развивается в условиях конвергенции законодательства, что создает благоприятную почву для научного поиска, ориентированного на решение актуальных проблем правоприменения.

Дискуссия о принудительном потенциале залога и его эффективности в российской юридической науке ведется с момента появления нормативной регламентации данной меры пресечения в ст. 416 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС или Устав). Правовое регулирование залога в названном памятнике права обладало определенными особенностями, отличающими его от УПК РФ. Например, предмет залога был значительно уже: деньги или движимое имущество. Вид последнего закон четко не определял. К числу залогодателей относились обвиняемый или другое физическое лицо (ст. 79, 423 УУС). Критериями дифференциации суммы залога являлись строгость наказания, имущественное состояние залогодателя, а также размер вреда, причиненного преступлением и заявленного в иске потерпевшего, меньше которого залог не мог быть взят (ст. 80, 424 и 425 УУС). За счет предмета залога, в случае если обвиняемый скрывался от следствия и суда, обеспечивалось удовлет-

ворение исковых требований потерпевшего (ст. 427 УУС). Таким образом, залог выполнял не только пресекательную, но и факультативно правовосстановительную функции.

Мыслители того времени сформулировали актуальный и в настоящее время постулат о преимущественном воздействии залога на имущественные интересы личности, а также о его психологическом влиянии на обвиняемого, обязанного нахождением на свободе иному залогодателю, обязательства перед которым обладают существенной ценностью. Ученые отмечали, что залог следует считать эффективной мерой пресечения при ее применении в отношении лиц, для которых утрата любой суммы залога влечет ощутимые негативные имущественные и психологические последствия [12, с. 324; 2, с. 290].

Вектор развития практики применения залога и научные воззрения о нем после Великой октябрьской социалистической революции 1917 г. изменились. Их определяли тенденции общественно-государственного развития, связанные с обобществлением собственности в эпоху «военного коммунизма», отсутствием у населения излишков частного имущества, отношением к залогу как к «суррогату тюремного заключения», выгодному буржуазии, покупавшей свободу на период следствия [8, с. 53, 71]. Наряду с таким подходом ст. 10 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. устанавливала недопустимость замены лишения свободы залогом.

В 1927 г., на завершающем этапе нэпа и в преддверии грядущей «коллективизации», нарком юстиции Н.В. Крыленко отмечал: «...основными источниками права должны выступать здравый смысл и правильно выраженное классовое чутье...» [7, с. 1333]. В данном суждении отразилось формирование устойчивой тенденции последующих идеологических «перегибов» (вплоть до второй половины 50-х годов XX вв.) в сторону личного неимущественного принуждения в отношении «классово чуждых элементов» (первоначально «нэпманов» и «кулаков», позднее «врагов народа») и неприменения залога при том, что соответствующие изменения в УПК РСФСР 1923 г. внесены не были [5, с. 243-248].

Кроме того, выхолащиванию практики применения залога в 1930-1940 гг. способствовали ликвидация представителей зажиточных социальных групп, сформировавшихся в годы нэпа, в отношении которых ранее эта мера широко применялась [14, с. 362-363], отсутствие в Конституции СССР 1936 г. и УПК РСФСР 1923 г. положений о защите частной собственности (такого вида собственности в праве попросту не существовало), первоочередная правовая охрана социалистической собственности и средств производства (ст. 4 Конституции СССР 1936 г.), формирование партийно-бюрократического аппарата и руководящей роли ВКП(б), использовавших методы внеэкономического принуждения, искоренивших начала имущественных гарантий, обеспечивавших надлежащее поведение участников уголовного процесса [подр.: 9, с. 33].

Принятие в 1960 г. нового УПК РСФСР привело к незначительной модернизации института залога (к числу залогодателей в ст. 99 УПК РСФСР стали относить подозреваемого и общественную организацию). Апогеем развития доктринальных взглядов на систему мер пресечения и место в ней уголовно-процессуального залога следует считать период 1960-1980 гг., когда в науке активно обсуждались вопросы о целях и сущности залога [1, с. 11-12]. Несмотря на предпринимавшиеся шаги к совершенствованию правового регулирования в направлении развития имущественных гарантий участников уголовного судопроизводства, залог продолжал восприниматься как институт буржуазного права, чуждый советской идеологии и правосознанию граждан. Данная мера подвергалась критике и оценивалась как «неприемлемая» [6, с. 54], а регулирующие ее правовые нормы назывались «мертвыми» [8, с. 72-73], сложноприменимыми в силу излишней формализованности процедуры [подр.: 10, с. 240] или низкоэффективными [5, с. 41].

По названным причинам залог применялся редко [3, с. 19].

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. под влиянием процессов, сопровождавших переход государства от плановой к рыночной экономике, произошел рост общественной значимости личного благосостояния населения. Принятие закона «О собственности в РСФСР», установившего новый правовой режим имущественных отношений, а также введение в действие частей I и II ГК РФ выступили катализатором роста значения частной собственности. На этом фоне материальное стимулирование правомерного поведения приобрело новый смысл и повлекло возникновение идей о расширении целей залога [11, с. 116], определении в законе суммы (размера) залога [2, с. 128], возможности отказа залогодателя от принятых обязательств [15, с. 89-91] и других вопросов, вызывавших трудности в доктрине и правоприменении. Ценность обозначенного дискурса состоит в его ориентированности на адаптацию уголовно-процессуального законодательства к развивающимся общественным отношениям в сфере собственности, полноценное понимание существа и структуры которых в 1990-х гг. еще не сложилось.

В положениях ст. 106 УПК РФ развивается конвергенция отраслевого законодательства. Избрание, применение и исполнение решения суда о залоге требует от правоприменителя обращения к различным нормативным правовым актам (УПК РФ, ГК, ГПК РФ, положениям, утвержденным постановлениями Правительства РФ и межведомственными нормативными правовыми актами¹). Такое явление сформировало восприятие залога как сложноприменимой меры пресечения, требующей от субъекта производства по уголовному делу серьезных временных и физических затрат.

Дискуссионным является вопрос об участниках досудебного производства, могущих

1 Об утверждении Положения об оценке, содержании предмета залога по уголовному делу, управлении им и обеспечении его сохранности : постановление Правительства РФ от 13.07.2011 N 569; Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения выбран запрет определенных действий, домашний арест или залог 6 приказ Минюста России N 189, МВД России N 603, СК России N 87, ФСБ России N 371 от 31.08.2020.

инициировать процедуру избрания залога. Корректировка п. 49 постановления Пленума Верховного Суда РФ N 41¹, по мнению В.Ю. Стельмаха, породила формирование двух порядков возбуждения ходатайства перед судом об избрании данной меры пресечения. Первый («общий») состоит в том, что суд, на основании ходатайства следователя или дознавателя рассматривает вопрос об избрании залога. Его правовую основу составляют положения гл. 13 УПК РФ, устанавливающей, что выбор меры пресечения является прерогативой субъектов расследования. Второй («специальный») порядок реализуется, когда в ходе судебного заседания по вопросу избрания другой меры пресечения от подозреваемого, обвиняемого или иного залогодателя поступает ходатайство об избрании залога [13, с. 29-34].

Проведенное интервьюирование показало, что указанный «общий» порядок правоприменители оценивают критически. Это обусловлено дополнительными обременениями следователя/дознателя, отвлекающими их от доказывания, а именно оценкой предмета залога, проверкой законности происхождения имущества, относимости его к перечню, предусмотренному ст. 446 ГПК РФ² и другими. Все же отметим, что позиции органа высшего судебного контроля, а также точка зрения названного исследователя заслуживают позитивной оценки, поскольку расширяют пределы усмотрения властвующих участников уголовного процесса в вопросе выбора эффективной меры пресечения, основываются на общих принципах права, обосновывающих властный характер применения государственного принуждения в уголовном судопроизводстве. При этом подчеркнем, что именно отсутствие формальной определенности «общего» порядка ограничивает развитие практической деятельности в этом направлении.

Данные официальной государственной статистики свидетельствуют о том, что залог применяется редко. Так, за период 2018 г. – 6 месяцев 2025 г. (7,5 лет) он избирался 1004 раза. Для сравнения: заключение под стражу в указанный период избиралось 661 681 раз³, то есть в 65,9 тыс. раз чаще, чем залог. Убеждены, что залог не востребован в правоприменении в силу таких особенностей правового регулирования, как неурегулированность процессуального статуса «иного залогодателя» и неразвитость порядка применения залога (например, за счет имплементации отдельных формально определенных элементов механизма реализации залоговых отношений из гражданского законодательства).

В правовом регулировании залога не содержится императив, обязывающий залогодателя вступать в процессуальные отношения. Напротив, он инициативно предлагает предмет залога, выражает волеизъявление распорядиться правом собственности, самостоятельно передает его органу, в производстве которого находится уголовное дело, в определенных случаях несет бремя его содержания и бремя имущественной ответственности. Его функция состоит во вспоможении органу, осуществляющему производство по уголовному делу, путем создания условий для избрания и применения меры пресечения. В силу сказанного заинтересованность органа, осуществляющего производство по уголовному делу, в залогодателе должна быть достаточно высокой. Все же, несмотря на значимость функций указанного участника уголовного судопроизводства, его процессуальный статус урегулирован недостаточно.

Практическая деятельность изобилует примерами изменения залога на более строгую меру пресечения в связи с нарушением обвиняемым условий его избрания и обращения предмета залога, переданного «иным

1 О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41.

2 По результатам интервьюирования 17 следователей и 21 руководителя следственных подразделений МВД России и СК России, осуществляющих деятельность на территории Алтайского и Пермского краев, Томской и Новосибирской областей.

3 Отчет формы N 1 «О результатах деятельности судов общей юрисдикции и мировых судов» за 2018 – первое полугодие 2025 г. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru> (дата обращения: 04.05.2026).

залогодателем», в доход государства. Данный аспект демонстрирует, что морально-нравственные обязательства обвиняемого перед «иным залогодателем» не всегда являются эффективным мотивом надлежащего поведения. Это отчасти объясняет причину нежелания иных лиц выступать в качестве залогодателя.

Примером сказанного следует привести обстоятельства уголовного дела, связанного с хищением денежных средств участников рынка ценных бумаг в сумме около 500 млн рублей. В отношении обвиняемого была избрана мера пресечения в виде залога. Предметом залога суд определил денежные средства в сумме 5 млн рублей. Залогодателем выступило «иное лицо», которому до истечения срока меры пресечения стало известно о намерении обвиняемого скрыться. Обращение к следователю с ходатайством о возврате суммы залога в связи с отсутствием такого порядка повлекло вынесение решения об отказе в его удовлетворении. В результате инициативной явки залогодателя в судебное заседание, проводившееся по вопросу продления меры пресечения и сообщения известных ему сведений, суд изменил меру пресечения на домашний арест. Предмет залога возвращен залогодателю¹.

Сказанное позволяет сделать обоснованный вывод о том, что правовой статус «залогодателя» нуждается в модернизации. Законодательное решение в виде дополнения УПК РФ примечанием к ст. 106 УПК РФ, содержащим определение «залогодатель в уголовном судопроизводстве», перечень его прав, обязанностей и ответственности, позволило бы пропорционально усилить принудительный потенциал залога, а также повысить обеспеченность имущественных интересов данного участника уголовного процесса. К числу прав «иного залогодателя» могут быть отнесены такие, как осуществление контроля за поведением подозреваемого, обвиняемого, принятие мер к обеспечению его явки, а также возможность отказаться от принятого обязательства.

Мера пресечения в виде залога полностью ограничивает оборотоспособность залогового имущества на весь период действия меры пресечения. Возможность замены предмета залога допускается Верховным Судом РФ с использованием аналогии права (ч. 4 ст. 345 ГК РФ), но только в случаях его уничтожения или повреждения (например, в результате пожара) либо когда право собственности на него или право хозяйственного ведения прекращено по основаниям, установленным законом². Позиция органа высшего судебного контроля весьма избирательная и без объяснения причины не рассматривает иные положения ГК РФ, устанавливающие возможность инициативной замены залогодателем предмета залога на имущество, которое залогодателю наиболее удобно предоставить.

Подводя итог, отметим следующее. Проблемные вопросы, рассмотренные в статье, являются дискуссионными. Их выбор основан на анализе динамики развития общественных отношений в сфере собственности, эволюции доктринальных представления об имущественном принуждении в уголовном процессе, основу которых составляют политические и идеологические аспекты преобразований общественно-государственных отношений, отражающихся в правовом регулировании.

Содержание законодательных установлений об уголовно-процессуальном залоге и практика применения данной меры пресечения на различных этапах истории российского государства развивались нелинейно. В условиях, когда право собственности приобретало высокую общественную значимость, а имущественное принуждение становилось действенным средством корректировки поведения, права и свободы личности оценивались через призму позитивизма и охранялись на общегосударственном уровне (как это было в эпоху Устава). Напротив, в периоды господства идеологических установок, обобществляющих собственность в руках государства и подавляющих частный имущественный

1 Решение Свердловского районного суда г. Перми от 21.11.2025 по делу N 3-14-84-2025.

2 О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41.

интерес в публичных целях, вектор принуждения в уголовном судопроизводстве изменялся в сторону превалирования практики применения неимущественных мер принуждения.

Дальнейшее развитие правового регулирования залога должно происходить с учетом тенденций общественного развития. Высокая значимость отношений в сфере собственности и формальная рассогласован-

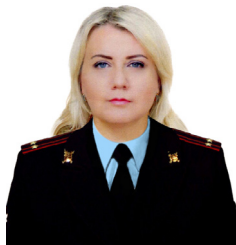
ность средств обеспечения и восстановления нарушенных прав создают условия незначительной привлекательности рассматриваемой меры пресечения для залогодателя. Изменение восприятия залога в позитивную сторону видится возможным в случае принятия законодателем мер к модернизации правового регулирования статуса «залогодателя» в направлениях, рассмотренных в тексте статьи.

Библиографический список

1. Булатов, Б.Б. Вопросы эффективности мер пресечения, не связанных с лишением свободы, и их применения органами предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Б.Б. Булатов. – М., 1980. – 18 с.
2. Булатов, Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве / Б.Б. Булатов. – Омск, 2003. – 320 с.
3. Гуткин, И.М. Меры пресечения в советском уголовном процессе : лекция / И.М. Гуткин. – М., 1963. – 43 с.
4. Духовской, М.В. Русский уголовный процесс / М.В. Духовской. – М., 1905. – 464 с.
5. Зинатуллин, З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность / З.З. Зинатуллин. – Казань, 1981. – 136 с.
6. Корнуков, В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В.М. Корнуков. – Саратов, 1978. – 137 с.
7. Крыленко, Н.В. На рубеже / Н.В. Крыленко // Еженедельник советской юстиции. – 1927. – N 43. – С. 1332-1334.
8. Лившиц, Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе / Ю.Д. Лившиц. – М., 1964. – 138 с.
9. Лыга, А.П. Меры уголовно-процессуального принуждения имущественного характера : дис. ... канд. юрид. наук / А.П. Лыга. – Омск, 2023. – 253 с.
10. Лыга, А.П. Тенденции развития мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера по УПК РСФСР / А.П. Лыга // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – Т. 27. – N 3. – С. 243-248.
11. Петрухин, И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И.Л. Петрухин. – М., 1989. – 252 с.
12. Розин, Н.Н. Уголовное судопроизводство / Н.Н. Розин. – 2-е изд., изм. и доп. – СПб., 1914. – 546 с.
13. Стельмах, В.Ю. Современные проблемы применения залога как меры пресечения / В.Ю. Стельмах // Вестник уральского юридического института МВД России. – 2022. – N 3. – С. 29-34.
14. Титов, Ю.П. История государства и права России / Ю.П. Титов. – М., 2006. – 563 с.
15. Шейфер, С.А. Применение залога как меры пресечения / С.А. Шейфер, С.И. Вершинина // Прокурорская и следственная практика. – 1998. – N 4. – С. 84-85.

УДК 343.1

Наталья Сергеевна КОМАРОВА,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России
komarova.n1976@mail.ru

Татьяна Николаевна ШУМИЛОВА,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России
t_shumilova78@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭТАПОВ СУДЕБНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

CHARACTERISTICS OF STAGES OF JUDICIAL ENFORCEMENT IN CRIMINAL PRE-TRIAL PROCEEDINGS

В статье рассматриваются вопросы, посвященные правоприменительной деятельности суда, которая, по мнению авторов, обладает последовательным характером. Специфику характеристики выделяемых этапов авторы обосновывают посредством содержания их задач, целей, существа итоговых решений, формирующих условия и основания для последующего правоприменения. Деятельность рассматривается с позиции обеспечения развития уголовно-процессуальных отношений, направленных на эффективную реализацию правового регулирования. На основании полученных результатов делается вывод о том, что правоприменительная деятельность суда ориентирована на разрешение вопроса, поставленного перед ним участниками уголовного судопроизводства, входящего в его компетенцию, и соответствует классическим представлениям об этапном характере правоприменительной деятельности.

The article considers issues related to the court's law enforcement activity, which, in the authors' opinion, is sequential in nature. The authors substantiate the specific characteristics of the identified stages through the content of their tasks, objectives, and the essence of the final decisions that form the conditions and grounds for subsequent law enforcement. This activity is examined from the perspective of ensuring the development of criminal procedural relations aimed at the effective implementation of legal regulation. Based on the results obtained, it is concluded that the court's law enforcement activity is focused on resolving the issue raised by the participants in the criminal proceedings, which falls within its jurisdiction, and correspond to the classical understanding of the stage-by-stage nature of law enforcement activity.

Ключевые слова: суд, судебное заседание, уголовное досудебное производство, правоприменение, акты судебного правоприменения.

Keywords: court, court session, criminal pre-trial proceedings, law enforcement, acts of judicial law enforcement.

Анализ эмпирического материала и теоретических представлений позволяет сделать однозначный вывод о том, что структура судебного заседания, как всякой правоприменительной деятельности, обладает свойством полиэтапности. В ней можно выделить подготовительный этап, разрешение вопроса о применении конкретной нормы законодательства, вынесение правоприменительного акта. Их содержание в каждом конкретном случае в большей или меньшей степени определяется целями и задачами, предметом рассмотрения (существом вопроса), а также особенностями процедуры разрешения конкретного вопроса. Общей целью для каждого из них является установление оснований для дальнейшего движения производства по существу поставленного и разрешаемого вопроса. Это определяет специфику судебной деятельности по уголовному делу, рассматриваемому по существу в порядке, установленном гл. 33-39 УПК РФ.

В ходе судебного заседания в досудебном производстве, несмотря на отсутствие прямого легального императива применения закона по аналогии, реализуются только отдельные установки гл. 35 УПК РФ.

Подготовительный этап. Правосудие в досудебном производстве представляет собой «обособленный комплекс судебных процедур и отдельных процессуальных действий, предназначенных для разрешения по существу конкретных разновидностей юридических споров, отнесенных к компетенции суда и подлежащих рассмотрению в порядке уголовного судопроизводства» [1, с. 112-113]. Эффективность деятельности судьи при подготовке к судебному заседанию определяет возможность дальнейшего рассмотрения дела [16, с. 17]. Цели досудебного производства и деятельности судебной власти в досудебном производстве предметно совпадают в части обеспечения целостности функционирования судебной системы и ее ориентированности на обеспечение прав и законных интересов участников судопроизводства [14, с. 4]. Их достижение представляется возможным исключительно посредством неукоснитель-

ного соблюдения властными субъектами процессуальной формы [11, с. 17-18].

Поскольку в досудебном производстве суд не разрешает вопрос о виновности лица в совершении преступления, перечень задач, стоящих перед ним, существенно отличается от перечня гл. 33 УПК РФ. Он является весьма усеченным, коррелирует с целью рассматриваемого этапа, а именно состоит в установлении (создании) судом условий для последующего рассмотрения поставленного перед ним вопроса.

К специфике формы деятельности суда на рассматриваемом этапе Н.Г. Муратова относит осуществление ее в условиях как открытого состязательного процесса (рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ), так и закрытого состязательного процесса (избрание меры пресечения). Автор определяет деятельность суда в досудебном производстве как «многофункциональную уголовно-процессуальную деятельность, призванную обеспечить защиту конституционных прав и свобод личности в досудебном производстве, в вышестоящих судебных инстанциях и при исполнении процессуальных решений, гарантирующих законность и обоснованность процессуальных действий и решений в уголовном судопроизводстве» [14, с. 9].

Принимая во внимание, что с момента обоснования позиции указанным автором законодательство и правоприменительная практика претерпели определенные изменения, мы поддерживаем предложение И.Р. Хроменкова, который дополняет ранее приведенную позицию умозаключением, что рассмотрение судом вопроса о даче разрешения на производство следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан, допускается в закрытом судебном заседании с целью соблюдения тайны предварительного расследования [18, с. 17].

Важно отметить, что порядок судебной процедуры в досудебном производстве не может полностью исключать состязательности. Данной точки зрения придерживаются В.В. Кальницкий и О.В. Баландюк, отмечающие, что в случае явки в суд участников

процесса, чьи права и законные интересы затрагиваются существом принимаемого процессуального решения, им должна быть предоставлена возможность высказаться [10, с. 30-37].

Завершается данный этап фактическим началом деятельности суда по рассмотрению представленных материалов по существу. Таким образом, этап подготовки к рассмотрению материалов, поступивших в суд, отличается от ординарного порядка рассмотрения дела его нормативная неурегулированность.

Еще одним, на наш взгляд, важным аспектом характеристики порядка подготовки суда к рассмотрению поставленного перед ним вопроса является отсутствие законодательного императива о вынесении постановления о назначении судебного заседания. Президиум Верховного Суда РФ разъяснил, что наряду с иными вопросами, подлежащими выяснению судом при подготовке к рассмотрению жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, необходимо оформлять решение о назначении судебного заседания постановлением согласно требованиям ч. 2 ст. 227 УПК РФ¹. Весьма примечательно, что в других актах судебного толкования, посвященных иным вопросам, рассматриваемым судом в досудебном производстве, подобной рекомендации не содержится.

Последний аспект выглядит весьма нелогично, учитывая, что при разрешении иных вопросов, связанных с ограничением или прекращением прав участников уголовного судопроизводства, предметом рассмотрения являются не менее значимые по своему существу жизненные ситуации.

Этап разрешения вопроса о применении конкретной нормы законодательства. Деятельность суда на этом этапе связана с непосредственным рассмотрением относимого к его компетенции юридического спора и вопроса о применении для его разрешения конкретной нормы закона. При этом решения суда в досудебной части уголовного судопроизводства никоим образом не должны предопределять решение суда о виновности

и наказании лица.

Наиболее существенным вопросом данного этапа, на наш взгляд, выступают аспекты деятельности суда по установлению таких юридически значимых фактов, которые позволили бы рассмотреть правовой вопрос и принять решение по существу дела. Об этом также высказывается Ю.Г. Овчинников [15, с. 260]. Принципиально соглашаясь с ученым, отметим, что, разрешая юридическое дело и устанавливая основания для применения конкретной нормы законодательства, суду надлежит исследовать вопрос о достаточности к этому правовых оснований. Деятельность суда в данной части существенно осложняется не только многообразием существа разрешаемых вопросов, но и межотраслевым характером правовых отношений, которые следует учитывать.

Содержание данного этапа в тех случаях, когда проводится открытое судебное заседание с приглашением всех участников, чьи права и интересы затрагиваются в уголовном судопроизводстве, можно сравнить с процедурой судебного следствия. У приведенного подхода есть противники и сторонники. Например, М.С. Белоковильский называет порядок судебного заседания и рассмотрения судом представленных материалов «редуцированной формой судебного следствия», в которой набор дозволенных средств доказывания крайне ограничен [4, с. 25-32]. Иначе считает С.В. Бурмагин, который пишет, что «иные» судебные производства включают аналог судебного следствия – исследовательскую часть судебного заседания. Аргументируя свою позицию, автор отмечает, что данный аспект является обязательным компонентом любой деятельности, претендующей на отнесение к правосудию, и предлагает вариант модернизации правового регулирования, состоящий во внесении в УПК РФ изменений, касающихся введения требования об обязательном исследовании судом доказательств, представленных сторонами [6, с. 228]. Отметим, что, рассматривая поставленный вопрос, в случае неявки участников процесса

¹ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 N 1.

суд равным образом должен исследовать представленные материалы в том объеме, в котором этого достаточно для применения конкретной нормы закона и принятия законного, обоснованного и мотивированного решения. Это означает, что суд фактически осуществляет деятельность по исследованию доказательств.

А.А. Устинов обращает внимание на формальный подход к доказыванию, поверхностность, односторонность исследования, произвольность и непоследовательность действий субъектов доказывания. Одной из ключевых проблем автор называет отсутствие четкой нормативной регламентации подхода к доказыванию при рассмотрении различных материалов в ходе досудебного производства, что делает процесс обеспечения прав и законных интересов участников дела неэффективным [18, с. 4, 11].

Мы согласны с точкой зрения А.О. Машовец, что «собранные (сторонами) во время досудебного производства фактические материалы – это не доказательства, а совокупность средств хранения и передачи информации, из которых посредством следственных действий, проводимых в судебном заседании, формируются судебные доказательства» [12, с. 5].

О.Н. Шекшуевой верно подчеркивает мысль о том, что суд не осуществляет деятельность по доказыванию в том смысле, который придается данной категории положениями ст. 73, 85 УПК РФ [20, с. 24].

При этом, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, «наложение ареста на имущество лица, которое не является подозреваемым, обвиняемым... допускается лишь при условии, что относительно этого имущества имеются достаточные, подтвержденные доказательствами основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого»¹. Аналогичные предписания о не-

обходимости исследования доказательств содержит постановление Пленума Верховного Суда РФ². Другими словами, при принятии решений об ограничении конституционных прав лиц, в том числе в досудебном уголовном судопроизводстве, в обязательном порядке осуществляется оценка достаточности доказательств. И в этой части мы согласны с мнением Я.В. Ждановой о том, что достаточность доказательств применима не только к разрешению уголовного дела по существу, но и при принятии иных процессуальных решений [8, с. 5].

В соответствии с доминирующей в настоящее время позицией о доказательствах в них сосредоточено единство источника и содержания информации, при этом она разделяется на «процессуальную» и «непроцессуальную». В судебном заседании в уголовном досудебном производстве суд оценивает, непосредственно воспринимая именно доказательства, когда речь идет о стадии предварительного расследования, и доказательства и данные в том случае, если правовой спор возникает на стадии возбуждения уголовного дела.

Вместе с тем в силу многообразия видов правовых ситуаций (нередко имеющих межотраслевой характер) детальное закрепление в законе ключевых позиций, на которые должен обращать внимание суд при разрешении вопроса о применении конкретной нормы закона при разрешении в досудебном производстве вопросов, относящихся к его компетенции, попросту невозможно.

Выход из сложившейся ситуации видится в развитии законодательных установок, касающихся деятельности суда по установлению обстоятельств, которые не были выяснены органом, инициировавшим поставленный перед ним вопрос. Опыт совершенствования правовой мысли в указанном направлении формируется в настоящее время в науке арбитражного процессуального права, где суд

1 По делу о проверке конституционных положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена : постановление Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 N 25-П.

2 О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41.

предлагается наделить полномочиями по самостоятельному истребованию, в том числе у лиц, не являющихся участниками разбирательства, материалов, необходимых для разрешения дела по существу¹.

В то же время дискуссионность вопроса о содержании деятельности суда по рассмотрению в судебном заседании вопросов досудебного производства не позволяет достоверно определить нормативные границы его полномочий по сбору доказательств, необходимых для принятия решения. Такая неопределенность возникает, например, при толковании положений п. 3 ч. 6 ст. 108 УПК РФ – при удовлетворении ходатайства о продлении срока задержания для предоставления сторонами дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. В некоторых случаях данное правило распространяется и на другие меры пресечения, избираемые по решению суда. Данные положения закона могут быть истолкованы неоднозначно, а именно как обеспечивающие самостоятельную деятельность суда по сбору доказательств, позволяющих разрешить поставленный перед ним вопрос о мере пресечения, а также как оказание содействия сторонам в доказывании занятой им позиции.

Примечательно, что подобные законодательные установки применительно к другим вопросам, разрешаемым судом в досудебном производстве, не предусмотрены. Однако это не создает препятствий для суда по истребованию у участников и лиц (организаций), не вовлеченных в разбирательство, сведений, необходимых для принятия решения.

По нашему мнению, с одной стороны, пределы деятельности суда в досудебном производстве требуют большей конкретизации как с позиции оценки доказательств (представленных материалов), так и с точки зрения совершенствования полномочий суда по восполнению имеющихся в них пробелов, не позволяющих всесторонне и объективно разрешить поставленный перед ним правовой вопрос, в том числе о правильности

определения его предмета (существа) и оценки доказательств, представленных сторонами. С другой – мы согласны с точкой зрения Л.С. Мирзы о том, что детальная формализация деятельности суда в досудебном производстве скажется на качестве рассмотрения им главного вопроса и приведет к отвлечению его на разрешение множественных организационных нюансов [13, с. 8].

На наш взгляд, указанный тезис заслуживает внимания в части конкретизации полномочий суда по восполнению пробелов, не позволяющих разрешить поставленный вопрос по существу. Фактически в данном тезисе мы говорим о собирании и оценке судом доказательств, необходимых для вынесения законного, обоснованного решения. Данный аспект имеет важное значение, поскольку «стабильность» судебного решения определяет эффективность уголовного судопроизводства [9, с. 3]. В остальной части суду следует сохранить дискреционные полномочия. Таким образом, в каждом конкретном случае пределы деятельности суда детерминированы конкретным видом разрешаемого им вопроса и кругом субъектов доказывания (в зависимости от конкретной меры процессуального принуждения, вида следственного действия, проводимого с согласия суда, содержания жалобы и др.).

По нашему мнению, суду надлежит проверять достоверность и обоснованность данных, отраженных в представленных ему на рассмотрение документах, содержащих юридически значимые факты, влекущие наступление правовых последствий, и формирующих основания и условия для вынесения акта применения права (решения суда).

Этап вынесения правоприменительного акта. На нем фактически подводится итог деятельности суда, проделанной на предыдущих этапах. Поэтому согласимся с мнением ученых, отмечающих, что «основу правосудия составляет судебное правоприменение, которое представляет собой юрисдикционную деятельность, заключающуюся в обязанности суда разрешить в установленной процедуре

1 См.: Пленум Верховного Суда РФ объясняет, как готовить дело к судебному процессу. URL: <http://pravo.ru/story/252928> (дата обращения: 17.02.2026).

конкретное юридическое дело и, руководствуясь нормами права, регулирующими исследуемые отношения, принять по нему государственно-властное распоряжение» [21, с. 188].

Мы согласны с понятием «судебного правоприменения», которое сформулировал А.В. Аверин, как «специфической формы реализации права компетентным органом – судом, осуществляемой в определенном законом порядке, направленной на реализацию правовых предписаний, непосредственным результатом которой является разрешение правового конфликта посредством издания акта судебного правоприменения по конкретному юридическому делу» [2, с.19].

С точки зрения правовой действительности достижение целей правосудия есть результат особого воздействия на общественные отношения уполномоченным субъектом посредством утвержденного верховенства правовой защиты, основанного на применении закона [17, с. 784].

Солидаризируясь с мнением А.С. Бахты, под правоприменительным актом мы понимаем «как действия, осуществляемые уполномоченными органами, так и принимаемые ими решения» [3, с. 316].

В досудебной его части суд принимает промежуточные судебные решения в виде постановлений или определений, отличительными характеристиками которых являются недопустимость исследования вопроса о виновности лица и применении наказания, рассмотрение определенного казуса (жизненного случая), в отношении которого осуществляются правоприменительные действия, разрешение, в большей степени, споров применительно к реализации уголовно-процессуального законодательства, преюдициальное значение для процесса вынесения итогового судебного решения.

Порядок вынесения определения, постановления закреплен в ч. 2 ст. 256 УПК РФ. Законодатель устанавливает перечень решений, которые выносятся в совещательной комнате и излагаются в виде отдельного процессуального документа, закрепляя норму о том, что все иные определения и постановления по усмотрению суда выносятся в зале судебного заседания и подлежат занесению

в протокол. Другими словами, действующим правовым регулированием предусмотрены два порядка вынесения промежуточных решений: один из них предполагает удаление судьи в совещательную комнату, другой – нет.

Полагаем, что при вынесении правоприменительного акта в уголовном досудебном производстве, которым разрешается конкретное юридическое дело, необходимо рассматривать как единственно приемлемый вариант удаление судьи в совещательную комнату, поскольку это обеспечит принятие решения по судебной защите конституционных прав и свобод лиц, вовлеченных в орбиту уголовного процесса, в комфортной обстановке при наличии достаточного времени для соответствующей мыслительной деятельности. В связи с этим нельзя не согласиться с А.В. Дуловым, указывающим в качестве элементов принятия уголовно-процессуального решения «осмысливание и анализ имеющейся информации; формирование цели решения задачи с учетом конкретной ситуации, а также уголовно-процессуальных и уголовно-правовых требований; выявление всех возможных вариантов решения; выбор решения с применением соответствующих методов и его процессуальной регламентации» [7, с. 52].

Высказанная точка зрения развивается С.В. Бурмагиным, обращающим внимание на то, что «понятие правосудности стало обобщающим, оно обьяло собой такие издавна разработанные в теории российского уголовного процесса категории, как законность, обоснованность и справедливость, а в постсоветский период дополнительно – мотивированность, обозначающие и охватывающие все нормативно установленные требования, предъявляемые к приговору и иным судебным решениям» [5, с. 19].

С данной точки зрения мы полностью согласны и поддерживаем мнение ученых о распространении требований правосудности на любые решения суда, включая промежуточные.

Подводя итог, отметим следующее. Теоретическое исследование структуры (этапов) судебного заседания имеет большое прикладное значение. Оно позволило обосновать вывод о том, что деятельность суда в каждом

случае рассмотрения вопроса, поставленного участниками уголовного судопроизводства, независимо от их принадлежности к стороне дела, направлена на его разрешение и фак-

тически является правоприменительной деятельностью, осуществляемой независимо от стадии уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Азаров, В.А. Система уголовного правосудия: судебные производства и решения / В.А. Азаров, В.А. Константинова // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2023. – Т. 20. – N 3.
2. Аверин, А.В. Судебное правоприменение и формирование научно-правового сознания судей (проблемы теории и практики) : автореф. ... докт. юрид. наук / А.В. Аверин. – Саратов, 2004.
3. Бахта, А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: монография / А.С. Бахта. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2010.
4. Белоковылский, М.С. Стадия исполнения приговора: неадекватность средств доказывания цели / М.С. Белоковылский // Адвокат. – 2013. – N 7.
5. Бурмагин, С.В. Понятие и критерии правосудности решений уголовного суда / С.В. Бурмагин // Мировой судья. – 2021. – N 8.
6. Бурмагин, С.В. Концептуальные основы единства уголовного правосудия и дифференцированности судебных производств : дис. ... докт. юрид. наук / С.В. Бурмагин – Волгоград, 2021.
7. Дулов, А.В. Основы психологического анализа на предварительном следствии / А.В. Дулов. – М.: Наука, 1973.
8. Жданова, Я.В. Проблемы вероятного и достоверного в уголовно-процессуальном доказывании и их влияние на принятие отдельных процессуальных решений следователем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Я.В. Жданова. – Ижевск, 2004.
9. Каблуков, И.В. Актуальные вопросы обеспечения достаточности доказательств и иных данных в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Каблуков. – Челябинск, 2023.
10. Кальницкий, В.В. Порядок наложения ареста на имущество при производстве предварительного расследования (методические рекомендации) / В.В. Кальницкий, О.В. Баландюк // Законодательство и практика. – 2012. – N 2.
11. Ковтун, Н.Н. Судебный контроль в досудебном судопроизводстве России : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Н.Н. Ковтун. – Н. Новгород, 2002.
12. Машовец, А.О. Теоретическая модель правовой организации судебного следствия в уголовном процессе Российской Федерации : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / А.О. Машовец. – Екатеринбург, 2018.
13. Мирза, Л.С. Доступ к правосудию : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.С. Мирза. – М., 2004.
14. Муратова, Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Н.Г. Муратова. – Екатеринбург, 2004.
16. Овчинников, Ю.Г. Система гарантий уголовного досудебного производства : монография / Ю.Г. Овчинников. – М.: Юрлитинформ, 2022.
17. Остапенко, Е.П. Процессуальная деятельность судьи как фактор повышения эффективности правосудия по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.П. Остапенко. – Владимир, 2011.

12. Правосудие в современном мире : монография / В.М. Лебедев, Т.Я. Хабриева, А.С. Автономов [и др.]. – М.: Норма, 2018.
18. Устинов, А.А. Доказывание при рассмотрении судами материалов уголовного дела в ходе досудебного производства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Устинов. – М., 2022.
19. Хроменков, И.Р. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.Р. Хроменков. – М., 2022.
20. Шекшуева, О.Н. Судебно-контрольная деятельность и доказывание в досудебном производстве / О.Н. Шекшуева // Российский судья. – 2022. – N 7.
21. Юсубов, Э.С. Правотворчество в аспекте судебного правоприменения / Э.С. Юсубов, Ю.В. Филимонов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – N 33.

УДК 343.1

Анна Николаевна САВЧЕНКО,

старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России
shilovaanna@inbox.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРЕВОДА ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЭЛЕКТРОННЫЙ ФОРМАТ

PREREQUISITES FOR TRANSFERRING PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS TO AN ELECTRONIC FORMAT

В статье рассматривается вопрос возможности перевода досудебного уголовного производства в электронный формат. Анализ законодательства, регулирующего процессы цифровизации, научных исследований, мнений сотрудников правоохранительных органов позволяет автору выделить комплекс основных взаимосвязанных предпосылок преобразования досудебного уголовного производства в электронный формат: от повсеместного распространения цифровой письменности и государственной стратегии цифровизации до возможностей научно-технического прогресса и законодательного регулирования.

The article discusses the possibility of transferring pre-trial criminal proceedings to an electronic format. An analysis of the legislation regulating the processes of digitalization, scientific research, as well as the opinions of law enforcement officers allows the author to identify a set of main interconnected prerequisites for the transformation of pre-trial criminal proceedings into an electronic format: from the widespread use of digital writing language and the state digitalization strategy to the possibilities of scientific and technological progress and legislative regulation.

Ключевые слова: предпосылки, электронный формат, досудебное производство, письменность, целевые программы, научно-технический прогресс, цифровизация.

Keywords: prerequisites, electronic format, pre-trial proceedings, writing language, targeted programs, scientific and technological progress, digitalization.

Многие ученые, рассуждая о переводе досудебного уголовного производства в электронный формат, отмечают его очевидные преимущества, такие как ускорение обмена информацией, сокращение сроков расследования по уголовным делам, экономия ресурсов и средств. В современных условиях идея о переходе досудебного уголовного производства в электронный формат становится не просто актуальным направле-

нием, а необходимостью, обусловленной рядом фундаментальных предпосылок. К таким предпосылкам можно отнести следующие.

1. Цифровая письменность – новая реальность коммуникации. Первая и, пожалуй, самая значимая предпосылка – это появление цифровой письменности.

Письменность в уголовном процессе играет важную роль. Она является не только средством закрепления устной речи, но и основ-

ным способом формирования документов, средством фиксации способов собирания доказательств и закрепления информации, а также средством общения между участниками уголовного процесса в реализации прав и законных интересов.

Исторически сложилось, что досудебное уголовное производство характеризуется письменным порядком. И по праву о письменности можно говорить как об одном из основополагающих начал, определяющих форму уголовного процесса.

С развитием цифровых технологий текст перестает быть привязанным к бумажному носителю, а существует как облачная информация, которую легко копировать, передавать, хранить. Удобный и экономичный формат передачи информации (цифровая письменность) становится неотъемлемой частью нашей повседневной жизни и профессиональной деятельности. В связи с этим уголовный процесс не остается в стороне, используя электронные документы и различные цифровые платформы для передачи и хранения информации. Постепенно цифровая письменность вытесняет бумажное делопроизводство, создается соответствующая инфраструктура, внедряются новые подходы в правоприменительной практике.

2. Государственная стратегия цифровизации – основа продвижения цифровой письменности. Следующей не менее важной предпосылкой являются федеральные целевые программы, направленные на цифровизацию общества и государства. Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы определена Указом Президента России как национальная цель развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года¹. Ее основными задачами стали: достижение «цифровой зрелости» государственного управления, экономики и социальной сферы через автоматизацию на отраслевых платформах; внедрение искусственного интеллекта и машинного обучения; увеличение доли российского программного

обеспечения в государственных органах до 95%; перевод 99% государственных услуг в электронный формат, включая предоставление не менее 100 услуг с помощью единой цифровой платформы.

Одной из таких платформ можно считать созданную в 2009 г. федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее – ЕПГУ, Госуслуги). ЕПГУ, обеспечивающий доступ физических и юридических лиц к сведениям о государственных и муниципальных услугах, успешно функционирует и развивается. В числе услуг предоставлена возможность обращения в МВД РФ и прокуратуру. Таким образом, созданная в России цифровая платформа в определенной степени способствует цифровизации уголовного процесса.

Большое значение для цифровизации уголовного процесса сыграли федеральные целевые программы «Развитие судебной системы России» на 2002-2006 годы и на 2007-2012 годы, а также создание государственных автоматизированных систем, которые предусматривали замену устаревшей компьютерной техники. Программа «Развитие судебной системы на 2013-2024 годы» была направлена на обеспечение доступности и открытости правосудия, создание информационно-коммуникационной системы Верховного Суда Российской Федерации, интегрированной с информационной системой судов общей юрисдикции «Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»», а также формирование необходимой телекоммуникационной инфраструктуры для обеспечения эффективности взаимодействия судов общей юрисдикции. В частности, на базе ГАС «Правосудие» были созданы сайты судов общей юрисдикции, предоставляющие гражданам доступ к информации о судопроизводстве, в том числе рассматриваемых делах и о решениях, принятых судом по каждому делу [1, с. 59-65]. «Важной новеллой федеральной целевой программы является создание пилотного

1 О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309.

проекта «Электронное дело», суть которого заключается в организации сканирования всех поступающих в суды документов и формирование электронных дел. ...речь идет как раз об электронной форме дела» [1, с. 61]. В результате реализации указанных целевых программ стало возможным разработать суперсервис «Правосудие-онлайн». Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее – Стратегия) определила направления работы в поддержку организаций, занимающихся разработкой искусственного интеллекта, стимулирование внедрения технологий искусственного интеллекта в отраслях экономики и социальной сфере. Стратегия не рассматривает в числе приоритетных направлений использование искусственного интеллекта в уголовном процессе. Но некоторые авторы подчеркивают, что «продолжающееся развитие искусственного интеллекта позволяет говорить о неизбежном расширении сфер его применения, в том числе в процессе доказывания по уголовным делам» [4, с. 490], и «начиная с 2017 г. в России заработала система искусственного интеллекта, которая связана с возможностью подачи электронных документов, закрепленной в обновленных редакциях процессуальных кодексов РФ» [5, с. 94].

В 2011 г. был создан Департамент информационных технологий, связи и защиты информации МВД России,¹ функциями которого являются совершенствование информационных и телекоммуникационных технологий, разработка и развитие автоматизированных информационных систем и средств связи, межведомственное-информационное взаимодействие, реализация государственных программ Российской Федерации, федеральных целевых программ и ведомственных проектов². Таким образом, появилась управленческая структура, которая определяет политику развития министерства в информационной сфере. В 2014 г. утвер-

ждена государственная программа Российской Федерации «Информационное общество»³. Программа направлена на создание и развитие компьютерной сети МВД России.

Наличие таких программ означает, что государство понимает важность цифровой трансформации и готово инвестировать в нее. Это создает благоприятную среду для разработки и внедрения электронных систем досудебного производства, обеспечивает их совместимость с другими государственными информационными системами и гарантирует определенный уровень их поддержки и развития.

3. Научно-технический прогресс: инструменты для эффективного расследования.

Третья предпосылка – это применение научно-технических разработок в работе лиц, ведущих расследование по уголовным делам.

В рамках данной предпосылки первым и наиболее значимым событием в работе следователя, дознавателя на пути к цифровизации досудебного производства стала замена печатных машинок на компьютеры. В первое время компьютеры использовались лишь для печатания текста и его сохранения. Но даже такое использование компьютера во много раз ускорило работу следователя (дознавателя). Созданные новые компьютерные приложения и программы позволили в несколько секунд переводить аудиозапись в текст, быстро находить нужную информацию и многое другое.

Компьютеризация рабочих мест следователей способствовала созданию в 2003 г. информационно-справочного комплекса, состоящего из автоматизированных систем (АС) – автоматизированных рабочих мест следователя (АРМ). Структура АРМ построена по модульному принципу, т.е. новые автоматизированные системы могут включаться в программный комплекс по мере разработки. Основу АРМ составляют базы электронных документов каждой АС. Защита документов от несанкционированного доступа в

1 Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента РФ от 01.03.2011 N 248.

2 Об утверждении Положения о Департаменте информационных технологий, связи и защиты информации Министерства внутренних дел России : приказ МВД России от 15.06.2021 N 444 (ред. от 31.03.2025).

3 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» : постановление Правительства РФ от 15.04.2024 N 313.

АРМ решена с помощью АС «Регистрация», путем введения личных данных и пароля [3, с. 63]. А.Н. Колычева отмечает, что «АРМ позволяет автоматизировать работу целого подразделения, вести аналитику, учет сроков по уголовным делам, иную статистику. В АРМ присутствует «генератор речи в текст». Одним из недостатков АРМ автор называет отсутствие программного обеспечения в Едином реестре российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных. Для того, чтобы система АРМ стала перспективной в своем развитии, целесообразно разработчикам рассмотреть вопрос о синхронизации работы с Государственной автоматизированной системой «Правовая статистика» [2, 195, 198-199]. Интервьюирование следователей, дознавателей Омской области показало, что они практически не используют систему АРМ по причине ее несовершенства. По нашему мнению, система АРМ, при ее доработке, может стать основой для разработки программы «Электронное уголовное дело».

В 2011 году заработала единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (далее – ИСОД МВД России)¹. ИСОД МВД России интегрировала информационные ресурсы МВД России, объединив информационные банки данных, и создала систему их обработки. В настоящее время ИСОД МВД России включает в себя: ведомственный информационно-справочный портал (ВИСП), сервис электронного документооборота (СЭД), сервис электронной почты (СЭП), систему видео-конференц-связи (ВКС), сервис управления доступом к информационным системам и ресурсам (СУДИС), официальный интернет-сайт, информационно-поисковые серверы, такие как ФИС ГИБДД, ПТК «Розыск-Магистраль» и т.д.

Интересным видится экспериментальный проект, реализуемый в одном из следственных изоляторов г. Москвы, где установлен информационный киоск для ознакомления подсудимых с материалами уголовных дел². Заключение может ознакомиться с материалами дела в специальном помещении на терминале, оборудованном антивандальным экраном. Доступ к материалам дела осуществляется путем использования кода доступа, сформированного АИС «Ведомство» (модуль подсистемы межведомственного взаимодействия) автоматически.

Еще одним нововведением является внедрение и использование в одном из следственных изоляторов (далее – СИЗО) системы «Пэпилон». На заключенных заводят электронные дневники с необходимой информацией. Во время каждого убытия и прибытия в СИЗО заключенный прикладывает руку к сканеру, и на экране компьютера отображается вся информация о нем. Такая процедура гарантирует исключение фактов подмены человека. Указанная система в будущем могла бы служить для обеспечения доступа лица, ведущего расследование по уголовному делу, в программу электронного досудебного производства.

Помимо существующих баз данных, системы АРМ, электронного документооборота, сотрудники полиции активно пользуются в своей служебной деятельности персональным носимым устройством регистрации информации «Дозор-78» БРУА.012345.003 и вариантами его исполнения БРУА.012345.003-00.01 и БРУА.012345.003-00.02 (далее – устройство «Дозор»). Устройство «Дозор» предназначено для фиксации окружающей обстановки в зоне нахождения пользователя, создания синхронной аудиовидеозаписи и фотоснимков³. Устройство «Дозор» играет важную роль в процессе доказывания. Так, видеозапись с устройства «Дозор» признается

1 О мероприятиях по созданию единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России : приказ МВД России от 30.07.2011 N 891; Об утверждении Концепции создания единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России в 2012-2014 годах : приказ МВД России от 30.03.2012 N 205.

2 В СИЗО «Бутырка» заработал терминал для ознакомления с материалами дел. URL: <https://iz.ru/650747/2017-09-26/v-sizo-butyрка-zarabotal-terminal-dlia-oznakomleniia-s-materialami-del>. (дата обращения: 18.01.2026).

3 Об утверждении порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения : приказ МВД РФ от 02.05.2023 N 264; О направлении методических рекомендаций МВД РФ : указание МВД РФ от 27.07.2018 N 1/8636.

доказательством в суде¹. По нашему мнению, сферу использования устройства «Дозор» необходимо расширять в ходе уголовно-процессуальной деятельности.

Современные технологии предлагают мощные инструменты для сбора, анализа и хранения доказательств: цифровые криминалистические методы (анализ данных с мобильных устройств, компьютеров, систем видеонаблюдения); биометрические технологии (идентификация личности по отпечаткам пальцев, ДНК, голосу); искусственный интеллект и машинное обучение (для анализа больших объемов данных, выявления закономерностей, прогнозирования); системы управления базами данных (для эффективного хранения и поиска информации). Использование всех перечисленных систем и технологий позволило бы автоматизировать рабочее место следователя, что, в свою очередь, обеспечит более быстрый, точный и наглядный сбор доказательств, повысит эффективность работы следователей и дознавателей. В конечном итоге это приведет уголовное досудебное производство к электронному формату.

4. Законодательное закрепление – правовая основа для цифровых технологий.

Еще одной предпосылкой является законодательное закрепление в досудебном производстве различных цифровых технологий.

За последние пять лет в УПК РФ внесены значительные изменения, касающиеся цифровизации уголовного процесса: в 2021 г. разрешено проведение следственных действий (допроса, очной ставки, опознания) путем использования видео-конференц-связи²; в 2022 г. расширены возможности использования видео-конференц-связи и подачи документов в электронном виде в суд³; в 2023 г.

появилась возможность предоставления электронных документов в ходе досудебного производства, вручения копии обвинительного заключения (акта, постановления) обвиняемому, защитнику, потерпевшему в электронном виде⁴, в 2025 г. разрешено направление постановления о приостановлении операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи, посредством систем электронного документооборота в форме электронного документа, а также направление информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами посредством систем электронного документооборота в форме электронного документа⁵.

Как мы видим, в уголовном процессе постоянно расширяются возможности использования электронных документов и электронного документооборота. Однако интервьюирование следователей, дознавателей показало, что при использовании электронных документов они сталкиваются с юридическими препятствиями и неопределенностью требований к электронным документам, порядку их создания, направления, хранения в уголовном деле. Законодатель указывает, что эти требования определяются нормативными правовыми актами Следственного комитета Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, в состав которых входят органы предварительного расследования, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, но до настоящего времени таких нормативных актов не издано. Единственным документом в области оформления документов является приказ МВД России от 2 сентября 2024 г. N 515 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах

1 Приговор Лискинского районного суда Воронежской области от 27.08.2025 N 1-211/2025; Приговор Калининского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики от 25.08.2025 УИД 21RS0024-01-2025-003205-83. URL.: [//sudact.ru](https://sudact.ru) (дата обращения: 01.02.2026).

2 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2021 N 501-ФЗ.

3 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2022 N 610-ФЗ.

4 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2022 N 672-ФЗ.

5 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2025 N 278-ФЗ.

внутренних дел Российской Федерации». Поэтому, формируя необходимую правовую основу, законодателю следовало бы внести ряд пояснений в части реализации вносимых изменений при использовании электронных документов. К примеру, организовать взаимодействие с участниками уголовного процесса через портал Госуслуг по аналогии с утвержденным постановлением Правительства РФ от 30 июня 2025 г. N 980 «Положением о порядке подачи (направления) документов по делам об административных правонарушениях в электронном виде и требованиях к их формату, типового положения о порядке подачи (направления) документов по делам об административных правонарушениях в электронном виде посредством регионального портала государственных и муниципальных услуг, а также о рекомендациях к формату таких документов».

Законодательное закрепление создает необходимую правовую основу, устраняет

двусмысленность и обеспечивает доверие к электронным процедурам как со стороны участников уголовного процесса, так и со стороны общества.

Подводя итог сказанному отметим, что процесс цифровизации различных сфер жизнедеятельности в значительной степени влияет на уголовное судопроизводство. Игнорирование этого процесса может привести к снижению эффективности борьбы с преступностью, особенно в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с информационными технологиями. По нашему мнению, переход досудебного уголовного производства в электронный формат неизбежен и обусловлен комплексом взаимосвязанных предпосылок – от повсеместного распространения цифровой письменности, государственной стратегии цифровизации, до возможностей, предоставляемых научно-техническим прогрессом, и необходимости законодательного регулирования.

Библиографический список

1. Абдулвалиев, А.Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов / А.Ф. Абдулвалиев // Право и политика. – 2013. – N 1. – С. 59-65.
2. Колычева, А.Н. Автоматизированное рабочее место следователя: современные возможности и организация труда / А.Н. Колычева // Научный вестник ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова. – 2023. – N 3. – С. 194-201.
3. Разумовская, Е.А. Назначение и возможности программного комплекса автоматизированное рабочее место следователя / Е.А. Разумовская // КриминалистЪ. – 2008. – N 1. – С. 63-65.
4. Спиридонов, М.С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании / М.С. Спиридонов // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – N 1. – С. 481- 497.
5. Татьяна, Л.Г. Принципы правосудия и правовые барьеры ограничения деятельности систем искусственного интеллекта / Л.Г. Татьяна, Т.В. Решетнева, Г.А. Решетникова // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2023. – N 4. – С. 90-101.

УДК 343.98

Сергей Анатольевич ПЕТРОВ,

доцент кафедры криминалистики
Дальневосточного юридического института
МВД России имени И.Ф. Шилова (г. Хабаровск)
petrouduimvd@mail.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN SOLVING AND INVESTIGATING CRIMES: DEVELOPMENT PROSPECTS AND PROBLEMATIC ASPECTS OF ITS APPLICATION

Статья посвящена развитию информационных технологий и их роли в раскрытии и расследовании преступлений. Рассматриваются наиболее известные направления внедрения искусственного интеллекта в деятельность органов предварительного расследования. Отмечается, что наряду с множеством положительных результатов использования искусственного интеллекта существуют и неблагоприятные последствия его применения.

The article considers the development of information technologies and their role in solving and investigating crimes. The most well-known areas of application of artificial intelligence in the activities of preliminary investigation bodies are discussed. It is noted that, along with many positive results of using artificial intelligence, there are also adverse consequences of its application.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационные технологии, правоохранительная деятельность, следователь, преступление, проблемы.

Keywords: artificial intelligence, information technology, law enforcement, investigator, crime, problems.

Распространение искусственного интеллекта и его стремительное внедрение в различные сферы жизнедеятельности человека стало своеобразным толчком его использования в деятельности правоохранительных органов, в том числе при раскрытии и расследовании преступлений. Повышение эффективности деятельности органов предварительного расследования невозможно без использования современных информационных технологий [8, с 156].

Искусственный интеллект играет ключевую роль в эффективном расследовании преступлений, а также трансформирует об-

ласть криминалистики, поскольку предоставляет мощнейшие возможности для анализа данных. Его способность мгновенно обрабатывать и преобразовывать огромные объемы информации позволяет выявлять скрытые закономерности и тенденции, которые достаточно трудно обнаружить при традиционном подходе. Требуемые от людей значительных интеллектуальных затрат формально поставленные абстрактные задачи наиболее просты для компьютера [11, с. 69].

Такие способности искусственного интеллекта позволяют правоохранительным органам оперативно устанавливать личность по-

дозреваемого в совершенном преступлении, а также находить значимые доказательства в сложно расследуемых преступлениях. Очевидно, что стремительное развитие информационных технологий, повсеместная цифровизация общества и преступности диктует необходимость работы с алгоритмами искусственного интеллекта, с «большими данными», системами без участия человека [12, с.102].

В настоящее время использование современных технологий искусственного интеллекта имеет широкое распространение в правоохранительной сфере, содействует сотрудникам в выполнении служебных задач более эффективно и быстро, а также дает возможность создавать автоматизированные системы, которые освобождают людей от малопродуктивной работы. Нужно признать, что применение искусственного интеллекта в деятельности органов предварительного расследования многократно увеличивает человеческий потенциал, радикально ускоряет процессы сбора значимой информации, что, несомненно, способствует полному и всестороннему изучению личности, получению объективных данных для раскрытия и расследования преступлений.

В настоящее время невозможно представить работу следователя (дознателя) без использования автоматизированных информационно-поисковых систем, основанных на искусственном интеллекте (АИПС «Картошка», «Опознание», «Оружие», «Автопоиск», АДИС «Папилон», АИСС «Грузы-ЖД», ПТК «Розыск-магистраль» и т.д.).

Органы предварительного расследования активно используют законные способы сбора сведений для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Использование такой платформы, как OSINT, применяется для обработки разведывательных данных, полученных легальным путем из различных публичных источников, таких как социальные сети, открытые реестры, спутниковые снимки, общедоступные ресурсы, а также базы данных правоохранительных органов.

Распространение систем искусственного интеллекта на практике в органах внутренних дел с каждым годом становится все

масштабнее. Внедряются новые программы, способствующие полному и быстрому расследованию преступлений различных категорий.

Искусственный интеллект представляет собой такую систему, которая способна выполнять поставленные задачи, требующие человеческого интеллекта. Эти системы, запрограммированные на основе человеческого мышления и поведения, используют методы машинного обучения, обработки естественного языка и другие технологии для самостоятельного обучения и адаптации к меняющимся условиям. Анализ возможностей искусственного интеллекта позволяет предположить, что он окажет значительное положительное влияние на эффективность раскрытия и расследования преступлений.

Важно отметить, что, начиная со стадии возбуждения уголовного дела, возможность искусственного интеллекта перерабатывать огромные объемы информации, поступающей в органы предварительного расследования, может значительно упростить работу в части проверки сообщения о преступлении, определив поводы и основания для возбуждения уголовного дела. Одной из перспектив использования систем искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов является его способность обрабатывать большие объемы данных, которые поступают из различных источников [3, с. 98].

С помощью алгоритмов машинного обучения органы предварительного следствия и дознания могут устанавливать связи между данными, вычленять необходимую информацию в целях поиска доказательств, изобличения лиц, причастных к совершенному преступлению, что, в свою очередь, способствует полному, всестороннему и объективному расследованию преступлений [5, с. 96].

Важным направлением использования искусственного интеллекта в криминалистике является анализ доказательств. Такие методы, как анализ ДНК, дактилоскопическая и баллистическая экспертизы, уже давно применяются в целях идентификации личности преступника. Системы искусственного интеллекта способны вывести данные методы на новый уровень путем внедрения в них нейросетей. Помимо этого искусственный

интеллект, в частности его возможности по распознаванию изображений, способен анализировать записи с камер видеонаблюдения. Это дает возможность выявлять основные характеристики подозреваемых, такие как черты лица, и сопоставлять их с имеющимися в распоряжении органов предварительного расследования базами данных изображений [6, с. 82].

Не менее значимым направлением внедрения систем искусственного интеллекта в деятельность органов предварительного расследования является программа, способная самостоятельно обрабатывать и анализировать материалы уголовных дел. Используя нейросети, она изучает доказательственную базу, а также оценивает сложность уголовного дела. Такая система может обработать весь поступивший материал за очень короткое время, что намного быстрее, чем этим занималось бы должностное лицо. Документы могут быть загружены как в печатном варианте, так и в отсканированном формате. По мнению Д.В. Бахтеева, искусственные нейронные сети могут быть адаптированы для решения специфических криминалистических задач, например анализа материалов уголовных дел для выявления следственных ошибок процессуального и тактического характера, вычленения из массива расследуемых дел признаков серийных, объединяемых преступлений по схожим признакам [2, с. 48].

Исследователи считают, что, помимо использования систем искусственного интеллекта в процессе расследования преступлений, его можно применять как мощнейший инструмент для профилактики, а также предотвращения противоправных действий. Анализируя действия и поведение преступников в прошлом, системы искусственного интеллекта могут прогнозировать преступную деятельность и помогать в своевременном ее пресечении [10, с. 74].

Для органов предварительного расследования искусственный интеллект выступает в качестве значимого инструмента, предоставляя им возможности для анализа комплексных данных, прогнозирования преступной активности и оптимизации криминалистиче-

ских методов. Данные технологические достижения расширяют возможности в борьбе с преступностью, открывая пути для ее раскрытия и предотвращения.

Несомненно, применение технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве становится все более востребованным и привлекает огромное внимание со стороны как юридического сообщества, так и должностных лиц правоохранительных органов. Однако, несмотря на такой темп роста интереса к данному явлению, ряд существенных аспектов, связанных с последствиями использования искусственного интеллекта, до сих пор остается недостаточно изученным и порождает ряд проблемных вопросов.

Учитывая ряд положительных примеров использования искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности, стоит заметить, что его применение в деятельности органов предварительного расследования не должно исключать участие человека в процессе расследования преступлений. Системы искусственного интеллекта призваны осуществлять помощь следователям и дознавателям, повышая эффективность их работы, а не заменять их вовсе.

Неверный подход к внедрению информационных технологий может негативно повлиять на работу этих органов. В связи с этим в качестве весомого аргумента можно привести точку зрения А.Ю. Афанасьева о необходимости использования искусственного интеллекта лишь в той мере, которая способствует выполнению поставленных задач, а не разрушит существующую структуру [1, с. 30].

Использование искусственного интеллекта в криминалистике поднимает важные вопросы, касающиеся законности и этичности. Особое внимание необходимо уделить защите личной информации граждан, а также соблюдению их прав и интересов при работе с системами искусственного интеллекта. Интеграция искусственного интеллекта в деятельность органов предварительного расследования требует четких правовых норм, гарантирующих права подозреваемых (обвиняемых), а также обеспечивающих беспристрастность и прозрачность расследования.

Сложность внедрения систем искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство заключается в том, насколько его применение соответствует фундаментальным принципам осуществления такой деятельности, закрепленным в главе 2 УПК РФ. Искусственный интеллект, лишенный эмоций и способный оперировать лишь фактическими данными, может привести к дегуманизации уголовного процесса. Однако наибольшую опасность представляет потенциальная потеря контроля со стороны человека за работой систем искусственного интеллекта. Поэтому, прежде чем активно внедрять технологии искусственного интеллекта в правоохранительную деятельность, необходимо создать надежные системы контроля, доступные только человеку.

Рассуждая о перспективе внедрения искусственного интеллекта в деятельность органов предварительного следствия, рассмотрим его использование, например, при таком наиболее распространенном следственном действии, как допрос.

Несмотря на возможность упрощения производства данного следственного действия, существуют и опасения его применения. Так, криминалистами на протяжении долгого времени разрабатывались рекомендации, служащие для успешного проведения допроса. Одной из таких рекомендаций выступает психологический контакт, который выстраивается следователем с допрашиваемым лицом. Установление такого контакта в большинстве случаев приводит к положительному результату для органов предварительного расследования. Но, если допрос лица будет осуществлять искусственный интеллект, вероятность установления психологического контакта между допрашиваемым лицом и машиной ничтожна. Искусственный интеллект не способен создать эмоциональную связь между человеком и машиной. Можно отметить, что внедрение систем искусственного интеллекта в производство отмеченного ранее следственного действия возможно лишь для его упрощения, а не полной замены следователя (дознателя) на машину. Нельзя исключать предрасположенность общения человека с человеком, поскольку это вполне

привычная обстановка построения диалога, ведь создание комфортных условий проведения допроса служит залогом получения успешных результатов.

Существенной проблемой использования искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности является его уязвимость к кибератакам и различным манипуляциям со стороны злоумышленников. Так, лица, обладающие определенными познаниями в области информационных технологий, могут в противоправных целях осуществлять различные дистанционные нападения на системы искусственного интеллекта путем создания вредоносных программ для хищения различных данных, а также получения несанкционированного доступа к серверам.

Критически важно учитывать, каким образом формируются базы данных, которые используются искусственным интеллектом для принятия различного рода решений. Работа с большими объемами данных неизбежно создает риск нарушения конфиденциальности, алгоритмы распознавания лиц могут демонстрировать «предвзятость», выдавая разные результаты в зависимости от демографических признаков лица (пол, возраст, этническая принадлежность и другие). Важно понимать, что выводы, сделанные искусственным интеллектом, напрямую зависят от исходных данных, которые предоставляет человек. Неточные и ненадежные результаты применения систем искусственного интеллекта могут вызвать недоверие со стороны граждан, что отрицательно отразится на работе правоохранительных органов. Поэтому следует установить определенные ограничения на использование систем искусственного интеллекта в криминалистике.

Нужно помнить, что работа искусственного интеллекта не всегда дает безошибочные результаты. Наглядным примером является ситуация, которая произошла в феврале 2023 г. в московском аэропорту Домодедово, где система распознавания лиц посчитала изображение ученого-гидролога Александра Цветкова с камеры видеонаблюдения схожим с фотороботом серийного убийцы, совершившим преступления 20 лет. назад. Из-

за ошибки искусственного интеллекта ученый был арестован и провел под стражей 10 месяцев, что повлекло нарушение прав человека, вызвало обеспокоенность со стороны общественности, а также был создан значительный общественный резонанс¹.

Данный случай подчеркивает острую необходимость в постоянном совершенствовании искусственного интеллекта в целях минимизации подобных ошибок и повышения надежности его работы. Необходимо использовать только общие данные, исключив информацию, которая может привести к дискриминации определенной категории граждан [4, с. 343].

Внедряя технологии искусственного интеллекта в деятельность органов предварительного расследования, необходимо понимать, что существующие инновации служат для оптимизации и повышения эффективности работы должностных лиц, а не для полной их замены. Искусственный интеллект выступает в роли серьезного помощника, дополняющего, а не заменяющего человеческий потенциал. Это особенно важно с учетом того, что алгоритмы, которые обучены на предвзятых или стереотипных данных, будут перенимать эти искажения в свои результаты.

Важно помнить, что машинное оборудование не должно вовсе исключать работу людей. Внедрение искусственного интеллекта в процесс расследования и раскрытия преступлений должно рассматриваться как сотрудничество человека и машины. Искусственный интеллект должен оказывать содействие в осуществлении правоохранительными органами их профессиональной деятельности. Эффективное внедрение этих технологий требует комплексного подхода, включающего техническую компетентность, а также тщательное рассмотрение этических и правовых вопросов, что является необходимым условием для их безопасной и ответственной интеграции в социальную среду [9, с. 105].

Одной из проблем является обучение сотрудников органов внутренних дел техноло-

гиям искусственного интеллекта для выполнения поставленных задач при осуществлении оперативно-служебной деятельности. Поскольку искусственный интеллект представляет собой машинное оборудование, а также нейросети, для их качественного обучения необходимы специалисты данной области. Люди, которые специализируются в области информационных технологий, должны также обладать знаниями в сфере осуществления уголовного судопроизводства. Помимо создания новых и развития уже имеющихся информационных технологий с дальнейшим их внедрением в деятельность правоохранительных органов необходимо обучать и подготавливать квалифицированных специалистов, которые смогут обеспечить максимальную эффективность их функционирования [7, с. 20].

Существующий на сегодняшний день кадровый дефицит в полиции создает серьезные затруднения для выполнения задачи по подготовке специалистов, использующих в служебной деятельности современные технологии. Количества сотрудников, которые бы занимались качественным обучением систем искусственного интеллекта, явно недостаточно. Как отметил министр внутренних дел России В.А. Колокольцев, в ряде регионов некомплект составляет более 20% сотрудников, а в некоторых он превышает 40%².

Безусловно, распространение систем искусственного интеллекта на современном этапе является, во-первых, приоритетным направлением, поскольку «век технологий» подразумевает развитие данного направления, а, во-вторых, такие системы во многом упрощают деятельность людей. Использование же элементов искусственного интеллекта в различных сферах жизни общества повышает эффективность производительности, качество работы, а также решение задач, на которые человек тратил бы огромное количество времени, поскольку искусственный интеллект способен разрабатывать план действий, а также алгоритм решения различного

1 Прокуратура извинилась перед ученым Цветковым за ошибочное обвинение в убийствах. URL: <https://www.m24.ru/news/06042024/681600>.

2 Выступление министра внутренних дел РФ Колокольцева В.А. на заседании расширенной коллегии МВД России 5 марта 2025 г. URL: <http://mvdmedia.ru>.

рода ситуаций за считанные секунды. В правоохранительных органах, с недавних пор, огромное внимание уделяется разработке систем искусственного интеллекта в целях раскрытия и расследования преступлений. Существуют случаи, когда такие технологии успешно раскрывали ряд преступлений, которые не могли раскрыться человеческими возможностями долгое время.

Интеграция искусственного интеллекта в деятельность органов предварительного расследования представляет собой не просто технологические обновления, а системную трансформацию, несущую колоссальный потенциал, но сопряженную с комплексом серьезных правовых, этических, социальных, а также финансовых проблем. Ключевые перспективы, открывающиеся перед право-

охранительными органами, носят поистине революционный характер. Искусственный интеллект способен перевести работу по раскрытию, расследованию, а также предупреждению преступлений на качественно новый уровень, однако ряд проблем, которые возникают в связи с появлением идей о внедрении технологий искусственного интеллекта, затормаживают данный процесс.

Вопрос совершенствования искусственного интеллекта, его обучение, развитие функциональных возможностей собирания и аналитической обработки информации – это вопрос времени, но его роль в раскрытии и расследовании преступлений всегда должна быть вспомогательной и контролироваться лицом, производящим расследование уголовного дела.

Библиографический список

1. Афанасьев, А.Ю. Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений: что победит? / А.Ю. Афанасьев // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2018. – N 3(38). – С. 28-34.
2. Бахтеев, Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования / Д.В. Бахтеев // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – N 2 – С. 43-47.
3. Бахтеев, Д.В. Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде : монография / Д.В. Бахтеев С.В. Зуев. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 216 с.
4. Белых, Е.А. Преимущества и недостатки использования технологий искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений / Е.А. Белых // Научный прогресс и устойчивое развитие : сборник статей международной научно-практической конференции. Владивосток, 17 апреля 2025 г. – СПб: ООО Издательский дом «Сциентиа», 2025. – С. 340-345.
5. Бирюков, В.В. Искусственный интеллект: потенциал, проблемы и перспективы использования в расследовании преступлений / В.В. Бирюков // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – Т. 11. – N 2. – С. 94-102.
6. Гушев, М.Е. Перспективы использования искусственного интеллекта в расследовании преступлений / М.Е. Гушев // Вестник науки и образования. – 2023. – N 6(137). – С. 80-83.
7. Журбенко, А.М. К вопросу об использовании искусственного интеллекта в процессе расследования преступлений / А.М. Журбенко // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2024. – N 1. – С. 17-21.
8. Зуев, С.В. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве : монография / С.В. Зуев. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 244 с.
9. Паричева, Т.В. Использование искусственного интеллекта при расследовании преступлений / Т.В. Паричева // Актуальные проблемы социально-экономического и технологического развития России: теория и практика : материалы национальной научно-практической конферен-

ции. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2023. – С. 102-105.

10. Рыжков, С.А. Использование возможностей искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве / С.А. Рыжков // Актуальные вопросы российского уголовного судопроизводства: расследование преступлений, назначение и исполнение наказаний : материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2025. – С. 72-75.

11. Сибилькова, А.В. Искусственный интеллект на службе у следователя / А.В. Сибилькова // Российский следователь. – 2019. – N 3. – С. 68-70.

12. Тебиев, Р.Р. Некоторые возможности использования искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений / Р.Р. Тебиев // Научный портал МВД России. – 2024. – N 2(66). – С. 98-102.

Яна Михайловна ПЛОШКИНА,

доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики
Юридического института Сибирского
федерального университета (г. Красноярск),
кандидат юридических наук
ploshkina_yana@mail.ru

ИНСТИТУТ ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ИНТЕГРАТИВНОЙ ФУНКЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

THE INSTITUTION OF RECONCILIATION OF PARTIES AS A MANIFESTATION OF THE SOCIALLY INTEGRATIVE FUNCTION OF CRIMINAL PROCEDURE LAW

В статье исследуется институт примирения сторон как основание прекращения уголовного дела через призму социально-интегративной функции уголовно-процессуального права. Рассматриваются основные составляющие социально-интегративного потенциала данного института. На основе проведенного исследования судебных материалов прекращенных уголовных дел в связи с примирением в трех субъектах Российской Федерации автором выявлены ряд проблем, которые не позволяют в полной мере использовать социально-интегративный потенциал института примирения сторон. В связи с этим сделаны ряд предложений для усиления социально-интегративного воздействия данного института.

The article examines the institution of reconciliation of the parties as a basis for terminating a criminal case through the lens of the socially integrative function of criminal procedure law. The key components of the socially integrative potential of this institution are considered. Based on the analyses of court materials of terminated criminal cases due to reconciliation in three constituent entities of the Russian Federation, the author identifies a number of problems that prevent the full use of the socially integrative potential of the institution of reconciliation of the parties. In this regard, the author makes several proposals for enhancing the socially integrative impact of this institution.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, примирение сторон, социально-интегративная функция уголовно-процессуального права.

Keywords: termination of criminal cases, reconciliation of parties, socially integrative function of criminal procedure law.

Традиционно уголовно-процессуальное право рассматривается как охранительная отрасль права, направленная на защиту от преступлений посредством расследования совершенного деяния, изобличения правонарушителя и назначения ему уголовного наказания. Вместе с тем исследование

уголовно-процессуального права с точки зрения позитивистского подхода как определенной системы правовых норм, исходящих от государства, не позволяет в полной мере учитывать весь его потенциал, в частности, социального регулятора. Воздействие уголовно-процессуального права не ограничивается

только формальными предусмотренными законом процедурами, но и опосредованно влияет на многие области человеческих отношений вследствие массового вовлечения граждан в орбиту уголовного судопроизводства. Речь идет не только об охранительном, но и социально-интегративном воздействии уголовно-процессуального права.

Социально-интегративная функция уголовно-процессуального права проявляется в его способности урегулировать криминальные конфликты, восстанавливать по возможности нарушенный преступлением общественный и правопорядок или компенсировать неблагоприятные последствия от совершенного преступления, создавать условия для мирной реинтеграции непосредственных участников уголовно-правового конфликта в социум, формировать у людей доверие к закону, праву и государству как общественному институту, выступающему гарантом порядка и законности. В настоящее время в обществе имеется социальный запрос на справедливость либо, по крайней мере, стремление к ней.

Согласно судебной статистике с 2017 г. по 2024 г. основную массу совершенных преступлений составляли преступления небольшой и средней тяжести (в зависимости от года примерно 2/3 или 3/4 от всех преступлений, по которым вынесен обвинительный приговор)¹.

При совершении лицом впервые преступления небольшой или средней тяжести, примирении с потерпевшим и заглаживании причиненного ему вреда законодатель предусматривает возможность прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с примирением сторон как в досудебном, так и в судебном производстве. По данным судебной статистики, с 2017 по 2024 гг. примирение сторон является бесспорным и однозначным лидером среди всех нереабилитирующих оснований прекраще-

ния уголовных дел, за ним с достаточно большим отрывом следуют судебный штраф и деятельное раскаяние. Так, в связи с примирением сторон уголовные дела прекращаются значительно чаще, чем, например, в связи с назначением судебного штрафа: в 2017, 2022-2024 гг. примерно в 6 раз чаще, в 2018, 2021 гг. – примерно в 3 раза, в 2019 и 2020 гг. примерно в 2 раза чаще (таблица)². Все это свидетельствует о достаточно активном применении рассматриваемого института прекращения уголовного дела/преследования.

Рассматривая преступление в контексте науки конфликтологии, приходим к выводу, что совершение преступления представляет собой уголовно-правовой (криминальный) конфликт между лицом, его совершившим, и пострадавшим, обществом, государством, поскольку преступление является общественно опасным деянием, запрещенным уголовным законом, в результате его совершения вред причиняется не только конкретному пострадавшему, который в ходе уголовного судопроизводства становится потерпевшим, но и обществу, государству. Поэтому на страже охраняемых уголовным законом ценностей стоит прежде всего государство в лице уполномоченных должностных лиц и органов. Наиболее распространенным вариантом урегулирования криминального конфликта в настоящее время выступает уголовное судопроизводство. Соответственно, участниками уголовно-правового конфликта в уголовном процессе являются подозреваемый, обвиняемый, подсудимый (далее – обвиняемый), потерпевший, а также общество и государство в лице уполномоченных на проведение расследования и рассмотрение уголовного дела должностных лиц и органов. В рамках уголовного судопроизводства урегулирование криминального конфликта может происходить на межличностном уровне, т.е. между обвиняемым и потерпевшим, либо на уровне

1 Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в Российской Федерации, форма N 10.1 // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 03.03.2026).

2 Сводные статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде РФ о состоянии судимости в России, форма N 10.2. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (дата обращения: 03.03.2026).

обвиняемый и общество/государство.

Таблица

Количество прекращенных уголовных дел в Российской Федерации в 2017-2024 гг.

Годы	Основание			
	с примирением сторон	с назначением судебного штрафа	в связи с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 28 УПК РФ)	на основании примечаний к статьям Особенной части УК РФ (в том числе в связи с деятельным раскаянием – ч. 2 ст. 28 УПК РФ)
2017	135956	20692	12817	4236
2018	125873	33329	11991	6184
2019	106090	52461	8889	6685
2020	99115	56980	7258	6525
2021	99491	36679	7770	6547
2022	101410	20310	7595	7369
2023	90929	14956	6187	6719
2024	81571	13060	4305	5782

В институте примирения сторон как не-реабилитирующего основания прекращения уголовного дела/преследования ярко проявляется социально-интегративная функция уголовно-процессуального права, поскольку его применение способствует удовлетворению базовых потребностей социума, для обеспечения которых и создано уголовное судопроизводство: урегулирование криминального конфликта, возникшего в результате совершенного преступления, возмещение причиненного преступлением вреда, предупреждение совершения новых преступлений и сдерживание преступности, контроль над ней. Применение данного правового института позволяет не только удовлетворить обозначенные потребности общества, но и обеспечить в той или иной степени публичную реакцию на преступление, социальную справедливость как меру социального согласия и восстановление баланса интересов между обвиняемым и потерпевшим, для обеспечения которых инициируется каждый раз уголовный процесс [6]. Ведь именно для удовлетворения данных базовых потребностей государство и создает уголовное судопроизводство.

Уголовно-процессуальное право как одна из отраслей права имеет свою социально-ин-

тегративную сущность. Уголовное судопроизводство является одобряемой обществом и установленной государством системой социального контроля, которая позволяет реагировать на совершенное преступление в установленных законом случаях. От того, как организовано уголовное судопроизводство в государстве, можно судить о реальных ценностях социума, а также об их приоритете. В организации уголовного судопроизводства проявляется отношение общества к действующей системе уголовного судопроизводства, которая является продуктом состояния социума в целом, а не только криминальной обстановки. Так, председатель Конституционного Суда РФ на X Всероссийском съезде судей акцентировал внимание слушателей на взятие курса на социально-ориентированное правосудие, а также на роль суда в предупреждении и урегулировании социальных конфликтов и таким образом в упрочении социальной интеграции¹.

Институт прекращения уголовного дела/преследования в связи с примирением сторон позволяет мирным способом без применения принуждения или угрозы его применения конструктивным образом разрешить уголовно-правовой конфликт на межлич-

1 Доклад председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина на X Всероссийском съезде судей. URL: <https://rg.ru/2022/11/29/valerij-zorkin-vazhnoe-uslovie-doveriia-obschestva-k-sudebnoj-vlasti-ispolnenie-sudebnyh-reshenij.html> (дата обращения: 03.03.2026).

ностном уровне между непосредственными участниками криминального конфликта: потерпевшим и обвиняемым – посредством компенсации со стороны обвиняемого неблагоприятных последствий совершенного им преступления. В ходе реализации данного института достигаются цели уголовного судопроизводства: происходит трансформация деструктивного криминального конфликта в конструктивный и его урегулирование мирным способом; учет и защита реальных нужд и потребностей потерпевшего; восстановление справедливости посредством добровольного совершения со стороны обвиняемого положительных постпреступных действий, направленных на компенсацию неблагоприятных последствий совершенного преступления; а также реагирование государства на совершенное преступление, когда легальная возможность прекращения уголовного дела/преследования и освобождение лица от уголовной ответственности зависят от положительного постпреступного поведения обвиняемого. Лежащее в основе данного института примирение сторон ориентировано прежде всего на формирование положительной мотивации у лица, впервые совершившего преступление, и недопущение его дальнейшего поведения, нарушающего нормы права¹. Наличие института примирения сторон вызвано не только идеями гуманности и справедливости, но и целесообразности в части стимулирования обвиняемого к совершению положительных постпреступных действий [3].

Таким образом, институт примирения сторон, позволяющий прекращать уголовное дело и освобождать от уголовной ответственности (ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ), является ярким проявлением социально-интегративной функции уголовно-процессуального права, поскольку переводит возникший уголовно-правовой конфликт из публичной плоскости в частную, предоставляя возможность его мирного (без применения мер уголовно-процессуального принуждения или угрозы их применения) урегулирования на

межличностном уровне непосредственными его участниками.

Социально-интегративная ценность примирения заключается в достижении ряда целей, которые фактически недостижимы в рамках обычного традиционного правосудия.

Во-первых, происходит оперативное восстановление нарушенных прав и законных интересов потерпевшего, он превращается из пассивного наблюдателя за назначением совершившему преступление лицу уголовного наказания в активного участника конфликта, участвующего в его урегулировании. Удовлетворение законных прав потерпевшего происходит за счет конкретного заглаживания причиненного ему вреда (как посредством возмещения материального ущерба в натуральной или денежной форме, так и морального вреда (извинения, компенсации морального вреда и пр.)).

Во-вторых, в результате примирения сторон происходит снижение конфликтности в социуме. Добровольное мирное урегулирование криминального конфликта, последствием которого выступает прекращение уголовного дела, предотвращает дальнейшую эскалацию вражды, которая неизбежно возникла бы между его непосредственными участниками после постановления обвинительного приговора, что особенно важно в малых сообществах, среди соседей, коллег или родственников.

В-третьих, происходит ресоциализация лица, совершившего преступление, поскольку реально загладившее причиненный потерпевшему вред и освобожденное от уголовной ответственности лицо не подвергается стигматизации, связанной с судимостью. Это облегчает его возвращение к нормальной жизни в социуме и не влечет утрату его социальных связей.

Однако реализация социально-интегративного потенциала данного института сталкивается с серьезными проблемами, в том числе в правоприменении.

Одним из компонентов примирения сторон выступает заглаживание причиненного потерпевшему вреда наряду с другими осно-

1 Обзор практики прекращения дознавателями уголовных дел (уголовного преследования) в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием : информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 11.11.2021 N 69-09-2021 // СПС «КонсультантПлюс».

ваниями. Так, в отношении дел публичного и частно-публичного обвинения предусмотрены следующие основания для примирения сторон: лицо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести, имеет место быть примирение с потерпевшим, заглаживание причиненного ему вреда, заявление потерпевшего и согласие обвиняемого на прекращение по рассматриваемому основанию.

В России отсутствует законодательное определение «заглаживание причиненного потерпевшему вреда», однако данное понятие рассматривается судебной практикой¹. Исходя из комплексного системного анализа позиции Верховного Суда РФ, данный термин, на наш взгляд, является широким по объему и включает в себя возмещение материального/имущественного ущерба (он может быть возмещен как в денежной, так и в натуральной форме), компенсацию морального вреда, а также иные меры, направленные на восстановление прав и законных интересов потерпевшего, законных интересов личности, государства и общества, которые были нарушены в результате совершенного преступления. Возмещение имущественного и компенсация морального вреда имеют, на наш взгляд, гражданско-правовую природу, а третьей составляющей характерна собственная правовая природа, которая шире гражданской. Способы заглаживания причиненного вреда, по нашему мнению, не обязательно должны быть предусмотрены каким-либо законом, в том числе гражданским, – главное, чтобы они не были незаконны и не ущемляли различные права иных третьих лиц, т.е. иные направленные на восстановление прав и интересов потерпевшего, государства и общества меры. В качестве таковых могут быть любые действия в правовом поле, которые не нарушают права и законные интересы третьих лиц, позволяющие компенсировать причиненный вред [подр.: 1; 4]. Подобного подхода придерживается и А.П. Рыжаков, отмечая, что приемлема любая, не нарушающая требования действующего нормативного право-

вого акта форма заглаживания вреда, так как она не определена законом [5].

Однако анализ действующих положений закона о примирении сторон и постановления Пленума Верховного Суда РФ N 19 свидетельствует о наличии вопросов к достаточности объема заглаживаемого вреда, необходимого для прекращения уголовного дела, и субъекту определения, состоялось ли заглаживание вреда или нет. Подобная ситуация возникла, на наш взгляд, из-за некой несогласованности положений постановления Пленума Верховного Суда РФ N 19.

В силу ст. 25 УПК РФ именно должностные лица, ведущие производство по делу (дознаватель при согласии прокурора, следователь, суд), решают вопросы о прекращении уголовного дела, следовательно, и о заглаживании причиненного потерпевшему вреда.

Вместе с тем Пленум Верховного Суда РФ непосредственно закрепляет право потерпевшего самостоятельно определять как способы заглаживания ему вреда, так и его размер². Согласно данному положению потерпевший, решивший воспользоваться своим правом, может довольствоваться частичным заглаживанием причиненного ему вреда, или заглаживанием в будущем (оформлена расписка), или даже вообще отказаться от него. Как следствие этого Л.В. Головкич считает, что заглаживание причиненного потерпевшему вреда является факультативным, а не обязательным признаком для прекращения уголовного дела по ст. 25 УПК РФ, поскольку именно непосредственные участники конфликта (потерпевший и обвиняемый) самостоятельно определяют способы и размер возмещаемого вреда вплоть до прощения потерпевшим долга (как полностью, так и частично) или отказа от осуществления принадлежащего потерпевшему права требовать возмещения вреда [2].

Закрепляя право потерпевшего самостоятельно определяться с объемом, способами и размером заглаживаемого ему вреда, Пленум Верховного Суда РФ вместе с тем подчерки-

1 О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 19 (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ N 19), п. 10.

2 Пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ N 19.

вают, что не являются обстоятельствами для освобождения от ответственности обещания и иные обязательства совершившего преступления лица по заглаживанию вреда в будущем¹.

В связи с этим интересны результаты проведенного исследования прекращенных материалов уголовных дел в связи с примирением сторон за 2020-2025 гг. в разных субъектах Российской Федерации (Ленинградская область, Красноярский край, Республика Хакасия), в ходе которого были изучены более 390 уголовных дел. В большинстве из изученных уголовных дел вопросы заглаживания причиненного потерпевшему вреда фактически отданы на откуп участникам уголовно-правового конфликта и решаются самостоятельно обвиняемым и потерпевшим. Судья же просто констатирует свершившееся примирение и заглаживание вреда и прекращает уголовное дело. В большинстве изученных уголовных дел в итоговых процессуальных документах – постановлениях о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон – отсутствует информация о том, как был заглажен причиненный потерпевшему вред, нет конкретных данных, подтверждающих, что потерпевшему достаточно подобное заглаживание вреда, что оно совершено в полном объеме.

Следует отметить, что исключением из общего правила неконкретизации фактов заглаживания вреда являются случаи прекращения уголовного дела в отношении лица, совершившего преступление против собственности, где суды и следователи непосредственно в постановлении указывают, в чем конкретно состояло заглаживание причиненного потерпевшему вреда. Как правило, это возврат похищенной вещи или денежная компенсация, эквивалентная стоимости похищенного, с принесением извинений². Анализ изученных материалов уголовных дел показал, что в досудебном

производстве в последнее время достаточно редко прекращаются уголовные дела по не-реабилитирующим основаниям. Например, в Красноярском крае при наличии таковых случаев дела в досудебном производстве прекращаются за последние пять лет (2020-2025) исключительно по ст. 25 УПК РФ и в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений преимущественно против собственности (прежде всего ст. 158 УК РФ)³.

Таким образом, особых проблем на практике не возникает при заглаживании вреда совершении преступлений против собственности, поскольку, как правило, причиненный потерпевшему вред возмещается посредством возврата вещи в натуре или денежной компенсации, эквивалентной похищенной вещи, с принесением извинений.

Однако много вопросов связано с заглаживанием вреда, когда вред причинен охраняемому уголовным законом объекту (например, честь и достоинство, половая неприкосновенность, здоровье, жизнь и пр.), который не имеет определенного денежного эквивалента. Какое заглаживание вреда будет считаться достаточным для прекращения уголовного дела по ст. 25 УПК РФ?

Одним из результатов проведенного исследования выступает тот факт, что в Республике Хакасия, в отличие от других субъектов Российской Федерации, имеется практика прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ, при условии незначительной разницы в возрасте между обвиняемым и потерпевшей. При этом в качестве мер по заглаживанию причиненного потерпевшей вреда выступает обещание подсудимого в ближайшее время вступить в законный брак с несовершеннолетней потерпевшей при согласии

1 Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ N 19.

2 Постановления Центрального районного суда города Красноярска от 10.11.2022 N 1-648/2022, Железнодорожного районного суда города Красноярска от 23.03.2023 N 1-150/2023, от 1.03.2023 N 1-117/2023, Черногорского городского суда Республики Хакасия от 20.03.2025 N 1-96/2025, от 12.05.2025 N 1-128/2025, Абаканского городского суда Республики Хакасия от 9.04.2025 N 1-245/2025, от 22.05.2025 N 1-350/2025, Ломоносовского районного суда Ленинградской области от 15.03.2024 N 1-83/2024.

3 Постановления о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон следователя отдела N 5 СУ МУ МВД России «Красноярское» от 14.04.2024 N 12301040042002270, от 27.03.2023 N 12301040042000326, от 10.08.2023 N 12201040042001866, от 21.08.2023 N 12301040044000642, от 7.02.2023 N 12201040042002578, следователя отдела N 1 СУ МУ МВД «России» «Красноярское» от 23.06.2023 N 12301040033000092, 27.11.2023 N 12301040033002183, от 19.12.2023 N 12301040033002227.

ее и ее законного представителя¹, или наряду с обещанием жениться на несовершеннолетней потерпевшей ведение совместного с ней хозяйства, ее беременность², или регистрация брака подсудимого и несовершеннолетней потерпевшей в будущем, ее беременность и ведение совместного хозяйства³.

Изучение судебной практики в трех субъектах Российской Федерации показало, что при решении вопроса о заглаживании вреда она ориентирована прежде всего на позицию потерпевшего. Например, прекращая уголовное дело по ст. 25 УПК РФ, суд в постановлении указал, что действия подсудимого по заглаживанию вреда состояли в принесении извинений потерпевшему и возмещении причиненного морального вреда на определенную денежную сумму (50000 рублей каждому потерпевшему⁴, 100000 рублей⁵, 300000 рублей⁶ потерпевшему от преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 112 УК РФ; 100000 рублей потерпевшему от преступления, предусмотренного ст. 118 УК РФ⁷, которые расценены потерпевшими как достаточные действия со стороны подсудимого по заглаживанию вреда. Следовательно, суд пришел к выводу о заглаживании подсудимым причиненного потерпевшим вреда и примирении сторон. Возникает вопрос: насколько вышеприведенные денежные суммы свидетельствуют о достаточности заглаживаемого причиненного потерпевшему средней тяжести вреда или тяжкого вреда.

Вопросы с достаточностью заглаживаемого вреда возникают и в отношении двухобъектных преступлений (например, ст. 216, 264 УК РФ), или при совершении преступлений против жизни.

Несмотря на существующую в доктрине дискуссию о возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон при совершении двухобъектного преступления, суды достаточно активно прекращают подобные уголовные дела по ст. 25 УПК РФ. Учитывая, что при примирении сторон урегулирование криминального конфликта происходит на межличностном уровне между обвиняемым и потерпевшим и законодатель в качестве условия прекращения дела на основании ст. 25 УПК РФ предусматривает заглаживание причиненного потерпевшему вреда, следовательно, позиция потерпевшего даже и при совершении двухобъектного преступления важна. Подобный подход отвечает и позиции Пленума Верховного Суда РФ, который применительно к ч. 3 и 5 ст. 264 УК РФ прямо допускает возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон⁸. Такой же подход закреплен и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ N 19⁹.

Например, принимая решение о прекращении уголовного дела по ст. 25 УПК РФ при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, суды указывают, что вред, причиненный потерпевшему, в полном объеме заглажен посредством принесения извинений потерпевшему, оказания помощи в приобретении необходимых лекарств, возмещении морального вреда в определенном размере (150000 рублей и установления входной двери в доме потерпевшего¹⁰ или 750000 рублей¹¹), или посредством ухода за несовершеннолетней потерпевшей, которая была малолетней дочерью подсудимой, в послеоперационный период, проведения

1 Постановление Выборгского городского суда Ленинградской области от 27.03.2023 N 1-96/2023.

2 Постановления Выборгского городского суда Ленинградской области от 18.03.2021 N 1-187/2021, Абаканского городского суда Республики Хакасия от 17.05.2023 N 1-457/2023.

3 Постановления Абаканского городского суда Республики Хакасия от 25.01.2022 N 1-113/2022, Выборгского городского суда Ленинградской области от 21.06.2023 N 1-373/2023.

4 Постановление Черногорского городского суда Республики Хакасия от 24.04.2025 N 1-118/2025.

5 Постановление Выборгского городского суда Ленинградской области от 6.03.2024 N 1-298/2024.

6 Постановление Абаканского городского суда Республики Хакасия от 17.06.2025 N 1-306/2025.

7 Постановление Выборгского городского суда Ленинградской области от 30.09.2020 N 1-171/2020.

8 О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9.12.2008 N 25, п. 16.

9 Пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ N 19.

10 Постановление Гатчинского городского суда Ленинградской области от 7.05.2024 N 1-245/2024.

11 Постановление Выборгского городского суда Ленинградской области от 9.08.2024 N 1-502/24.

необходимой реабилитации, принесения извинений, которые были приняты как самой потерпевшей, так и ее законным представителем¹, либо посредством принесения извинений потерпевшему и возмещения ему вреда в определенной денежной сумме (180000 рублей², или 350000 рублей³, или 1100000 рублей⁴), которая для потерпевшего является достаточной. Однако из постановлений о прекращении не ясно, каким образом был заглажен вред другому охраняемому уголовным законом объекту – общественным отношениям в сфере безопасности дорожного движения. Ведь именно такой аргумент выдвигают противники прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон в отношении двухобъектных преступлений, в том числе в лице государственных обвинителей, полагая, что прекращение уголовного дела по ст. 25 УПК РФ не отвечает таким образом требованиям справедливости⁵. Кроме того, принятие решения о прекращении дела в связи с примирением сторон исключает возможность назначения судом наказания по ст. 264 УК РФ в виде лишения права управления транспортными средствами, поэтому подсудимый, продолжая управлять автомобилем, может вновь подвергнуть опасности иных участников дорожного движения⁶.

Особо остро стоят вопросы о возможности заглаживания причиненного потерпевшему вреда и прекращения уголовного дела по ст. 25 УПК РФ при причинении смерти по неосторожности. Изучение судебной практики в части возможности прекращения дела в связи с примирением сторон при причинении смерти по неосторожности (ст. 109, ч. 2 и 3 ст. 216, ч. 3 ст. 264 УК РФ) вы-

явило интересную закономерность. Из трех изученных субъектов Российской Федерации (Красноярский край, Республика Хакасия и Ленинградская область) только районные суды Ленинградской области в исключительных случаях прекращают уголовные дела по ст. 25 УПК РФ при причинении смерти по неосторожности. Суды в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2020-2025 гг. не прекращали подобные дела в связи с примирением сторон. Результаты проведенного интервьюирования судей в Республике Хакасия и Красноярском крае показали, что даже в случае неосторожного причинения смерти в кругу семьи, родственников суды не прекращают такие дела, в том числе в связи с примирением сторон, поскольку жизнь человека вернуть нельзя, в таких ситуациях суды выносят обвинительные приговоры, как правило, с условным осуждением.

Однако суды Ленинградской области в исключительных случаях допускают возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон при причинении смерти по неосторожности⁷, прежде всего среди близких (например, мать не уследила за своей недееспособной несовершеннолетней дочерью, которая погибла) и если виновное лицо было в трезвом виде с наличием определенных характеристик (например, подсудимый признал свою вину в совершении преступления в полном объеме, в содеянном раскаивается, имеет малолетних детей, а также положительные характеристики с места работы и жительства)⁸. Речь идет о прекращении дел по ст. 25 УПК РФ при обвинении лица в совершении преступлений, предусмотренных ст. 109, ч. 2 и 3 ст. 216, ч. 3 ст. 264 УК РФ.

1 Постановление Черногорского городского суда Республики Хакасия от 21.01.2025 N 1-41/2025; Гатчинского городского суда Ленинградской области от 16.01.2024 N 1-145/2024.

2 Постановление Абаканского городского суда Республики Хакасия от 10.04.2024 N 1-323/2024.

3 Постановление Выборгского городского суда Ленинградской области от 18.03.2024 N 1-267/2024.

4 Постановление Черногорского городского суда Республики Хакасия от 8.04.2025 N 1-83/2025.

5 Постановление Выборгского городского суда Ленинградской области от 16.05.2025 N 1-364/2025.

6 Постановление Выборгского городского суда Ленинградской области от 20.06.2024 N 1-386/2024.

7 Постановления Выборгского городского суда Ленинградской области от 7.02.2024 N 1-165/2024, от 21.06.2023 N 1-373/2023, 15.02.2023 N 1-264/2023, от 18.05.2022 N 1-221/2022, от 15.07.2021 N 1-351/2021, от 14.05.2021 N 1-217/2021, от 20.05.2021 N 1-285/2021, от 10.02.2020 N 1-20/2020, Ломоносовского районного суда Ленинградской области от 13.12.2023 N 1-325/2023, от 27.12.2021 N 1-322/2021.

8 Постановления Ломоносовского районного суда Ленинградской области от 27.12.2021 N 1-322/2021, от 13.12.2023 N 1-325/2023, Выборгского городского суда Ленинградской области от 15.07.2021 N 1-351/2021, от 14.05.2021 N 1-217/2021, от 20.05.2021 N 1-285/2021, от 7.02.2024 N 1-165/2024.

В постановлениях о прекращении дела в связи с примирением сторон в качестве заглаживания причиненного потерпевшему вреда суды отмечают принесение извинений, оказание материальной помощи со стороны подсудимого при организации похорон и после¹ при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ, принесение извинений и выплата определенной денежной компенсации (в размере 320000 рублей потерпевшему² или 750000 рублей каждому потерпевшему, которых было двое³). Однако следует отметить, что подобных случаев прекращения дел в связи с примирением сторон при причинении смерти по неосторожности даже в Ленинградской области в последнее время немного, это скорее исключение, учитывая наметившееся изменение практики Верховного Суда РФ по данному вопросу.

Таким образом, учитывая господствующую позицию в судебной практике, социально-интегративный потенциал института примирения сторон используется в настоящее время лишь в малой части. Ведь в ситуации согласия потерпевшего на заглаживание ему вреда в меньшем объеме и прекращения дела и при иной позиции уполномоченных должностных лиц прекращение уголовного дела по ст. 25 УПК РФ маловероятно. В связи с этим полагаем, что при примирении сторон именно потерпевший, а не ведущие производство по делу органы должен определять достаточность заглаживаемого вреда. В пользу данного предложения выступает действующая законодательная конструкция ст. 76 УК РФ, где речь идет о заглаживании причиненного именно потерпевшему вреда, а не причиненного преступлением вреда (ч. 1 ст. 75, ст. 76.2 УК РФ).

Другой проблемой в правоприменении, существенно сокращающей социально-интегративный потенциал данного института, является дискреционность основания прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Решение об освобождении

от ответственности и прекращении дела/преследования в связи с примирением является правом, а не обязанностью соответствующих уполномоченных должностных лиц государства (следователя, дознавателя с согласия прокурора и суда) даже при условии выполнения непосредственными участниками конфликта всех условий. На практике существующее дискреционное усмотрение приводит к правовой неопределенности и отказам в части прекращения дел даже при выполнении всех, предусмотренных в законе оснований, что влечет за собой неоднозначную судебную практику. Например, при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, и при заглаживании вреда и примирении с потерпевшим имеется неоднозначная судебная практика. В 2025 г. и 2026 г. вышестоящие судебные инстанции при обжаловании обвинительных приговоров по ч. 1 ст. 264 УК РФ выносят иные решения – прекращают уголовные дела в связи с примирением с обоснованием, что ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ не содержат запрета или ограничения на прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим, обусловленного особенностями или количеством объектов преступного посягательства. Возможность прекращения дела по ст. 25 УПК РФ распространяется на все виды преступлений небольшой и средней тяжести независимо от того, чьим правам и законным интересам был причинен ущерб в результате совершения преступления. Преступными действиями вред был причинен конкретному пострадавшему, при этом вышеприведенные нормы закона не содержат требований об обязательном возмещении вреда каждому из объектов посягательства⁴.

В связи с этим для усиления социально-интегративного воздействия института примирения сторон предлагаем сформулировать данный институт в качестве императивного основания для прекращения уголовного дела.

1 Постановление Выборгского городского суда Ленинградской области от 15.02.2023 N 1-264/2023.

2 Постановление Выборгского городского суда Ленинградской области от 18.05.2022 N 1-221/2022.

3 Постановление Выборгского городского суда Ленинградской области от 21.06.2023 N 1-373/2023.

4 Определения Верховного Суда РФ от 11.02.2026 по делу N 25-УД25-14-K4; 28.04.2025 по делу N 1-67/2024.

Библиографический список

1. Гаврилов, Е.В. Заглаживание вреда деловой репутации юридического лица при примирении сторон в уголовном процессе / Е.В. Гаврилов, Я.М. Плошкина // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – № 4 (53). – С. 88-93.
2. Головкин, Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головкин. – СПб., 2002. – 544 с.
3. Звечаровский, И.Э. Освобождение от уголовной ответственности / И.Э. Звечаровский, А.Л. Иванов // Уголовное право. – 2015. – № 4. – С. 13-18.
4. Плошкина, Я.М. Правовая природа заглаживания и компенсации причиненного преступлением вреда по российскому и германскому праву / Я.М. Плошкина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2022. – Т. 13. – № 2. – С. 486-505.
5. Рыжаков, А.П. Комментарий к Федеральному закону от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» / А.П. Рыжаков // СПС «Консультант-плюс».
6. Стойко, Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России / Н.Г. Стойко. – СПб., 2006. – 262 с.

Федор Александрович ТУРИН,
преподаватель кафедры конституционного права
Уральского юридического института МВД России
(г. Екатеринбург)

saint.laurent@list.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДАННЫХ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ

IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION AND MECHANISMS FOR ENSURING DATA SECURITY IN STATE INFORMATION SYSTEMS

В статье рассмотрены теоретические и правовые основы развития государственных информационных систем в Российской Федерации, показана роль информационных систем в деятельности органов государственной власти. Автором указываются приоритетные направления совершенствования государственных информационных систем в Российской Федерации, а также предлагаются рекомендации по совершенствованию нормативно-правового регулирования и механизмов обеспечения безопасности данных в государственных информационных системах.

The article considers the theoretical and legal foundations for the development of state information systems in the Russian Federation, and highlights the role of information systems in the activities of public authorities. The author identifies priority areas for improving state information systems in the Russian Federation, and also recommends for improving legal regulation and mechanisms for ensuring data security within state information systems.

Ключевые слова: государственное управление, государственные информационные системы, цифровые платформы, информационные ресурсы, персональные данные, защита прав граждан.

Keywords: public administration, state information systems, digital platforms, information resources, personal data, protection of citizens' rights.

Актуальность темы обусловлена тем, что в настоящее время в условиях развития цифрового общества государственные информационные системы (далее – ГИС) стали не просто вспомогательным инструментом, а необходимым структурным элементом в процессах государственного управления и распределения публичных ресурсов. Они обеспечивают устойчивую работу органов власти и значительно упрощают каналы коммуникации между ведомствами и населени-

ем. Подобные системы представляют собой сложные технологические комплексы, которые позволяют аккумулировать, систематизировать, сохранять и передавать данные как внутри отдельных структурных единиц, так и между разными уровнями управления.

Государственные информационные системы являются источниками открытых данных, не только позволяющих обмениваться необходимой информацией внутри министерств и ведомств, но и активно запрашива-

ются самыми разными категориями пользователей, прежде всего бизнес-сообществом, некоммерческими организациями и др., что ведет к улучшению социальных и экономических показателей страны в целом [4, с. 1268].

Вопросы совершенствования и дальнейшего развития государственных информационных систем в Российской Федерации приобретают особую актуальность и весомое значение в русле протекающих социально-экономических и юридических преобразований. В научной литературе представлен ряд работ (А.А. Зацаринный, М.В. Бакин, В.М. Глушков, А.Н. Ершов, А.В. Иванов, С.В. Козлов, А.П. Сучков, И.И. Шабанов и др.), в которых рассматриваются различные аспекты функционирования ГИС – от правовых и организационных до управленческих, а также анализируются сопутствующие этим процессам проблемные точки.

Однако динамичность технологического развития и изменения в законодательстве требуют постоянного обновления исследований и адаптации подходов к управлению ГИС.

Согласно ст. 14 Федерального закона от 27 июня 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» государственные информационные системы создаются в целях реализации полномочий государственных органов и обеспечения обмена информацией между этими органами, а также в иных установленных федеральными законами целях. Они создаются, модернизируются и эксплуатируются с учетом требований, предусмотренных законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд либо законодательством Российской Федерации о государственно-частном партнерстве, о муниципально-частном партнерстве, законодательством о концессионных соглашениях, а в случаях, если эксплуатация государственных информационных систем осуществляется без привлечения средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, в соответствии с иными федеральными законами.

Министерство цифрового развития и массовых коммуникаций Российской Федерации

является государственным органом, ответственным за развитие и координацию сферы цифровой экономики, информационных технологий, массовых коммуникаций, связи, почты и медиа в России, играет важную роль в содействии развитию цифровой экономики и обеспечении доступности и качества коммуникационных услуг для граждан и бизнеса.

Сущность политики государства в информационной сфере заключается в регулировании и контроле за передачей и обработкой информации, а также обеспечении доступа граждан к коммуникационным средствам. В современном мире, где информационные технологии играют все более важную роль, государство должно активно вмешиваться и создавать законодательную базу, принимать меры по защите информации, развивать телекоммуникационную инфраструктуру и обеспечивать доступность Интернета для всех слоев населения.

Государственной политикой установлены конкретные цели по развитию информатизации и направлены на расширение возможностей информатизации путем развития промышленности и основных технологий, разработки и использования информационных ресурсов, а также укрепления управления киберпространством.

Государственные информационные системы создаются и эксплуатируются на основе статистической и иной документированной информации, предоставляемой гражданами (физическими лицами), организациями, государственными органами, органами местного самоуправления [1, с. 27].

Информационно-правовое обеспечение государственного управления, развитие и применение информационных технологий в экономической, политической, социальной и иных сферах современного общества (цифровизация управления общественными процессами) являются одной из приоритетных областей социально-экономического и научно-технологического развития страны. Это направление деятельности носит всеобщий характер и, безусловно, может быть отнесено к основным (общесоциальным) функциям государства. Актуальность и острота данного направления государственной политики

усиливается тем, что информационные процессы, технологии, ресурсы, иные информационные институты становятся заметным звеном предметной деятельности государства и его органов управления, выражают непосредственную связь между сущностными, формальными признаками современного государства и его социальным назначением, определяют перспективы развития российского государства [5, с. 90].

Понятие информационно-правового режима государственных информационных систем выступает фундаментальной категорией в контексте формирования адекватного правового поля для цифровой среды. Его углубленный анализ, структуризация и последующая унификация являются необходимыми предпосылками для развития эффективного правового сопровождения подобных систем, а также для построения на их базе программно-технологической инфраструктуры, согласованной с потребностями и стратегическими установками основных субъектов цифровой экономики.

Структурно указанный правовой режим дифференцируется на нормативные и ненормативные компоненты. К первым относятся, главным образом, юридические предписания, регламентирующие статус субъектов, вовлеченных в процессы разработки и эксплуатации государственных информационных систем. Ненормативная же составляющая включает целеполагание, лежащее в основе установления конкретного правового режима, а также основополагающие принципы института государственных информационных систем, которые задают вектор его развития [6, с. 37].

Последовательное и всестороннее исследование как самого информационно-правового режима в целом, так и его составляющих приобретает критическую значимость для решения комплексных задач по обеспечению цифровой экономики технологически современным и юридически безупречным инструментарием.

Несмотря на успехи, переход к сервисно-ориентированному государству сталкивается с рядом препятствий:

- нормативно-правовые противоречия;
- дефицит ИТ-кадров, по оценке Министерства цифрового развития и массовых коммуникаций Российской Федерации, не хватает 500-700 тыс. специалистов в сфере цифровых технологий;

- риск утечки персональных данных.

Так, отсутствие единого кодекса госуслуг приводит к дублированию требований и административным барьерам. Риск утечки персональных данных остается актуальным, особенно с учетом роста использования нейросетей, которые могут быть использованы злоумышленниками [3, с. 35].

Для решения этих проблем можно предложить:

- развивать цифровую инфраструктуру в труднодоступных регионах через спутниковый Интернет и технологии фиксированного беспроводного доступа;

- создать единую цифровую платформу для обмена данными между ведомствами, что упростит межведомственное взаимодействие;

- внедрить многофакторную аутентификацию и шифрование данных, чтобы защитить персональную информацию;

- разработать модель цифровых компетенций для госслужащих и запустить программы стажировок для молодых ИТ-специалистов.

Россия активно инвестирует в развитие цифровой инфраструктуры и течение 2026 г. Министерство цифрового развития и массовых коммуникаций Российской Федерации планирует внедрить типовые информационные системы на базе федеральной государственной информационной системы «Единая система предоставления государственных и муниципальных услуг (ФГИС ПГС)».

Совершенствование нормативно-правового регулирования и механизмов обеспечения безопасности данных в государственных информационных системах представляет собой сложный и динамичный процесс, который выступает в качестве фундаментальной предпосылки для устойчивого функционирования цифрового государства. Эффективное правовое поле и надежные системы защиты информации являются не просто сопрово-

ждающими факторами, а конституирующими элементами, без которых невозможны ни доверие граждан к электронным сервисам, ни реализация стратегических целей цифровой трансформации.

Правовое регулирование в данной сфере эволюционирует от создания отдельных, часто реактивных норм в ответ на технологические вызовы к формированию целостной, проактивной и системообразующей нормативной экосистемы. Ее основой в России выступает Концепция регулирования данных, направленная на установление четких «правил игры» для всего жизненного цикла информации в ГИС – от сбора и обработки до хранения, обмена и уничтожения. Законодательство последовательно уточняет правовой статус различных категорий данных (персональные, общедоступные, обезличенные, данные ограниченного доступа), определяет условия их трансграничной передачи и устанавливает принципы ответственного использования таких технологий, как искусственный интеллект и большие данные.

Наиболее эффективной стратегией регулирования оборота данных, формируемых в ходе деятельности органов власти, представляется разработка целостного правового подхода, ориентированного на максимальное раскрытие их потенциала через повышение доступности. Реализация данной стратегии видится в подготовке и принятии специального федерального закона, регламентирующего статус и функционирование государственных информационных систем.

Принятие соответствующего законодательного акта позволит закрепить на нормативном уровне единые цели, основополагающие принципы и юридические предпосылки, которые необходимы для создания, последующего развития и повседневного применения указанных систем, а также для обработки информационных массивов, размещенных в них. Подобное решение сформирует надежную правовую базу, в полной мере согласующуюся с ключевыми положениями Концепции формирования и поступательного развития общенациональной инфраструктуры управления данными, и тем самым создаст условия

для планомерной реализации заложенных в ней идей на практике [2, с. 74].

Автоматизированное функционирование информационно-коммуникационных устройств приводит к формированию специфического класса массивов данных, правовая природа которых в настоящее время остается юридически не детерминированной. Речь идет о сведениях, создаваемых аппаратными средствами («умными» устройствами, сенсорами, подключенными объектами) в процессе их автономной работы без прямого вмешательства человека. Типичным примером служит автоматическая передача телеметрической информации от таких устройств в сеть Интернет, часто осуществляемая без ведома и выраженного согласия их владельца согласно предустановленным алгоритмам [8, с. 60].

Подобная практика актуализирует ряд проблем. Во-первых, это вопросы обеспечения информационной безопасности. Во-вторых, существует насущная потребность в легальном определении правового режима для машинно-генерируемых данных. Этот режим должен предусматривать, в частности, запрет на использование таких сведений способами, нарушающими охраняемые законом интересы владельца устройства или обладателя информации. Важной задачей также является четкое юридическое разграничение персональных данных и иной информации, автоматически сформированной пользовательским оборудованием, но не относящейся к категории персонифицированной [9, с. 45].

Указанные проблемы требуют системного законодательного разрешения. При этом правовые нормы должны быть сформулированы таким образом, чтобы минимизировать риски противоправного доступа к персональным данным и иным охраняемым законом тайнам (коммерческой, служебной). Параллельно необходима разработка правовых механизмов, допускающих коммерческое использование подобных информационных массивов. Эти механизмы должны включать в себя, с одной стороны, прозрачные процедуры получения и оформления согласия субъекта, а с другой – гарантии недискриминационного доступа пользователя к базовому функционалу услуг

даже в случае его отказа от предоставления разрешения на использование данных в экономическом обороте. Таким образом, формируемое регулирование призвано найти баланс между стимулированием инноваций в сфере Интернета вещей, защитой фундаментальных прав граждан и созданием предсказуемых правил для развития цифровых рынков.

Предлагаются следующие дополнительные меры нормативно-правового характера в части функционирования государственных информационных систем:

- закрепить понятия «государственная информационная система», «государственная цифровая платформа», «государственный информационный ресурс» и «ведомственный сервис»;

- установить закрытый перечень видов нормативных правовых актов, являющихся основанием для создания государственных информационных систем;

- закрепить законодательно виды государственных информационных систем (федеральные и региональные);

- создать правовые условия для привлечения органами государственной власти к мероприятиям по созданию и развитию государственных информационных систем подведомственных им государственных бюджетных или автономных учреждений;

- закрепить обязанность операторов информационных систем обеспечивать непрерывное взаимодействие с государственной системой обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации.

Одновременно с развитием законодательства происходит качественная трансформация архитектуры безопасности данных. Современный подход смещается от периметровой защиты, фокусирующейся на обороне границ сети, к комплексной модели «безопасности данных по умолчанию» (Data Security by Design). В ее основе лежит принцип непрерывного контроля доступа и мониторинга действий с информацией на всех этапах ее существования, независимо от местоположения. Технологическим воплощением этого подхода становятся системы класса

Data Loss Prevention (DLP), средства криптографической защиты информации, включая широкое внедрение отечественных алгоритмов шифрования и электронной подписи, а также платформы для управления цифровыми идентификаторами и правами доступа (IAM-системы).

Организационная структура государственных информационных систем (ГИС) России отличается многоярусной архитектурой, фундаментальной задачей которой выступает рост результативности управленческого аппарата. В перечень их задач входит не только обеспечение безопасного и комфортного доступа населения к публичным сервисам, но и гарантирование информационной целостности, а также координация межведомственных коммуникаций. Поступательное технологическое развитие задает перспективные направления развития российских ГИС, в ходе которой могут быть сформированы новые ориентиры в сфере цифрового администрирования и принципиально иной уровень качества предоставляемых государством услуг [7, с. 64].

Центральное положение в организации информационного обмена между государственными структурами занимает федеральная система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). Платформа агрегирует сведения о ведомственных учетных системах и содержащиеся в них данные, после чего обеспечивает санкционированное обращение к этим ресурсам посредством публичных электронных сервисов. Возникнув как проект с государственным участием, система находится в режиме постоянной технологической модернизации. Каждое внедряемое решение проходит апробацию на соответствие быстро меняющейся законодательной базе, что делает СМЭВ стратегическим инструментом управленческой деятельности.

Главной задачей СМЭВ является обеспечение электронного исполнения функций государственными и муниципальными органами. К ее несомненным преимуществам относятся:

- оптимизация межведомственного взаимодействия за счет ускорения документооборота и расширения перечня доступных услуг;

– гарантированная защита передаваемых данных (запросов, ответов, почтового трафика);

– ведение единого реестра электронных сервисов, позволяющего контролировать исполнение запросов от подключенных систем.

СМЭВ реализует принцип «единого окна», где в роли такого окна для пользователей – как сотрудников, так и граждан – выступает любая точка доступа в интернет, включая удаленные рабочие места.

Переход на безбумажный формат взаимодействия существенно сокращает сроки решения административных вопросов и совершенствует каналы связи между федеральными и региональными органами власти. Вместе с тем цифровая трансформация выдвигает комплекс повышенных требований:

– защита данных при передаче по телекоммуникационной инфраструктуре;

– интеграция в действующие в учреждениях платформы электронного документооборота;

– поддержание автоматизированного, бесперебойного и высокоскоростного режима обмена сведениями;

– строгая унификация форматов и макетов документов в соответствии с текущими правовыми регламентами и спецификациями СМЭВ.

В рамках системы межведомственного электронного взаимодействия ее участники выступают в роли потребителя или поставщика информации. Исходя из этого информационные системы подразделяются на системы-потребители, генерирующие запросы, и системы-поставщики, предоставляющие необходимые данные [10, с. 80].

Необходимо создать и внедрить общий механизм, который свяжет все государственные информационные ресурсы с процессами административного и стратегического управления. Для этого важно наладить правовые, технологические и организационные условия, позволяющие свободно применять ведомственные данные в аналитической и прогнозной работе всех органов власти. Чтобы этого достичь, нужно по очереди решить три взаимосвязанные задачи.

Во-первых, следует обеспечить беспрепятственный доступ к государственным информационным ресурсам для решения аналитических задач управления. Для этого необходимо снять институциональные и технические препятствия, мешающие обмену данными между ведомствами. В сегменте информации ограниченного доступа важно внедрить такие правовые и технологические механизмы, которые позволят преобразовывать ее в обезличенные или агрегированные форматы, не утрачивая при этом ценности для принятия решений.

Во-вторых, требуется сформировать независимый институт арбитража, специализирующийся на спорах в области обращения государственных информационных ресурсов. Его главной функцией является легитимное разрешение ведомственных конфликтов, порождаемых уклонением от предоставления данных, оперированием противоречивыми сведениями либо различиями в смысловом наполнении используемой информации. Определяющим условием состоятельности такого органа выступает его дистанцированность от участников спора, поскольку именно она гарантирует объективный характер принимаемых решений.

В-третьих, обязательным элементом системы должно стать внедрение специальных показателей эффективности, оценивающих результативность использования государственных данных в управленческой практике. Эти показатели должны учитывать прежде всего обращение к внешним, межведомственным ресурсам, что побуждает отказываться от изолированной аналитики в пользу кросс-функциональных методов работы. Внутренние данные органов власти из оценки исключаются намеренно и это должно гарантировать, что система будет ориентирована на интеграцию информационных ресурсов государства.

Целесообразно сформировать единый государственный мета-реестр, аккумулирующий структурированную информацию о компетенциях, предоставляемых сервисах и административных процедурах всех властных структур и организаций, наделенных

правом оказывать государственные услуги, а также исполнять функции, включая контроль и надзор. На базе этого ресурса требуется провести аудит существующих государственных информационных систем, соотнести их с официально закрепленными функциями и процессами и обеспечить тем самым их полное соответствие друг другу.

Помимо этого необходимо провести полную инвентаризацию программно-аппаратных средств, задействованных в государственных информационных системах. В ходе аудита следует оценить, насколько используемые технологии отвечают современным требованиям, соответствуют ли они нормативам информационной безопасности и каким запасом прочности обладают с точки зрения масштабирования и дальнейшей модернизации. Результатом инвентаризации должна стать дорожная карта, направленная на консолидацию и оптимизацию всего парка информационных систем, с последующей ее практической реализацией. Главным вектором является поэтапный отказ от устаревших и дублирующих друг друга систем с переносом их функционала на платформенные решения, прежде всего в рамках экосистемы «ГосТех».

Еще одним значимым направлением выступает стандартизация метаданных, характеризующих информационные ресурсы государства. Для этого требуется ввести обязательный для всех унифицированный формат, по которому будет описываться состав и внутренняя организация данных, обращающихся в государственных информационных системах. Затем необходимо каждую систему привести в соответствие с этим утвержденным форматом. Итогом инвентаризации и стандартизации структур данных должен

стать реестр метаданных, доступный для служебного пользования всем органам государственной власти.

Итак, дальнейшее развитие государственных информационных систем связано с последовательным усложнением решений, услуг и продуктов, предоставляемых пользователям на базе цифровой платформы. В этом процессе просматриваются две взаимосвязанные линии. Первая касается содержательного улучшения самих процедур оказания услуг либо запуска новых сервисов. Каждая такая процедура разворачивается в виде цепочки последовательных этапов, и на любом из них стратегия развития ГИС способна задать приоритетный вектор преобразований. Вторая линия связана с различными формами объединения нескольких государственных систем, организацией обмена данными между государственными и частными системами, взаимопроникновением отдельных сервисов и платформ. Особого внимания заслуживает рост общественной значимости внедряемых цифровых решений, их результативности и реальной пользы для конечного пользователя.

Таким образом, можно сделать вывод, что приведение нормативно-правового регулирования и механизмов защиты данных в ГИС к современным требованиям представляет собой сложную проблему, требующую синхронизации законодательных инициатив, технологических решений и кадровой политики. Главная цель состоит в том, чтобы отказаться от практики точечных, фрагментарных мер и перейти к системной модели кибербезопасности, где нормативные предписания, технические средства и человеческий фактор образуют единую защищенную экосистему.

Библиографический список

1. Гайсинский, И.Е. Развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры государственного и муниципального управления в рамках цифрового суверенитета / И.Е. Гайсинский, Н.Д. Никоненко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2021. – N 2. – С. 26-29.
2. Евсиков, К.С. Государственно-правовые концепции использования информационных технологий в государственном управлении / К.С. Евсиков // Lex russica. – 2022. – Т. 75. – N 1. – С. 74-86.
3. Исмагилова, Л.Р. Проблемы совершенствования правового регулирования систем защиты информации в государственных информационных системах / Л.Р. Исмагилова, Э.А. Шарипова // Правовая реформа. – 2023. – N 4. – С. 35-39.
4. Кениг, А.В. Государственная политика в сфере цифровизации как инструмент стимулирования экономического роста / А.В. Кениг // Экономика и управление. – 2024. – Т. 30. – N 10. – С. 1267-1273.
5. Муртазалиев, А.М. Информационная открытость органов государственной власти: перспективы и совершенствование развития законодательства / А.М. Муртазалиев, К.Т. Рагимханова // Государственная служба и кадры. – 2024. – N 1. – С. 89-91.
6. Полякова, О.Е. Цифровая трансформация и развитие информационно-коммуникационных технологий в секторе государственного и муниципального управления / О.Е. Полякова // Государственная служба. – 2025. – N 1. – С. 37-46.
7. Рагимханова, К.Т. Информационная прозрачность органов публичной власти в Российской Федерации / К.Т. Рагимханова // Закон и право. – 2026. – N 1. – С. 63-66.
8. Троян, Н.А. Актуальные вопросы систематизации правовых актов, обеспечения единства правового пространства, правовой помощи и правового просвещения / А.Н. Троян // Правовая информатика. – 2025. – N 2. – С. 57-65.
9. Филипповская, Н.В. Проблемы и перспективы правового регулирования государственных информационных систем / Н.В. Филипповская // Научный Лидер. – 2025. – N 48(249). – С. 43-38.
10. Чернова, П.А. К вопросу об определении принципов правового института государственных информационных систем / П.А. Чернова, Л.Г. Шобей // Право и управление. – 2023. – N 11. – С. 78-83.

Елена Геннадьевна ЧЕРНОВА,

заместитель начальника
кафедры управления органами внутренних дел
Академии управления МВД России (г. Москва),
кандидат юридических наук
helen_black2008@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА
ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МВД РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ ВОЗЛАГАЕМЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ)**

**FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF A LECTURER AT AN EDUCATIONAL
ORGANIZATION OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN
FEDERATION (ON THE EXAMPLE OF THE DUTIES ASSIGNED)**

В статье раскрывается специфика обязанностей преподавателя образовательной организации МВД России, совмещающего педагогическую деятельность с публично-служебным статусом сотрудника органов внутренних дел. Проведено сопоставление нормативного правового регулирования обязанностей, закрепленных для преподавателей, замещающих должности работников и сотрудников системы МВД России. Подчеркивается специфика правового статуса профессорско-преподавательского состава, выражающаяся в особом порядке допуска к профессии, повышенных требованиях к уровню образования и квалификации, состоянию здоровья. Автором сделан вывод, что на преподавателей, которые являются сотрудниками органов внутренних дел, распространяются дополнительные обязанности и повышенные стандарты поведения (служебная дисциплина, ограничения и запреты, антикоррупционные ограничения, режим соблюдения государственной тайны). Обосновывается необходимость системного совершенствования правового статуса преподавателя с учетом публично-правовой природы образовательной деятельности.

The article reveals the specificity of the duties of a lecturer at an educational institution of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, who combines pedagogical activity with the public service status of an officer of the Ministry of Internal Affairs. The article compares the normative legal regulation of the duties assigned to lecturers who hold positions as employees and officers of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The article also highlights the specific legal status of the academic teaching staff, which includes special procedures for admission to the profession, higher requirements for education and qualifications, and health conditions. The author concludes that teachers who are officers of internal affairs bodies are subject to additional duties and higher standards of conduct (service discipline, restrictions and prohibitions, anti-corruption restrictions, and the regime of state secret). The author substantiates the need for systematic improvement of the legal status of a lecturer, taking into account the public-law nature of educational activities.

Ключевые слова: правовой статус, преподаватель, профессорско-преподавательский состав, сотрудник органов внутренних дел, образовательные организации системы МВД России, обязанности, служебная дисциплина.

Keywords: legal status, lecturer, academic staff, officer of the Ministry of Internal Affairs, educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, duties, service discipline.

Ведомственная система образования в сфере внутренних дел функционирует как особый сегмент публичного управления, в котором образовательная и воспитательная деятельность неразрывно связана с обеспечением законности, служебной дисциплины и готовности кадров к выполнению задач полиции. В связи с этим юридическое конструирование обязанностей преподавателей образовательных организаций МВД России невозможно свести только к общим стандартам педагогической профессии, закрепленным в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании), оно неизбежно опирается на федеральные законы от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» и от 30 ноября 2011 г. N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о службе), а также на ведомственные регламенты организации подготовки кадров¹ и осуществления образовательной деятельности².

Как нами рассматривалось в первой части статьи³, в образовательных организациях МВД России проходят службу две категории преподавателей: замещающие должности работников (далее – преподаватели-работники) и имеющие специальное звание (далее – преподаватели-сотрудники). Для первых правовой основой педагогической деятельности выступает трудовой договор и глава 52 Трудового

кодекса Российской Федерации (ТК РФ); для вторых – контракт о прохождении службы и требования к служебному поведению, служебной дисциплине и ответственности, закрепленные в Законе о службе, Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденном Указом Президента РФ от 14 октября 2012 г. N 1377, и других нормативных правовых актах МВД России. Конкретные трудовые (служебные) обязанности педагогических работников определяются трудовыми договорами (служебными контрактами) и должностными регламентами (должностными инструкциями) [10, с. 160].

Указанные обстоятельства предопределяют сопоставление обязанностей особенно продуктивным: при сходстве педагогической функции преподавателей различаются нормативные правовые источники регулирования их обязанностей, пределы усмотрения руководителя и способы реагирования на нарушения.

Отправной точкой для такого анализа служит закрепление правового статуса педагогического работника как совокупности прав, свобод, социальных гарантий и компенсаций, ограничений, обязанностей и ответственности в статье 47 Закона об образовании.

Для преподавателя-работника обязанности формируются прежде всего законодательством об образовании, локальными актами образовательной организации и трудовым договором; ответственность реализуется в трудовом (дисциплинарном и материальном)

1 Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 02.02.2024 N 44 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.01.2026).

2 Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования, программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, реализуемым в интересах обеспечения законности и правопорядка в федеральных государственных образовательных организациях, находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 19.09.2022 N 689; Об утверждении Особенности организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования, программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, дополнительным профессиональным программам и основным программам профессионального обучения, Особенности организации и осуществления методической и научной (научно-исследовательской) деятельности в области подготовки кадров в интересах обеспечения законности и правопорядка, а также деятельности федеральных государственных организаций, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 19.09.2022 N 691 // СПС «СТРАС «ЮРИСТ» (дата обращения: 27.01.2026).

3 Чернова Е.Г. Особенности правового статуса преподавателя образовательной организации МВД России (на примере реализации гарантированных прав) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2026. N 2. С. 207-214.

и при наличии состава – в административном и уголовном праве. Для преподавателя-сотрудника эти элементы дополняются публично-служебными обязанностями и особыми режимами ответственности, обусловленными специальным правовым статусом сотрудника органов внутренних дел¹.

Переход к анализу обязанностей целесообразно начать с общего понятия обязанности как юридически закрепленной меры должного поведения [13], которая выступает не только предписанием, но и механизмом предупреждения правонарушений [11] и поддержания доверия к институтам государства. Конституционные принципы законности, уважения прав и свобод человека и гражданина, равенства и недопустимости дискриминации задают рамки для оценки допустимого объема обязанностей и допустимых ограничений.

В международных документах также закрепляются повышенные стандарты профессионализма и ответственности: для правоохранителей – в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка², для преподавателей высшей школы – в рекомендации ЮНЕСКО о статусе преподавательских кадров³.

Ядро профессиональных обязанностей преподавателя определяется статьей 48 Закона об образовании:

1) осуществлять свою деятельность на высоком профессиональном уровне, обеспечивать в полном объеме реализацию преподаваемых учебных предмета, курса, дисциплины (модуля) в соответствии с утвержденной рабочей программой;

2) соблюдать правовые, нравственные и этические нормы, следовать требованиям профессиональной этики;

3) уважать честь и достоинство обучающихся и других участников образовательных отношений;

4) развивать у обучающихся познавательную активность, самостоятельность, инициативу, творческие способности, формировать гражданскую позицию, способность к труду и жизни в условиях современного мира, формировать у обучающихся культуру здорового и безопасного образа жизни;

5) применять педагогически обоснованные и обеспечивающие высокое качество образования формы, методы обучения и воспитания;

6) учитывать особенности психофизического развития обучающихся и состояние их здоровья, соблюдать специальные условия, необходимые для получения образования лицами с ограниченными возможностями здоровья, взаимодействовать при необходимости с медицинскими организациями;

7) систематически повышать свой профессиональный уровень;

8) проходить аттестацию на соответствие занимаемой должности в порядке, установленном законодательством об образовании;

9) проходить в соответствии с трудовым законодательством предварительные при поступлении на работу и периодические медицинские осмотры, а также внеочередные медицинские осмотры по направлению работодателя;

10) проходить в установленном законодательством Российской Федерации порядке обучение и проверку знаний и навыков в области охраны труда;

11) соблюдать устав образовательной организации, положение о структурном подразделении, правила внутреннего трудового распорядка.

В рамках настоящего исследования мы акцентируем внимание на сравнении правового регулирования отдельных обязанностей преподавателя-работника и преподавателя-сотрудника, представляющие наибольший практический интерес.

1 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.10.2023 N 11-КГ23-14-К6 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.01.2026).

2 Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка : принят 17.12.1979 Резолюцией 34/169 на 106-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.01.2026).

3 Рекомендация о статусе преподавательских кадров учреждений высшего образования : принята 11.11.1997 на 29-й сессии Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901839542?ysclid=mkys50nyun6280862468> (дата обращения: 27.01.2026).

Согласно п. 7 ч. 1 ст. 48 Закона об образовании педагогические работники обязаны систематически повышать свой профессиональный уровень. При этом ч. 5 ст. 47 Закона об образовании предусмотрено право педагогических работников на дополнительное профессиональное образование (далее – ДПО) по профилю педагогической деятельности не реже чем один раз в три года¹. Указанное право и обязанность коррелируют с обязанностью работодателей организовать для своих работников такое обучение в силу ст. 196 и 197 ТК РФ [7]. Однако в науке имеется большое количество дискуссий относительно того, является ли обучение педагогических работников правом или обязанностью работодателя².

Начиная с 1 сентября 2025 г. ст. 47 Закона об образовании дополнена новой частью 5.1, содержащей исчерпывающий перечень профилей, по которым работодатель осуществляет ДПО педагогических работников: программы повышения квалификации по профилю педагогической деятельности или по программам профессиональной переподготовки для приобретения новой квалификации в области педагогической деятельности или управления образовательными организациями [1].

В последние годы в юридической литературе неоднократно обращалось внимание на существующие противоречия законодательства, регулирующего дополнительное профессиональное образование преподавателей. В частности, Е.А. Глухов отмечает, что за нарушение субъективного права педагога на ДПО могут быть применимы санкции как к нему самому (угроза увольнения или снижения уровня заработной платы), так и к образовательной организации (привлечение организации и ее должностного лица к административной ответственности по ч. 2 ст. 19.20 КоАП РФ). Автор также обосновывает необходимость направления для получения ДПО дифференцировано, исходя из реальной потребности преподавателей [2]. Е.А. Пибеева указывает

на отсутствие необходимости прохождения ДПО в сфере информационных технологий всеми педагогическими работниками и обучения на таких курсах только преподавателей, которые действительно нуждаются в получении знаний и навыков работы с цифровыми технологиями [9].

Проводя параллель с нормативно закреплённой обязанностью сотрудника органов внутренних дел на поддержание уровня квалификации, необходимого для надлежащего выполнения служебных обязанностей, прохождения профессионального обучения и (или) получения дополнительного профессионального образования (п. 6 ч. 1 ст. 12 и ч. 8 ст. 76 Закона о службе), отмечаем более продолжительный временной период, который требуется для повышения квалификации.

Порядком организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденным приказом МВД России от 2 февраля 2024 г. N 44, предусмотрено, что сотрудники проходят подготовку по основным и дополнительным профессиональным программам повышения квалификации и переподготовки (профессиональной переподготовки) в течение всего периода прохождения службы по мере необходимости, но не реже одного раза в пять лет.

Таким образом, общая обязанность педагогических работников повышения своего профессионального уровня характеризуется для преподавателей-сотрудников более длительным временным интервалом (не реже одного раза в пять лет вместо трех лет).

Требуется также отметить, что Порядком организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденным приказом МВД России от 5 мая 2018 г. N 275 (утратившим силу в связи с изданием приказа МВД России от 2 февраля 2024 г. N 44), закреплялась императивная норма о прохождении профессорско-преподавательским составом образовательных учреждений

1 О направлении разъяснений : письмо Минпросвещения России от 19.09.2025 N ОК-2705/08 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.01.2026).

2 Митрофанова В. Обучить и сохранить. И является ли это обязанностью работодателя? URL: <http://hr.superjob.ru/raznoe/obuchit-i-sohranit-i-yavlyayetsya-li-eto-obyazannostyu-rabotodatelya-1279/> (дата обращения: 24.01.2026).

МВД России стажировки в подразделениях территориальных органов МВД России, соответствующих профилю подготовки специалистов, не реже одного раза в три года, а также в образовательных учреждениях, научно-исследовательских организациях системы МВД России, центрах профессиональной подготовки по мере необходимости.

Несмотря на то, что действующее правовое регулирование не содержит таких предписаний, стажировка преподавателей-сотрудников также организуется образовательными организациями МВД России и проводится не реже одного раза в три года на основании требований, включаемых в примерные дополнительные профессиональные программы повышения квалификации.

Педагогические работники в силу п. 9 ч. 1 ст. 48 Закона об образовании относятся к категории работников, которые обязаны проходить предварительные медицинские осмотры при поступлении на работу с целью определения соответствия состояния здоровья лица поручаемой работе. В соответствии со ст. 331 ТК РФ к педагогической деятельности не допускаются в том числе лица, имеющие заболевания, предусмотренные перечнем, утверждаемым приказом Минздрава России от 28 января 2021 г. N 29н. Таким образом, для преподавателей являются обязательными и периодические медицинские осмотры, и внеочередные медицинские осмотры по направлению работодателя. Данные осмотры проводятся не реже одного раза в год вне зависимости от типа и вида образовательного учреждения [14]. Аналогичная обязанность имеется у преподавателя-сотрудника (п. 16 ч. 1 ст. 12 Закона о службе).

Особенностью для сотрудника-преподавателя является прохождение ежегодного профилактического медицинского осмотра, включающего в себя как химико-токсикологические исследования наличия в организме наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов¹, так и обследования в целях динамического наблюдения за состоянием его здоровья, своевременного выявления начальных форм профессиональных заболеваний².

Дополнительные обязанности и процедуры в высшей школе корреспондируют номенклатуре должностей педагогических работников, утвержденной постановлением Правительства РФ от 21 февраля 2022 г. N 225, и специальному порядку конкурсного замещения должностей профессорско-преподавательского состава³. Согласно ч. 2 ст. 332 ТК РФ заключению трудового договора на замещение должности педагогического работника, относящегося к профессорско-преподавательскому составу, в организации, осуществляющей образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, а также переводу на такую должность предшествует избрание по конкурсу на замещение соответствующей должности. Без проведения конкурсной процедуры в установленном порядке заключение трудового договора по общему правилу не допускается [8].

Феномен усмотрения в оценке деловых качеств и результатов труда особенно проявляется при замещении должностей профессорско-преподавательского состава и при аттестационных процедурах. Отмечается, что

1 Об отдельных вопросах медицинского обеспечения и санаторно-курортного лечения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, граждан Российской Федерации, уволенных со службы в органах внутренних дел Российской Федерации, граждан Российской Федерации, уволенных со службы в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также членов их семей и лиц, находящихся на их иждивении, в медицинских организациях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 24.04.2019 N 275 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.01.2026).

2 О перечне заболеваний, при наличии которых лица не могут быть допущены к педагогической деятельности : письмо Минздрава России от 02.11.2024 NN 30-7/3137080-11601 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.01.2026).

3 Об утверждении Положения о порядке замещения должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу : приказ Минобрнауки России от 04.12.2023 N 1138 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.01.2026).

работодателю нередко предоставляется дискретный выбор критериев и доказательств, что при недостаточной формализации может порождать дефекты правоприменения и конфликт интересов [3; 4]. В образовательной организации эта проблема решается через локальные регламенты, конкурсные процедуры, прозрачные показатели публикационной и методической активности, а также через трудовые гарантии (включая судебную защиту).

Для подтверждения соответствия педагогического работника, относящегося к профессорско-преподавательскому составу (за исключением работников, трудовой договор с которыми заключен на определенный срок), занимаемой им должности один раз в пять лет проводится аттестация в соответствии со ст. 49 Закона об образовании и приказом Минобрнауки России от 30 марта 2015 г. N 293 «Об утверждении Положения о порядке проведения аттестации работников, занимающих должности педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу».

В отношении преподавателя-сотрудника аттестация проводится чаще – один раз в четыре года по основаниям и в порядке, установленном ст. 33 Закона о службе и приказом МВД России от 1 февраля 2018 г. N 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации».

Обязанности педагога не ограничиваются «техническим» выполнением учебной нагрузки: законодательство об образовании возлагает на педагогических работников обязанность уважать честь и достоинство обучающихся, обеспечивать охрану жизни и здоровья обучающихся, соблюдать нормы профессиональной этики, предотвращать конфликт интересов в сфере образования и исполнять требования к объективности оценивания. Нормативные и методические документы в сфере педагогической этики (в том числе примерное положение о нормах профессиональной этики педагогических работ-

ников) развивают эти положения, формируя ожидания профессионального поведения¹. Тем самым для преподавателя обязанность имеет «двойное измерение»: юридическое (обязательность норм) и ценностное (поддержание доверия к образовательной среде).

Публично-служебный статус преподавателя-сотрудника добавляет к указанным обязанностям служебно-правовой контур, основанный на идее служения государству и обществу. Закон о службе прямо закрепляет требования к служебному поведению сотрудника органов внутренних дел, действующие как при исполнении служебных обязанностей, так и во внеслужебное время. Эти требования конкретизируются ведомственными дисциплинарно-этическими стандартами МВД России, прежде всего Кодексом этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел², а также положениями Дисциплинарного устава органов внутренних дел. Соответственно, преподаватель-сотрудник несет обязанность демонстрировать законопослушность и корректность поведения не только в аудитории, но и в публичной среде, что качественно отличает его положение от преподавателя гражданского вуза.

Обязанности преподавателя-работника и преподавателя-сотрудника можно сгруппировать следующим образом:

общепрофессиональные педагогические обязанности: подготовка и проведение занятий, объективная оценка знаний, воспитательная работа, научно-методическое сопровождение, соблюдение педагогической этики, взаимодействие с обучающимися и коллегами, которые вытекают из образовательного законодательства, локальных актов образовательной организации, условий трудового договора (контракта о службе), должностного регламента (должностной инструкции), правил внутреннего трудового (служебного) распорядка;

обязанности обеспечения безопасности и прав обучающихся, ориентированные на охрану жизни и здоровья, недопущение дискри-

1 О примерном положении : письмо Минпросвещения России N ОК-3775/08, Общероссийского Профсоюза образования N 756 от 22.12.2025 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.01.2026).

2 Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 26.06.2020 N 460 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.01.2026).

минации и насилия, соблюдение требований охраны труда и санитарных норм. В образовательной организации МВД России эти обязанности дополняются специфическими задачами поддержания служебной дисциплины и законности, правил внутреннего распорядка обучающихся, а также их морально-психологического обеспечения¹, что сближает педагогическую обязанность с функциями кадрового и дисциплинарного воздействия.

К третьей группе относятся обязанности, обусловленные публично-служебным статусом преподавателя-сотрудника: следование требованиям к служебному поведению, соблюдение ограничений и запретов, связанных со службой, соблюдение правил ношения форменной одежды и служебной атрибутики, выполнение приказов руководителей, соблюдение субординации, а также сохранение государственной и иной охраняемой законом тайны при наличии допуска. Эти предписания обусловлены порядком прохождения службы в органах внутренних дел.

Особый блок обязанностей преподавателя-сотрудника формируется антикоррупционным регулированием. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и связанные с ним механизмы декларирования доходов и урегулирования конфликта интересов устанавливают обязанности, которые для преподавателя гражданского вуза применяются, как правило, лишь при наличии статуса государственного служащего или при работе в отдельных публичных организациях, тогда как для сотрудника органов внутренних дел они являются императивной частью служебного статуса. В результате ответственность за несоблюдение таких обязанностей может наступать в дисциплинарном порядке (вплоть до увольнения за утрату доверия), а при наличии состава – в административном или уголовном порядке.

В научных работах об особенностях регулирования труда педагогических работников подчеркивается, что педагогическая деятельность находится под повышенным обществен-

ным контролем, что отражается в специальных ограничениях на занятие педагогической деятельностью и в дополнительных основаниях прекращения трудового договора. Так, ограничения связаны с судимостью за определенные категории преступлений, с состоянием здоровья, а также с необходимостью соблюдения требований к нравственному облику педагога [5]. А.М. Столяренко указывал также на то, что педагогическая деятельность может быть высокоэффективной, если ее цели, задачи, способы, условия и результаты находят глубокий отклик в личности преподавателя, если она воспринимается им как значимая, наполненная смыслом, интересом, увлечением, если соответствует его убеждениям и потребностям [12, с. 14].

Для преподавателя-сотрудника эти ограничения встраиваются в более жесткий режим проверки благонадежности и кадрового отбора, традиционный для правоохранительной службы. Служебный контур в образовательной организации МВД России усиливает значение не только формальных обязанностей, но и «репутационных» критериев поведения. Кодекс этики сотрудников органов внутренних дел ориентирует на недопустимость поступков, порочащих честь и достоинство сотрудника, и прямо связывает соблюдение этических норм с оценкой личностных и деловых качеств, поощрениями и дисциплинарными взысканиями. В гражданском вузе этическое измерение также существует, однако оно чаще реализуется через профессиональные сообщества и локальные этические комиссии; в системе МВД России этические стандарты включены в жесткий механизм служебной дисциплины и подлежат формализованной проверке.

Таким образом, усложнение набора обязанностей для преподавателя-сотрудника проявляется в трех взаимосвязанных плоскостях. Во-первых, расширяется предметная область должного поведения: помимо образовательных стандартов значимыми становятся требования к служебной дисциплине, режиму секретности, ведомственной субордина-

1 Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 27.08.2024 N 500 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.01.2026).

ции и соблюдению ограничений, связанных с противодействием коррупции. Во-вторых, меняется юридическая форма закрепления: обязанности преподавателя-сотрудника закрепляются не в трудовом договоре, а контракте о службе, должностном регламенте (должностной инструкции), уставах и приказах. В-третьих, трансформируются механизмы контроля: кроме оценки педагогической деятельности действует комплекс служебного контроля (включая проверки, служебные расследования, дисциплинарные комиссии).

Проведенное исследование подтверждает, что правовой статус преподавателя образовательной организации МВД России формируется как сложная юридическая конструкция, объединяющая элементы трудового права, специальных предписаний, закрепленных в Законе об образовании и публично-служебного регулирования. В продолжение выводов первой части статьи, посвященной гарантированным правам педагогических работников, установлено, что реализация данных прав объективно обуславливает расширенный объем обязанностей.

Требования к образованию и квалификации, зафиксированные в профессиональных стандартах, не тождественны обязанности работодателя по направлению работника на профессиональное обучение или дополнительное профессиональное образование. Такая обязанность возникает лишь в случаях, прямо предусмотренных федеральными за-

конами, либо вытекает из специального правового статуса педагогических работников, для которых законом закреплена необходимость систематического повышения профессионального уровня.

Особое значение имеет институт медицинских осмотров и допуска к педагогической деятельности, который направлен на защиту публичных интересов и не зависит от типа образовательной организации. Аналогичным образом дополнительные основания прекращения трудового договора и дисциплинарной ответственности отражают повышенные требования государства к нравственным и профессиональным качествам преподавателя.

В совокупности это позволяет сделать вывод о том, что правовой статус преподавателя системы МВД России характеризуется не только расширенным объемом правовых гарантий, но и дополнительных обязанностей. Указанные нормы подчеркивают повышенные требования к профессиональному и нравственному облику преподавателя как носителя публично значимых функций.

Актуальным представляется развитие нормативных механизмов непрерывного точечного профессионального обучения и устранение выявленных коллизий, что позволит обеспечить баланс интересов государства, работодателя и педагогического работника, а также повысить качество образовательной деятельности в системе МВД России.

Библиографический список

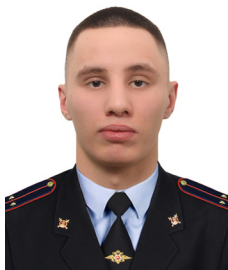
1. Вадимова, И.В. Повышение квалификации и переподготовка работников образования в 2025 году / И.В. Вадимова // Советник в сфере образования. – 2025. – N 5. – С. 30-37.
2. Глухов, Е.А. Получение дополнительного профессионального образования педагогом: право или обязанность? / Е.А. Глухов // Журнал российского права. – 2019. – N 7. – С. 131-140.
3. Жильцов, М.А. Дефекты законодательства о порядке замещения должностей педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу / М.А. Жильцов, К.А. Белозерова // Трудовое право в России и за рубежом. – 2024. – N 4. – С. 42-45.
4. Зорина, О.О. Дискреция работодателя в процессе оценки деловых качеств кандидата / О.О. Зорина // Трудовое право в России и за рубежом. – 2020. – N 2. – С. 19-22.

5. Карамурзова, Ж.З. Ограничения на занятие педагогической деятельностью / Ж.З. Карамурзова // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – N 1. – С. 159-165.
6. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / отв. ред. Ю.П. Орловский. – М.: Контракт, ИНФРА-М, 2011.
7. Митрофанова, О.И. Профессиональные стандарты : учебно-практическое пособие / О.И. Митрофанова ; отв. ред. Д.Л. Кузнецов. М.: КОНТРАКТ, 2017. – 136 с.
8. Особенности трудового договора с отдельными категориями работников : научно-практическое пособие / под ред. К.Н. Гусова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2018. – 240 с.
9. Пибаева, Е.А. Цифровое неравенство и его преодоление как гарантия равного доступа к образованию в Российской Федерации / Е.А. Пибаева // Актуальные проблемы российского права. – 2024. –N 10. – С. 32-44.
10. Постыляков, С.П. Правовой статус педагогических, руководящих и иных работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность / С.П. Постыляков // Публично-правовые исследования. – 2015. – N 3. – С. 156-182.
11. Рязанов, Н.С. К вопросу о соотношении понятий «безопасность» и «транспортная безопасность» / Н.С. Рязанов // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – N 3. – С. 89-94.
12. Столяренко, А.М. Преподаватель учебного заведения МВД России и его педагогическая культура : учебно-метод. материалы по курсу «Педагогическая культура и техника труда преподавателя» / А. М. Столяренко. – М. : Академия управления МВД России, 1996. – 72 с.
13. Черных, Е.В. Юридическая ответственность – целостное правовое явление / Е.В. Черных, Д.А. Липинский // Право и политика. – 2005. – N 3. – С. 10-18.
14. Шестакова, Е.В. Сложные вопросы дисциплинарных взысканий // Подготовлен для системы КонсультантПлюс. 2019.

УДК 34

Айшат Эмилевич БАСИРОВ,

адъюнкт

Казанского юридического института МВД России
aishat.basirov@mail.ru

Александр Алексеевич ИЛИДЖЕВ,

профессор кафедры административного права,
административной деятельности и управления
органов внутренних дел

Казанского юридического института МВД России,
доктор юридических наук, доцент
ilidsasha@yandex.ru

ВОЕННОЕ ИМУЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ: ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

MILITARY PROPERTY AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION: CONCEPTUAL AND TERMINOLOGICAL ANALYSIS

В статье проводится комплексный понятийно-терминологический анализ категории «военное имущество» как объекта уголовно-правовой охраны. Осмысливаются существующие в науке уголовного права и других отраслях права (военном, административном, гражданском) дефиниции в сфере военного имущества. Рассматриваются понятия «военное имущество», «предметы военной техники», «имущество военной организации», «имущество военного назначения». Особое внимание уделено исследованию непосредственного объекта военного имущества, подлежащего уголовно-правовой охране, включая вооружение, военную технику, боеприпасы, материальные средства, используемые для обеспечения боевой и повседневной деятельности войск. В результате проведенного анализа сформулированы и обоснованы предложения по уточнению понятийного аппарата «военное имущество», что имеет важное значение для повышения качества правоприменительной практики и эффективности борьбы с преступлениями против военной службы.

The article considers a comprehensive conceptual and terminological analysis of the category «military property» as an object of criminal law protection. The existing definitions of military property in criminal law and other branches of law (military, administrative, and civil) are comprehended. The concepts of «military property», «items of military equipment», «property of a military organization» and «military related property» are discussed. Particular attention is paid to the study of the actual object of military property subject to criminal law protection, including weapons, military equipment, ammunition, and materiel used to ensure the combat and daily activities of troops. The analysis resulted in substantiated suggestions for clarifying the conceptual apparatus of «military property», which is essential for improving the quality of law enforcement practice and the effectiveness of fighting crimes against military service.

Ключевые слова: военное имущество, предметы военной техники, уголовно-правовая охрана, объект преступления, предмет, понятие, терминология, военная собственность, преступления против военной службы.

Keywords: military material, items of military equipment, criminal law protection, object of crime, subject, concept, terminology, military property, crimes against military service.

Актуальность исследования обусловлена постоянным вниманием государства и общества к вопросам обеспечения обороны страны и поддержания боевой готовности Вооруженных Сил Российской Федерации. Вместе с тем нельзя не отметить, что актуальность проблемы возрастает в контексте проведения специальной военной операции на Украине, поскольку интенсивное использование и перемещение значительных объемов военного имущества требуют четкого правового регулирования и особой уголовно-правовой охраны от преступных посягательств. Уточнение понятийного аппарата в данной сфере необходимо для эффективного применения уголовного закона и обеспечения сохранности материальных средств, критически важных для выполнения задач в условиях боевых действий и проведения специальной военной операции на Украине.

Военное имущество представляет собой материальную основу функционирования Вооруженных Сил Российской Федерации, его сохранность и эффективное использование прямо влияют на национальную безопасность страны. Уголовно-правовая охрана данного вида имущества сталкивается с рядом теоретических и практических проблем, связанных с определением его юридической природы, границ и содержания понятия. Недостаточная разработанность понятийного аппарата в доктрине уголовного права, выраженная в разногласии мнений относительно термина «военное имущество», создает пробелы в правоприменительной практике, что выражается в сложностях квалификации преступлений против военной службы. Дифференциация военного имущества и иного государственного имущества требует четкого терминологического разграничения, основанного на его специальном назначении и правовом режиме.

Понятие военного имущества в отечественной юридической науке традиционно трактуется широко, охватывая все материальные средства, находящиеся на вооружении (поставленными на учет) Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских (специальных) формирований и ор-

ганов и предназначенные для обеспечения их деятельности. Так, одни авторы предполагают, что военное имущество – это комплекс предметов, приспособлений и материальных средств, используемых военными в служебной деятельности для реализации как профильных задач, так и бытовых потребностей [2, с. 35], другие – «любой предмет, который находится на балансе ...» [10, с. 389], третьи – совокупность штатного и табельного имущества, а также иных материальных ресурсов, находящихся в оперативном управлении предприятий и организаций системы федеральных органов исполнительной власти, в том числе имущества, превышающего нормативные показатели [16, с. 40].

Однако следует отметить, что для целей уголовно-правовой охраны требуется более строгая, функционально обусловленная дефиниция. Военное имущество не тождественно понятию «государственное имущество», хотя и является его составной частью. Отличительным признаком выступает специальный правовой режим, установленный законодательством о воинской обязанности, прохождении военной службы и обороне страны. Этот режим определяет порядок приобретения, учета, списания, использования, сбережения и обращения с имуществом, что непосредственно влияет на специфику составов преступлений Особенной части УК РФ.

К.В. Кавченков указывает: «Отечественный опыт вполне определенно доказывает, что правовые пробелы в регулировании имущественных отношений и отсутствие контроля за состоянием военного имущества приводят к снижению обороноспособности Российской Федерации, срыву оборонных заказов и хищениям бюджетных средств, выделенных на военные цели» [6, с. 69-70]. На наш взгляд, автор вскрывает системную проблему, значимость которой трудно переоценить, поскольку пробелы в законодательном регулировании имущественных отношений в военной сфере выступают не просто юридико-техническими недочетами, а реальными угрозами национальной безопасности. Напрашивается вывод, что устранение правовых пробелов в регулировании имущественных

отношений – не юридическая формальность, а стратегическая задача, прямо влияющая на обороноспособность государства, без решения которой любые усилия по модернизации армии могут оказаться недостаточно эффективными.

К правовым основаниям определения военного имущества в качестве государственной собственности можно отнести в том числе п.п. 1 и 5 ст. 214 ГК РФ. Права собственника в отношении военного имущества реализуются Правительством Российской Федерации¹ и уполномоченными органами в соответствии с действующим законодательством, содержащим как нормы гражданского права, так и военно-административные нормы. Правительство Российской Федерации может делегировать министерствам и ведомствам определенные полномочия в отношении объектов федеральной собственности.

Военная энциклопедия определяет военное имущество как государственную собственность, которая находится в постоянном или временном распоряжении военных организаций и госструктур для удовлетворения их материально-технических потребностей в мирное и военное время [4, с. 323], а согласно положениям УК РФ под военным имуществом понимаются оружие, боеприпасы или предметы военной техники (ст. 346-348). Согласно ранее действовавшему УК РСФСР 1960 г. под военным имуществом понимались предметы обмундирования или снаряжения, оружие, боеприпасы, средства передвижения, предметы технического снабжения или иного военного имущества.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. N 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» указывается, что «военное имущество, являющееся предметом преступлений, предусмотренных статьями 346, 347 и 348 УК РФ, ограничивается только оружием, боеприпасами и предметами военной техники заводского изготовления, находящимися на вооружении (поставленными на учет) Вооруженных Сил Российской Федерации, других

войск, воинских (специальных) формирований и органов». На наш взгляд, вышеуказанное определение понятия «военное имущество» в качестве предмета преступлений, предусмотренных ст. 346-348 УК РФ, не охватывает все аспекты, связанные с военным имуществом. Так, по мнению А.В. Баженова: «Военное имущество, в широком понимании, представляет собой совокупность специальных материальных средств, предназначенных для обеспечения непосредственного качественного и непрерывного исполнения обязанностей военной службы. Это обширный перечень предметов, устройств и приспособлений, используемых в повседневной деятельности войск и предназначенных для обеспечения как специальных задач, так и насущных бытовых потребностей» [1, с. 227].

В.В. Лесовой военное имущество определяет как базовое звено государственной военной системы; к нему относятся все материальные и финансовые ресурсы, которыми располагают военные организации: вооружение, боевая и вспомогательная техника, боеприпасы, горюче-смазочные материалы, продовольствие, автотранспорт, а также вещевое, инженерное, химическое и квартирное имущество [9].

В литературе справедливо отмечается, что «преступления против военной службы классифицируются на основании критерия содержания непосредственного объекта посягательства, под которым понимаются те или иные стороны порядка прохождения военной службы» [13, с. 887-888]. Относительно преступлений, предусмотренных ст. 346-348 УК РФ, важно отметить, что их непосредственным объектом выступает порядок обеспечения сохранности и использования военного имущества, поскольку данные составы объединены в отдельную подсистему преступлений против военной службы, поскольку посягают на конкретный элемент установленного порядка прохождения службы – на сохранность материальных ресурсов, необходимых для выполнения воинских задач.

В доктрине уголовного права военное имущество рассматривается как родовое

¹ О реализации высвобождаемого движимого военного имущества : постановление Правительства РФ от 15.10.1999 N 1165 // Российская газета. 1999. N 246.

понятие, включающее в себя несколько видовых объектов уголовно-правовой охраны. Отдельные составы преступлений против военной службы характеризуются наличием предмета преступления – оружие, боеприпасы, предметы военной техники (ст. 346, 347, 348 УК РФ). На наш взгляд, к ним относятся, в первую очередь, вооружение, военная техника, боеприпасы, материальные средства, используемые для строительства и обеспечения военных объектов, а также иное имущество, закрепленное за воинскими частями. Существенным аспектом является функциональное назначение имущества. В этой связи, на наш взгляд, имущество, утрата или повреждение которого ставит под угрозу выполнение боевой задачи или снижает оборонный потенциал государства, должно находиться под особой уголовно-правовой охраной.

Изучение различных точек зрения позволяет сделать вывод, что в нормативных правовых актах, регулирующих военную сферу, повсеместно встречается термин «военное имущество». В уголовном законодательстве (ст. 346-348 УК РФ) он тоже присутствует, но в строго определенном уголовно-правовом значении, то есть его значение сужено до описания составов преступлений, связанных с уничтожением, повреждением или утратой такого имущества. Вместе с тем в теории уголовного права имеется понятие «предметы военной техники». Так, по мнению А.А. Тер-Акопова, предметы военной техники представляют собой технические средства, принятые на вооружение армии. Они предназначены либо для непосредственного ведения боевых действий, либо для их всестороннего обеспечения. К данной категории автор относит военно-транспортные средства, инженерные машины, приборы ночного видения и прочие аналогичные устройства [12, с. 145]. И.Ю. Белый отмечал, что к предметам военной техники относится любая техника, стоящая на балансе в воинской части и числящаяся в ней по штату [3, с. 16].

На наш взгляд, вышеуказанные понятия «предметов военной техники» следует рассматривать в качестве составной части военного имущества в целом.

Военное имущество как объект уголовно-правовой охраны занимает особое место среди объектов преступлений против военной службы. Оно отличается от общеуголовных преступлений против собственности тем, что посягательство на него квалифицируется по специальным нормам с повышенной санкцией, что подчеркивает повышенную общественную опасность преступного деяния, совершаемого в условиях военной службы или связанного с ней, в связи со спецификой объекта уголовно-правовой охраны, особой ценностью предмета преступного посягательства для национальной безопасности страны и нарушением функционирования военной организации государства.

Кроме того, следует провести разграничение между понятиями «военное имущество» и «военная собственность». Так, К.В. Кавченков [7, с. 12], как и другие авторы [2, с. 31; 8, с. 252], справедливо отмечает, что военное имущество следует рассматривать как находящиеся в государственной собственности материальные объекты. В этой связи целесообразно отметить, что военная собственность включает в себя не только материальные объекты, используемые вооруженными силами, но также земельные участки, здания, сооружения и другое недвижимое имущество, закрепленное за воинскими частями и учреждениями Министерства обороны.

По мнению А.В. Гусева, военное имущество – это более широкое понятие, охватывающее все материальные ценности, находящиеся в распоряжении Вооруженных Сил РФ, а понятие военной собственности в строгом смысле относится к имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за военными организациями [5, с. 86]. Вместе с тем, на наш взгляд, уголовно-правовая охрана распространяется на обе категории, однако при хищении или присвоении имущества, находящегося в оперативном управлении воинской части, но формально принадлежащего другому ведомству, могут возникнуть проблемы квалификации деяния при коллизии норм с точки зрения определения объекта преступления.

Принимая во внимание вышеизложенное, мы придерживаемся точки зрения, соглас-

но которой понятие военная собственность является более широким и охватывает весь комплекс объектов, необходимых для обе-

спечения обороноспособности государства, а равно военное имущество, и предлагаем разграничивать их по ряду критериев (табл.)

Таблица

Критерии разграничений понятий

Критерий	Военное имущество	Военная собственность
Объем понятия	Конкретные материальные объекты, используемые в военной деятельности	Более широкое понятие, включающее не только имущество, но и другие активы, связанные с обороной и военной деятельностью
Правовой статус	Находится в оперативном управлении или хозяйственном ведении воинских частей, но остается собственностью государства	Является частью государственной (федеральной) собственности
Назначение	Непосредственно связано с выполнением военных задач, обеспечением боеготовности	Охватывает все активы, необходимые для функционирования военной организации государства, включая инфраструктуру, предприятия и т.д.

Л.Н. Сморчкова также ставит вопрос о разграничении понятий «имущество военной организации», «военное имущество», «имущество военного назначения». Автор приходит к выводу, что «объемы понятий «военное имущество» и «имущество военных организаций» частично пересекаются» [11, с. 84], поскольку часть имущества военной организации является военным имуществом. Право собственности на военное имущество не ограничивается исключительно российскими военными организациями – оно может находиться и в ведении иных субъектов права. При этом ту часть материальных ресурсов военной организации, которая по своему функциональному предназначению относится к военному имуществу, принято обозначать как имущество военного назначения¹.

В контексте уголовного права наиболее важным является не формальная принадлежность имущества, а его функциональная связь с военной деятельностью [15, с. 460] и военной службой. Имущество, которое, несмотря на формальную принадлежность гражданскому лицу или организации, используется в интересах обороны (например, арендованные склады или транспортные средства, задействованные в военных перевозках), также должно рассматриваться как объект особой

уголовно-правовой охраны, если такие отношения прямо предусмотрены законом или подзаконными актами.

Особого внимания также заслуживает терминологическое закрепление в законе понятий «вооружение» и «военная техника», поскольку эти категории являются наиболее ценными и опасными видами военного имущества. Их утрата, повреждение или хищение влечет не только материальный ущерб, но и прямую угрозу безопасности общества, личного состава и выполнению поставленных задач. В этой связи законодатель выделяет хищение либо повреждение вооружения и военной техники в отдельную статью с повышенной санкцией (ст. 226 УК РФ, если речь идет о незаконном обращении с ними, или специальные статьи главы 33 УК РФ).

Сложность представляет определение границ военного имущества в условиях реформирования Вооруженных Сил Российской Федерации и привлечения гражданского общества. Имущество, переданное на так называемый аутсорсинг для обслуживания военных объектов (например, продовольствие, вещевое имущество), формально может не находиться на балансе соответствующих органов. Тем не менее ненадлежащее исполнение обязательств по его поставке

¹ Согласно Конституции РФ оборона и безопасность государства, оборонное производство является абсолютной прерогативой государства, осуществлять какую-либо деятельность военными методами легально могут исключительно государственные военные организации.

или хранению должно влечь ответственность по нормам, защищающим интересы военной сферы, поскольку нарушение этих поставок прямо влияет на боеспособность страны. В этой связи необходимо отметить, что отличительной особенностью конструирования в УК РФ общей (ст. 158, 167 УК РФ и др.) и специальной (ст. 346-348 УК РФ) норм, предусматривающих ответственность за посягательство на военное и невоенное имущество, является то, что специальная норма выделяется, с одной стороны, в зависимости от формы посягательства (только при уничтожении, повреждении и утрате), а с другой – от предмета преступления в пределах одной и той же нормы [8, с. 252].

Итак, на примере рассматриваемых статей УК РФ можно выделить следующие отличительные признаки непосредственного объекта от предмета преступного посягательства:

непосредственный объект – «общественные отношения, обеспечивающие соблюдение воинского порядка, сбережения оружия, боеприпасов, предметов военной техники» [13, с. 914]; часть родового (видового) объекта «преступления против военной службы» (раздел XI УК РФ); определяет общую сферу правовой охраны, на которую посягает преступление против военной службы;

предмет преступного посягательства – конкретное военное имущество, которое уничтожается, повреждается или утрачивается¹; это то, на что непосредственно направлено преступное воздействие;

непосредственный объект – конкретные общественные отношения в сфере порядка сбережения, установленного «уставами Вооруженных Сил РФ, а также иными нормативными правовыми актами» [14, с. 753], а предмет – конкретная ценность, которая подвергается преступному воздействию.

Можно констатировать, что непосредственный объект определяет юридическую

природу преступления и его место в системе уголовного права, а предмет служит одним из признаков состава преступления и может влиять на квалификацию деяния и разграничение смежных составов.

На основании вышеизложенного можно сформулировать следующую гипотезу для разграничения военного имущества как объекта уголовно-правовой охраны и как предмета преступления: военное имущество выступает объектом уголовно-правовой охраны, поскольку охраняется уголовным законом в целях защиты общественных отношений, связанных с его сохранностью, сбережением, обращением и использованием. В этом контексте военное имущество является частью более широкого объекта охраны – общественных отношений в сфере военной службы, а именно обороны и безопасности государства.

Военное имущество является предметом преступления, когда оно непосредственно подвергается воздействию со стороны преступника. При этом следует отметить, что военное имущество как объект уголовно-правовой охраны и как предмет преступления взаимосвязаны. Так, уничтожение или повреждение военного имущества при наличии соответствующих признаков подлежит квалификации по ст. 167 или 168 УК РФ. В то же время утрата такого имущества может рассматриваться как дисциплинарный проступок².

Таким образом, уголовно-правовая охрана военного имущества должна основываться на принципе приоритета интересов обороны страны, означающем, что любая деятельность, направленная на неправомерное уничтожение, повреждение или утрату военного имущества, используемого для обеспечения военной деятельности, должна рассматриваться как деяние, посягающее на общественные отношения в сфере обеспечения обороноспособности государства.

1 См. п. 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 N 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» где указывается, что военное имущество, являющееся предметом преступлений, предусмотренных статьями 346, 347 и 348 УК РФ, ограничивается только оружием, боеприпасами и предметами военной техники заводского изготовления, находящимися на вооружении (поставленными на учет) Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских (специальных) формирований и органов.

2 О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 N 11.

Для совершенствования уголовно-правовой охраны необходимо терминологически закрепить понятие военного имущества в рамках УК РФ либо в примечаниях к соответствующим статьям, либо через отсылку к законодательству Российской Федерации. Такое законодательное уточнение снизит правовую неопределенность и повысит эффективность борьбы с преступлениями против военной собственности (имущества).

Исходя из вышеизложенного, ныне действующая редакция ст. 346-348 УК РФ в принципе позволяет квалифицировать разукрупнение оружия, боеприпасов и предметов военной техники в соответствии с указанными нормами. Существующий понятийно-терминологический аппарат требует дальнейшей доктринальной проработки и законодательного уточнения. Четкое определение границ военного имущества, его соотношения с военной собственностью и иной государственной собственностью, используемой в интересах обороны, является необходимым условием для правильной квалификации преступлений и обеспечения должной защиты материальной основы Вооруженных Сил РФ. Усиление уголовно-правовой охраны данного объекта должно быть основано на принципе приоритета государственных интересов в сфере обороны.

При таком подходе правоприменителя деяния, обладающие общественной опасно-

стью¹, остаются без соответствующего уголовно-правового регулирования, в связи с чем представляется необходимым внести изменения в ст. 346 УК РФ, а именно включить примечание 1 следующего содержания: «Под военным имуществом в статьях настоящего Кодекса следует понимать предметы обмундирования, снаряжения, оружие, боеприпасы, военную технику, средства передвижения, предметы технического снабжения, системы связи и управления войсками, вооружением и военной техникой, а равно, технические устройства, находящиеся на снабжении войск, которые непосредственно не предназначены для поражения живой силы противника и иных его военных объектов, а также их составные части, использование которых призвано обеспечивать ведение боевых действий с помощью конструктивных признаков функционального назначения».

На наш взгляд, введение данного примечаний положительно скажется на эффективности правоприменительной практики, обеспечит единообразное толкование понятия «военное имущество» и повысит уровень правовой защищенности материальных ресурсов Вооруженных Сил РФ, что позволит минимизировать риски противоправных посягательств на военное имущество, способствуя укреплению обороноспособности страны и поддержанию высокого уровня воинской дисциплины.

1 Общественная опасность в этих преступлениях связана с прямым ущербом военной безопасности государства, а повышенная – с совершением таких деяний, совершенные в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

Библиографический список

1. Баженов, А.В. Военное имущество как предмет преступлений коррупционной направленности / А.В. Баженов // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы IV международной научной конференции. Казань, 20-23 мая 2016 г. – Казань: Бук, 2016. – С. 226-228.
2. Баженов, А.В. Правовое определение содержания понятия «военное имущество» в соотношении с особенностями уголовной ответственности военнослужащих за нарушение порядка его сбережения / А.В. Баженов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2016. – N 9-10(230, 231). – С. 30-36.
3. Белый, И.Ю. Что относится к предметам военной техники в статьях 346-348 УК РФ / И.Ю. Белый // БВС. – 1999. – N 1(173). – С. 15-19.

4. Военная энциклопедия: в 8 т. / предс. ред. кол. П.С. Грачев. – М.: Военное издательство, 1995. – Т. 3. – 543 с.
5. Гусев, А.В. Понятие и виды военного имущества / А.В. Гусев // Военно-правовые инструменты обеспечения национальной безопасности : сборник статей научно-практической конференции. Москва, 15 апреля 2022 г. – М.: ЗАО «Университетская книга», 2022. – Т. 2. – С. 84-87.
6. Кавченков, К.В. К вопросу о понятии военного имущества в уголовном законодательстве / К.В. Кавченков // Вестник военного права. – 2023. – N 2. – С. 69-73.
7. Кавченков, К.В. Уголовная ответственность военнослужащих за нарушение порядка сбережения военного имущества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2025. – 30 с.
8. Казакова, И.Б. Уголовно-правовая характеристика умышленного уничтожения или повреждения военнослужащими военного имущества / И.Б. Казакова // Труды Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского. – 2017. – N 659. – С. 251-260.
9. Лесовой, В.В. Правовой режим имущества военных организаций : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 151 с.
10. Нурсатов, С.Н. Понятие военного имущества / С.Н. Нурсатов // Военно-правовые инструменты обеспечения экономической мобилизации предприятий оборонной промышленности : сборник статей научно-практической конференции. Москва, 14 апреля 2023 г. / Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации. – М.: ЗАО «Университетская книга», 2023. – С. 389-394.
11. Смorchкова, Л.Н. К вопросу о соотношении понятий «имущество военной организации», «военное имущество», «имущество военного назначения» / Л.Н. Смorchкова // Военное право. – 2020. – N 6(64). – С. 81-87.
12. Тер-Акопов, А.А. Правовые основания ответственности за воинские преступления : дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1982. – 362 с.
13. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Ф.Р. Сундукова, М.В. Талан. – М.: Статут, 2012. – 943 с.
14. Уголовное право. Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; ИНФРА-М, 2008. – 800 с.
15. Царев, Р.А. Понятие военного имущества / Р.А. Царев // Военно-правовые инструменты обеспечения национальной безопасности : сборник статей научно-практической конференции. Москва, 15 апреля 2022 г. – М.: ЗАО «Университетская книга», 2022. – Т. 2. – С. 458-462.
16. Яковлев, О.И. Методы управления военным имуществом / О.И. Яковлев // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2015. – N 2(24). – С. 39-44.

УДК 343.98

Олег Хамитович ГАЛИМОВ,
профессор кафедры оперативно-розыскной
деятельности Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент
galimov_oleg@mail.ru

Эдуард Михайлович ХАВАБУ,
адъюнкт Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)
eduardhavabu@yandex.ru

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ: СПЕЦИФИКА И РЕАЛИИ

CONDUCTING OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY IN SPECIAL CONDITIONS: SPECIFIC CHARACTER AND REALITIES

В статье рассматриваются аспекты проведения оперативно-розыскной деятельности в условиях, требующих от правоохранительных органов принятия экстренных и нестандартных мер, раскрывается специфика оперативно-розыскного производства в данной обстановке, заключающаяся в изменении правового режима, приоритете целей по спасению жизни людей и стабилизации обстановки, а также в необходимости усиления конспирации и межведомственного взаимодействия. Обосновывается вывод о том, что специальная военная операция и военное положение являются специфичной отличительной особенностью проведения любых действий правоохранительных органов в целом и оперативно-розыскных мероприятий в частности. Существующие нормативные модели, разработанные для мирного времени, нуждаются в переосмыслении с учетом факторов военной опасности, трансформации криминогенной обстановки, особенностей межведомственного взаимодействия и работы в прифронтовых зонах.

The article examines the aspects of conducting operational - search activities in conditions that require law enforcement agencies to take emergency and non-standard measures, and reveals the specifics of operational-search proceeding in this environment, characterized by changes in the legal regime, the priority of saving people's lives and stabilizing the situation, as well as the need for increased secrecy and interagency cooperation. The article concludes that a special military operation and martial law are specific features of conducting any actions by law enforcement agencies, in general and operational-search activity, in particular. Existing regulatory models developed for peacetime need to be rethought in light of the factors of military danger, the transformation of the criminal situation, and the specifics of interagency cooperation and activity in frontline areas.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, личный сыск, специальная военная операция, новые территории России.

Keywords: operational-search activities, operational-search measures, personal detection, special military operation, new territories of Russia.

Специфика производства оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в особых условиях характеризуется кардинальной перестройкой системы правоохранительной деятельности, переходом на неординарные (чрезвычайные) режимы работы и временным ограничением конституционных прав граждан в целях обеспечения общественной безопасности.

В законодательстве и научной литературе под «особыми условиями» понимаются обстоятельства, которые представляют прямую опасность для жизни населения, конституционного порядка, суверенитета государства. К таковым относят чрезвычайное положение, военное положение, проведение контртеррористических операций, масштабные природные и техногенные катастрофы, а с учетом современных реалий – режим специальной военной операции (СВО).

Можно выделить концептуальные особенности организации и осуществления ОРД в таких условиях.

Во-первых, изменение целей и приоритетов деятельности. Если в обычных условиях основной целью ОРД является раскрытие уже совершенных преступлений, то в особых условиях приоритеты смещаются, усиливается значение превентивной составляющей.

Во-вторых, ограничение прав человека и гражданина. Конституция РФ (ст. 56) допускает в условиях чрезвычайного положения установление отдельных ограничений прав и свобод с указанием пределов и срока их действия. Правовые гарантии временно уступают место необходимости немедленного восстановления правопорядка и защиты суверенитета государства. Тем не менее даже в таких условиях деятельность оперативных подразделений должна опираться на принципы законности и обоснованности. Кроме того, отдельные основополагающие права человека и гражданина (право на жизнь, неприкосновенность личности, свобода вероисповедания и др. – ч. 3 ст. 56 Конституции РФ) не могут быть ограничены при любых условиях.

В-третьих, организационно-тактические аспекты. Деятельность оперативно-розыскных подразделений претерпевает определен-

ные трансформации, которые обусловлены привлечением дополнительных (приданных) сил (смежные правоохранительные органы, войсковые части и пр.), сменой тактики (например, отказ от стандартных планов в пользу гибкого и быстрого реагирования), масштабом территории, информативной неопределенностью и ограниченностью во времени (информация может поступать фрагментарно, данные зачастую противоречат друг другу, ситуация меняется молниеносно, что требует соответствующего ответа).

В-четвертых, специфика используемых методов. Перечень проводимых оперативно-розыскных мероприятий (ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности») остается неизменным, но меняется глубина и характер их применения в зависимости от конкретных условий.

И в качестве заключительной (по очередности, но не по степени важности) особенности следует выделить усиление режима секретности. Из-за высокого риска рассекречивания документация ведется в усеченном виде, доступ к материалам строго ограничивается. Усиливаются требования к конспирации отдельных гласных мероприятий (например, содействия граждан).

Таким образом, в особых условиях ОРД трансформируется из устоявшегося, нормативно и методически выверенного процесса в систему методик активного противодействия угрозам и вызовам, где каждое действие может вызвать ответную реакцию (противодействие) со стороны деструктивных элементов.

Более четырех лет (с 24 февраля 2022 г.) Российской Федерацией проводится специальная военная операция (далее – СВО) в целях защиты государственного суверенитета, обеспечения безопасности общества и государства. В мае 2022 г. начали формироваться подразделения МВД России при военно-гражданских администрациях нескольких регионов, в июле 2022 г. для оказания содействия в становлении подразделений органов внутренних дел и поддержания правопорядка направлены временные группировки из числа действующих сотрудников нескольких регионов Российской Федерации.

30 сентября 2022 г. произошло воссоединение Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей с Россией. Это важное историческое событие для народов России имело и юридическое значение для начала полноценного формирования органов правопорядка, подразделений внутренних дел, в том числе на районном уровне на вновь присоединенных территориях.

С октября 2022 г. на территории новых субъектов Российской Федерации (Донецкая Народная Республика (далее – ДНР), Луганская Народная Республика (далее – ЛНР), Запорожская и Херсонская области) действует режим военного положения¹, что ставит деятельность по организации оперативно-розыскной деятельности в целом и оперативно-розыскных мероприятий в частности в особые условия.

Согласно Федеральному конституционному закону от 30 января 2002 г. N 1-ФКЗ «О военном положении» под военным положением понимается особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией РФ Президентом РФ в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии, предполагающий в том числе усиление охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. При этом в силу ч. 1 ст. 6 этого закона обеспечение режима военного положения осуществляется органами государственной власти в соответствии с полномочиями, предоставленными им федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Исходя из п. 29 ч. 1 ст. 12 и п. 31 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» задачи по обеспечению правопорядка на территориях, где введено военное положение, возлагаются на органы внутренних дел. Положение о

Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденное Указом Президента РФ от 21 декабря 2016 г. N 699, закрепляет в качестве полномочий данного ведомства участие в обеспечении режима военного положения в случае его введения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях, а также в проведении мероприятий военного времени. Вместе с тем ни в одном из перечисленных правовых актов, ни в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» каких-либо положений, определяющих особенности деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), в рассматриваемых условиях, не приведено. Отсутствуют аналогичные указания и на ведомственном уровне.

Анализируя ситуацию, Д.А. Бабичев справедливо заметил: «Складывается впечатление, что в сложившейся правовой лакуне правоприменитель оказался не готов к условиям военного времени, к пониманию специфики принятия оперативно-розыскных решений и надзора за их законностью в обстановке особого правового режима» [1, с. 70].

Важно учитывать, что традиционное понимание особых условий, таких как чрезвычайное положение, контртеррористическая операция, военное положение, не полностью охватывают реалии, складывающиеся в ходе СВО. На это обращают внимание исследователи [2; 4; 8]. Сама по себе СВО не является особым правовым режимом. СВО – это вид военных действий, проводимый для подавления угроз национальной безопасности – угроз суверенитету и территориальной целостности, угроз обороне и безопасности Российской Федерации. Задачами СВО являются демилитаризация и денацификация угрозоносителя.

Как отмечают исследователи, сегодня в теории ОРД сформировалось новое понятие – «оперативно-розыскное обеспечение

1 О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей : Указ Президента РФ от 19.10.2022 N 756. Документ утвержден Постановлением Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации от 19.10.2022 N 462-СФ. Конституционной основой введения такой меры выступают ч. 2 ст. 87 Конституции РФ, ст. 3 и 4 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 N 1-ФКЗ «О военном положении». Документ вступил в силу со дня официального опубликования (опубликован 19.10.2022 на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>).

правового режима военного положения» [1; 6; 7], поскольку «во-первых, обеспечение военного положения как особого правового режима на территориях, на которых оно введено (там, где нет прямых боестолкновений), осуществляется в рамках действующего правового поля; во-вторых, среди реализуемых правовых мер, наряду с административными, уголовно-правовыми, уголовно-процессуальными и уголовно-исполнительными, значительную роль играет применение специальных сил, средств и методов ОРД» [5, с. 105].

Исходя из классического определения, «оперативно-розыскная деятельность – это регулируемая законом деятельность специально уполномоченных государственных органов, осуществляемая посредством оперативно-розыскных мероприятий, проводимых на гласной и негласной основе, направленная на выявление, предотвращение, раскрытие и расследование преступлений, розыск скрывающихся от следствия и суда лиц, установления местонахождения пропавших без вести, а также сбор имеющих значение сведений, и обеспечивающая реализации мер безопасности и охраны общественного порядка» [подр.: 3, с. 43]. По своей сути ОРД является формой борьбы с преступностью и видом правоохранительной деятельности.

Следует уточнить, что военное положение – это особый правовой режим, одной из мер которого является усиление охраны общественного порядка, направленное на предотвращение правонарушений и преступлений, обеспечение безопасности граждан, защиты критически важных объектов. Поэтому для реализации стоящих перед органами внутренних дел задач необходимы увеличение численности пеших и автопатрулей, а также стационарных постов, в том числе совместных с Росгвардией и Военной полицией, организация взаимодействия с населением как по информированию о мерах безопасности, так и по сбору информации от граждан о лицах и предметах, вызывающих оперативный интерес, и ряд других мер, в том числе ограничительных, связанных с выездом и въездом на территорию региона и введением комендантского часа.

Правоохранительные органы, впрочем, как и иные структуры и ведомства, столкнулись фактически с новыми, на практике ранее не встречавшимися условиями организации и ведения работы, поскольку никогда ранее нашим государством не проводилась СВО. В новейшей истории со времен Великой Отечественной войны ни наша страна, ни ее отдельные регионы не находились в условиях военного положения.

Само оперативно-розыскное производство в этой обстановке сопряжено как с объективными, так и субъективными факторами, определяющими его специфику: отсутствие надлежащих условия для соблюдения режима секретности и ведения соответствующего делопроизводства, географическая удаленность территориальных органов внутренних дел от центрального аппарата, угроза уничтожения оперативно-розыскных материалов и гибель сотрудников в условиях боестолкновений; дефицит кадров и недостаточная квалификация отдельных сотрудников, проблемы межведомственного взаимодействия при проведении совместных мероприятий, сложности в поиске источников оперативной информации и др.

В связи с этим оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) в условиях СВО носят более специфичный, скоординированный характер, чем в обычных условиях, требуют гибкости, высокого профессионализма, строгого соблюдения правовых норм, сопряжены с высоким риском для жизни и здоровья, что требует дополнительной подготовки. В условиях быстро меняющейся обстановки важно оперативно проводить первоначальные ОРМ (опрос свидетелей, сбор образцов, обследование мест происшествий), чтобы не потерять ценные сведения и улики.

Однако организация и проведение ОРМ в полном объеме согласно ст. 6 Федерального закона «Об оперативно розыскной деятельности» зависят от организации самой ОРД, которая основывается на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств, а также подлежит контро-

лю и надзору со стороны соответствующих органов. Также на эффективность ОРД влияет организация секретного делопроизводства в целом в органах внутренних дел и в сфере ОРД в частности. По ряду объективных и субъективных причин, указанная деятельность на территории новых регионов России была организована не сразу и носила разный временной характер для каждого из четырех регионов.

Безусловно, работа не стояла на месте, имеющийся инструментарий по добыванию и получению оперативно значимой информации применялся в полном объеме и повсеместно. Раскрытие и выявление преступлений к середине 2023 г. было организовано на достойном уровне, о чем свидетельствует статистика¹. Статистические данные по итогам 2023 г., 2024 г. и 2025 г. свидетельствуют о постоянной динамике в оздоровлении оперативной обстановки во всех новых регионах России, и это несмотря на близость боевых действий, постоянные обстрелы, постоянный риск для жизни и здоровья сотрудников органов внутренних дел.

Активность спецслужб противника по привлечению жителей России, в том числе жителей новых ее территорий, к подготовке и непосредственному совершению преступлений экстремистского, террористического и диверсионного характера была и остается на высоком уровне. Противник в постоянном режиме занимается обработкой населения путем запугивания или вброса недостоверной информации, что влияет на настроение граждан и общества в целом, может укреплять уверенность в недружественном настрое по отношению к органам правопорядка, непосредственно к полиции. Это создает условия, при которых возникают закономерные трудности для оперативных подразделений органов внутренних дел в получении информации о криминальных процессах, о лицах, предметах и обстоятельствах, которые могут вызывать оперативный интерес.

Важно также знать историю новых российских территорий, сложившиеся традиции, ментальность.

Нельзя не учитывать то обстоятельство, что жители ДНР и ЛНР практически восемь с половиной лет боролись за свою независимость, так как не поддержали переворот (майдан), сменивший нелегитимным, преступным путем правящую власть во главе с президентом В.Ф. Януковичем. За указанный период в борьбе за независимость погибли и были ранены тысячи людей, среди них дети. В республиках за отмеченный период сложились органы управления и силовые структуры, была сформирована и наработана практика обеспечения правопорядка, безусловно, это имеет свою специфику и особенности.

Жители Запорожской и Херсонской областей практически до весны 2022 г. подчинялись нелегитимным властям Украины и, соответственно, подвергались «выжиганию» всего русского, что могло связывать их с Россией.

Небольшая историческая справка: в 1950-х гг. были амнистированы более 150 тысяч так называемых «бандеровцев», около трети из них были принудительно расселены на территории Херсонской области. Кто-то со временем вернулся в западные регионы Украины, кто-то перевез родню, кто-то связал себя семейными узами с коренными жителями области.

Еще одна деталь: об имеющихся националистических настроениях в Херсонской области свидетельствовали и результаты парламентских выборов в 2014 г., то есть выборов после так называемого «майдана».

В ходе проведенного в сентябре 2022 г. референдума жители ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей подавляющим большинством голосов поддержали присоединение к Российской Федерации. Однако были и те, пусть и немногие, кто изъявил желание остаться в составе Украины, стать самостоятельным государством или затруднились ответить². Указанные три категории граждан маловероятно готовы и будут сотрудничать с властями России, и в частности с полицией.

Необходимо также учитывать специфику задач, решаемых оперативными подразделениями органов внутренних дел в условиях

1 В Херсонской области рассказали об улучшении раскрываемости преступлений // Новости на Вести.ru (11.01.2025). URL: <https://www.vesti.ru/article/4304555>.

2 Сведения получены непосредственно Э.М. Хавабу в ходе несения службы в Херсонской области.

СВО. К таковым следует отнести: обеспечение безопасности в прифронтовых и приграничных районах, усиление режимных мероприятий и контртеррористической защищенности объектов, противодействие экстремизму и разжиганию межнациональной розни, обеспечение правопорядка в местах массового прибывания граждан. Несмотря на близость линии боевого сопротивления, проведено достаточное количество общественно значимых мероприятий, которые посетили десятки тысяч граждан. При этом на постоянной основе проводится работа по раскрытию и выявлению преступлений уголовной направленности, преступлений в сфере экономики, преступлений террористического и диверсионного характера и иных преступлений.

Выполнение указанных задач выявило ряд проблем: некоторый языковой барьер, незнание требований российского законодательства, в том числе некоторой частью сотрудников, пришедших на службу из украинской полиции (Запорожская и Херсонская области) и подразделений милиции народных республик Донбасса, трудности в становлении судейского корпуса, органов прокуратуры, юстиции и адвокатуры, невладение прибывшими из других регионов сотрудниками оперативной обстановкой на территориях обслуживания.

Исходя из вышеперечисленных обстоятельств сложились и специфические для новых регионов России особенности проведения ОРМ.

В частности, опрос граждан, внутренний настрой которых изначально неизвестен, производится в психологически напряженной ситуации, что предполагает специальные приемы беседы с травмированными, напуганными или агрессивно настроенными лицами. Под специальными приемами подразумевается установление психологического контакта с опрашиваемым, вербальное общение должно сопровождаться невербальным. При этом оперативники должны обладать необходимым минимум знаний в области невербального общения, понимать, какую невербальную информацию может дать внешний облик опрашиваемого, телодвижения (жесты рук,

положение ног, положение корпуса тела) с учетом задаваемых оперативником вопросов. Также необходимо обращать внимание на наличие татуировок и желательно понимать их суть и смысл. Невербальную информацию может нести в себе и цветовая гамма в одежде и в жилом помещении опрашиваемого. Жилое помещение и дворовая территория также при грамотном и внимательном обследовании и наблюдении могут нести информацию, которую скрывает опрашиваемый, как правило, о присутствии в адресе других лиц.

Наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, отождествление личности связаны с опасностью и ограничениями зоны боевых действий, сложностями верификации документов и информации в обстановке разрушенных инфраструктур и отсутствия архивов, проблемами взаимодействия с официальными инстанциями на новых территориях.

При наблюдении и обследовании участков местности и помещений в условиях повышенной бдительности и контртеррористической деятельности существуют риски быть принятым за диверсанта, шпиона или лазутчика, а использование технических средств сопровождается подавлением сигналов и активной работой систем радиоэлектронной борьбы. Кроме того, необходима соответствующая окружающей обстановке адаптация методов пешего и автомобильного наблюдения.

Исследование предметов и документов в контексте фальсификаций и информационной войны предполагает выявление поддельных документов, удостоверяющих личность, связанных с мобилизацией, эвакуацией, статусом участника СВО и других. Затруднен анализ информации в социальных сетях и мессенджерах, насыщенных фейками и пропагандой.

Мероприятия, проводимые специальными подразделениями органов внутренних дел (оперативно-поисковыми и техническими), также зависят от временно-качественного становления самих этих подразделений.

Безусловно, СВО и военное положение являются специфичной отличительной особенностью проведения любых мероприятий в целом и ОРМ в частности. Существующие

нормативные модели, разработанные для мирного времени, нуждаются в переосмыслении с учетом факторов военной опасности, трансформации криминогенной обстановки,

специфики межведомственного взаимодействия, работы в прифронтовых зонах.

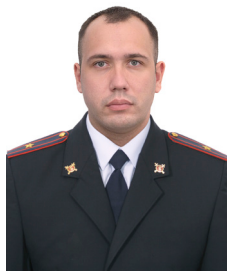
Библиографический список

1. Бабичев, Д.А. Прокурорский надзор за законностью оперативно-розыскных решений в условиях военного положения: анализ правоприменительной практики / Д.А. Бабичев // Юристъ-Правоведъ. – 2024. – N 1(108). – С. 68-72.
2. Винокуров, В.А. Военное положение, уровни реагирования, специальная военная операция: понятие и содержание / В.А. Винокуров // Право и государство: теория и практика. – 2023. – N 7(223). – С. 203-207.
3. Галимов, О.Х. К вопросу о понятии оперативно-розыскной деятельности / О.Х. Галимов // Научный компонент. – 2025. – N 2(26). – С. 36-44.
4. Кононов, А.М. Актуальные проблемы совершенствования правового регулирования деятельности органов, обеспечивающих общественный порядок, общественную безопасность и противодействие преступности в условиях военного положения / А.М. Кононов // Академическая мысль. – 2023. – N 2(23). – С. 93-97.
5. Маслов, А.А. Вопросы совершенствования правовой основы оперативно-розыскного обеспечения военного положения / А.А. Маслов // Научный портал МВД России. – 2024. – N 3(67). – С. 102-110.
6. Маслов, А.А. Понятие, цели и задачи оперативно-розыскного обеспечения правового режима военного положения / А.А. Маслов // Научный портал МВД России. – 2024. – N 1(65). – С. 104-113.
7. Семенчук, В.В. Проблемы правового регулирования оперативно-розыскного обеспечения безопасности Российской Федерации / В.В. Семенчук // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. – 2021. – N 4. – С. 1017-1033.
8. Советов, И.К. Правовой режим военного положения в системе обеспечения национальной безопасности России / И.К. Советов // Вестник Прикамского социального института. – 2022. – N 3(93). – С. 8-17.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА СОИСКАТЕЛЕЙ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ И ЗВАНИЙ

УДК 34.05

Александр Владимирович ГУРАЛОВ,

начальник курса факультета заочного обучения,
переподготовки и повышения квалификации
Сибирского юридического института МВД России
(г. Красноярск)

a.guralyov@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ В ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

FORMATION AND DEVELOPMENT OF CRIMINAL LEGISLATION ON LIABILITY FOR ILLICIT DRUG TRAFFICKING IN THE STATES OF CENTRAL AMERICA

В статье анализируется процесс становления и развития уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот наркотиков в Белизе, Гватемале, Гондурасе, Коста-Рике, Никарагуа, Панаме и Сальвадоре. Рассматриваются исторические, политические и международно-правовые предпосылки формирования антинаркотических правовых норм, начиная с доколониального периода. Отмечается влияние международных конвенций, рецепции европейских правовых моделей и особенностям национальных подходов к антинаркотическому нормотворчеству. Выделяются три основных этапа эволюции законодательства: традиционный, этап становления национальных юрисдикций и этап международной интеграции.

The article analyzes the process of formation and development of criminal legislation on liability for illicit drug trafficking in Belize, Guatemala, Honduras, Costa Rica, Nicaragua, Panama and El Salvador. It examines the historical, political, and international legal prerequisites for the development of anti-drug legal norms, starting from the pre-colonial period. Special attention is paid to the influence of international conventions, the reception of European legal models, and the specifics of national approaches to anti-drug norm-setting. Three main stages in the evolution of the legislation are identified: the traditional stage, the stage of national jurisdictions' formation, and the stage of international integration.

Ключевые слова: уголовное законодательство, незаконный оборот наркотиков, Центральная Америка, история права, сравнительное правоведение, уголовная ответственность.

Keywords: criminal legislation, illicit drug trafficking, Central America, legal history, comparative law, criminal liability.

Становление и развитие уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот наркотиков в государствах Центральной Америки представляет

собой сложный и многогранный процесс, обусловленный как внутренними, так и внешними факторами. Исследование этого процесса играет важную роль в понимании специфики

формирования правовых механизмов борьбы с наркопреступностью в условиях глобализации, а также для выявления универсальных и региональных тенденций, которые могут быть полезны для совершенствования антинаркотической политики законодательства России и государств центральноамериканского субрегиона.

Согласимся с мнением В.И. Лафитского о том, что «плодотворными компаративистские исследования могут стать только тогда, когда они не ограничиваются только юриспруденцией, но используют результаты исследований базовых наук – философии, истории, социологии, этнографии, а также родственных научных направлений – сравнительного религиоведения, сравнительной лингвистики, сравнительной политологии» [4, с. 96]. Так, изучение истории развития стран Центральной Америки с доколониальной эпохи до обретения суверенитета и глобализации дает исследователю возможность провести анализ и сопоставление законодательства во взаимосвязи с общественно-политическими и экономическими процессами, происходившими в определенный период.

Каждая национальная правовая система, по мнению А.Х. Саидова, является продуктом исторического развития конкретной страны и отражает особенности ее истории, экономики, политической системы, культурные и местные традиции, климатические и природные условия, стереотипы массового сознания населения, национальный менталитет народа [6, с. 419]. П.В. Тепляшин аргументированно пишет: «Зарубежный опыт является не только предметом компаративистского исследования, который имеет в этом случае в большей степени гносеологическое значение, но и его аксиологическое понимание позволяет обнаружить общемировые закономерности противодействия коррупции и выявить на этом фоне достоинства и возможные недостатки национальных особенностей моделей борьбы с общественно опасными деяниями» [8, с. 215].

Хронологию развития законодательства об ответственности за незаконный оборот наркотиков в государствах Центральной Америки можно разделить на 4 периода.

Доколониальный период (до середины XVI в.).

До прихода на территорию Центральной Америки испанцев на ней проживали представители цивилизации майя, чьи концепции государства и общества были подчинены религии – движущей силе развития социальной жизни коренных народов [13, с. 170]. Мексиканские исследователи отмечают, что законы Нецахуалькойотля, правителя города-государства Тескоко в Мексике доколумбовой эпохи, который обобщил древние обычаи, добавил новые положения и сформировал, по сути, гражданский и уголовный кодексы, настолько преуспели в формулировках и удобстве понимания для тех реалий, что другие нации заимствовали эти законы для своих народов [12]. В данном правовом памятнике упоминания о наркотиках отсутствуют, содержатся лишь нормы, связанные со злоупотреблением алкоголем. Между тем выращивание и использование листьев коки было распространено на территориях от Андского региона до Центральной Америки¹, а на территории современных Гватемалы и Мексики местное население употребляло галлюциногенные грибы [7, с. 139].

Верховный суд Республики Никарагуа, подтверждая, что законы Нецахуалькойотля действительно лежали в основе права коренных народов, отмечает, что принцип действительности права в то время исходил из божественной воли; закону следовало подчиняться, потому что он представлял волю богов. Существовал первосвященник, который руководил наказаниями и жертвоприношениями и представлял божественную волю на земле². Полагаем убедительной точку зрения О.А. Жидкова, согласно которой законы Нецахуалькойотля во многом представляли лишь запись обычного права [3, с. 29].

Доколониальный период характеризуется отсутствием каких-либо норм антинаркоти-

1 A Century of International Drug Control (UNODC). URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Studies/100_years_of_drug_control.pdf (дата обращения: 18.05.2026).

2 Corte Supremo de Justicia de Nicaragua. URL: <https://www.poderjudicial.gob.ni/pjupload/csj/pdf/epo01.pdf> (дата обращения 18.05.2026).

ческого характера, несмотря на имевшуюся практику потребления психоактивных веществ в обычаях и ритуалах.

С приходом на континент представителей Старого Света масштабы наркопотребления в Центральной Америке начали заметно увеличиваться.

Традиционный период (до начала XX в.).

В 1535 г. было создано вице-королевство Новая Испания, в состав которого вошли центральноамериканские территории. С приходом конкистадоров на эти земли пришла и испанская юрисдикция. Однако вплоть до провозглашения своего суверенитета 1 июля 1823 г. и образования Соединенных Провинций Центральной Америки занимаемые ею территории не привлекали внимания испанской колониальной империи ввиду отсутствия крупных запасов полезных ископаемых и богатых индейских государств типа ацтекской или инкской монархий [3, с. 37; 5, с. 5].

В связи с тем, что после установления в Америке нового социального и правового порядка колонизаторы столкнулись с устойчивостью некоторых традиционных институтов, они были вынуждены признать их и допустить их существование [3, с. 155]. В результате право Латинской Америки в целом и Центральной Америки в частности представляло собой сочетание обычного права индейских племен и континентальной системы права. В связи с этим небезосновательной является точка зрения Р. Давида, согласно которой латиноамериканское право, хотя и принадлежит по своей структуре и общим чертам к романо-германской правовой семье, заслуживает того, чтобы его ввиду некоторых особых черт классифицировать в рамках этой семьи как отдельную группу [2, с. 50].

В XVI в. в Латинской Америке наблюдались факты злоупотребления кокой среди священников и монахов, и в результате были приняты три указа короля Филиппа II, направленные против коки и расширения ее плантаций. Однако в 1573 г. данные указы отменяются. Как отмечает К.С. Тарасов [7, с. 78], в отношении порабощенных индейских масс кока выступила инструментом безжалостной

эксплуатации на рудниках, поскольку с кокой индейцы могли выполнять двойную работу и при этом не просили еды. На протяжении нескольких столетий происходила настоящая наркотизация порабощенного населения. Учитывая сверхприбыль, получаемую в данной отрасли, испанская метрополия явно не была заинтересована в сокращении оборота листьев коки.

В 1680 г. в Испании издается «Свод законов королевств Индии», который, по мнению В.А. Черняева, «был известным достижением юридической мысли и техники; его принятие несколько упорядочило испано-американскую правовую систему и заложило основу для ее дальнейшего развития» [9, с. 83]. Учитывая общий характер и крайне широкий охват общественных отношений данного документа, о наличии в нем норм антинаркотического характера говорить не приходится.

Отдельно от остальных стран Центральной Америки развивался Белиз – страна, граничащая на севере и северо-западе с Мексикой, на западе и юге – с Гватемалой. До середины XIX в. Белиз являлся частью Гватемалы, однако испанцы практически не занимались колонизацией этого почти безлюдного района и туда стали проникать англичане, в результате чего в 1840 г. Белиз стал именоваться Британским Гондурасом, а в 1862 г. официально объявлен британской колонией [1]. Как следствие, развитие и становление уголовного законодательства в Британском Гондурасе шло по иному пути: в 1765 г. контр-адмирал сэр Уильям Бернаби кодифицировал действовавшие на территории страны правовые нормы, ставшие известными как «Кодекс Бернаби», который состоял из статей и предписаний из разных отраслей права, в том числе и уголовного¹. В 1888 г. был принят новый уголовный кодекс, олицетворяющий полномасштабную инфильтрацию английского общего права в национальную правовую систему Белиза. Как отмечают А.Х. Саидов и В.И. Лафитский, в некоторых странах Британского Содружества, к коим относится Белиз, английское общее право образует фундамент правовой системы страны [4, с. 401; 6, с. 279].

1 National Assembly of Belize. History of the Legislature of Belize. URL: <https://www.nationalassembly.gov.bz/history-of-the-legislature-of-belize> (дата обращения: 18.05.2026).

Отдельно следует выделить и Панаму, которая при центральноамериканском «параде суверенитетов» 1821 г. вошла в состав Великой Колумбии Симона Боливара; после ее распада в 1830 г. стала департаментом Новой Гренады, с 1886 г. – Колумбии. Территория Колумбии, так же как и территории других стран Центральной Америки (за исключением Белиза), была подвержена масштабному влиянию со стороны испанской метрополии. Как отмечает Ф. Веласкес, обычное право коренных народов Колумбии было смешано с правом романо-германским. Так, в основе уголовных кодексов данного государства, принятых в 1837 г. и 1890 г., лежат уголовные кодексы Франции 1810 г. и Испании 1822 г. [11].

При анализе антинаркотического законодательства государств Центральной Америки до XX в. прослеживается фрагментарность нормативного правового регулирования данной отрасли. В орбите внимания законодателей находились общественные отношения, складывавшиеся по поводу санитарно-гигиенического порядка и оборота любых потенциально опасных веществ (ядовитых, сильнодействующих, токсических и др.), а проблема злоупотребления наркотиками не была широко распространена. Так, в уголовных кодексах Гондураса, Никарагуа, Коста-Рики и Сальвадора XIX в. имелись отдельные главы «Преступления против общественного здоровья», статьи которых предусматривали ответственность для лиц, которые, «не имея соответствующего разрешения, изготавливают вещества или продукты, вредные для здоровья, или распространяют их, если их изготовление или оборот запрещены». Примечательно, что диспозиции статей совпадают слово в слово, и связано это с тем, что за основу данных уголовных кодексов был взят Уголовный кодекс Чили 1874 г., для которого, в свою очередь, послужил фундаментом

Уголовный кодекс Испании 1848 г.¹ В связи с этим В.А. Черняев справедливо отмечает, что рецепция законодательства стран Западной Европы и Северной Америки оказала исключительно большое влияние на развитие законодательства латиноамериканских республик [9, с. 189-190].

Период становления национальных юрисдикций (до середины XX в.)

Первая мировая война привела к быстрому росту потребления наркотиков в нескольких странах. Некоторые ограничения на употребление алкоголя побудили людей перейти на кокаин и опиаты в качестве альтернативы, а страны Латинской Америки поставляли в Европу сырье для производства кокаина. Во многих странах недобросовестные врачи и фармацевты безнаказанно отпускали растущее количество веществ, вызывающих привыкание, а грузоотправители по-прежнему действовали без каких-либо ограничений на импорт или экспорт. Версальский мирный договор 1919 г. предписывал странам-подписантам соблюдать положения Гаагской конвенции 1912 г. В результате к данной конвенции присоединились 60 стран, среди которых были Российская Империя и Гондурас, ставший первой страной Центральной Америки, подписавшей Гаагскую опиумную конвенцию 1912 г., хоть и реальный эффект от этого был близок к нулю, так как основные страны-производители кокаина (Боливия, Перу) и опиума (Турция, Сербия) не участвовали в ней².

В тот же период в Уголовном кодексе Сальвадора (в редакции 1920 г.) появилась статья 269, предусматривавшая ответственность за незаконный отпуск фармацевтом медикаментов, в том числе прямо указанных опиума и морфина³. В Уголовном кодексе Панамы 1922 г. в главе «Преступления против общественного здоровья» имелась лишь одна статья (274), предусматривавшая ответственность

1 Centro de Documentación de Honduras. El nuevo Código Penal y la Situación Actual en Honduras. URL: <http://www.cedoh.org/resources/Boletines/Boletin-Cod-Penal.pdf> (дата обращения 19.05.2026).

2 A Century of International Drug Control (UNODC). URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Studies/100_years_of_drug_control.pdf (дата обращения 18.05.2026).

3 Código Penal de El Salvador, 1920. URL: <https://www.csj.gob.sv/lectura-juridico-educativa/> (дата обращения 18.05.2026).

за нарушение правил отпуска лекарственных препаратов¹. Аналогичная норма была и в Уголовном кодексе Коста-Рики 1924 г., статья 422 которого предусматривала уголовную ответственность за продажу или распространение вредных товаров (медикаментов опасных для здоровья)². За 20 лет Уголовный кодекс Коста-Рики 1941 г. не претерпел существенных изменений в части уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков; статья 329 данного закона предусматривала уголовную ответственность для лиц, уполномоченных на продажу медицинских препаратов, в случае если вид, качество, количество или пропорции данных препаратов не соответствовали выданному рецепту³.

На территории Британского Гондураса (Белиза) распространялось действие антинаркотических конвенций, государством-членом которых являлась Британская Империя. Более того, в адрес колонии направлялись обязательные к реализации законы об опасных наркотиках, а также изменения и дополнения к ним⁴.

Республика Гватемала 5 августа 1937 г. подписала Конвенцию по борьбе с незаконным оборотом опасных наркотиков 1936 г.⁵, к которой присоединились лишь 13 государств. Такое малое количество государств-участников может объясняться тем, что Конвенция впервые признавала конкретные действия с наркотиками преступными и призывала назначать за них наказание. Многие государства посчитали, что ратификация такого документа ущемит их суверенитет [10].

Этап становления национальных юрисдикций характеризуется постепенным включением в национальное законодательство отдельных составов преступлений, связанных с оборотом опасных веществ, под влиянием международных инициатив и внутренних

потребностей, однако системная антинаркотическая политика еще не сформирована. На данном этапе «выкристаллизовывались» предпосылки, которые в дальнейшем обусловили создание таргетированных антинаркотических норм. Регулирование оборота веществ, вызывающих привыкание, было фрагментарным и не носило характера целенаправленной антинаркотической политики. Законодательство ограничивалось сферой здравоохранения. Внимание законодателей было сосредоточено на санитарно-гигиеническом порядке и обороте ядовитых, сильнодействующих и токсических веществ, а не на наркотиках в современном понимании.

Период международной интеграции (с середины XX в. по настоящее время) связан с принятием антинаркотических конвенций 1961 г., 1971 г. и 1988 г. и большей вовлеченностью государств в совместное противодействие наркоугрозе. Принятие Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. стало мощным стимулом для унификации законодательства. В этот период центральноамериканские государства становятся активными участниками международного сотрудничества в борьбе с наркоугрозой, а их правовые системы интегрируются в глобальную систему контроля над наркотиками.

Как отмечает К.С. Тарасов, «в 70-80-х гг. XX в. произошли скачок в производстве кокаина в Латинской Америке и третий кокаиновый бум в США. Сбор кокаинового листа вырос до 300 тыс. тонн в 1990 г. по сравнению с 20 тыс. тонн в 1970 г.» [7, с. 37]. Центральноамериканские государства оказались вовлечены в транснациональную наркопреступность, служа транзитным путем между странами-производителями и страна-

1 Cydigo Penal de Panamá, 1922. Gaceta Oficial, Panamá, 8 de diciembre de 1922. URL: http://gacetas.procuraduria-admon.gob.pa/04049_1922.pdf (дата обращения: 18.05.2026).

2 Cydigo Penal de Costa Rica, 1924. Sistema Costarricense de Informaciyn Jurndica. URL: <https://pgrweb.go.cr/scij> (дата обращения: 18.05.2026).

3 Cydigo Penal de Costa Rica, 1941. Sistema Costarricense de Informaciyn Jurndica. URL: <https://pgrweb.go.cr/scij> (дата обращения: 15.05.2026).

4 British Honduras Statutory Rules and Orders N 30 of 1947. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1296300/files/e-nl-1949-25> (дата обращения: 16.05.2026).

5 Informe analítico sobre el problema de las drogas en Guatemala (versión preliminar). URL: https://www.academia.edu/8405062/Informe_analitico_sobre_el_problema_de_las_drogas_en_guatemala_versiyn_preliminar (дата обращения: 18.05.2026).

ми-потребителями. Причиной тому, по мнению гватемальских исследователей, послужили слабая институциональность, высокий уровень коррупции и нищеты в субрегионе¹.

Как следствие, страны Центральной Америки, реагируя на возникшие угрозы, активно разрабатывали отдельные антинаркотические законы либо расширяли перечни составов наркопреступлений, предусмотренные национальными уголовными кодексами.

Так, в Уголовном кодексе 1973 г. Гватемалы статьи 306-310 посвящены наркопреступлениям, а именно посеву и выращиванию наркосодержащих растений, незаконному обороту «наркотиков и наркотических средств» (ввоз на территорию страны, сбыт, хранение, перевозка и др.)². Термин «психотропное вещество» отсутствовал.

Уголовный кодекс Никарагуа 1974 г. предусматривал отдельную главу «Посев, выращивание и оборот наркосодержащих семян или растений» (статьи 338-345). Предметами содержащихся в рассматриваемой главе статей признавались марихуана и другие растения рода каннабис, опийный мак и его производные, а также иные, не указанные в главе наркотические средства. Заслуживают внимания некоторые нормы данного закона, например, статьей 341 УК Никарагуа 1974 г. предусматривалось значительное смягчение наказания в случае, если «можно ясно заключить, что наркотики предназначены исключительно для личного потребления». Еще одной прогрессивной для тех лет особенностью является индивидуализация уголовной ответственности в отношении лиц, находившихся в состоянии наркотического опьянения, и лиц, злоупотребляющих нарко-

тиками или наркозависимых, если это подтверждено (статья 342)³.

В 1978 г. в Гондурасе был издан «Закон против незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и других опасных наркотиков»⁴, который предусматривал уголовную ответственность (в качестве самостоятельного источника уголовного права) за целый ряд наркопреступлений. На смену упомянутому закону в 1989 г. принят «Закон о немедицинском потреблении и незаконном обороте наркотиков»⁵, принятие которого связано с Конвенцией о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. Отдельное внимание закон уделял противодействию легализации наркодоходов, профилактике наркомании и реабилитации наркозависимых.

В Белизе, обретшем независимость лишь в 1981 г., также издается Акт о ненадлежащем использовании наркотиков (принят в 1990 г.), в котором подробно изложены понятийный аппарат, перечень запрещенных действий и наказания, назначаемые за их совершение⁶. Одной из особенностей данного акта является наказание за незаконный оборот наркотиков, которое заключается в наложении штрафа в размере, трехкратно превышающем доказанную уличную стоимость изъятого подконтрольного наркотика.

Статьи 255-264 Уголовного кодекса Панамы 1982 г. содержали обширный перечень запрещенных альтернативных действий с наркотиками: ввоз наркотиков на территорию страны в целях дальнейшей отправки за границу либо сбыта на ее территории (ст. 255), изготовление или выращивание (ст. 257),

1 Centro de Estudios de Guatemala. Centroamérica: Narcotráfico vs. Institucionalidad. URL: <http://www.ceg.org.gt/images/documentos/publicaciones/canarcotrafico1.pdf> (дата обращения: 18.05.2026).

2 Código Penal de Guatemala, 1973. URL: <https://mcd.gob.gt/wp-content/uploads/2013/07/codigo-penal.pdf> (дата обращения: 17.05.2026).

3 La Gaceta, Diario Oficial N 96 del 03/05/1974. URL: <http://digesto.asamblea.gob.ni/consultas/utl/pdf.php?typ=e=rdd&download=false&rdd=mkFDiu2KM74%3D&#page=1> (дата обращения: 15.05.2026).

4 La Gaceta, Diario Oficial de la República de Honduras, 5 de abril de 1978, num. 22.465. URL: <https://docs.costarica.justia.com/federales/leyes/decreto-613.pdf> (дата обращения: 15.05.2026).

5 Decreto número 126-89, Ley sobre uso indebido y tráfico ilícito de drogas y sustancias psicótropas. URL: <https://www.tsc.gob.hn/web/leyes/Ley%20sobre%20uso%20indebido%20y%20Tráfico%20ilícito%20de%20Drogas%20y%20Sustancias%20Psicótropas.pdf> (дата обращения: 15.05.2026).

6 Misuse of Drugs Act, 1990. URL: https://www.unodc.org/cld/uploads/res/document/the-misuse-of-drugs-act-1990_html/The_Misuse_of_Drugs_Act_1990.pdf (дата обращения: 18.05.2026).

приобретение, сбыт или передача (ст. 258), отпуск фармацевтом без надлежащего рецепта (ст. 259), хранение (ст. 260), хранение в целях сбыта (ст. 261), создание или содержание помещения для потребления, изготовления, хранения, сбыта, поставки наркотиков (ст. 262)¹. Необходимо также отметить, что для определения предмета наркопреступления в кодексе имелась прямая отсылка на международные конвенции, ратифицированные Панамой.

В 1991 г. в Сальвадоре также принимается специальный Закон «О регулировании деятельности, связанной с наркотиками», который по своему содержанию схож с аналогичными антинаркотическими законами соседних стран². В 1994 г. в Никарагуа, как и в Гондурасе (в 1989 г.), принимается Закон «О наркотических средствах, психотропных и других контролируемых веществах» с аналогичным содержанием³.

Таким образом, эволюция уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот наркотиков в государствах Центральной Америки прошла путь от сочетания обычного права индейских племен и континентальной системы права (доколониальный этап), послужившего предвестником формирования фрагментарных норм, связанных с санитарно-гигиеническим контролем (традиционный этап), через формирование первых национальных составов преступлений в сфере оборота опасных веществ (этап

становления национальных юрисдикций), к системной криминализации наркопреступлений и интеграции в международную систему контроля над наркотиками (этап международной интеграции).

Ключевую роль в унификации антинаркотического законодательства государств Центральной Америки сыграли международные конвенции, в частности, Конвенция 1988 г., ставшая стимулом для принятия комплексных антинаркотических законов и расширения перечня уголовно наказуемых деяний. Антинаркотические уголовно-правовые нормы стран центральноамериканского субрегиона демонстрируют сочетание рецепции европейских моделей, учета местных традиций и адаптации к современным глобальным вызовам. Постоянная экспансия кокаина через государства Центральной Америки и схожие с Россией подходы к противодействию наркоугрозе обуславливают актуальность данной работы. Исследование механизмов становления и развития уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот наркотиков в государствах Центральной Америки позволяет выявить как универсальные, так и отличительные признаки антинаркотического законодательства в динамике, а их комплексное осмысление обогатит научное знание о предмете и может послужить средством совершенствования отечественной антинаркотической политики.

1 Ley N 18 del 22 de septiembre de 1982. URL: http://gacetas.procuraduria-admon.gob.pa/19667_1982.pdf (дата обращения: 15.05.2026).

2 Ley N 728 del 5 de marzo de 1991. URL: <https://www.jurisprudencia.gob.sv/DocumentosBoveda/D/2/1990-1999/1991/03/88A52.PDF> (дата обращения: 15.05.2026).

3 Ley N 177 del 27 de mayo de 1994, Ley de estupefacientes, sicotrópicos y otras sustancias controladas. URL: <http://legislacion.asamblea.gob.ni/normaweb.nsf/3133c0d121ea3897062568a1005e0f89/8ae27e6bfb80ae990625711d005d6c2b> (дата обращения: 16.05.2026).

Библиографический список

1. Горов, В.В. Маленькая страна огромной Америки / В.В. Горов // Латинская Америка. – 2010. – N 10. – С. 61-74.
2. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид ; пер. с фр. и вступ. ст. В.А. Туманова. – М.: Прогресс, 1988. – 496 с.
3. Жидков, О.А. История государства и права стран Латинской Америки : учебное пособие / О.А. Жидков. – М.: [б. и.], 1967. – 175 с.
4. Лафитский, В.И. Сравнительное правоведение в образах права. Т. 1 / В.И. Лафитский. – М.: Статут, 2010. – 432 с.
5. Леонов, Н.С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки / Н.С. Леонов. – М.: Мысль, 1975. – 325 с.
6. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение. Основные правовые системы современности / А.Х. Саидов. – М.: Юрист, 2003. – 443 с.
7. Тарасов, К.С. «Божий дар», ставший проклятием. История наркотиков и наркобизнеса в Латинской Америке / К.С. Тарасов. – М.: Изд-во РУДН, 2000. – 177 с.
8. Тепляшин, П.В. Наказания и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к осужденным за коррупционные преступления: отечественный и зарубежные тренды / П.В. Тепляшин // Актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере образования : сборник научных статей по материалам IV Сибирского антикоррупционного форума / отв. ред. И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. – Красноярск: СФУ, 2019. – С. 214-219.
9. Черняев, В.А. Развитие законодательных источников права в странах Латинской Америки: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В.А. Черняев. – М., 1973. – 203 с.
10. Bewley-Taylor, D. Cincuenta acos de la Convenciyn Ыnica de 1961 sobre Estupefacientes: una relectura crntica / D. Bewley-Taylor, M. Jelsma. – URL: <https://www.pensamientopenal.com.ar/system/files/2017/11/doctrina45947.pdf> (дата обращения 18.05.2026).
11. Fernando Velósquez Velósquez. El Derecho Penal Colombiano: Notas Generales. URL: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/5568233.pdf> (Дата обращения 18.05.2026).
12. Martha Gallegos Moreno. Legislaciyn en Ыроса Prehispбnica, Мйхico, 2021. URL: https://www.congresozae.gob.mx/coz/images/uploads/2021071221_3759.pdf (дата обращения 17.05.2026).
13. Sergio J. Cuarezma Terбn. Derecho Penal, Criminologна y Derecho Procesal Penal. – Managua, Nicaragua: Hispamer, 2000. – 660 p.

Василий Витальевич ЛЕБИН,
адвокат Московской коллегии адвокатов
«Адвопро»,
аспирант Московского государственного
юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
qwerty5l@mail.ru

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 125 УПК РФ КАК ГАРАНТИЯ ПРАВ ЛИЦ С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ СТАТУСОМ: ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ

JUDICIAL REVIEW UNDER ARTICLE 125 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A GUARANTEE OF THE RIGHTS OF PERSONS WITH AN UNDEFINED PROCEDURAL STATUS: PROBLEMS OF ACCESSIBILITY AND EFFECTIVENESS

Статья посвящена анализу проблем реализации права на судебный контроль в порядке статьи 125 УПК РФ лицами с неопределенным процессуальным статусом. На основе изучения правовых позиций Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ и кассационной практики 2020-2024 годов выявлено системное несоответствие между нормативным признанием права на обжалование и ограничительной практикой нижестоящих судов. Определены пять барьеров доступности и сформулированы предложения *de lege ferenda* по их преодолению.

The article is devoted to the analysis of the problems of exercising the right to judicial review under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by persons with an undefined procedural status. Based on the study of ratio decidendi of the Constitutional Court, the Plenum of the Supreme Court, and cassation practice of 2020–2024, a systemic discrepancy between the normative recognition of the right to appeal and the restrictive practice of lower courts is identified. Five barriers to accessibility are determined and proposals de lege ferenda for their elimination are formulated.

Ключевые слова: судебный контроль, статья 125 УПК РФ, иные лица, процессуальный статус, обжалование, досудебное производство, процессуальные гарантии.

Keywords: judicial review, Article 125 of the Criminal Procedure Code, other persons, procedural status, appeal, pre-trial proceedings, procedural guarantees.

Право на обжалование в порядке ст. 125 УПК РФ формально открыто не только для участников уголовного судопроизводства, но и для иных лиц, чьи интересы затрагиваются процессуальными действиями и решениями органов предварительного расследования. Вместе с тем на практике механизм реализации данного права оста-

ется недостаточно эффективным. Лица с неопределенным процессуальным статусом – заявители о преступлении, очевидцы, проверяемые в ходе доследственной проверки, собственники арестованного имущества – систематически сталкиваются с отказами нижестоящих судов, информационным дефицитом и процессуальной неопределенностью.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 г. по ст. 125 УПК РФ поступили около 135 500 жалоб, при этом доля удовлетворенных составила около 5%¹. Значительная часть жалоб – от 70% до 77% – прекращаются производством или возвращаются без рассмотрения по существу [1, с. 14-15]. Следует отметить, что количество обращений значительно возросло в 2024 г. (на 33,9% по сравнению с 2023 г.), что может свидетельствовать о повышении правовой активности граждан после расширения толкования ст. 125 УПК РФ Пленумом Верховного Суда РФ. Вместе с тем низкая результативность рассмотрения указывает на сохранение системных барьеров.

Имеется системное несоответствие между нормативным признанием права участников с неопределенным процессуальным статусом на обжалование, закрепленным в правовых позициях Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ, и правоприменительной практикой. Как справедливо отмечают В.Н. Григорьев, О.А. Зайцев и О.А. Максимов, ходатайствам и жалобам отводится место «градообразующего» элемента, определяющего сущность уголовного процесса, а неоптимальное построение института допускает возможность его игнорирования [1, с. 10, 15]. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что проблема доступности судебного контроля для лиц с неопределенным статусом выходит за пределы частного правоприменительного вопроса и приобретает системный характер.

Статья 123 УПК РФ устанавливает право обжалования для участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. Статья 125 УПК РФ развивает указанный механизм, предусматривая судебный порядок обжалования решений, действий и бездействия дозна-

вателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора. Пленум Верховного Суда РФ подтвердил недопустимость ограничения права на судебное обжалование решений и действий (бездействия), затрагивающих права и законные интересы граждан, лишь на том основании, что они не были признаны в установленном законом порядке участниками уголовного судопроизводства, поскольку обеспечение гарантируемых Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина должно вытекать из фактического положения этого лица, как нуждающегося в обеспечении соответствующего права².

Перечень участников согласно п. 5 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ является открытым: поручитель (ст. 103 УПК РФ), лицо, которому несовершеннолетний отдан под присмотр (ст. 105 УПК РФ), залогодатель (ст. 106 УПК РФ), заявитель, которому отказано в возбуждении уголовного дела (ч. 5 ст. 148 УПК РФ), лицо, чье имущество изъято в ходе обыска или выемки. Однако критерий допуска затрагивания интересов является оценочным, что порождает главную практическую проблему; так суды первой и апелляционной инстанций нередко отказывают лицам без процессуального статуса в принятии жалоб, самостоятельно и ограничительно толкуя данное понятие [4, с. 196].

Согласно позиции О.А. Максимова, сведение субъектного состава права на обжалование исключительно к лицам, наделенным процессуальным статусом, неприемлемо [8, с. 124]. Право на жалобу, по его утверждению, выводится не только из формального статуса, но и из положения лица в уголовном процессе [8, с. 450]. Определяя жалобу как обращение частных лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, предъявляющее требование об устранении нарушений прав и законных интересов [8, с. 21], О.А. Максимов акцентирует внимание на том, что рассмотрение жалобы означает реализа-

1 Снизилось общее число уголовных дел, поступающих в суды различных инстанций // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/snizilos-obshchee-chislo-ugolovnykh-del-postupayushchikh-v-sudy-razlichnykh-instantsiy/> (дата обращения: 02.04.2026).

2 О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 N 1 (ред. от 09.12.2025). Здесь и далее материалы судебной практики: СПС «КонсультантПлюс».

цию публичных полномочий государства по защите нарушенных прав [8, с. 374]. Тем самым институт жалобы приобретает значение не периферийного, а системообразующего элемента уголовного судопроизводства [1, с. 10], поскольку ходатайства и жалобы определяют форму процесса и являются ключевыми в построении уголовно-процессуальных отношений [8, с. 60, 167].

Важным является также анализ процессуального положения лица, в отношении которого проводится доследственная проверка. Введенная Федеральным законом от 4 марта 2013 г. N 23-ФЗ ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ закрепила минимальный набор прав для лиц, участвующих в процессуальных действиях при проверке сообщения о преступлении, к таким относятся право не свидетельствовать против себя, право пользоваться услугами адвоката, право приносить жалобы в порядке главы 16 УПК РФ. Вместе с тем, как обоснованно констатируют Ю.В. Деришев и Е.И. Земляничин, процессуальное положение данного лица остается нормативно недетализированным – в УПК РФ отсутствует норма, которая позволила бы с точностью определить перечень процессуальных возможностей данного лица, а права и обязанности фактически не предусмотрены в объеме, позволяющем обеспечить реализацию права на защиту [2, с. 97, 99]. В указанной норме отсутствуют право на уведомление о принятых процессуальных решениях и право на ознакомление с материалами проверки, без которых право на обжалование становится декларативным.

Особую категорию лиц с неопределенным процессуальным статусом выделяет В.С. Латыпов, относя к ним лиц, чей процессуальный статус не регламентирован действующим законодательством [6, с. 15, 18]. Данная категория раскрывается через описательные критерии: статус не регламентирован, лица не предусмотрены главой 8 УПК РФ [6, с. 88]. Указанная терминология может

быть распространена и на лиц, фактически вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства на досудебных стадиях, но лишенных процессуального статуса и связанных с ним гарантий.

Анализ решений кассационных судов общей юрисдикции за 2020-2024 гг. выявляет устойчивую тенденцию: кассационная инстанция систематически отменяет отказы нижестоящих судов в принятии жалоб от лиц с неопределенным процессуальным статусом, признавая такие отказы не основанными на законе. Рассмотрим характерные категории дел.

Первый кассационный суд общей юрисдикции в постановлении от 20 ноября 2024 г. N 77-4107/2024 отменил решение нижестоящего суда, не учитывавшего право заявителя на обжалование постановления об отказе в возбуждении уголовного дела; в постановлении от 21 августа 2024 г. N 77-3086/2024 тот же суд признал, что бездействие следователя, не предоставившего заявителю материалы проверки по ст. 144-145 УПК РФ, является предметом судебного контроля. В определении от 29 сентября 2020 г. N 77-1744/2020 кассация отменила решение нижестоящего суда, указав на право заявителя быть уведомленным о результатах проверки, на получение копии решения и обжалование¹.

Четвертый кассационный суд признал необоснованным отказ нижестоящих судов в принятии жалобы лица, не являвшегося участником уголовного дела, чьи личные вещи были изъяты при осмотре места происшествия и не возвращены². Шестой кассационный суд прямо указал: выводы нижестоящих судов о том, что собственник ружья, признанного вещественным доказательством, не является лицом, имеющим право обратиться с жалобой в порядке статьи 125 УПК РФ, ошибочны и ограничивают право на участие в досудебном производстве и доступ к правосудию³.

Пятый кассационный суд в постановлении от 16 июля 2024 г. N 77-878/2024 подтвердил право лица, в отношении которого выне-

1 О применении судами норм главы 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих обжалование : обзоры кассационной практики Федеральной палаты адвокатов (2022, 2024) // СПС «КонсультантПлюс».

2 Постановление Четвертый кассационный суд в от 04.06.2024 N 77-1433/2024.

3 Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2021 N 77-1007/2021.

сено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, на обжалование данного решения. Данная позиция имеет принципиальное значение, поскольку отказ в возбуждении дела по нереабилитирующим основаниям затрагивает конституционные права лица не менее существенно, чем возбуждение уголовного преследования¹.

Основания отказов нижестоящих судов, которые последовательно отвергаются кассацией: «заявитель не является лицом, чьи права и законные интересы затронуты»; «заявитель ни подозреваемым, ни обвиняемым не являлся»; «заявителем обжалуется ход расследования, который определяется следователем». Мониторинг практики судов Нижегородской области, проведенный Р.В. Ярцевым и О.А. Безруковым, подтверждает системность подобных дефектов: из 2117 судебно-контрольных материалов, рассмотренных апелляцией за период с января по сентябрь 2016 г., 36,9% составляли материалы по ст. 125 УПК РФ, при этом 31,2% решений были отменены, изменены или прекращены. В 21,3% случаев процессуальный статус заявителя не определялся судом первой инстанции [11, с. 66, 70]. Авторы прямо указали на недопустимость ограничения права на судебное обжалование лишь на том основании, что заявители не были признаны участниками уголовного судопроизводства [11, с. 70].

В качестве иллюстрации можно привести дело, рассмотренное президиумом Нижегородского областного суда 14 сентября 2016 г. (N 44У-108/2016): нижестоящие суды отказали адвокату в принятии жалобы на постановление о его замене, полагая, что данное решение не нарушает его прав; президиум указал, что решение затрагивает законные права и интересы адвоката и отказ в принятии жалобы нарушил право защитника

на доступ к правосудию [11, с. 69]. Данный пример подтверждает ограничительный подход к определению субъекта обжалования, характерный для судов первой инстанции.

Устойчивость кассационного исправления решений свидетельствует о наличии системной проблемы на уровне первой и апелляционной инстанций. Федеральная палата адвокатов опубликовала два обзора кассационной практики по ст. 125 УПК РФ за 2022 г. и 2024 г., систематизировавших указанные тенденции. Данное обстоятельство указывает на необходимость законодательного закрепления критериев допуска к обжалованию, которое позволило бы устранить различия в правоприменительной практике.

Конституционный Суд РФ сформировал последовательную и однозначную правовую позицию. Так, критерием допустимости обжалования является не процессуальный статус лица, а факт затрагивания его конституционных прав.

Фундаментальное значение имеет постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. N 5-П, в котором Суд признал неконституционными положения УПК РСФСР, исключавшие для заинтересованных лиц возможность судебного обжалования действий и решений органов предварительного расследования – если такие действия порождают последствия, выходящие за рамки собственно уголовно-процессуальных отношений, существенно ограничивая конституционные права и свободы личности, и могут причинить ущерб, возмещение которого в дальнейшем окажется несущественным². Ранее Конституционный Суд РФ признал право на обжалование постановления об отказе в возбуждении уголовного дела за любыми лицами, интересы которых затрагиваются, включая лиц, не являющихся заявителями³.

1 О применении судами норм главы 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих обжалование: обзоры кассационной практики Федеральной палаты адвокатов (2022, 2024).

2 По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырцкова, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком»: постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 N 5-П.

3 По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Костомукшского городского суда Республики Карелия: постановление Конституционного Суда РФ от 29.04.1998 N 13-П.

Особую линию Конституционный Суд РФ развил в сфере защиты имущественных прав, признав неконституционными нормы, не предусматривавшие эффективных средств защиты права собственности лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, на имущество которых наложен арест при установлении расследования¹. Постановление Конституционного Суда РФ 2014 г. потребовало обеспечить эффективный судебный контроль над сохранением режима ареста имущества, чтобы лица, не являющиеся участниками дела, не подвергались чрезмерному обременению вследствие неоправданно длительного применения данной меры². Результатом стало принятие Федерального закона от 29 июня 2015 г. N 190-ФЗ, введшего статью 115.1 УПК РФ о порядке продления ареста с участием заинтересованных лиц. Постановление Конституционного Суда РФ 2025 г. N 46-П продолжило указанную линию, вновь признав частично неконституционными нормы об аресте имущества третьих лиц³.

Так, определение Конституционного Суда РФ по жалобе А.А. Корягина закрепило, что заинтересованные лица вправе обжаловать действия и решения, когда последствия выходят за рамки процессуальных отношений и приводят к нарушениям конституционных прав, которые уже не могут

быть эффективно восстановлены в ходе последующего судебного контроля⁴. Определение Конституционного Суда РФ по жалобе Н.М. Луценко подтвердило право лица, чьи права затрагиваются постановлением об отказе в возбуждении дела, на ознакомление с материалами проверки⁵.

А.А. Зимасова обоснованно констатирует, что, несмотря на указанные позиции высших судебных инстанций, отсутствие четких критериев для определения приемлемости жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ фактически передает разрешение вопроса на усмотрение суд, а противоречивая практика и неоднозначные позиции еще больше усложняют процедуру судебного контроля [4, с. 196, 205]. Конституционный Суд РФ констатировал, что судебная практика по данному вопросу складывается противоречиво, в силу чего неопределенность ч. 1 ст. 125 УПК РФ стала предметом рассмотрения в порядке конституционного судопроизводства [цит. по: 4, с. 198]. Отдельного внимания заслуживает расхождение подходов; Пленум Верховного Суда РФ устанавливает общий запрет на обжалование отдельных категорий решений, тогда как Конституционный Суд РФ допускает исключения [4, с. 199-200].

Центральная практическая проблема для лиц с неопределенным процессуальным статусом состоит в невозможности обжаловать

1 По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой : постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 N 1-П.

2 По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена : постановление Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 N 25-П.

3 По делу о проверке конституционности абзаца пятого статьи 2, абзацев седьмого, девятого и десятого пункта 1 статьи 126, абзацев третьего и пятого пункта 2 статьи 213.11, абзаца четвертого пункта 5 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», пункта 7 части 1 статьи 47, части 4 статьи 69.1, частей 1 и 15 статьи 103 Федерального закона «Об исполнительном производстве», части третьей статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации, частей первой, третьей, седьмой и девятой статьи 115 и статьи 115.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, частей первой и второй статьи 31, частей второй и третьей статьи 32 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2025 N 46-П.

4 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корягина Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 24.05.2005 N 256-О.

5 По жалобе гражданина Луценко Николая Максимовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 113 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР : определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2000 N 191-О.

решение, о существовании которого лицо не знает. Так, ч. 4 ст. 146 УПК РФ обязывает уведомлять о возбуждении дела только заявителя и лицо, в отношении которого дело возбуждено. Часть 4 ст. 148 УПК РФ обязывает направлять копию постановления об отказе в возбуждении дела только заявителю и прокурору. Если заявителя и лица, в отношении которого возбуждено дело, нет, то на орган предварительного расследования не возлагается соответствующей обязанности уведомления.

Типичные ситуации информационного дефицита многообразны; по факту совершения преступления, когда фактические подозреваемые не получают уведомления; наложение ареста на имущество третьего лица, о котором собственник узнает лишь при попытке распоряжения; прекращение дела по нереабилитирующим основаниям без уведомления лица, в отношении которого велось преследование; отказ в возбуждении дела, о котором пострадавший, не являющийся заявителем, не информируется; включение в полном объеме результатов проверки в уголовное дело без уведомления лица, в отношении которого проверка проводилась.

Как обоснованно указывает И.В. Смолькова, на практике лицо, попавшее под подозрение, становится объектом процессуальных действий без разъяснения ему права на защиту [9, с. 76]. Даже когда дело возбуждено в отношении конкретного лица, оно может длительное время об этом не знать, что нарушает право защищаться, поскольку осуществление права на защитника связывается с моментом вручения копии постановления [9, с. 75]. Вместе с тем И.В. Смолькова подчеркивает, что подозрение является материальным основанием признания лица подозреваемым [9, с. 74], но юридический запуск статуса и гарантий связывает с формальным актом – возбуждением дела в отношении конкретного лица, с которого начинается уголовное преследование и закрепляет статус подозреваемого [9, с. 73]. Критика практики и акцент на уведомлении, содержащиеся в работе И.В. Смольковой, логически подводят к необходимости введения процессуального уведомления о начале преследования как способа преодоле-

ния информационного дефицита в условиях неопределенности правового положения.

Данная ситуация усугубляется для лиц, во все не наделенных процессуальным статусом; если даже подозреваемый может не знать о своем процессуальном положении, то для лиц с неопределенным процессуальным статусом отсутствие надлежащего уведомления и доступа к информации является правилом, а не исключением. Системное противоречие состоит в следующем: ст. 123 УПК РФ декларирует право иных лиц на обжалование, но механизм информирования этих лиц о принятых решениях в законе отсутствует. Право носит декларативный характер, без процессуальных гарантий его реализации.

Важной особенностью ст. 125 УПК РФ является отсутствие пресекающего срока обжалования. В научной литературе констатируется, что уголовно-процессуальный закон не установил каких-либо сроков для подачи заинтересованными лицами жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя [3, с. 286]. Однако на практике суды могут отказывать в рассмотрении жалоб, ссылаясь на утрату актуальности предмета обжалования, что создает дополнительную неопределенность. Как указывает И.Р. Дочия, возможность обжаловать появляется в момент получения уведомления, и именно с ней следует связывать начало исчисления срока на обжалование [3, с. 289]. Данное предложение развивает позицию Н.Н. Ковтуна и Р.В. Ярцева о необходимости дифференциации сроков обжалования в зависимости от предмета жалобы [3, с. 286].

Возникает системное противоречие: ст. 123 УПК РФ декларирует право иных лиц на обжалование, но механизм информирования этих лиц о принятых решениях в законе отсутствует. Право закреплено, однако механизм реализации не обеспечен, отсутствуют процессуальные гарантии его реализации, что приводит к ситуации, при которой институт реализуется преимущественно лицами, имеющими доступ к информации и юридической помощи.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ устанавливает, что жалоба может быть подана в суд на основании ст. 125 УПК

РФ и одновременно прокурору на основании ст. 124 УПК РФ¹. Предварительное обращение к прокурору не является обязательным условием подачи жалобы в суд, что закрепляет принципиальную позицию, исключающую ступенчатую модель обжалования.

Прокурорский надзор обладает рядом сравнительных преимуществ: более оперативное рассмотрение – в среднем три дня, в исключительных случаях до десяти дней, против четырнадцати суток в суде, полномочия по отмене решений следователя (дознателя), что обеспечивает более высокую удовлетворимость обращений [10, с. 4]. Вместе с тем прокурорский надзор выявляет несколько проблем: прокурор обладает полномочиями по отмене решений дознателя, что обеспечивает оперативность, но не обладает аналогичными полномочиями в отношении следователя, что ограничивает эффективность механизма [10]. Судебный контроль обладает преимуществами состязательности и независимости, суд, в отличие от прокурора, не связан ведомственными интересами и не несет ответственности за раскрытие преступлений [5].

Для лиц с неопределенным статусом выбор между данными механизмами осложнен тем, что обращение в суд требует обоснования затрагивания интересов, что для лица без процессуального статуса может быть сложнее доказать. Прокурорский надзор, менее формализованный, оказывается более доступным, но менее гарантирующим. Сравнительная статистика обращений к прокурору и в суд подтверждает указанную закономерность. По данным М.И. Щеглова, в 2023 г. в органы прокуратуры поступили 250180 жалоб по вопросам досудебного производства, в суды – 102 950 (соотношение примерно 2,4:1) [10, с. 4]. Прокурорский механизм остается в 2-2,5 раза более востребованным, что объяснимо его большей доступностью и меньшей формализованностью, но ставит вопрос об эффективности судебного контроля как самостоятельной гарантии.

По мнению М.И. Щеглова, целесообразно ввести последовательную систему: про-

верка руководителем следственного органа, затем прокурором и лишь после этого – судебный контроль [10, с. 11–12, 21]. Вместе с тем указанная модель, обоснованная целью разгрузки судов и упорядочения процедуры, не учитывает специфику иных лиц, упомянутых в законе, обязательный предварительный этап создает дополнительный барьер для лиц с неопределенным процессуальным статусом, которые и так лишены полноценного доступа к информации о ходе расследования. Конструкция гарантий в указанной модели ориентирована на классических участников, тогда как для лиц с неопределенным процессуальным статусом каждый дополнительный этап увеличивает риск утраты актуальности предмета обжалования.

Научная литература фиксирует несколько ключевых проблемных блоков, непосредственно связанных с темой исследования. Н.Н. Ковтуном развивается концепция судебного контроля по ст. 125 УПК РФ как правовосстановительного, диспозитивного механизма [5]. Диспозитивность данного механизма означает его зависимость от инициативы заявителя, что для лица без процессуального статуса, не осведомленного о нарушении своих прав, лишает институт практической действенности. В мониторинге практики 2017 г. выявлена типичная ошибка — неправильное определение правового статуса субъекта обжалования как одна из наиболее распространенных [11].

На основе проведенного анализа доктринальных позиций, правоприменительной практики и выявленных системных проблем представляется обоснованным сформулировать следующие выводы.

Во-первых, необходимо законодательное закрепление обязанности уведомления всех лиц, чьи права затрагиваются процессуальными решениями, с расширением ст. 145 и 146 УПК РФ. Существующий порядок уведомления охватывает лишь заявителя и лицо, в отношении которого возбуждено дело, оставляя значительный круг лиц с неопределенным процессуальным статусом в информационной изоляции.

¹ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02. 2009 N 1 (ред. от 09.12.2025).

Во-вторых, представляется необходимым введение акта процессуального уведомления о начале уголовного преследования с момента осуществления фактических действий по изобличению лица. Как убедительно показывает И.В. Смолькова, практика изобличения без статуса – когда в отношении лица проводятся процессуальные действия без разъяснения права на защиту – порождает процессуальную пустоту [9, с. 73, 76]. Введение указанного акта позволит преодолеть несоответствие между фактическим и юридическим началом преследования. Ю.В. Деришевым и Е.И. Земляничиным предложено распространить статус подозреваемого на стадию возбуждения уголовного дела, определяя момент начала подозрения как осуществление фактических действий, направленных на изобличение лица [2, с. 100].

В-третьих, необходима законодательная регламентация формы и содержания жалобы по ст. 125 УПК РФ, исключающая произвольные отказы в принятии. Как подчеркивает С.С. Лукьянов на практике суды принимают процессуальные решения об отказе в принятии, прекращении производства, возвращении жалобы, однако эти виды решений не закреплены в УПК РФ [7, с. 170]. Критерии допуска к обжалованию формируются на основе разъяснений и практики, что порождает различные подходы в правоприменении. При этом, как отмечает С.С. Лукьянов, суд по ст. 125 УПК РФ не должен ограничиваться формальной проверкой, а обязан проверять и фактическую обоснованность обжалуемого решения [7, с. 31]. Закрепление оснований отказа в принятии жалобы в виде исчерпывающего перечня создаст условия для единообразного правоприменения.

В-четвертых, следует установить дифференцированные сроки обжалования с обязательной привязкой начала течения срока к моменту фактического уведомления лица. Так, И.Р. Дочия предлагает вариант нормы, согласно которой жалоба может быть подана в течение пяти дней с момента получения уведомления и получения копий процессуальных документов [3, с. 289]. Для мер принуждения, затрагивающих свободу и имущество, срок должен быть сокращенным, для

иных решений – общим, но не превышающим разумных пределов.

Проведенный анализ позволяет выявить пять взаимосвязанных системных проблем, обуславливающих дефицит правовой защищенности лиц с неопределенным процессуальным статусом при реализации права на судебный контроль в порядке ст. 125 УПК РФ.

Первая проблема носит нормативно-интерпретационный характер и состоит в оценочности критерия затрагивания интересов, выступающего условием допуска к обжалованию. Отсутствие законодательно закрепленных параметров данного критерия провоцирует ограничительное толкование судами первой и апелляционной инстанций, что подтверждается устойчивой кассационной практикой отмены таких решений. Вторая проблема обусловлена информационным дефицитом; действующий уголовно-процессуальный закон не возлагает на органы предварительного расследования обязанности уведомлять лиц с неопределенным процессуальным статусом о принятых процессуальных решениях, что делает право на обжалование фактически нереализуемым. Третья проблема связана с нормативной неурегулированностью процессуального положения лица на стадии доследственной проверки; так, лицо, фактически подвергаемое уголовному преследованию, лишено базовых процессуальных гарантий, включая право на уведомление и право на защиту. Четвертая проблема выражается в низкой результативности судебного контроля: при доле удовлетворенных жалоб около 5% и прекращении производства по 70-77% обращений институт приобретает признаки формального, а не реально действующего правозащитного механизма. Пятая проблема заключается в отсутствии нормативных ориентиров, определяющих выбор между прокурорским надзором и судебным контролем как альтернативными средствами правовой защиты на досудебных стадиях.

Выявленный разрыв между нормативно-интерпретационными позициями высших судебных инстанций и правоприменительной практикой нижестоящих судов свидетельствует о том, что проблема доступности судебного контроля для лиц с неопределенным

процессуальным статусом не может быть преодолена исключительно средствами судебного толкования и требует закрепления механизма уведомления, регламентацию кри-

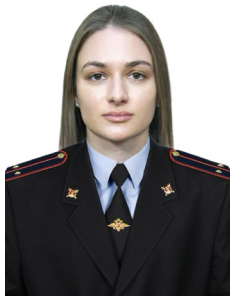
териев допуска к обжалованию и установление дифференцированных сроков, привязанных к моменту фактического уведомления лица.

Библиографический список

1. Григорьев, В.Н. Ходатайства и жалобы как «градообразующий» элемент сущности уголовного процесса / В.Н. Григорьев, О.А. Зайцев, О.А. Максимов // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – N 1(71). – С. 10-16.
2. Деришев, Ю.В. Процессуальное положение лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении / Ю.В. Деришев, Е.И. Земляничин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – N 3 (29). – С. 95-100.
3. Дочия, И.Р. Сроки обжалования постановлений о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в порядке ст. 125 УПК РФ / И.Р. Дочия // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – N 2. – С. 286-288.
4. Зимасова, А.А. Рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц в порядке статьи 125 УПК РФ / А.А. Зимасова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – N 4. – С. 196-208.
5. Ковтун, Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России : дис. ... докт. юрид. наук / Н. Н. Ковтун. – Нижний Новгород, 2002. – 474 с.
6. Латыпов, В.С. Содействие отправлению правосудия в уголовном процессе России: концептуальные и нормативно-правовые основы : дис. ... докт. юрид. наук: 5.1.4 / В.С. Латыпов. – Уфа, 2023. – 507 с.
7. Лукьянов, С.С. Компетенция суда при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук / С.С. Лукьянов. – СПб., 2025. – 396 с.
8. Максимов, О.А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства : дис. ... докт. юрид. наук / О.А. Максимов. – Ульяновск, 2022. – 595 с.
9. Смолькова, И.В. Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица как основание его признания подозреваемым / И.В. Смолькова // Lex russica. – 2021. – Т. 74. – N 4. – С. 71-78.
10. Щеглов, М.И. Соотношение прокурорского надзора и судебного контроля на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.И. Щеглов. – М., 2024. – 22 с.
11. Ярцев, Р.В. Жалобы в порядке статьи 125 УПК РФ: ошибки судов и злоупотребление правом / Р.В. Ярцев, О.А. Безруков // Уголовный процесс. – 2017. – N 6. – С. 66-74.

УДК 343.851

Екатерина Романовна СИМОНЧУК,

адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургского университета
МВД России

mac7sim7@mail.ru

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРОБАЦИИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ИСПРАВЛЕНИЕ», «РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ»
И «КОРРЕКЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ»**

**THEORETICAL LAW BASIS AND LEGAL NATURE OF PROBATION
IN THE RUSSIAN FEDERATION: CORRELATION OF THE CONCEPTS
OF «CORRECTION», «RESOCIALIZATION»
AND «CORRECTION OF SOCIAL BEHAVIOR»**

В статье проведен анализ нормативных правовых актов, составляющих правовую основу probation в Российской Федерации. Определены некоторые вопросы, не получившие в настоящее время законодательного регулирования, в числе которых право амнистированных на постпенитенциарную probation, определение правового статуса центров probation, необходимость осуществления контроля за лицами, в отношении которых применяется probation. Сделан вывод о рамочном характере Федерального закона «О probation в Российской Федерации». Автором предпринята попытка разграничения терминов, определяющих цели уголовно-исполнительного законодательства, применения наказания и реализации мер probation: раскрыто содержание понятий «исправление», «ресоциализация» и «коррекция социального поведения». Исходя из проведенного исследования правовой природы probation предлагается вариант определения данного понятия с учетом положений отечественного законодательства.

The article analyzes the regulatory legal acts that form the legal basis for probation in the Russian Federation. Some issues that have not currently received legislative regulation have been identified, including the right of amnestied persons to post-penitentiary probation, the determination of the legal status of probation centers, and the need to monitor persons against whom probation is applied. A conclusion about the framework nature of the Federal Law «On Probation in the Russian Federation» was made. The author attempts to distinguish between terms that define the goals of penal legislation, the application of punishment and the implementation of probation measures; and to determine the content of the concepts of «correction», «resocialization» and «correction of social behavior». Based on the study of the legal nature of probation, a variant of the definition of this concept is suggested, taking into account the provisions of domestic legislation.

Ключевые слова: probation, исправление, ресоциализация, коррекция социального поведения, предупреждение преступлений, уголовно-исполнительная политика.

Keywords: probation, correction, resocialization, correction of social behavior, prevention of crimes, criminal executive policy.

Основополагающим нормативным правовым актом, обеспечивающим упорядочение общественных отношений в сфере пробации, в отечественной системе законодательства является Конституция РФ, провозглашающая в качестве высшей ценности в стране человека, его права и свободы. Статья 7 закрепляет за Россией статус социального государства, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Несмотря на наличие конфликтной ситуации и очевидных противоречий между государством и лицом, преступившим закон, в отношении последнего не может применяться наказание, связанное с причинением ему физических или нравственных страданий (ч. 2 ст. 21 Конституции РФ). Пенитенциарная политика Российской Федерации не преследует карательных целей, напротив, государство при реализации уголовно-исполнительной политики стремится к исправлению преступников и недопущению совершения ими рецидивных преступлений.

Однако при содержательном анализе профильных нормативных правовых актов – УИК РФ, УК РФ и Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» – обнаруживается расхождение в целях уголовно-исполнительного законодательства, целях применения наказания и целях реализации пробационных мер. Так, общей для пробации (ст. 4 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»), применения наказания (ст. 43 УК РФ) и уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1 УИК РФ) является лишь цель предупреждения совершения новых преступлений, при этом для пробации это индивидуальная профилактика – предупреждение совершения новых преступлений лицами, в отношении которых применяется пробация. Исправление осужденных является целью наказания и уголовно-исполнительного законодательства, а в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации» термин «исправление» фигурирует лишь один раз в определении содержания «пенитенциарной пробации». Специфической же целью пробационной деятельности является

«коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация» (ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»).

Указанное терминологическое несовпадение целей применения наказания и реализации пробации как основных видов деятельности, определяющих во многом содержание уголовно-исполнительной политики, актуализирует теоретико-правовой вопрос о соотношении понятий «исправление», «ресоциализация» и «коррекция социального поведения».

Термин «исправление» определен законодателем в ст. 9 УИК РФ как «формирование у них [осужденных – прим. авт.] уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения». Из данного определения можно выделить два аспекта, характеризующих «исправленность» осужденного: 1) его перевоспитание, предполагающее усвоение новых для индивида ценностей и норм поведения, а также сопутствующий отказ от прежних личностных установок, что с точки зрения социологии может быть определено как «ресоциализация» («ресоциализация – вид личностного изменения, при котором зрелый индивид принимает тип поведения, отличный от принятого прежде» [2, с. 692]); 2) недопущение совершения им новых преступлений.

В юридической литературе встречаются подходы, акцентирующие внимание на первом из названных аспектов – нравственном исправлении осужденного. Так, А.А. Пионтковский под исправлением понимал «переделку сознания человека, его мировоззрения, его привычек и навыков» [5, с. 45], М.Д. Шаргородский – изменение мотивов поведения лица и возникновение новых внутренних систем условий [15, с. 38], И.С. Ной – «переделку личности осужденного, при которой нового преступления он не совершит не из страха перед наказанием, а потому, что это оказалось бы в противоречии с его новыми взглядами и убеждениями» [7, с. 114], Ф.Р. Сундуков – «особый педагогиче-

ский процесс, предполагающий разрушение у осужденных негативных, антиобщественных свойств и проявлений и формирование у них социально полезных качеств» [12, с. 15.]. Бесспорным является суждение О.В. Стрильца о том, что «процесс изменения нравственных ориентиров не бывает быстрым и легким» [11, с. 43], что требует от уполномоченных субъектов терпения и индивидуализации проводимых мероприятий. Ключевую роль в данном случае будут играть психолого-педагогические методы работы, предполагающие воздействие на ценностно-смысловую сферу личности.

Однако отметим, что цель исправления заключается прежде всего в формировании законопослушного гражданина, а не в простом привитии высоких морально-нравственных качеств личности. Ведущая задача – воспитание у осужденного уважительного отношения к праву, что проявляется в воздержании от нарушения впоследствии норм законодательства. Таким образом, более корректным нам представляется двойственный подход к правовой категории «исправление», предполагающий как нравственное, так и юридическое исправление личности.

Временные рамки исправления не ограничиваются периодом нахождения лица в учреждениях уголовно-исполнительной системы. После освобождения процесс изменения нравственных установок личности продолжается, иными становятся интенсивность и субъекты осуществления психологического воздействия. «Исправление будет считаться законченным, если новый способ поведения укрепит настолько, что станет естественным» [8, с. 53]. Добавим, что завершение исправления может быть установлено лишь по достижении целей данной деятельности, а в настоящий момент общепринятых критериев, свидетельствующих об исправлении лица, как и универсальной методологии оценки данного показателя, не разработано. Возможные варианты высказываются как представителями юридической науки, так и психологами – вопрос вызывает исследовательский интерес у представителей различных сфер, но на законодательном уровне их предложения пока не получили закрепления.

Из УИК РФ в качестве критериев исправления можно выделить обстоятельства, учитываемые при изменении вида исправительного учреждения, корректировке условий содержания, расширении прав или наложении ограничений в соответствии с мерами поощрения и взыскания [14, с. 55]: отношение к режиму, труду, обучению, восприятие наказания, оценка совершенного преступления и иные аспекты. Однако они в полной мере не раскрывают степень исправления лица, поскольку образцовое поведение в период отбывания наказания не гарантирует законопослушного поведения лица при возвращении его в социум, что актуализирует вопрос последующей его ресоциализации.

В юридической литературе нет единства в вопросе определения соотношения «ресоциализации» и «исправления»: данные понятия рассматриваются как часть и целое (В.Е. Южанин), как процесс и результат (М.С. Рыбак) или как самостоятельные этапы реализации уголовной ответственности (Н.А. Стручков) – «отсутствует концептуальная ясность в понимании этих процессов» [1, с. 217]. Опираясь на законодательное определение «ресоциализации», содержащееся в Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (ст. 25) и Федеральном законе «О пробации» (п. 5 ч. 1 ст. 5), отметим тесную взаимосвязь, содержательное сходство, но не идентичность рассматриваемых явлений.

Различие заключается прежде всего в целевом аспекте. Являясь средствами достижения глобальной цели в виде предупреждения рецидивной преступности, исправление и ресоциализация преследуют различные промежуточные цели: для исправления – это формирование устойчивых внутренних установок личности, определяющих уважительное отношение осужденного к закону и не позволяющих ему впоследствии пренебрегать нормами права. Ресоциализация ориентирована на приобретение ценностей, обеспечивающих эффективность преимущественно внешнего взаимодействия осужденного с социумом, – на «реинтеграцию в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся

иным мерам уголовно-правового характера» (ст. 25 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»).

Из этого следуют различия в мерах, предпринимаемых в рамках исправления и ресоциализации. Для оказания влияния на внутреннюю мотивационно-волевую сферу личности используются средства педагогического характера: режим, общественно полезный труд, воспитательная работа, образование и обучение, общественное воздействие (ч. 2 ст. 9 УИК РФ). В целях реинтеграции осужденного в социум и изменения проявлений его поведения вовне могут также применяться меры социально-экономического и правового характера (например, содействие в решении вопросов бытового и трудового устройства, получении документов, оказание юридической помощи и др.), не предполагающие изменение нравственных установок личности, но способствующие более комфортному возвращению лица в общество.

С точки зрения временного аспекта ресоциализация не следует за исправлением, как может показаться на первый взгляд, и начинается она не в момент приспособления осужденного к жизни в обществе после освобождения. «В более узком смысле ресоциализация предполагает усвоение индивидом ценностей и норм, радикально отличающихся от освоенных ранее. Такой ресоциализации предшествует разрушение ранее принятых ценностей и моделей поведения личности» [3, с. 297-298]. По этой причине отправной точкой ресоциализации является поступление лица, преступившего закон, в поле зрения правоохранительных органов. Каждый последующий этап взаимодействия с уполномоченными субъектами будет направлен на формирование у данного лица устойчивого стремления к удовлетворению личных потребностей строго в рамках закона. «Особое значение приобретает этот процесс при поступлении осужденного в исправительное учреждение» [11, с. 45].

Процесс социализации начинается в момент рождения человека и продолжается всю его жизнь. По этой причине установить момент окончания ресоциализации («повторной

социализации») независимо от того, принудительная она или добровольная, также не представляется возможным. В случае с ресоциализацией осужденного показателем того, что человек приобщился к чуждым для него ранее нормам и ценностям социума, может выступать законопослушный образ жизни и отсутствие преступных и антиобщественных действий с его стороны.

Отметим, что реализация процессов исправления и ресоциализации не является исключительным правом и обязанностью государственных органов и должностных лиц – в данной работе возможно и необходимо активное участие общественности. Помимо непосредственного воздействия на осужденного, важно распространять среди населения идею терпимости и толерантности по отношению к лицам, освободившимся из мест лишения свободы, для снижения уровня стигматизации бывших заключенных.

Термин «коррекция социального поведения» в отечественном законодательстве встречается лишь в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации», но содержание его ни в тексте данного документа, ни в иных нормативных правовых актах не раскрывается. «Коррекция» (от лат. correctio – «исправление») обозначает прежде всего процесс изменения, приведения чего-либо к требуемому состоянию. В социологии термин «социальное поведение» понимается «как активная форма преобразования социальной среды, как осознанное мотивированное действие индивидов или социальных групп, возникающее для удовлетворения определенных потребностей и достижения поставленной цели» [6, с. 23]. Следовательно, изменению в рамках деятельности уполномоченных субъектов в данном случае будут подвергаться не только действия лица, но и его внутренние мотивы и ценности, определяющие выбор средств удовлетворения потребностей и достижения целей. Таким образом, по содержанию и целевому аспектам термин «коррекция социального поведения» близок к «ресоциализации», однако по форме обозначаемых явлений имеется расхождение: первым из названных именуют процесс изменений, вторым – как процесс изменений и

комплекс осуществляемых мер, так и результат трансформации личности.

Описанная проблема множественности сходных терминов встречается не только в уголовно-исполнительном законодательстве. Предпринимаемые представителями научного сообщества попытки разграничить понятия «исправление», «ресоциализация» и «коррекция социального поведения» лишь увеличивают количество подходов к раскрытию содержания данных правовых категорий, что, в свою очередь, может негативно сказаться на правоприменительной практике. «При рассмотрении различных аспектов ресоциализации осужденных установлена ее ненадлежащая теоретическая разработанность» [10, с. 434], что применимо и к двум другим названным понятиям.

Качество нормативных правовых актов определяется в том числе однозначностью содержащихся в них формулировок, не допускающих свободные интерпретации. Принцип правовой определенности является одним из важнейших в юридической технике, а в данном случае обнаруживается «неконкретизация понятийно-терминологического аппарата» [4, с. 34], используемого законодателем для раскрытия целей применения наказания и реализации пробационных мероприятий. Для преодоления выявленных противоречий и повышения эффективности probation, как отмечают П.В. Тепляшин и А.С. Сергиенко, необходимо закрепление на уровне подзаконного (ведомственного) нормотворчества рабочего определения коррекции социального поведения применительно к задачам probation [13, с. 99].

Определяя далее правовую основу probation, отметим, что вопросы организации трудовой деятельности, получения профессионального образования осужденными в период отбывания наказания, а также воспитательная работа с ними, то есть средства исправления (ч. 2 ст. 9 УИК РФ) и значимые составляющие пенитенциарной probation, регламентируются в УИК РФ и ведомственных приказах (приказ Минюста России от 29 ноября 2023 г. N 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применя-

ется probation в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. N 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации»)). Федеральный закон «О probation в Российской Федерации» содержит лишь бланкетную норму (ч. 2 ст. 14), отсылающую к названным нормативным правовым актам. Аналогичным образом в профильном законе сформулированы положения, связанные с социальным обслуживанием граждан (п. 3 ч. 1 ст. 8), с организацией занятости лиц после освобождения (п. 1 ч. 1 ст. 9), с оказанием юридической (ч. 4 ст. 23) и медицинской (ч. 1 ст. 26) помощи в рамках постпенитенциарной probation. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о рамочном межотраслевом характере Федерального закона «О probation в Российской Федерации».

Кроме того, сохраняются вопросы, которые не получили ответа в профильном законодательстве, например, право амнистированных на постпенитенциарную probation, соотношение пробационных мер и надзора за условно-досрочно освобожденными в связи с закреплением в УИК РФ в феврале 2026 г. права ФСИН России на осуществление надзора за данной категорией лиц (отметим, что передача данных полномочий от МВД России во ФСИН России произошла еще в 2021 г., но в УИК РФ соответствующие изменения внесены не были), определение правового статуса центров probation (несмотря на наличие соответствующего ведомственного акта – приказ Минюста России от 16 сентября 2024 г. N 278 «Об утверждении Правил организации деятельности центров probation» – вопрос остается открытым), необходимость осуществления контроля за лицами, в отношении которых применяется probation, и другие.

Правовая природа института probation в Российской Федерации отлична от имеющегося зарубежного опыта. В большинстве стран постсоветского пространства probation представляет собой институт реализации альтернативных мер наказания (не связанных с лишением свободы) и (или) осуществления пробационного контроля. В Кыргызстане и Армении на службу probation также возложены медиативные функции, чего в отечественном законодательстве не предусмотрено.

Пробация в нашей стране акцентирует внимание на оказании всесторонней помощи оказавшимся в трудной жизненной ситуации лицам, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лицам, освобожденным из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы. При этом контрольные полномочия субъектов probation в законодательстве не закреплены, за исключением возможности вынесения уголовно-исполнительной инспекцией предупреждения в случае невыполнения (уклонения от выполнения) мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой (п. 6 ч. 1 ст. 28 Федерального закона «О probation в Российской Федерации»). Отсутствие правового регулирования порядка осуществления probationного контроля превращает работу по коррекции социального поведения данной категории лиц в своеобразную гуманитарную помощь. В случае односторонней поддержки государства без возможности сопутствующего контроля поведения лиц, в отношении которых применяется probation, и надзора за соблюдением ими установленных ограничений достижение целей probationной деятельности представляется затруднительным.

В соответствии с положениями Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (ст. 17, 20), лицам, в отношении которых применяются меры индивидуальной профилактики правонарушений, может объявляться официальное предостережение (предостережение) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения. «В связи с этим вызывает интерес сравнительный анализ правовой природы, оснований применения ответственности за неисполнение указанной меры профилактического воздействия с предупреждением, выносимым уголовно-исполнительной инспекцией, в случае невыполнения (уклонения от выполнения) мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой лицом, к которому применяется probation» [9, с. 187].

По методу правового регулирования probation относится к императивно-диспозитивным, то есть имеющим двойственную природу, правовым институтам. Императивный характер probationных отношений определяется прежде всего субъектным составом: ведущая роль при реализации мер probation принадлежит органам государственной власти и государственным учреждениям (п. 1-4 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «О probation в Российской Федерации»). Коммерческие и некоммерческие организации, общественные объединения, организации, осуществляющие образовательную деятельность, научные, медицинские организации, индивидуальные предприниматели, общественные наблюдательные комиссии, а также граждане не только могут привлекаться к участию в probationных мероприятиях. О наличии диспозитивных начал говорит добровольность применения probation (п. 7 ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О probation в Российской Федерации»).

По характеру содержащихся правовых норм преобладают регулятивные, устанавливающие права и обязанности участников probationных отношений. При этом в Федеральном законе «О probation в Российской Федерации» встречаются учредительные (например, ст. 27 «Центры probation», ст. 34 «Единый реестр лиц, в отношении которых применяется probation» и др.) и охранительные нормы (например, ч. 1 ст. 4 – цель probation в виде предупреждения совершения повторных преступлений лицами, в отношении которых применяется probation).

Поскольку probation определена законодателем как «совокупность мер», направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации (п. 1 ч. 1 ст. 5 Федерального закона «О probation в Российской Федерации»), а в последующих правовых нормах раскрывается процедура применения данных мер, по предмету правового регулирования можем

обозначить институт пробации как процессуально-процедурный.

На основе проведенного анализа правовой природы и содержания института пробации, а также нормативных правовых актов, регулирующих пробационные отношения в Российской Федерации, с учетом выявленных юридической наукой пробелов и несовершенств действующих законодательных формулировок, допустимо предложить следующее определение: «пробация – это система видов деятельности уполномоченных субъектов и индивидуально определяемых мер социально-правового характера, направленных на коррекцию социального поведения лиц, категории которых определены настоящим законом, в целях предупреждения совершения ими новых преступлений».

В отличие от определения пробации, содержащегося в п. 1 ч. 1 ст. 5 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации», предложенный вариант:

- обозначает пробацию не как простую совокупность мер, а как систему взаимосвязанных элементов, что подчеркивает уровень взаимодействия субъектов пробации при разработке индивидуальных программ;

- предполагает не только меры воздействия, но и деятельность различных участников пробационных отношений, что подчеркивает многосубъектность пробации;

- содержит характеристику пробационных мер как «индивидуально определяемых», что раскрывает один из важнейших принципов пробации – «учет индивидуальных особенностей, обстоятельств и потребностей» (п. 5 ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»);

- использует обобщающую ко всему множеству проводимых мероприятий (по трудовому, жилищно-бытовому устройству, содействию в реализации образовательных программ, по оказанию медицинской, психолого-педагогической и правовой помощи) формулировку – «социально-правовой характер» мер;

- определяет направленность проводимой работы на «коррекцию социального поведения», что согласуется с закрепленной в настоящий момент целью пробации и является, по нашему мнению, наиболее подходящим

вариантом из всей совокупности существующих ныне законодательных формулировок («исправление», «ресоциализация» и др.)

- не допускает сложность законодательной конструкции в виде перечисления всех лиц, в отношении которых может применяться пробация, и описания необходимых для этого условий, взамен – отсылает к иным положениям закона («лиц, категории которых определены настоящим законом»);

- акцентирует внимание на глобальной цели реализации пробационных мероприятий в виде «предупреждения совершения новых преступлений».

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» носит рамочный межотраслевой характер, что требует дальнейшей законодательной конкретики в части закрепления права амнистированных на постпенитенциарную пробацию, определения правового статуса центров пробации и механизма контроля за лицами, в отношении которых применяются пробационные мероприятия. Целевой аппарат уголовно-исполнительного законодательства (исправление), применения наказания и реализации пробации (ресоциализация, коррекция социального поведения) терминологически не унифицирован, хотя общей для всех институтов остается цель предупреждения преступлений. Соотношение понятий может быть определено следующим образом: исправление – формирование устойчивых внутренних установок на законопослушное поведение; ресоциализация – восстановление социальных связей и реинтеграция в общество; коррекция социального поведения – изменение внешних поведенческих проявлений и внутренних мотивов личности. С учетом выявленных пробелов обоснована целесообразность законодательного закрепления определения пробации как системы видов деятельности уполномоченных субъектов и индивидуально определяемых мер социально-правового характера, направленных на коррекцию социального поведения лиц, категории которых определены законом, в целях предупреждения совершения ими новых преступлений.

Библиографический список

1. Адоевская, О.А. Исправление и ресоциализация: к вопросу о концептуальной ясности / О.А. Адоевская // Уголовно-исполнительное право. – 2024. – Т. 19. – N 2. – С. 217-228.
2. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.
3. Ковалева, А.И. Ресоциализация / А.И. Ковалева, Н.А. Перинская // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – N 1. – С. 297-300.
4. Котоманова, С.С. Несовершенство юридической техники и правовая определенность в практике конституционного правосудия / С.С. Котоманова // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2025. – N 2. – С. 32-42.
5. Курс советского уголовного права. Часть общая: в 6 т. Т. 3: Наказание / ред. кол.: А.А. Пионтковский и др. – М.: Наука, 1970. – 350 с.
6. Митрюшин, С.А. Понятие «Социальное поведение» в социологической науке / С.А. Митрюшин // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2008. – N 1. – С. 21-24.
7. Ной, И.С. Сущность и функции уголовного наказания в Советском государстве: политико-юридическое исследование / И.С. Ной. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1973. – 193 с.
8. Ресоциализация и пробация в уголовно-исполнительных системах союзных государств России и Беларуси : учебное пособие / С.М. Казакевич, Н.В. Кийко, В.С. Шабаль и др. – Рязань: ИП Коняхин А.В., 2025. – 192 с.
9. Скиба, А.П. Направления развития Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» с учетом принятия Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» / А.П. Скиба // Уголовно-исполнительное право. – 2024. – Т. 19. – N 2. – С. 181-191.
10. Скиба, А.П. Ресоциализация осужденных: некоторые теоретико-правовые аспекты / А.П. Скиба // Уголовно-исполнительное право. – 2023. – Т. 18. – N 4. – С. 434-445.
11. Стрилец, О.В. Соотношение понятий «исправление», «ресоциализация» и «пробация» в правовой доктрине / О.В. Стрилец // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2025. – N 2 (73). – С. 42-49.
12. Сундуров, Ф.Р. Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителя / Ф.Р. Сундуров. – Казань: Издательство Казанского университета, 1976. – 144 с.
13. Тепляшин, П.В. Коррекция социального поведения как одна из целей пробации: научно-теоретическая интерпретация и практические вопросы / П.В. Тепляшин, А.С. Сергиенко // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. – 2026. – N 1 (60). – С. 93-101.
14. Чопик, О.А. Критерии и степени исправления, их влияние на воспитательную работу с осужденными / О.А. Чопик, Г.Е. Шibaева // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2024. – N 4 (28). – С. 50-56.
15. Шаргородский, М.Д. Наказание, его цели и эффективность / М.Д. Шаргородский. – Л.: ЛГУ, 1973. – 160 с.

Требования к статьям

1. К опубликованию в журнале принимаются оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи при условии их соответствия следующим требованиям:

- текст научной статьи содержит проблему, имеющую научное либо научно-практическое значение, а также ее научно обоснованное решение;
- в работе имеется не менее семи сносок на научные источники, не менее четырех из которых – сноски на научные статьи в журналах, включенных в базу данных РИНЦ;
- научные статьи по антинаркотической тематике подготовлены с учетом позиции и статистических данных субъектов государственной антинаркотической деятельности.

2. Статья предоставляется в редакцию журнала в печатном виде с приложением электронной версии, соответствующей бумажному варианту. Электронный вариант статьи может быть предоставлен на носителе либо вложением в электронное письмо.

3. Вместе со статьей автор предоставляет заполненный и подписанный лицензионный договор (бланк договора доступен на сайте института).

4. К статье прилагается заключение комиссии об отсутствии сведений ограниченного распространения.

5. Для адъюнкта (аспиранта) прилагается отзыв научного руководителя.

6. Статья обязательно сопровождается письмом, в котором указываются контактные данные авторов (адрес, телефоны, адрес электронной почты).

7. К письму отдельным файлом прикладывается фотография автора в цифровом варианте в формате *.jpg, *.jpeg, *.tif, *.tiff с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

8. Элементы издательского оформления материалов включают:

- сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках, ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), наименование страны (для иностранных авторов);
- заглавие публикуемого материала на русском и английском языках;
- код УДК (универсальной десятичной классификации);
- аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках. Аннотация должна соответствовать ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214-76) (в среднем 500 знаков);
- пристатейный библиографический список, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.0.100 – 2018 (в алфавитном порядке), количество наименований литературы не должно превышать 25.

9. Технические требования:

- текстовый редактор Microsoft Word (*.doc, docx*);
- параметры страницы: размер бумаги – А4 (21,0х29,7 см), поля – 2,00 см, расстояние до колонтитула – 1,25 см;
- шрифт Times New Roman, обычный, кегль 14 пунктов;
- абзацный отступ – 1,25 см, выравнивание по ширине (не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел!»), межстрочный интервал полуторный;
- объем статьи 12-20 страниц;
- сноски на литературу оформляются отсылками к пристатейному библиографическому списку (в квадратных скобках);
- графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические иллюстрации должны быть выполнены с использованием штриховой заливки, пронумерованы и представлены отдельными файлами в формате *.tif, *.tiff, *.jpeg, *.jpg в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм); подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект;
- файл именуется по фамилии автора (авторов): «Иванов.doc»; графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т.п.: «Рисунок 1.jpg», «Таблица 3.doc».

10. Не допускаются:

- многочисленные ссылки на работы, опубликованные в «Вестнике Сибирского юридического института МВД России»;
- более одной ссылки на собственные публикации автора;
- опубликование работ одного автора в двух номерах журнала подряд.

К опубликованию не принимаются работы, подготовленные единолично курсантами, студентами, слушателями.

Вопрос об опубликовании научной статьи, подготовленной курсантом (студентом, слушателем) в соавторстве, а также работы, не соответствующей одному или нескольким вышеуказанным требованиям, может быть решен редакционной коллегией журнала в индивидуальном порядке.

Ждем Ваши материалы по адресу:
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20
E-mail: onrio@yandex.ru
Телефоны: (391) 222-41-30, 222-41-31

**Вестник
Сибирского юридического института
МВД России**
Научно-практический журнал

Редакционная коллегия:

главный редактор, он же председатель редакционной коллегии – Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель главного редактора, он же ответственный за выпуск – Цуканов Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России по научной работе (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Леонтьева Юлия Вадимовна (Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск);

члены редакционной коллегии:

Будникова Анастасия Борисовна, кандидат юридических наук (г. Красноярск);

Галимова Марина Александровна, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Галимов Олег Хамитович, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Зорина Виктория Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент (г. Красноярск);

Жильцов Андрей Владимирович, кандидат юридических наук (г. Красноярск);

Иванов Андрей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент (г. Красноярск);

Калугин Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Кондратьев Максим Валерьевич, кандидат юридических наук (г. Красноярск);

Космодемьянская Елена Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Куприянчик Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент (г. Красноярск);

Куцкель Максим Вячеславович, кандидат юридических наук (г. Красноярск);

Мальков Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Мельников Евгений Борисович, кандидат химических наук, доцент (г. Красноярск);

Моляров Евгений Александрович, кандидат юридических наук (г. Красноярск);

Невирко Дмитрий Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Судницын Алексей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, профессор (г. Красноярск);

Токманцев Денис Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Шашин Даниил Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Омск);

Шинкевич Владимир Ефимович, доктор социологических наук, доцент (г. Красноярск);

Шинкевич Дмитрий Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск).

План-график выпуска
учебных и научных изданий N 3
**Vestnik
of Siberian Law Institute
of the MIA of Russia**
Scientific and practical journal

Editorial Board:

the editor-in-chief, he is also the chairman of the editorial board – Kim Dmitry Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk);

deputy Editor-in-Chief, he is also responsible for the issue – Tsukanov Nikolay Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work) (Krasnoyarsk);

Executive Secretary – Leontieva Yulia Vadimovna (Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk);

Editorial Board Members:

Budnikova Anastasia Borisovna, Candidate of Law, (Krasnoyarsk);

Galimova Marina Alexandrovna, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Galimov Oleg Khamitovich, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Zorina Victoria Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Zhiltsov Andrey Vladimirovich, Candidate of Law (Krasnoyarsk);

Ivanov Andrey Yuryevich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Kalugin Alexey Gennadievich, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Kondratiev Maxim Valerievich, Candidate of Law (Krasnoyarsk);

Kosmodemyanskaya Elena Evgenyevna, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Kupriyanchik Tatyana Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Kutskel Maxim Vyacheslavovich, Candidate of Law, (Krasnoyarsk);

Malkov Sergey Mikhailovich, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Melnikov Evgeny Borisovich, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Molyarov Evgeny Alexandrovich, Candidate of Law (Krasnoyarsk);

Nevirko Dmitry Dmitrievich, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Sudnitsyn Alexey Borisovich, Candidate of Law, Associate Professor (St. Petersburg);

Teplyashin Pavel Vladimirovich, Doctor of Law, Professor (Krasnoyarsk);

Tokmantsev Denis Valeryevich, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk);

Shashin Daniil Georgievich, Candidate of Law, Associate Professor (Omsk);

Shinkevich Vladimir Efimovich, Doctor of Sociology, Associate Professor (Krasnoyarsk).

Dmitry Valerievich Shinkevich, Candidate of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk).

Подготовлено к изданию Ю.В. Леонтьевой, В.Е. Рыбиным